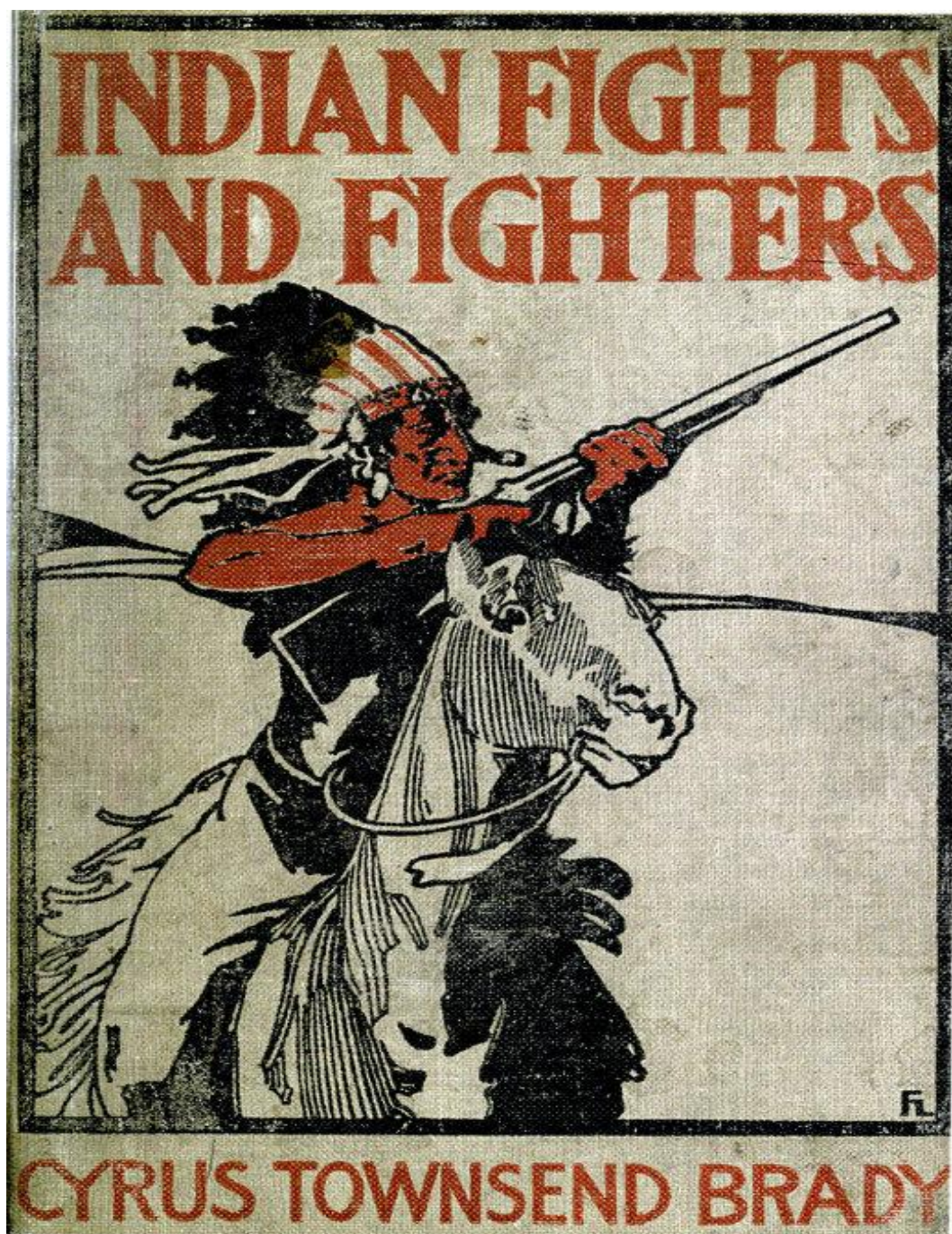

Индейские сражения и воины

Сайрус Таунсенд Брэди

Содержание

[Индийские сражения и воины СОЛДАТ И СИУ](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[РИСУНКИ](#)

[ФОТОГРАФИИ](#)

[КАРТЫ И ПЛАНЫ](#)

[БИБЛИОГРАФИЯ](#)

[Часть I Защита границы](#)

[ГЛАВА ПЕРВАЯ Экспедиция на реку Паудер](#)

[I. Поле боя и бойцы](#)

[II. Романтическая экспедиция генерала Кэррингтона](#)

[III. Аванпост цивилизации](#)

[ГЛАВА ВТОРАЯ Трагедия форта Фил Керни](#)

[I. Как начались боевые действия](#)

[II. Уничтожение отряда Феттермана](#)

[III. Суровое решение Кэррингтона](#)

[IV. Награда храброму солдату](#)

[ГЛАВА ТРЕТЬЯ Тридцать два против трех тысяч](#)

[I. Импровизированный загон на острове Пайни](#)

[II. Дикая атака сиу](#)

[III. Боевое крещение Красного Облака](#)

[IV. После битвы. Рассказ разведчика](#)

[Примечание](#)

[ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Личные воспоминания о форте Фил Керни и сражении у Вагон-Бокс](#)

[ГЛАВА ПЯТАЯ Форсайт и «грубые всадники» 1868 года](#)

[I. Первые «грубые всадники».](#)

[II. Остров смерти](#)

[III. Атака пятисот](#)

[IV. Осада острова](#)

[ГЛАВА ШЕСТАЯ Путешествие разведчиков и спасение Форсайта](#)

[I. Приключения разведчиков](#)

[II. Спасение Форсайта](#)

[III. Конец Романа Ноуза](#)

[IV. Несколько слов о людях Форсайта](#)

[ГЛАВА СЕДЬМАЯ Рассказ разведчика о защите острова Бичера](#)

[ГЛАВА ВОСЬМАЯ Карпентер и его «брюнетки»\[39\]. Сражение на Бивер-Крик](#)

[ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Дальнейшее обсуждение дела Бивер-Крик](#)

[I. Отчет генерала Карра](#)

[II. Ответ генерала Карпентера](#)

[ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Битва при Вашита](#)

[I. Кастер и знаменитая Седьмая кавалерия](#)

[II. Поход в метель](#)

[III. Тропа в снегу](#)

[IV. Утреннее нападение](#)

[V. Судьба Эллиотта и его людей](#)

[ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Карр и Талл Булл в Саммит-Спрингс](#)

[I. Блестящая маленькая битва](#)

[II. Отчет о сражении в Саммит-Спрингс](#)

[Часть II Война с су](#)

[ГЛАВА ПЕРВАЯ С наступлением Крука](#)

[I. Причина боевых действий](#)

[II. Неудачная попытка Рейнольдса](#)

[III. Поход к реке Тонг](#)

[IV. Летучая колонна](#)

[V. Битва при Роузбад](#)

[VI. Продвижение Миллса по каньону](#)

[ГЛАВА ВТОРАЯ Бывший солдат Таун о сражении при Роузбаде](#)

[ГЛАВА ТРЕТЬЯ Жалоба Рейн-ин-зе-Фейс](#)

[I. Экспедиция в Йеллоустоун 1873 года](#)

[II. Пленение Дождя-в-лице](#)

[ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Кампания в Литл-Бигхорн](#)

[I. Кастер теряет командование](#)

[II. Выполнил ли Кастер приказ?](#)

[III. Экспедиция Кастера](#)

[ГЛАВА ПЯТАЯ Последний день Кастера](#)

[I. Неудача Рено в битве при Литл-Бигхорн](#)

[II. С батальоном Бентена](#)

[III. Битва на утесах](#)

[IV. Последний день Кастера](#)

[V. После битвы](#)

[ГЛАВА ШЕСТАЯ Один из последних, кто видел Кастера живым](#)

[ГЛАВА СЕДЬМАЯ Личная история Дождя-в-лице](#)

[ГЛАВА ВОСЬМАЯ Два интересных случая](#)

[I. Сражение на Военном Бонете](#)

[II. Разведчик Сибли](#)

[ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Первый успех](#)

[I. Крук и Миллс в Слим-Бутс](#)

[II. Смерть Американской Лошади](#)

[ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Решающий удар](#)

[I. Зимняя битва Маккензи](#)

[II. Страдания шайенов](#)

[ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Великая кампания Майлза](#)

[I. Майлз и его пехотная кавалерия наносят поражение Сидящему Быку](#)

[II. Сокрушительное поражение Майлзом Сумасшедшего Коня у Волчьей горы](#)

[III. Захват деревни Хромого Оленя](#)

[IV. Прощание с великим вождем и его надеждами](#)

[ЗАМЕТКИ О СРАЖЕНИИ С ХРОМЫМ ОЛЕНЕМ](#)

[ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Зачем они там Набросок генерала Гая В. Генри, типичного американского солдата](#)

[I. Жестокая война](#)

[II. Марш в метель](#)

[III. Ужасный опыт](#)

[IV. Жена военного](#)

[V. Буйволы и их знаменитый поход](#)

[ПРИЛОЖЕНИЯ](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ А. Дальнейшее обсуждение действий генерала Кастера в кампании при Литл-Бигхорн\[112\].](#)

[I.](#)

[II.](#)

[III.](#)

[IV.](#)

[V.](#)

VI.

ПРИЛОЖЕНИЕ В Дополнительная информация о поведении майора Рено

Почему погиб генерал Кастер

II.

УКАЗАТЕЛЬ

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга проекта Гутенберга Индейские сражения и воины

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Индейские сражения и воины

Автор: Сайрус Таунсенд Брэди

Дата выпуска: 6 августа 2017 г. [электронная книга № 55275]
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: английский

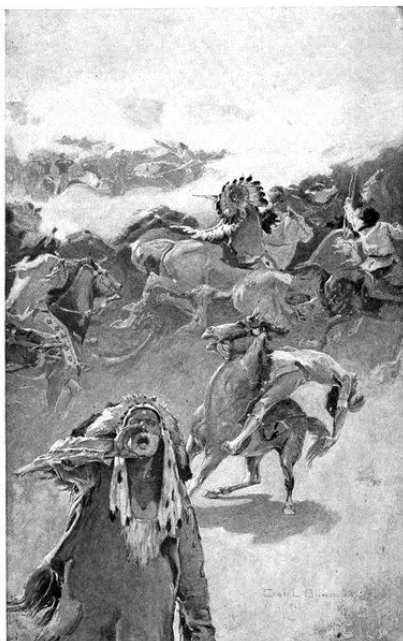
Благодарности: Произведено Ричардом Тонсингом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИНДЕЙСКИЕ БОИ И БОЙЦЫ:
СОЛДАТ И СИУ» ***

Примечание транскрибатора:

Изображение на обложке было создано транскриптором и находится в общественном достоянии.

Индейские сражения и бойцы

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КУСТЕРОВ

Рисунок Э. Л. Blumenшайна

СЕРИЯ «АМЕРИКАНСКИЕ СРАЖЕНИЯ И СТРЕЛЬЦЫ»

Индейские сражения и бойцы

СОЛДАТ И СИУ

АВТОР: САЙРУС ТАУНСЕНД БРЭДИ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Автор книг «Колониальные», «Пограничные» и «Революционные» сражения и бойцы

Иллюстрировано оригинальными рисунками Ремингтона, Шрейвогеля, Blumenшайна, Кроуфорда, Элвелла, Деминга и Зогбаума

С картами, фотографиями и набросками из жизни из оригинальных источников, многие из которых публикуются впервые

НЬЮ-ЙОРК

THE McCLURE COMPANY

MCMVIII

Авторские права, 1904, принадлежат

McCLURE, PHILLIPS & CO.

Опубликовано в декабре 1904 г., N

Второе издание.

Авторское право, 1904 г., принадлежит The Pearson Publishing Company

Этому выдающемуся и полезному ЦЕРКОВНОМУ ДЕЯТЕЛЮ И ГРАЖДАНИНУ, ОЗИ УИЛЬЯМУ
УИТЕЙКЕРУ, доктору богословия, доктору права, епископу Пенсильвании, которого я
восхищаюсь как *СВЯЩЕННИКА*, уважаю как *ЧЕЛОВЕКА* и люблю как *ДРУГА*, я посвящаю эту
историю Запада, которому он так хорошо служил.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написание истории требует трех операций: (I) сбор фактов; (II) классификация и систематизация фактов; (III) представление и обсуждение фактов. Я собрал факты, связанные с этой книгой, из всех доступных мне источников. Эти источники можно разделить на две группы: (1) опубликованные и (2) неопубликованные материалы. Опубликованные материалы включают (а) официальные записи; (б) книги и (в) журнальные или другие эфемерические статьи. Неопубликованные материалы включают (а) письма и (б) устные сообщения.

Я использовал все эти источники информации при сборе фактов. Список некоторых из проконсультированных печатных источников приводится после этого предисловия. Кроме того, я хотел бы выразить признательность за письменные сообщения следующих офицеров американской армии, все из которых в настоящее время находятся в отставке, за исключением полковников Годфри и Брейнарда и капитана Ливермора: генерал-лейтенант Нельсон А. Майлз; генерал-майор Роберт П. Хьюз; бригадные генералы Генри Б. Каррингтон, Джордж А. Форсайт, Луис Х. Карпентер, Ансон Миллс, Чарльз А. Вудрафф и Тео. Ф. Роденбоу; полковник Эдвард Э. С. Годфри, командующий 9-й кавалерийской дивизией; полковник Дэвид Л. Брейnard, комиссар по продовольствию; подполковник Сэмюэл М. Хортон; капитаны Генри Р. Лемли, Фрэнсис М. Гибсон, Натан С. Джарвис, Джордж Э. Алби и Р. Л. Ливермор, 10-я кавалерийская дивизия; а также следующие гражданские лица: президент Э. Бенджамин Эндрюс; доктора Т. Э. Ортэл и Д. Д. Томпсон; господа У. Кент Томас, Сигмунд Шлезингер, Эдвард Эсмонд, Финис Таун, У. Р. Э. Коллинз, Хью М. Джонсон, Герберт Майрик, Р. Дж. Смит, Уильям Э. Моррис, Николас Э. Бойд, Тео. В. Голдин и Артур Чепмен; миссис Гай В. Генри и миссис Джеймс Пауэлл.

В дополнение к этим письмам я собрал много информации в беседах с офицерами и другими лицами, не только в последнее время, но и в течение многих лет, проведенных на Западе, где я был частым гостем в армейских постах, пограничных городах и некоторых индейских резервациях. Я знал многих участников этих волнующих событий и слышал увлекательные истории из их уст.

Главы серии о форте Фил Керни были прочитаны и исправлены с точки зрения фактов генералом Каррингтоном и полковником Хортоном; главы, касающиеся обороны острова Бичер, — генералом Форсайтом; главы, описывающие освобождение Форсайта и сражение на Бивере, — генералом Карпентером; те, что касаются кампании при Литл-Бигхорн, — генералом Вудраффом и полковником Годфри, а рассказ о событиях в Слим-Буттс и смерти Американского Коня — генералом Миллсом. Все эти господа предоставили мне интересные подробности, анекдоты и т. д., а также ответили на все мои вопросы. Некоторые из них предоставили мне свои личные документы. Я особенно благодарен полковнику Годфри за много интересных сведений о кампании в Литл-Бигхорн и капитану Гибсону за предоставление его неопубликованного отчета о битве при Вашита. Министерство войны было очень любезно в ответе на вопросы и предоставлении информации, которую невозможно было получить иным способом. Г-н У. Х. Холмс, глава Бюро американской этнологии Смитсоновского института, решил все вопросы, касающиеся правильного написания индейских имен,^а и предоставил мне индейские эквиваленты имен выдающихся вождей, таких как Сумасшедший Конь, Сидящий Бык и т. д.

Некоторые из следующих статей являются оригинальными материалами, специально подготовленными для этой книги. Авторы этих статей указаны ниже. За все высказанные мнения, комментарии, примечания и выводы, которые не относятся конкретно к кому-либо другому, ответственность несу я один.

Я выражаю свою искреннюю благодарность всем, кто помог мне сделать эту серию авторитетной и окончательной.

Я верю, что, стремясь сохранить записи о тех волнующих временах, я оказал услугу истории и потомкам. Большинство тех, кто сражался на равнинах, уже ушли из жизни. Многие из выживших участников описанных приключений стареют. В скором времени было бы невозможно получить представленную здесь информацию, если бы кто-то другой не занялся этим, как я.

С перерывами, посвященными другим обязанностям, я более полутора лет занимался этой приятной работой. Я написал буквально сотни писем, чтобы узнать или проверить какой-либо факт, событие или вывод. Интересно обратить внимание на то, что информация была предоставлена мне свободно и щедро из всех источников, к которым я обращался, за исключением трех, один из которых указан в приложении.

Серия исторических книг, четвертой частью которой является эта книга, похоже, завоевала себе постоянное место. Количество экземпляров, которые были распроданы в прошлом году, было больше, чем в предыдущем, хотя осенью прошлого года не было выпущено ни одного нового тома, который мог бы привлечь к серии новое внимание. Эти книги обычно называют по названию первой опубликованной книги «Американские сражения и бойцы». Поэтому было решено принять это название, которое является достаточно ясным и описательным, в качестве общего названия серии. В дальнейшем все книги, которые уже вышли и которые еще выйдут в этой серии, будут носить это общее название с добавлением отличительного подзаголовка в каждом случае. Соответственно, обложки ранних книг были изменены и теперь выглядят следующим образом:

1. Американские сражения и бойцы, колониальные.
2. Американские сражения и бойцы, революционные — 1812 год.
3. Американские сражения и бойцы, пограничные.

Как я уже говорил, я надеюсь продолжить эту серию книг, пока не охвачу все войны, которые велись на американском континенте со времен Колумба.

Что касается американского народа, то, за исключением мексиканской войны, его борьба в целом была направлена на установление более широкого и благородного понятия человеческой свободы. Я не хочу, чтобы кто-то сделал из этого вывод, что наши отношения с индейцами всегда характеризовались честностью и честью, которые должны лежать в основе любого национального предприятия — далеко не так! В этой книге, не впадая в сентиментальность, я постарался быть справедливым по отношению к индейцам; как и в предыдущих книгах, я старался справедливо относиться ко всем и каждому врагу.⁴ Быть честным и справедливым — это самое важное в написании истории и в жизни.

Сейчас я работаю над двумя другими томами: книгой «Южноамериканские сражения и бойцы» и вторым томом «Индийские сражения и бойцы». В этой предполагаемой книге об индейцах я расскажу о дальнейших сражениях Соединенных Штатов с индейцами Северо-Запада, в частности о великолепном переселении вождя Джозефа со своим племенем *незпергсэс*, о борьбе шайенов за свободу, о капитане Джеке и войне с модоками, о войне с ютами, о последнем восстании сиу и о различных других событиях на Северо-Западе. После этого я планирую написать третью книгу, посвященную Аризоне и апачам.

Пользуясь случаем, я прошу всех, кто участвовал в этих кампаниях или сражениях, солдат и гражданских лиц, у кого есть какие-либо материалы, имеющие к ним отношение, и кто готов предоставить мне возможность с ними ознакомиться, прислать их мне по адресу издателей этой книги как можно скорее, так как я планирую выпустить следующий том серии следующей осенью. Все такие материалы будут тщательно сохранены и возвращены экспресс-почтой в хорошем состоянии, а за все, что может пригодиться мне в следующей книге, как и в этой, будет выражена должная благодарность — а также предоставлен экземпляр книги!

Как я уже сказал, становится поздно писать историю некоторых из этих событий, и я движим искренним желанием сохранить эти записи, пока не стало слишком поздно. Кто мне поможет? С тех пор, как я начал писать историю, я научился не пренебрегать ни одним авторитетом, каким бы скромным он ни был, и не игнорировать ни один источник информации, каким бы незначительным он ни казался при беглом осмотре. Поэтому присылайте мне то, что у вас есть или что вы можете подготовить, и позвольте мне оценить его ценность.

Американцы обычно лучше знакомы с историей других народов, чем со своей собственной. Сколько раз я слышал обвинения в том, что в американской истории нет ничего романтического или интересного. Я не понимаю, как кто-то может прочесть даже названия глав такой книги и сказать что-то подобное. Где еще можно найти более великолепные истории о бесстрашном героизме, тонкой стратегии, блестящей тактике, ожесточенных сражениях, чем те, что содержатся на этих страницах? Возможно, я рассказал их безразлично и могу подвергнуться справедливой критике за это, но истории, по крайней мере, есть. Они говорят сами за себя. Я не смог бы испортить их, даже если бы попытался. Факты звучат как призыв к американской мужественности, будь то белые, красные или черные.

САЙРУС ТАУНСЕНД БРЭДИ.

Бруклин, Нью-Йорк,

1 августа 1904 г.

1. Почти каждый автор по-своему пишет названия подплемен семьи сиу.

2 Например: каждый раз, когда отряд войск вступает в бой с индейцами и оказывается в меньшинстве или в невыгодном положении, и сражение продолжается до тех пор, пока войска не будут уничтожены, такое событие в народе называют «резней», как «резня Феттермана», «резня Кастера». Я считаю, что это неоправданное использование термина. Феттерман и Кастер напали на индейцев и отчаянно сражались, пока они и их люди не были убиты. Я называю это «сражением», а не «резней». Когда индейцы нападали на поселение, захватывали поезд или убивали детей и женщин, это, по-моему, было «резней», но эти два случая таковыми не были. Поэтому я тщательно воздерживался от использования этого термина в этой книге, за исключением тех случаев, когда это было оправданно. Читатель может не согласиться со мной в этом вопросе, но я хотел бы спросить, слышал ли кто-нибудь о «резне при Фермопилах»? Греки сражались там до тех пор, пока все, кроме одного, не были убиты. Результаты были точно такими же, как в случае с Феттерманом и битвой при Литл-Бигхорн, но я еще не читал в истории, что персы «убили» греков в том знаменитом ущелье. То, что подходит для персов, подходит и для краснокожих.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Следует отметить, что эта книга отличается от других книг серии «АМЕРИКАНСКИЕ СРАЖЕНИЯ И СРАЖАВШИЕСЯ», и особенно от ее непосредственного предшественника «Индийские сражения и сражавшиеся», тем, что я не являюсь автором всей или большей части этой книги. В ответ на просьбу о предоставлении материалов от участников войн с модоками и нез-персе было представлено множество статей, все из которых были настолько ценны не только с исторической, но и с литературной точки зрения, что я не осмелился переписать их сам — даже пресловутая уверенность историка не оправдала бы это.

Поэтому я ограничился написанием общего и всеобъемлющего отчета о каждой из двух рассматриваемых войн, оставив самим участникам полное изложение подробной истории тех великолепных достижений, которыми они вошли в историю. Поэтому я могу утверждать, что никогда прежде в одном томе не было собрано столь замечательного и интересного собрания личных переживаний в наших индейских войнах, как в этой книге.

И так же, как я восхищаюсь теми, кто совершал эти подвиги, я восхищаюсь и теми, кто рассказывает об этом. Их скромность, сдержанность, привычка рассказывать о приключениях, которые будоражат кровь и волнуют душу, как о чем-то само собой разумеющемся — «всего лишь часть рабочего дня» — возбуждают мой энтузиазм. И как живописно эти старые солдаты владеют пером! Какие они хорошие рассказчики!

И какие разные типы и слои людей здесь представлены! Генерал-майоры и разведчики, капитаны и сержанты, пограничники и кавалеристы, солдаты и гражданские лица, не говоря уже об индейском вожде и епископе, — все они высказали свое мнение по-своему. Я знаю, что читатель будет рад, что я позволил этим людям, как Павел, высказаться самим.

Вся книга представляет собой призыв к американской мужественности, чести и мужеству, и я считаю, что это верно для всей серии.

Армия Соединенных Штатов иногда подвергается клевете. Мне сейчас приходит на ум один конкретный случай. Главный чиновник одного довольно известного города, который также является автором и публицистом с национальной репутацией, недавно выступил с язвительной критикой в адрес наших солдат. Такая книга, как эта, опровергает эти необоснованные обвинения. Армия не идеальна — как и Церковь! — но не только каждый отдельный солдат, но и армия как организация не уступает ни одной из армий мира и превосходит большинство из них! И я уверен, что никто не может получить лучшей подготовки к битве за жизнь, чем та, которую он получает в мирной, трудолюбивой, стремящейся к чести, выполняющей свой долг, никогда не подводящей, сражающейся до последнего армии Соединенных Штатов — на море или на суше. Я служил и в армии, и на флоте, и я знаю, о чем говорю. Мы все осуждаем необходимость существования армий, но если они нам нужны, давайте благодарить Бога за армию, подобную армии нашей любимой страны. Я рад выразить свое обдуманное и зрелое убеждение, основанное на многолетних исследованиях, обширных наблюдениях и богатом опыте.

Сайрус Таунсенд Брэди.

ОЗЕРО Виннипесоки, ЦЕНТР ХАРБОР,

Нью-Гэмпшир, июль 1907 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

ЗАЩИТА ПРЕДЕЛА

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Экспедиция на реку Паудер	3
II. Трагедия форта Фил Керни	19
III. Тридцать два против трех тысяч	40
IV. Личные воспоминания о форте Фил Керни и сражении у Вагон-Бокс	59
V. Форсайт и «грубые всадники» 1868 года	72
VI. Путешествие разведчиков и спасение Форсайта	97
VII. Рассказ скаута о защите острова Бичер	113
VIII. Карпентер и его брюнетки. Сражение на Бивер-Крик	123
IX. Дальнейшее обсуждение дела Бивер-Крик	136

X.	БИТВА ПРИ ВАШИТА	<u>146</u>
----	------------------	----------------------------

XI.	КАРР И ТАЛЛ БУЛЛ В САММИТ-СПРИНГС	<u>170</u>
-----	-----------------------------------	----------------------------

ЧАСТЬ II

ВОЙНА С СИУ

I.	С НАСТУПЛЕНИЕМ КРУКА	<u>183</u>
----	----------------------	----------------------------

II.	БЫВШИЙ СОЛДАТ ТАУН О СРАЖЕНИИ ПРИ РОУЗБАД	<u>203</u>
-----	---	----------------------------

III.	ЖАЛОБА РЕЙН-ИН-ЗЕ-ФЕЙС	<u>209</u>
------	------------------------	----------------------------

IV.	КАМПАНИЯ В ЛИТЛ-БИГХОРН	<u>216</u>
-----	-------------------------	----------------------------

V.	ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КАСТЕРА	<u>237</u>
----	------------------------	----------------------------

VI.	ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ, КТО ВИДЕЛ КАСТЕРА ЖИВЫМ	<u>263</u>
-----	--	----------------------------

VII.	ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ ДОЖДЯ-В-ЛИЦЕ	<u>279</u>
------	-----------------------------	----------------------------

VIII.	ДВА ИНТЕРЕСНЫХ ДЕЛА	<u>293</u>
-------	---------------------	----------------------------

IX.	ПЕРВЫЙ УСПЕХ	<u>304</u>
-----	--------------	----------------------------

x.	РЕШАЮЩИЙ УДАР	312
xi.	ВЕЛИКАЯ КАМПАНИЯ МАЙЛЗА	319
xii.	ДЛЯ ЧЕГО ОНИ ТАМ — ОЧЕРК О ГЕНЕРАЛЕ ГАЕ В. ГЕНРИ, ТИПИЧНОМ АМЕРИКАНСКОМ СОЛДАТЕ	339

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А — ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБСУЖДЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ГЕНЕРАЛА КАСТЕРА В КАМПАНИИ ПРИ ЛИТЛ-БИГХОРН	359
Приложение В — ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПОВЕДЕНИИ МАЙОРА РЕНО	398
УКАЗАТЕЛЬ	407

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

РИСУНКИ

НА СТРАНИЦЕ НАПРОТИВ

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КАСТЕРОВ	<i>Фронтиспис</i>
ЛЕЙТЕНАНТ ГРУММОНД ЖЕРТВУЕТ СОБОЙ, ЧТОБЫ ПРИКРЫТЬ ОТСТУПЛЕНИЕ	36
АТАКА КРАСНОГО ОБЛАКА НА ЗАГОН НА ОСТРОВЕ ПАЙНИ	50
«САПОГИ И СЕДЛА»: НАЧАЛО РАННИМ УТРОМ	60
РОМАН НОУЗ ВОЗГЛАВЛЯЕТ АТАКУ НА ПРЕДАННУЮ БАНДУ ФОРСАЙТА	86
(«ОДНОВРЕМЕННО С ИХ ПРИБЫТИЕМ ПОЯВИЛАСЬ ГРЕМУЧАЯ ^{змея} »)	98
РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ НА ОСТРОВЕ БИЧЕР	116
ГЛАВНЫЙ ЗНАХАРЬ В БИВЕР-КРИК	132
ТРУДНАЯ ЗАДАЧА КОНЮХОВ В ДЕЙСТВИИ	194
ПЛЕНЕНИЕ ДОЖДЯ-В-ЛИЦЕ	214
ДОЖДЬ-В-ЛИЦО	280
ВОЖДЬ ДВЕ ЛУНЫ ИЗ ПЛЕМЕНИ СЕВЕРНЫХ ШАЙЕНОВ	300

ФОТОГРАФИИ

НА СЛЕДУЮЩЕЙ СТРАНИЦЕ

Группа известных военачальников [10](#)

КРОУ КИНГ, РЕД КЛАУД, АМЕРИКАНСКИЙ КОНЬ, ГАЛЛ

Бойцы форта Фил Керни [20](#)

КАПИТАН В. Дж. ФЕТТЕРМАН, ЛЕЙТЕНАНТ Г. В. ГРУММОНД, КАПИТАН ФРЕДК. Х. БРАУН
КАПИТАН ДЖЕЙМС ПАУЭЛЛ

Бойцы острова Бичер [72](#)

КАПИТАН ЛУИС Х. КАРПЕНТЕР, МАЙОР ДЖОРДЖ А. ФОРСИТ, ЛЕЙТЕНАНТ ФРЕДК. Х. БИЧЕР,
РАЗВЕДЧИК ДЖЕК СТИЛЛУЭЛЛ

Поле битвы на острове Бичер [80](#)

Некоторые офицеры 7-го кавалерийского полка в экспедиции на
Вашиу [156](#)

МАЙОР ДЖОЭЛ Х. ЭЛЛИОТТ, КАПИТАН ДЖЕЙМС М. БЕЛЛ, КАПИТАН ЛУИС МАКЛ. ХЭМИЛТОН,
КАПИТАН ДЖ. В. БЕНТИН

Группа выдающихся генералов [174](#)

ГЕНЕРАЛ ДЖОРДЖ КРУК, ГЕНЕРАЛ ЭЛУЭЛЛ С. ОТИС, ГЕНЕРАЛ ЮДЖИН А. КАРР, ГЕНЕРАЛ

ГЕНРИ Б. КАРРИНГТОН

ГЕНЕРАЛ ДЖОРДЖ АРМСТРОНГ КАСТЕР [220](#)

НЕКОТОРЫЕ ОФИЦЕРЫ КАСТЕРА [238](#)

КАПИТАН МАЙЛС МОЙЛАН, ЛЕЙТЕНАНТ Э. А. СМИТ, МАЙОР МАРКУС А. РЕНО, КАПИТАН
ЭДУАРД С. ГОДФРИ

НЕКОТОРЫЕ КОМАНДИРЫ ОТРЯДОВ КАСТЕРА [248](#)

КАПИТАН ТОМАС В. КАСТЕР, КАПИТАН ДЖОРДЖ В. ЙЕЙТС, ЛЕЙТЕНАНТ ДЖЕЙМС КАЛХУН,
КАПИТАН МАЙЛС В. КЕОГ

ОФИЦЕРЫ СЕДЬМОЙ КАВАЛЕРИИ [258](#)

ЛЕЙТЕНАНТ Х. М. ХАРРИНГТОН, ЛЕЙТЕНАНТ ДЖ. Э. ПОРТЕР, ЛЕЙТЕНАНТ В. В. РАЙЛИ, АДЖ. В.
В. КУК, ЛЕЙТЕНАНТ ДЖ. СТЕРДЖИС, ЛЕЙТЕНАНТ ДЖ. ДЖ. КРИТТЕНДЕН, ЛЕЙТЕНАНТ
ДОНАЛЬД МАКИНТОШ, ЛЕЙТЕНАНТ БЕНДЖ. ХОДЖСОН

Сидящий Бык [268](#)

НЕКОТОРЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ ИНДЕЙСКИЕ ВОИНЫ [326](#)

ГЕНЕРАЛ ДЖОН ГИББОН, ГЕНЕРАЛ УЭСЛИ МЕРРИТТ, ГЕНЕРАЛ НЕЛСОН А. МАЙЛС, ГЕНЕРАЛ
АЛЬФРЕД Х. ТЕРРИ

Группа выдающихся индейских воинов [340](#)

ПОЛКОВНИК РАНАЛД С. МАККЕНЗИ, КАПИТАН ЭНСОН МИЛЛС, ГЕНЕРАЛ ГАЙ В. ХЕНРИ, Ф.

КОДИ (БУФАЛО БИЛЛ)

КАРТЫ И ПЛАНЫ

СТРАНИЦА

ФОРТ Фил Керни	16
РЕЗНЯ ФЕТТЕРМАНА	27
ЗАЩИТНАЯ ОГРАДА В ФОРТЕ Фил Керни	33
КОРРАЛЬ ДЛЯ ФУРГОНОВ НА ОСТРОВЕ ПАЙНИ	45
ПЛАН СКЛАДА В ФОРТЕ Фил Керни	63
КАРТА ОБОРОНЫ ФОРСАЙТА НА ОСТРОВЕ БИЧЕР	79
КАРТА ПОХОДОВ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОЛКОВНИКА ФОРСАЙТА И СОПРОВОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛА КАРРА	103
ПОЗИЦИИ ПОВОЗОК И СОЛДАТ В СРАЖЕНИИ ПРИ БИВЕР-КРИК	130
БИТВА ПРИ РОУЗБАД	197
КАРТА ПОРАЖЕНИЯ КАСТЕРА НА РЕКЕ ЛИТЛ-БИГХОРН	230
КАРТА, ИЛЛЮСТРИРУЮЩАЯ МАРШРУТ ТРЕХ БАТАЛЬОНОВ НА ЛИТЛ-БИГХОРН	234

План обороны Рено на утесе

[247](#)

Ключ к карте поля сражения Кастера

[287](#)

БИБЛИОГРАФИЯ

- I. Официальные отчеты министра войны с сопроводительными документами, любезно предоставленные мне правительством Соединенных Штатов.
- II. Различные номера следующих журналов и газет: Harper's Weekly; The Century; Scribner's Monthly; The Chatauquan; McClure's Magazine; Outdoor Life; Journal of the United States Cavalry Association; Journal of the Military Service Institution.
- III. Архивы различных современных газет, в частности Chicago Times и New York Herald.
- IV. Различные общие истории.
- V. **АВ-СА-РА-КА** автор генерал и миссис Генри Б. Каррингтон, США. J. B. Lippincott Co. Филадельфия. 1890 г.
- VI. **ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУФФАЛО БИЛЛА** , полковник Уильям Ф. Коди. Harper & Brothers. Нью-Йорк. 1904.
- VII. **АРМИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ** , генерал Тео. Ф. Роденбоу, США, и майор У. Л. Хаскин, США. Maynard, Merrill & Co. Нью-Йорк. 1896.
- VIII. **ЖЕРТВЫ АРМИИ** , полковник Джеймс Б. Фрай, США. Д. Ван Ностранд. Нью-Йорк. 1879 г.

- IX. **САПОГИ И СЕДЛА** Элизабет Б. Кастер. Harper & Brothers. Нью-Йорк. 1902 г.
- X. **«ПОХОД С КРУКОМ»** (автор: капитан Чарльз Кинг, США. Harper & Brothers. Нью-Йорк. 1902 г.)
- XI. **«ПОХОДЫ ГЕНЕРАЛА КАСТЕРА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ»** (автор Джадсон Элиот Уокер. Издательство Jenkins & Thomas. Нью-Йорк. 1881 г.)
- XII. **«ДЕЯНИЯ ДОБЛЕСТИ»** (составители В. Ф. Бейер и О. Ф. Кейдел. Perrien-Keydel Co. Детройт, Мичиган. 1901 г.)
- XIII. **СЛЕДУЯ ЗА ЗНАМЕНОМ** Элизабет Б. Кастер. Харпер и Братья. Нью-Йорк. 1901 г.
- XIV. **«ЖИЗНЬ ГЕНЕРАЛА Г. А. КАСТЕРА»** (автор капитан Фредерик Уиттакер. Sheldon & Co. Нью-Йорк. 1876 г.)
- XV. **МОЯ ЖИЗНЬ НА РАВНИНАХ, ИЛИ ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ОБЩЕНИЯ С ИНДЕЙЦАМИ** генерал Г. А. Кастер, США. Шелдон и Ко. Нью-Йорк. 1876 г.
- XVI. **НА ГРАНИЦЕ С КРУКОМ** автор капитан Джон Г. Бёрк, США. Charles Scribner's Sons. Нью-Йорк. 1892 г.
- XVII. **НАШИ ДИКИЕ ИНДЕЙЦЫ** полковник Ричард И. Додж, США. A. D. Worthington & Co. Хартфорд. 1890 г.
- XVIII. **ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА НЕЛЬСОНА А. МАЙЛЗА** The Werner Co. Чикаго. 1897 г.

- XIX. **САБЛЯ И ШТЫК** генерал Тео Ф. Роденбоу, U. S. A. G. W. Dillingham Co. Нью-Йорк. 1897 г.
- XX. **ИСТОРИЯ СОЛДАТА** автор генерал Джордж А. Форсайт, U. S. A. D. Appleton & Co. Нью-Йорк. 1900 г.
- XXI. **ИСТОРИЯ ДИКОГО ЗАПАДА И БЕСЕДЫ У КОСТРА** автор В. Ф. Коди (Буффало Билл). Historical Publishing Co. Филадельфия. 1888 г.
- XXII. **«ПАЛАТКИ НА РАВНИНАХ»** (автор Элизабет Б. Кастер. Harper & Brothers. Нью-Йорк. 1895 г.)
- XXIII. **«ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ДНИ В АРМЕЙСКОЙ ЖИЗНИ»** (автор: генерал Джордж А. Форсайт, США. Harper & Brothers. Нью-Йорк. 1902 г.)
- XXIV. **ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СРЕДИ ВРАЖДЕБНЫХ ИНДЕЙЦЕВ** Дж. Ли Хамфревилл (бывший капитан кавалерии США). Hunter & Co. Нью-Йорк. 1903 г.
- XXV. **СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В НАШЕ ВРЕМЯ** (автор Э. Бенджамин Эндрюс. **ИЗДАТЕЛЬСТВО** Charles Scribner's Sons. Нью-Йорк. 1903 г.)
- XXVI. **«ВОЕННЫЙ ПУТЬ И БИВУАК»** (автор Джон Ф. Финерти. Издательство М. А. Donohue & Co. Чикаго. 1890 г.)

ЧАСТЬ I

Защита границ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Экспедиция на реку Паудер

I. Поле боя и бойцы

С момента основания Соединенных Штатов не было такого поста, как форт Филип Керни, обычно называемый фортом Фил Керни.^[1] С момента своего основания в 1866 году до своего заброса примерно два года спустя он практически находился в состоянии осады. Я не имею в виду, что он был осажден индейцами в каком-то формальном, постоянном осаде, но он был настолько постоянно и внимательно наблюдаем боевыми отрядами, скрывавшимися в соседних лесах и горных перевалах, что за пределами его частокола было мало безопасности для чего-либо меньшего, чем рота пехоты или отряд кавалерии; и не всегда, как мы увидим, для них.

Редко в истории индейских войн в Соединенных Штатах индейцы, независимо от превосходства в силах, проводили регулярную осаду, и осада Детройта Понтиаком была почти единственной в своем роде. Но они буквально окружали форт Фил Керни все время. Ничто не ускользало от их внимания, и они не упускали ни одной возможности, чтобы беспокоить и отрезать отдельные отряды гарнизона, напугать стада или напасть на обозы (). Ни одна палка не могла быть срублена, ни один акр травы не мог быть скошен без усиленной охраны. Стада мясного скота, лошади для кавалерии и конной пехоты, мулы для повозок с припасами не могли пастись даже под стенами форта без охраны. Страна изобиловала дичью. Охота была категорически запрещена. Прогуляться за пределами форта летним вечером означало навлечь на себя смерть, а если прогуливающийся был женщиной, то и худшее. Не было никакой уверенности в нападениях, кроме уверенности в том, что оно может произойти в любой момент. Как говорил ему старый Джеймс Бриджер, ветеран равнин и торговец мехом, разведчик, чья слава едва ли уступает славе Кита Карсона, и доверенный советник Каррингтона в 1866 году: «Там, где ты не видишь индейцев, там их наверняка больше всего».

Взяв наугад два средних месяца в двух разных годах, в течение которых существовал пост, один летом, другой осенью, я обнаружил, что в одном было пятнадцать отдельных и различных нападений, а в другом — двадцать. Во многих из них, фактически в большинстве, один или несколько человек были убиты, а еще большее число получили ранения. Ни один обоз, направлявшийся в Монтану, не мог пройти по тропе Бозмена, которая пролежала под стенами форта и для защиты которой он и был построен, без того, чтобы подвергнуться неоднократным нападениям. Только самая бдительная осторожность, самое умелое

управление и самая решительная доблесть предотвратили уничтожение последовательных групп эмигрантов, искавших новую и привлекательную землю.

Война с индейцами велась за владение территорией, как и большинство наших войн с индейцами. В действительности, это утверждение верно для большинства войн в мире. Сильные всегда стремились отнять у слабых. Продвигающаяся на запад волна цивилизации наконец оттеснила от Миссури и Миссисипи су, их союзников шайенов, крупнейшую и самую известную из нескольких великих групп индейцев, которые сражались с белыми людьми со времен Колумба, за исключением, пожалуй, криков и ирокезов.

Обширная территория к западу от того меридиана, простирающаяся от Ред-Ривер до границы Британской Колумбии, в то время была практически лишена белых поселений, за исключением Денвера и Солт-Лейк-Сити, до тех пор, пока не были достигнуты города Монтаны на северо-западе.^[4] Это огромная территория, которая включает в себя всевозможные климатические и почвенные условия. Огромные горы Биг-Хорн разделяли эту обширную территорию. Страна Сладкой воды и вся территория к востоку от горного хребта Уинд-Ривер, включая Южный перевал и регион к западу от большого изгиба реки Норт-Платт, имели свои прерии и плодородные долины. К северу от горного хребта Биг-Хорн, который охватывал территорию, составлявшую самый прямой путь в Центральную Монтану, и захват которой был настоящей целью экспедиции Каррингтона весной 1866 года, находилась самая ценная часть, контролируемая племенами, ревностно относящимися к любому вторжению белых.

Вдоль всего течения Йеллоустоуна и его притоков, несмотря на частые «*Mauvaises Terres*» или «плохие земли», по-видимому, вулканического происхождения, вся страна была пронизана чистыми ручьями из горного хребта Биг-Хорн. Долины этих ручьев были богатыми своими природными продуктами и своими перспективами. Огромные стада бизонов бродили по равнинам, обеспечивая индейцам почти все необходимое для их существования. Горы изобиловали медведями, оленями и другой дичью в большом разнообразии. Многочисленные реки, пересекавшие эту территорию, были полны рыбы, а долины, которые они орошали, были чрезвычайно плодородны для выращивания тех немногих культур, которые индейцы считали необходимыми для своего существования. Эта земля была естественно привлекательной и привлекала внимание поселенцев.

Нельзя отрицать, что индейцы обладали квазизаконным правом на эту землю. Но если сравнительно небольшая группа кочевых и диких племен настаивает на том, чтобы зарезервировать большой участок земли для охоты, используя в качестве заповедника то, что в цивилизованном регионе могло бы легко прокормить большое сельскохозяйственное и городское население трудолюбивых граждан, ищущих спасения от перенаселенности и стесненных условий старых сообществ, что вы собираетесь с этим делать? Опыт показывает, что, несмотря на договоры, покупки и другие мирные способы получения земли, всегда будет борьба за эту землю. Права дикости были вынуждены уступить требованиям цивилизации, несмотря на противоположные этические нормы. И так будет всегда, как бы печально это ни казалось многим.

Окончание Гражданской войны лишило работы многих солдат. После четырех лет активных боевых действий они не могли снова устроиться в однообразной жизни деревни и сельской местности. С присущим им беспокойством они собрали свои семьи, погрузили немногочисленное домашнее имущество в повозки и группами разного размера отправились на запад. Железные дороги начали прокладывать свои пути по территории. Инженеры и строители дорог, а также эмигранты требовали защиты со стороны правительства. Сначала большинство поселенцев просто хотели проехать через страну и

поселиться на плодородных землях по другую сторону, но плодородие и красота, которые встречали их взоры повсюду, неотразимо манили к поселению во время путешествия.

В то время существовало четыре больших трансконтинентальных маршрута: на юг по знаменитой тропе Санта-Фе; на запад по тропе Канзас в Денвер; на запад по тропе Орегон через Небраску и Солт-Лейк-Сити в Калифорнию и Орегон; на северо-запад по тропе Бозман через Вайоминг в Монтану. Железная дорога Union Pacific строилась вдоль тропы Орегон, Kansas Pacific — вдоль тропы Канзас в Денвер, а о великой системе Санта-Фе еще никто и не мечтал.

Поскольку железные дороги работали на короткие расстояния, единственным средством транспорта были огромные фургоны Conestoga, или «прерийные шхуны», которые с их брезентовым верхом, поднимающимся вверх в носовой и кормовой частях над вместительным кузовом, выглядели не иначе, как корпус лодки, от которой они и получили свое название. Эти повозки тянули четыре или шесть мулов, а иногда и волы, известные как «бычьи упряжки», и, поскольку магазинов не было, перевозили все, что могло понадобиться поселенцу на новой земле, включая незаменимых жену и детей.

В этой статье я касаюсь только тропы Бозмена или Монтаны.

В начале 1866 года правительственные комиссары в Форт-Ларамии, Небраска, вели переговоры о заключении договора с сиу и северными шайенами, чтобы обеспечить право прохода эмигрантов через эту территорию, которая по договору Харни-Санборна была уступлена им в 1865 году. Ред Клауд, вождь племени оглала-су, самый выдающийся из молодых воинов, возглавил противников договора, даже доходя до борьбы, и противостоял более консервативным вождям, которые осуждали войну как в конечном итоге губительную для всех их территориальных притязаний. Во время этого совета, предвосхищая последующие события, Кэррингтон, приближавшийся с войсками, прибыл раньше, спешил и был представлен членам совета. Красный Облако, заметив его погоны, горячо осудил его как «Белого Орла», который пришел, чтобы украсть дорогу, прежде чем индейцы сказали «да» или «нет». На глазах у толпы индейцев, заполнивших плац, он спрыгнул с платформы под сенью сосновых ветвей, сбил свои вигвамы и вышел на тропу войны. Телеграмма Кэррингтона с рекомендацией приостановить поход до тех пор, пока совет не придет к какому-либо соглашению, была отклонена, и, несмотря на это, в воскресенье он продвинулся на девять миль за форт до захода солнца.

Одним из условий, на котором настаивали Соединенные Штаты, было создание военных постов для охраны тропы, без которых, как считалось, договор не имел бы никакого смысла. Су-индейцы племени брюле под руководством Пятнистого Хвоста, Стоящего Лося и других поддержали эту уступку и с тех пор оставались верными белым. Старейшие вожди других племен сиу, несмотря на измену и уход Красного Облака, оставались в совете в течение нескольких дней и, хотя и были мрачны и громко протестовали, в конце концов приняли ценные подарки и компенсации и настолько удовлетворили комиссию, что та отправила специальных послов, чтобы уведомить окружного командующего о том, что «с племенами, представленными в Ларамии, были заключены удовлетворительные договоры и что маршрут безопасен». Поезда эмигрантов также были продвинуты вперед с заверениями, что в страну была отправлена значительная сила регулярных войск для обеспечения их безопасности. Продолжение появится позже.

II. Романтическая экспедиция генерала Каррингтона

В соответствии с планом, бригадный генерал Генри Б. Каррингтон, полковник 18-го регулярного пехотного полка, получил приказ вместе со вторым батальоном своего полка, который должен был стать 27-м регулярным пехотным полком, создать, организовать и взять под свое командование так называемый Горный округ. В то время в Горном округе был только один пост, форт Рено, расположенный в 160 милях от форта Ларамии. Кэррингтону было поручено , маршировать к форту Рено, переместить его на сорок миль к западу, разместить там гарнизон, а затем, с остальной частью своего подразделения, основать еще один пост на тропе Бозмена, между горами Биг-Хорн и рекой Паудер, чтобы контролировать долину, часто посещаемую индейцами; и, наконец, основать еще два поста, один на Биг-Хорн, другой на Йеллоустоун, для дальнейшей защиты тропы.

Генерал Каррингтон был выпускником Йельского колледжа. Он был учителем, инженером и ученым, юристом и деловым человеком, изучал военное дело, а также в течение нескольких лет до начала Гражданской войны был генерал-адъютантом Огайо. В начале этой борьбы он незамедлительно перебросил одну батарею и несколько полков огайской милиции в Западную Виргинию, чтобы принять участие в битве при Филиппи, до того как добровольцы штата смогли быть призваны на службу в армию Соединенных Штатов. Без его просьбы 14 мая 1861 года он был назначен полковником 18-го пехотного полка США, 29 ноября 1863 года получил звание бригадного генерала и оказал ценные и важные услуги во время войны. Он был высоконравственным христианином, солдатом с большим опытом и доказанной храбростью, энергичным и способным администратором и, как показала его последующая карьера, человеком с прекрасными литературными талантами.⁴ Для экспедиции не могло быть лучшего выбора.

После многих задержек, вызванных в основном трудностями с обеспечением транспорта, небольшая армия из семисот человек в сопровождении четырех артиллерийских орудий, двухсот двадцати шести повозок и нескольких фургонов, в которых находились жены и дети нескольких офицеров, 19 мая 1866 года вышла из старого форта Кирни в Небраске. Около двухсот человек были ветеранами, остальные — новобранцами. Они были вооружены устаревшими мушкетами Спрингфилд с дульным заряданием, за исключением нескольких человек, у которых были новые карабины Спенсера с казнозарядным заряданием — оружие с довольно короткой траекторией, но значительно превосходящее старые армейские мушкеты по скорости стрельбы. Часть командования была оседлана на выброшенных лошадях кавалерийского полка, направлявшегося на восток для увольнения. Однако они не были обученными всадниками и поначалу были довольно равнодушными конными пехотинцами.

Среди солдат были мастера и механики всех видов. Правительство предоставило оборудование, необходимое для строительства фортов, включая инструменты, двери, рамы, стекло, гвозди, печи, сталь, железо, косилки, жатки, косы и две паровые лесопилки. Офицеры в основном были отличными людьми, большинство из которых научились воевать в Гражданской войне.

Авторские права принадлежат Д. Ф. Барри

CROW KING AMERICAN HORSE_{ца}

РЕД КЛАУД ГАЛЛ

ГРУППА ИЗВЕСТНЫХ ВОЕННЫХ ВОЖДЕЙ

Кажется невероятным, что женщины должны были сопровождать такую экспедицию, но в то время ни один из представителей власти не предвидел серьезных проблем с индейцами. Су и шайены согласились на открытие дороги и, хотя они возражали против строительства фортов, они не отвергли договор, когда правительство настояло на его заключении. Экспедиция не была задумана и спланирована для ведения войны. Предполагалось, что это будет мирная экспедиция. Более того, генерал Шерман, который посетил форт Кирни перед тем, как войска начали марш, лично посоветовал дамам сопровождать экспедицию, поскольку ее цель была очень привлекательной и полностью мирной. Если бы власти знали, что произойдет, то даже вдвое большая сила едва ли была бы сочтена достаточной для этой цели. Но даже если бы они полностью осознавали опасность, женщины армии все равно пошли бы со своими мужьями.

В истории нет более ярких примеров романтической преданности, чем те, которые продемонстрировали жены военных. В этом отношении они занимают особое место среди современных американских женщин. Женщины-военные в враждебной стране рисковали гораздо больше, чем мужчины. Их судьба в случае пленения была ужасна донельзя — это была долгая агония ужаса и позора, которая заканчивалась только смертью. Я беседовал с опытными армейскими офицерами и читал высказывания других людей, и все они сходятся в том, что ни одна женщина, попавшая в плен к индейцам равнин к западу от Миссури, не была пощажена. Среди офицеров и солдат полков, сопровождаемых женщинами, было общее согласие — и женщины это полностью понимали — что в крайнем случае женщин должны были расстрелять их собственные друзья, чтобы они не попали в руки дикарей; но в этом походе таких опасений не было.

Знание армейских женщин об опасности, связанной с обычными пограничными войнами (), также не было вымышленным. Как мы можем прочитать в письмах и книгах, написанных женами военных, им это снова и снова напоминали. После каждой кампании в различные лагеря привозили бедных, несчастных женщин из ограбленных эмигрантских поездов или разрушенных поселений, которым армейские женщины оказывали любящую помощь и от которых они слышали ужасающие и отвратительные подробности, от которых застывала кровь в жилах; однако сами армейские жены никогда не колебались в своей преданности, никогда не теряли готовности следовать за своими мужьями, куда бы их ни послали. И, за исключением непосредственных боевых действий на поле боя, жены солдат были везде — иногда и там тоже.

В этой конкретной экспедиции было несколько маленьких детей, от некоторых из которых я почерпнул подробности и события. Один из этих мальчиков, находясь в форте Керни перед походом, настолько освоил лук и стрелы в стрельбе по мишеням с молодыми индейцами пауни возле форта, что бросил вызов генералу Шерману, предложив ему перестрелять флагшток. Мальчик выполнил это, лежа на спине с ногами, упертыми в лук, и генерал честно отказался от соревнования, не желая следовать за изобретательным уловкой мальчика.

Поход был неизбежно медленным, а расстояние большим — около шестисот миль, так что только 28 июня они достигли форта Рено. Там они впервые подверглись угрозе со стороны индейцев, которые пытались распугать их стада. Офицеры и солдаты быстро разочаровались в характере своей экспедиции. Покинуть форт Рено или перенести его было невозможно. Каррингтон приказал укрепить его и провести капитальный ремонт, разместил в нем гарнизон из своих подчиненных, а с остальными, чуть более пятисот человек, 9 июля продолжил поход в неизвестную землю. 13 июля 1866 года он разбил лагерь на берегу реки Биг-Пайни-Крик, притока реки Паудер, примерно в четырех милях от великолепного хребта Биг-Хорн, с покрытой снегом вершиной Клауд-Пик, возвышающейся на девять тысяч футов в небо, неподалеку. Через несколько дней, на небольшом, усыпанном цветами и покрытом травой плато, лишенном деревьев, которое, к счастью, оказалось как раз подходящего размера для форта, который он собирался построить, и которое круто спускалось во всех направлениях, образуя естественный гласис, он приступил к строительству частокола.

III. Аванпост цивилизации

Плато располагалось между двумя рукавами реки Пайни. К востоку от меньшего рукава возвышался высокий холм под названием Пайлот-Хилл. К западу от него был еще один хребет, который они называли Салливант-Хиллс. К юго-западу от Салливант-Хиллс был высокий хребет под названием Лодж-Трейл-Ридж, между ними протекал главный рукав реки Пайни-Крик, так что водоснабжение находилось на восточной стороне форта, или «Водяных воротах». Тропа Бозмена проходила на запад, под Пилот-Хилл перед фортом, пересекая Биг-Пайни, когда она приближалась к Салливант-Хиллз, а затем, огибая Лодж-Трейл-Ридж для более легкого подъема, продвигалась на север, дважды пересекая Пено-Крик и его ветви, прежде чем этот ручей впадал в Гус-Крик, приток реки Тонг, одной из главных ветвей Йеллоустоуна. Первый приток Пено находился в пяти милях от форта, а второй — в двенадцати милях дальше, где гарнизон должен был косить сено, но приток, ближе к форту, был особенно связан с событиями 21 декабря, а также с боем шестого числа того же месяца.

Место было восхитительным. Рядом с фортом простирались широкие плодородные долины рек и горных ручьев, покрытые яркими цветами и травой (). Горы и холмы были покрыты

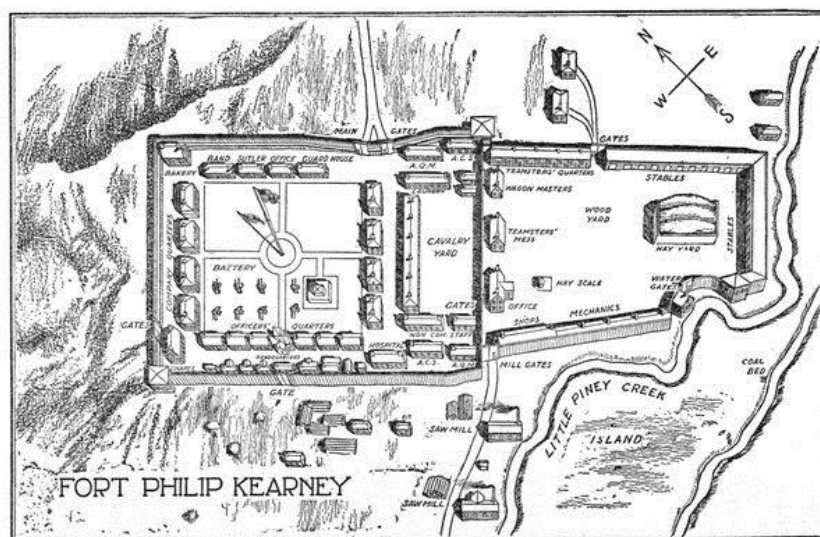
соснами. Здесь было много дичи, вода была чистой и в изобилии. Древесина, хотя и не находилась в непосредственной близости (), иначе место было бы невозможно защитить без огромных трудозатрат на расчистку, была удобно расположена поблизости.

Генерал Каррингтон обозначил стены форта после обследования окрестностей вплоть до реки Тонг, установил свои лесопилки, одна из которых имела мощность сорок лошадиных сил и могла пилить бревна диаметром тридцать дюймов, основал лесозаготовительный лагерь на острове Пайни, расположенном в семи милях, без препятствующих холмов, что облегчало транспортировку, и приступил к возведению форта. На холмах Пайлот и Салливант, с которых были видны подходы как с востока, так и с дороги, ведущей в горы, были установлены пикетные посты. Трижды индейцы пытались вытеснить эти пикеты, один раз ночью, но разрывающиеся над ними картечные снаряды, каждый раз приводившие к потерям людей или лошадей, положили конец подобным визитам.

Требовалась самая тщательная бдительность в любое время дня и ночи. Поезда, везущие бревна на лесопилки, выходили под усиленной охраной. Бои шли постоянно. Потери среди солдат были отнюдь не редкостью. Сначала было трудно удержать солдат в пределах лагеря, но отставшие, которые не вернулись, и некоторые, которые были отрезаны, скальпированы и оставлены умирать, но которые ползли обратно, чтобы умереть, убедили всех в мудрости повторяющихся приказов и предупреждений командующего офицера.¶

Хроника постоянных мелких стычек была бы утомительной, но они часто приводили к пыткам и гибели солдат, хотя в большинстве случаев индейцы страдали больше. Один случай может служить иллюстрацией жизни гарнизона.

Однажды днем, в начале октября, дозорный сообщил, что к западу подвергся нападению поезд с дровами, а вскоре после этого сообщил о приближении небольшой группы солдат с востока. Из поста в обе стороны были отправлены отряды. Оказалось, что это были не подкрепление войск или поставки боеприпасов, а две машины скорой помощи с двумя хирургами по контракту и сопровождением из восьми человек, помимо Бейли, проводника, и лейтенанта Граммонда, который только что был назначен в 18-ю пехотную дивизию, и его молодой невесты. Когда они приблизились к главным воротам в сопровождении всадников, высланных им навстречу, их остановили, чтобы пропустить армейский фургон, ехавший в противоположном направлении. Его сопровождала охрана из лесного поезда, и он вез скальпированное, обнаженное тело одного из их товарищей — действительно странный прием для молодой жены, которой, когда она покидала Ларами, обещали прекрасную поездку по плодородным долинам без опасности, и еще более печальный в его продолжении два месяца спустя.

Тем временем продолжалась работа по возведению форта. Он имел форму прямоугольника размером 600 на 800 футов, окруженного грозным частоколом из тяжелых сосновых бревен высотой восемь футов, с непрерывной banquetкой и расширяющимися бойницами через каждое четвертое бревно. На диагональных углах были расположены блокгаузы с бойницами для пушек, а также казармы для офицеров и солдат и другие необходимые постройки. Помещение командующего было двухэтажным зданием из бруса, увенчанном сторожевой башней. Помещения для офицеров и солдат были построены из бревен. Четыре склада размером 80 на 24 фута были построены из бруса.

к востоку от самого форта находился загон немного меньшей площади, окруженный грубым частоколом из бревен тополя, в котором хранились запасы дров, сена и прочих припасов. Все — частокол, дома, конюшни со всеми их деталями, кузницы, помещения для возчиков и так далее — было спроектировано самим Кэррингтоном.

Главный форт окружал красивый плац, в центре которого возвышался высокий флагшток, спроектированный и возведенный корабельным плотником из полка. 31 октября с большой торжественностью и ликованием на нем был водружен первый гарнизонный флаг, который когда-либо развевался над этой землей. Работы были далеко не завершены, как показано на карте, но форт был огорожен, и в нем было достаточно зданий для размещения действующего гарнизона, хотя форт был рассчитан на тысячу человек, которые неоднократно обещали, но так и не были предоставлены, в то время как кавалерия и первый батальон 18-го полка находились в мирных пределах контроля форта Ларами.

В начале августа капитан Кинни с двумя товарищами был отправлен на девяносто миль к северу, чтобы основать второй пост на Биг-Хорне, который назывался форт С. Ф. Смит и был гораздо меньше и менее важен, чем форт Фил Керни (). Третий запланированный пост не был основан. Не хватало людей, чтобы укомплектовать три уже существующих поста, не говоря уже о строительстве четвертого.

3 Хотя генерал, в честь которого был назван этот форт, писал свое имя как Kearny, во всех официальных документах, которые я изучил, название форта пишется так, как указано выше.

4 Эта страна примерно охватывается границами, между которыми преобладает горный стандарт времени, или 105-й меридиан.

5 Среди его литературных произведений наиболее известны «Вашингтон, солдат» и «Сражения Американской революции», которые являются стандартными работами в своем роде. В личном интервью он рассказал мне, что в течение многих лет каждый день читал часть Библии на оригинальном греческом и иврите. Немногие армейские офицеры могут сказать то же самое, и очень немногие гражданские лица.

6 Убит в Слим-Буттс

7. Как раз в тот момент, когда тревоги стали наиболее частыми, в штаб прибыл гонец, сообщивший, что поезд, следовавший из Форт-Ларами с особыми посланцами из этого поста, был окружен индейцами, и потребовал немедленной помощи. На помощь им поспешила целая рота пехоты в фургонах с горной гаубицей и несколькими зарядами картечи. Оказалось, что это был поезд с почтой от Комиссии Ларами, объявляющей о заключении «удовлетворительного мирного договора со всеми индейцами Северо-Запада» и подтверждающей этот факт окружному командующему. Посланник был доставлен в целости и сохранности, и мир продлился до тех пор, пока его сообщение не было доставлено. Было достигнуто так много — что посланник не лишился скальпа по дороге.

8 Генерал У. Б. Хейзен, осмотрев частокол этого поста, назвал его «лучшим из всех, что он когда-либо видел, за исключением одного, построенного компанией Hudson Bay Company в Британской Америке».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Трагедия форта Фил Керни

I. Как начались боевые действия

Подводя итоги первых шести месяцев боевых действий, с 1 августа до конца года, индейцы убили 154 человека, включая солдат и граждан, ранили еще 20 и захватили почти 700 животных — крупный рогатый скот, мулов и лошадей. Перед фортом прошло 51 массовая демонстрация, и они атаковали каждый поезд, который проходил по тропе.

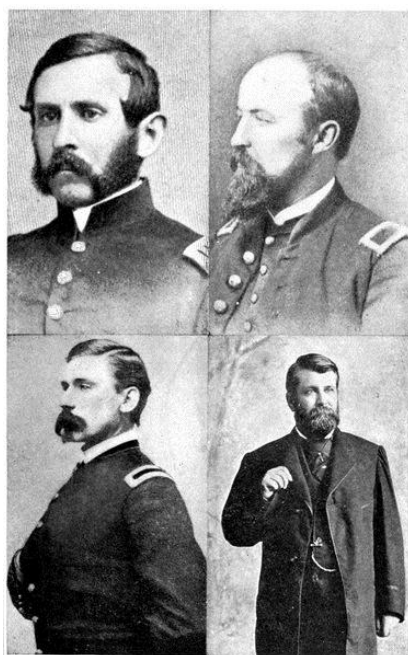
Поскольку форт еще был далек от завершения, лесозаготовительные работы продолжались до середины зимы. Каждый день, когда позволяла погода, под усиленной охраной отправлялся обоз лесорубов на остров Пайни или к более плотным лесам за ним, где блокгауз защищал лесорубов. Этот обоз часто подвергался нападениям. Вечная бдительность была ценой жизни. Едва ли проходил день, чтобы наблюдатель на Пилот-Хилл не сигнализировал о приближении индейцев или наблюдатель на Салливант-Хиллс не сообщал, что поезд с лесоматериалами был окружен и подвергся нападению. В таких случаях формировался сильный отряд, который отправлялся прогнать индейцев и вернуть поезд с лесоматериалами — операция, которая всегда заканчивалась успехом, хотя иногда сопровождалась потерями.

На враждебные проявления реагировали быстрыми набегам или преследованиями, если позволяли обстоятельства; однажды генерал преследовал банду, которая угнала стадо

почти до реки Тонг, но блестящие зеркала выдали попытки индейцев обойти его с тыла, и было отдано приказание возвращаться, оставив украденный скот.

Одна экспедиция характерна для многих. Во второй половине дня 6 декабря дозорный на холмах Салливант сообщил, что поезд с лесом подвергся нападению, и капитан (бrevet-подполковник) Феттерман, старший капитан из присутствующих, был отправлен с отрядом из сорока всадников, включая пятнадцать кавалеристов под командованием лейтенантов Бингхэма и Груммонда, а также сержанта Бауэрс из пехоты, ветерана Гражданской войны, чтобы освободить лесовоз и оттеснить индейцев в сторону долины Пено, в то время как сам Кэррингтон с примерно двадцатью всадниками из пехоты должен был обойти северную сторону хребта Лодж-Трейл-Ридж и перехватить их.

Индейцы уступили перед наступлением Феттермана, надеясь заманить войска в засаду, но в благоприятном месте они приняли оборону. Бой там был настолько ожесточенным, что кавалерия, которая по странному стечению обстоятельств осталась без офицеров, уступила и отступила через долину к хребту. Конная пехота удержала свои позиции и под бесстрашным руководством Феттермана вела отважную борьбу против превосходящих сил противника, число индейцев которых оценивалось более чем в триста человек. Однако им пришлось бы нелегко, если бы Кэррингтон и первые шесть человек из его отряда не обошли внезапно небольшой холм или водораздел и не атаковали индейцев с тыла. Генерал был вынужден продвигаться под обстрелом и, встретив бегущую кавалерию, приказал ей пристроиться к его отряду. Он был полон тревоги по поводу хода сражения на другой стороне хребта.

КАПИТАН В. ДЖ. ФЕТТЕРМАН^[1] КАПИТАН ФРЕДК. Х. БРАУН^[2]

ЛЕЙТЕНАНТ Г. В. ГРУММОНД^[3] КАПИТАН ДЖЕЙМС ПАУЭЛЛ

БОЙЦЫ ФОРТА ФИЛ КИРНИ

Портрет генерала Каррингтона см. на иллюстрации на противоположной странице [174](#)

Кэррингтон в своем официальном отчете ^[4] пишет: «Но шесть человек повернули со мной, один из них был молодым горнистом из Второй кавалерии, который сказал мне, что лейтенант Бингем пошел по дороге вокруг холма справа от меня. Это казалось невозможным, так как он принадлежал к командованию Феттермана. Я подал сигнал к отступлению по его сообщению, но тщетно. Один из моих людей упал, и его лошадь навалилась на него. Главный вождь, действовавший в тот день, попытался добыть его скальп, но, спешившись, с одним человеком, держащим лошадей, и воздерживаясь от огня, я сумел спасти этого человека и удержать позицию, пока через двадцать минут к нам не присоединился Феттерман. Кавалерия, которая его бросила, не последовала за мной, хотя расстояние было небольшим; но индейцы, окружившие нас и кричавшие, числом около ста, с одним седлом, опустошенным моим единственным выстрелом, не рискнули приблизиться».

Задний отряд и Феттерман вскоре присоединились к нам, и благодаря совместным усилиям индейцы были вынуждены бежать. Всем было не по себе, но лейтенанты Граммонд и Бингем все еще считались пропавшими без вести. Немедленно начались поиски этих двух офицеров и сержанта пехоты, которые отделились от своего отряда, преследуя разрозненных индейцев. Один из офицеров, лейтенант Бингем, был мертв. Лейтенант Груммонд, после рукопашной схватки, был окружен индейцами на лошадях и едва спасся. Сержант Бауэрс был тяжело ранен и лишен скальпа, хотя он еще был жив, но скончался сразу же.^[5] Он убил трех индейцев, прежде чем был побежден. Кавалеристы, в основном новобранцы, глубоко стыдились своего дезертирства, которое было частично вызвано неосторожностью их офицеров, оставивших их преследовать нескольких индейцев (), и они горели желанием восстановить свою репутацию, что они и сделали, отдав свои жизни примерно две недели спустя.

Потери в небольшом отряде составили два убитых и пять раненых. В форт был отправлен гонец за скорой помощью, и отряд отступил в полном порядке, больше не встречая индейцев. Лейтенант Бингем был не первым убитым офицером: пятью месяцами ранее лейтенант Дэниелс, ехавший впереди небольшого отряда солдат, сопровождавших нескольких офицеров и жену лейтенанта Вандса из форта Ларами, был убит на глазах у всего отряда. Перед смертью его ужасно пытали колом, а дикари надели его одежду и танцевали на прерии, находясь вне досягаемости, перед отрядом, который был слишком мал, чтобы сделать что-то большее, чем просто стоять в обороне. Жена лейтенанта Груммонда находилась в форте во время боев 6 декабря, и можно представить ее радость от безопасного возвращения мужа.

Восьмого декабря президент Эндрю Джонсон поздравил Конгресс с заключением договоров в форте Ларами и с *тем, что на Северо-Западе воцарился мир!*

19 декабря на этой мирной территории лесовозный поезд снова подвергся сильному нападению. Кэррингтон незамедлительно отправил отряд под командованием капитана Пауэлла с инструкциями освободить лесовозный поезд, оказать ему поддержку и вернуться с ним, но не преследовать угрожающих индейцев, поскольку опыт показывал, что индейцы постоянно увеличивались в численности и становились все смелее с каждым нападением. Пауэлл эффективно выполнил свою задачу. Индейцы были отбиты, и, хотя у него было сильное желание преследовать их, он был слишком хорошим солдатом, чтобы не подчиняться приказам, поэтому он привел своих людей обратно в форт.

К этому времени все склады были готовы, и было подсчитано, что одного большого лесовоза хватит для доставки бревен, необходимых для завершения строительства больницы, которая была единственной, требующей внимания.

Впечатленный отчетом Пауэлла, Кэррингтон сам сопровождал увеличенный поезд 20-го числа, построил мост через Пайни-Айленд, чтобы облегчить быструю перевозку, и вернулся в форт, чтобы подготовиться к еще одной поездке. В тот день индейцев не было видно. Уже было собрано несколько сотен больших бревен на дрова на зиму, помимо досок, сохраненных на лесопилке.

Нельзя отрицать, что среди некоторых офицеров было много недовольства осторожной политикой Кэррингтона. Они придерживались распространенного мнения, что один белый человек, особенно если он солдат, может справиться с дюжиной индейцев; и хотя было известно, что на реке Паудер-Ривер располагалось полторы тысячи индейских хижин, а в окрестностях, вероятно, находилось от пяти до шести тысяч воинов, они постоянно предлагали проводить всевозможные экспедиции с их скудными силами. Некоторые из них, в том числе Феттерман и Браун, «предложили с восемьюдесятью людьми проскакать через всю территорию племени сиу!». Хотя эти люди еще не испытали на прочность характер племени сиу, Каррингтон был достаточно мудр, чтобы понять, что такая глупость приведет к неминуемой гибели, и строго отказал им в своем согласии.

Общая численность сил, имевшихся в форте, включая пленных, возчиков, граждан и служащих, составляла около трехсот пятидесяти человек — едва достаточно, чтобы удержать форт в случае нападения индейцев. Кроме того, постоянно требовались отряды для доставки депеш, почты, припасов, помощи эмигрантским обозам и т. д. Силы были крайне недостаточными, а число офицеров сократилось из-за отрядов и других причин до шести человек.

Боеприпасы заканчивались. В какой-то момент на каждого человека приходилось всего сорок патронов. Неоднократные просьбы и обращения, как в письмах, так и в телеграммах, о подкреплении и снабжении, и особенно о современном и исправном оружии, не были

приняты во внимание. Чиновники на Дальнем Востоке придерживались своего договора и отказывались верить в существование состояния войны; а если оно и существовало, то были склонны осуждать командующего офицера за его провоцирование. В нескольких случаях подарки, предоставленные в соответствии с договором в Форт-Ларами, были найдены у посетивших индейцев, а один захваченный индейский пони был тяжело нагружен оригинальными упаковками этих подарков.

Кэррингтон не делал ничего, чтобы спровоцировать войну, а просто выполнял письменные инструкции генерала Шермана, присланные ему еще в августе, «избегать общей войны, пока армия не будет реорганизована и увеличена»; но он решительно защищал себя и свое командование, когда на него напали. Поэтому некоторые офицеры, тайно насмехаясь над осторожностью командира, жаждали возможности прославиться на этом поводе и практически решили создать или воспользоваться первой же возможностью. К сожалению, Феттерман и Браун были главными из этих недовольных.

II. Уничтожение отряда Феттермана

21 декабря, когда земля была свободна от снега, а воздух чистый и холодный, наблюдатель на холмах Салливант около одиннадцати часов утра подал сигнал, что лесной поезд был окружен и снова подвергся массовой атаке индейцев племени лакота-дакота примерно в полутора милях от форта. Немедленно был отправлен отряд из сорока девяти человек из 18-го пехотного полка и двадцати семи всадников из 2-го кавалерийского полка, отряд из которого, состоявший почти исключительно из новобранцев и вооруженный в основном мушкетами, поскольку их карабины еще не прибыли в Ларами, присоединился к посту несколько месяцев назад.

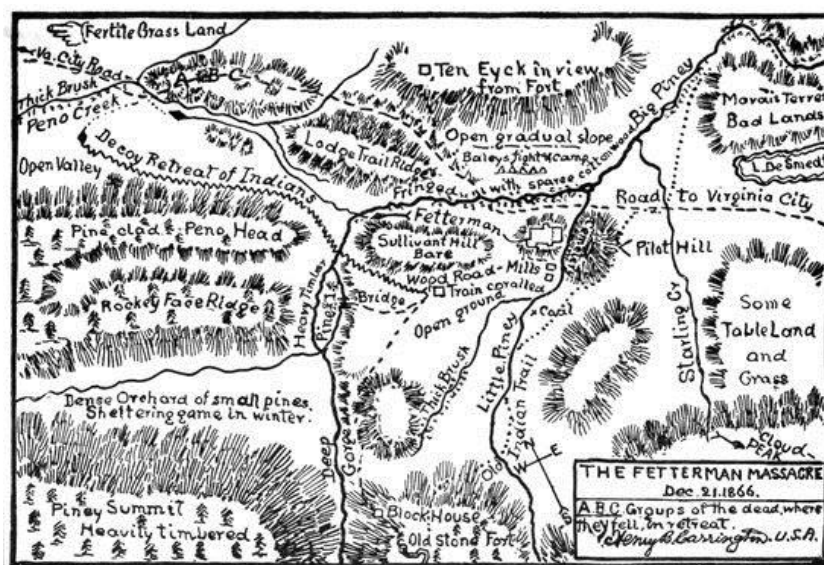
Командование сначала было поручено капитану Пауэллу, а лейтенант Граммонд отвечал за кавалерию. У Граммонда в форте жила жена, которая была слаба здоровьем, и офицеры предупредили его, чтобы он не попался в ловушку, хотя его опыт 6-го числа, когда он едва избежал смерти, был, казалось бы, лучшим предупреждением, которое он мог получить. Эта группа была лучше всего вооружена в форте, некоторые из назначенных несли карабины Спенсера. Каждой роте было приказано держать под рукой по сорок патронов на человека для немедленного использования в любой чрезвычайной ситуации, помимо дополнительных ящиков, которые всегда хранились в казармах роты. Солдаты недавно прошли обучение стрельбе, и часть боеприпасов была израсходована, хотя у них все еще оставалось достаточное количество для целей экспедиции. Кэррингтон лично осмотрел солдат перед их отправлением и отклонил тех, кто не был достаточно снаряжен.

Ситуация с лесовозом была критической, и отряд был собран в кратчайшие сроки. Как раз когда они собирались выдвигаться, капитан Феттерман, который имел меньший опыт в этой местности и в боевых действиях с индейцами, чем другие офицеры, поскольку он присоединился к полку уже после постройки форта и ожидал назначения на должность командира форта С. Ф. Смит, попросил поручить ему командование экспедицией, мотивируя свою просьбу старшинством в звании капитана. Кэррингтон с неохотой согласился на его просьбу, которую он вряд ли мог отклонить, и назначил его командующим, дав ему строгие и четкие инструкции «освободить поезд с дровами, оттеснить индейцев, *но ни в коем случае не преследовать их за Лодж-Трейл-Ридж*», и что, как только он выполнит эту задачу, он должен немедленно вернуться в форт.

Капитан Феттерман, как уже было сказано, часто выражал свое презрение к индейцам, хотя его сражение 6 декабря несколько изменило его мнение. Кэррингтон, зная его взгляды, был особенно точен и конкретен в своих приказах. Он считал эту осторожность настолько

необходимой, что повторил ее лейтенанту Груммонду, который вместе с кавалерией следовал за пехотой за воротами, причем пехота, имея меньше подготовки, ушла первой. Эти приказы были отданы громким голосом и были слышны многим людям — женщинам, офицерам и солдатам в форте. Генерал поспешил к воротам после того, как кавалерия « » покинула форт, и с платформы для часовых или банкетки, возвышающейся над воротами, снова крикнул им, категорически приказав «ни в коем случае не преследовать индейцев через Лодж-Трейл-Ридж».

Задача, возложенная на капитана Феттермана, была точно такой же, как та, которую капитан Пауэлл так успешно выполнил несколькими днями ранее. Вместе с капитаном Феттерманом отправились капитан Браун и два гражданских лица, пограничники и охотники, в качестве добровольцев. Эти два гражданских лица, Уитли и Фишер, были вооружены новыми скорострельными винтовками Генри с зарядкой с казенной части, которые они с нетерпением хотели опробовать на врагах. Уитли оставил в форте жену и детей.

Капитан Фредерик Браун, ветеран Гражданской войны, только что получил повышение, получил приказ об отстранении от командования и просто ждал подходящего случая, чтобы уйти. Он был человеком необычайной храбрости. Его должность квартирмейстера заставляла его постоянно следить за индейцами, и за день до сражения он объявил, что «должен иметь один шанс сразиться с индейцами, прежде чем уйти». Однако считается, что его импульсивный совет, обусловленный его удачей во многих стычках с нападающими отрядами, которых он несколько раз преследовал почти в одиночку, в значительной степени ускорил окончательную катастрофу.

Таким образом, общая численность войска, включая офицеров и граждан, под командованием Феттермана составляла восемьдесят один человек — именно столько он согласился вести через всю территорию племени сиу. По-видимому, никто из командования не имел ни малейшего представления о том, что какая-либо сила индейцев, какой бы великой она ни была, могла бы его победить.

Капитан Феттерман, вместо того чтобы вести своих людей прямо к лесному поезду на южной стороне холмов Салливант, ускорил шаг в направлении долины Пено на северной стороне. Возможно, он надеялся, что сможет застать индейцев врасплох и уничтожить их между своими войсками и охраной лесовоза, которая в общей сложности насчитывала около

девяноста человек, когда он обогнет западную оконечность холмов. Это движение было замечено из форта, но, поскольку оно не было связано с неподчинением приказам и могло быть расценено как хороший тактический маневр, оно не вызвало никаких опасений.

Индейцы, окружавшие лесовоз, были хорошо обеспечены разведчиками, и когда они обнаружили, что войска Феттермана продвигаются с другой стороны холма, они немедленно отошли от лесовоза, который вскоре вырвался из окружения и беспрепятственно направился к Пайни (), примерно в семи милях к северо-западу от форта. Когда войска Феттермана исчезли в долине Пайни-Крик (), вдоль Пайни перед фортом было замечено несколько индейцев. Сферический картечный снаряд из гаубицы в форте взорвался среди них, и они исчезли. Индейцы очень боялись «оружия, которое стреляет дважды», как они его называли.

В это время выяснилось, что с отрядом подкрепления не поехал ни один врач, поэтому исполняющий обязанности помощника хирурга Хайнс с эскортом из четырех человек был отправлен с приказом присоединиться к Феттерману. Врач поспешил уйти, но вскоре вернулся с информацией, что поезд с дровами ушел, и что, когда он попытался пересечь долину Пено, чтобы присоединиться к людям Феттермана, он обнаружил, что она полна индейцев, которые роились вокруг Лодж-Трейл-Ридж, и что никаких признаков Феттермана не было замечено. Несмотря на приказ, он, должно быть, перешел через хребет.

Тревога, вызванная этой новостью в форте, усилилась, когда в двенадцать часов раздались выстрелы. Было насчитано шесть выстрелов, быстро последовавших друг за другом, и сразу же после этого раздалась интенсивная стрельба с хребта Лодж-Трейл-Ридж, расположенного в пяти милях от форта, которая продолжалась с такой яростью, что свидетельствовала о ожесточенном сражении. Кэррингтон немедленно отправил капитана Тен Эйка с остальной частью пехоты, всего около пятидесяти четырех человек, приказав ему присоединиться к отряду Феттермана, а затем вернуться с ними в форт. Люди поспешили вперед. Чуть позже за Тен Эйком отправили еще сорок человек. Каррингтон сразу догадался, что Феттерман не выполнил приказ, либо сознательно, либо увлеченный жаром погони, и теперь ведет ожесточенный бой с индейцами на другой стороне хребта.

С учетом отряда Феттермана, охраны лесовоза и отрядов Тен Эйка, гарнизон форта теперь был сведен к очень небольшому числу. Это место, занимающее значительную площадь, теперь могло подвергнуться нападению в любой момент. Кэррингтон немедленно освободил всех заключенных из караульной, вооружил сотрудников интенданта, граждан и собрал в общей сложности всего сто девятнадцать человек для защиты поста.⁴ Хотя были сделаны все приготовления к отчаянной обороне, не хватало людей для охраны стен.

Генерал и оставшиеся офицеры поднялись на обзорную башню с биноклями в руках, опасаясь страшной катастрофы, которую они едва могли себе представить. Женщины и дети, особенно те, чьи мужья и отцы были в первом отряде, были почти в иступлении от ужаса.

Вскоре Сэмпл, личный ординарец генерала, который был отправлен с Тен Эйком, был замечен мчащимся галопом по противоположному холму. У него была лучшая лошадь в отряде (одна из лошадей генерала), и он преодолел расстояние между Лодж-Трейл-Ридж и фортом с поразительной быстротой. Он ворвался в штаб с сообщением от Тен Эйка, в котором говорилось, что «долина по другую сторону хребта заполнена индейцами, которые угрожают ему. Стрельба прекратилась. Он не видит никаких признаков отряда капитана Феттермана. Он просит прислать ему гаубицу».

Капитану Тен Эйку была отправлена следующая записка:

«Сорок хорошо вооруженных человек с тремя тысячами патронов, машинами скорой помощи, припасами и т. д. ушли до того, как прибыл ваш курьер. Вы должны объединиться с Феттерманом. Стреляйте медленно и держите людей под контролем. Вы бы сэкономили две мили по пути к месту действия, если бы пошли по Лодж-Трейл-Ридж. Я приказываю прислать поезд с дровами, что даст пятьдесят человек в запасе».

Ему не могли отправить орудие. Поскольку все лошади уже были в поле, для его перевозки потребовались бы люди. Больше никого нельзя было выделить, да и никто из его людей не умел бы подрезать фитиль или обращаться с орудием. Орудия были особенно нужны в форте для защиты женщин и детей.

Поздно днем отряд Тен Эйка вернулся в форт с ужасными вестями о страшной катастрофе. В повозках вместе с его командованием находились тела сорока девяти человек из отряда Феттермана; остальные тридцать два человека на тот момент считались пропавшими без вести. Тен Эйк очень правильно занял оборонительную позицию на холме и отказался спускаться в долину, несмотря на оскорбления и крики индейцев, число которых превышало две тысячи воинов, пока они наконец не отступили. Подождав достаточное время, он осторожно и осмотрительно двинулся в сторону долины Пено и к голому нижнему хребту, по которому пролегала дорога.

Там он обнаружил следы великой битвы. На конце хребта, ближайшего к форту, на площади около шести футов в квадрате, окруженной огромными камнями, образующими своего рода грубое укрытие, он нашел тела сорока девяти человек, которых он привез обратно. После того, как их боеприпасы были израсходованы, их раздели, пронзили стрелами, порубили на куски, сняли скальпы и ужасно изуродовали. Не было никаких следов о том, что именно здесь произошла очень ожесточенная схватка. На земле лежало всего несколько гильз. Из этих людей только четверо, кроме двух офицеров, были убиты пулями. Остальные были убиты стрелами, топорами или копьями. Очевидно, их замучили до смерти.

Браун и Феттерман были найдены лежащими рядом, каждый с пулевым ранением в левом виске. Их головы были обожжены и покрыты порохом вокруг ран. Видя, что все потеряно, они, очевидно, стояли лицом к лицу и каждый застрелил другого из своего револьвера. Оба поклялись умереть, чем быть взятыми живыми индейцами, и в крайней ситуации выполнили свои клятвы. Лейтенант Груммонд, который 6 декабря едва не погиб, еще не был найден, но надежды на то, что он снова спасся, было мало.

III. Суровое решение Кэррингтона

Ночь была полна дикой тревоги. Почти четверть боеспособных сил форта была уничтожена. Днем с холмов посылали сигналы зеркалами, а ночью то тут, то там возникали костры, свидетельствующие о том, что дикари не покинули окрестности. Численность охраны была удвоена, все спали в одежде, держа оружие под рукой. В каждом бараке всю ночь дежурили унтер-офицер и два солдата. Кэррингтон и остальные офицеры не спали вообще. Они были уверены, что форт будет атакован. Можно представить себе состояние женщин и детей, хотя командир строго запретил любые сплетни и слухи.

На следующий день было очень холодно. Небо было затянуто тучами, и надвигалась сильная буря. Индейцы не были привычны к активным действиям в таких условиях, и их нигде не было видно. Каррингтон решил выйти, чтобы выяснить судьбу своих пропавших людей. Хотя все оставшиеся офицеры, собравшиеся в его квартире, советовали ему не предпринимать этого, чтобы дикари, опьяненные победой, не предприняли еще одну атаку, Каррингтон спокойно отпустил своих офицеров, велел адъютанту остаться с ним, и труба мгновенно раскрыла его намерение, несмотря на протесты. Он правильно посчитал, что моральный эффект сражения будет значительно усилен в глазах индейцев, если тела не будут найдены. Кроме того, чтобы развеять все сомнения, необходимо было определить судьбу остальных членов его отряда. Его собственная жена, как следует из ее рассказа, одобрила его действия и набралась мужества, чтобы встретить возможную судьбу, в то время как миссис Груммонд была главной противницей, считая, что, поскольку ее муж, несомненно, погиб, не следует провоцировать новую экспедицию, которая может привести к подобной катастрофе.

Во второй половине дня, с вооруженным отрядом из восьмидесяти человек, Каррингтон лично отправился на место сражения. Дневному офицеру был оставлен следующий приказ: «Выстрелите из пушки в обычное время заката, подняв белый флаг на мачту. Если появятся индейцы, выстрелите три раза из двенадцатифунтовой пушки с интервалом в одну минуту, а затем замените белый флаг красным». По мере продвижения отряда на двух возвышенных хребтах были оставлены дозорные в качестве наблюдателей за сигналами. Женщин и детей поместили в склад, здание, хорошо приспособленное для обороны, в котором были запасы воды, сухарей и т. д. на случай чрезвычайной ситуации, а офицер пообещал не позволять брать женщин в плен, если генерал не вернется и индейцы одолеют загородку.

Пройдя место, где произошла самая большая резня, мужчины осторожно шли по тропе. Тела были разбросаны вдоль дороги до самого западного конца, наиболее удаленного от форта. Здесь они нашли лейтенанта Груммонда. Вокруг его тела были следы отчаянной борьбы. За небольшой кучей камней, служившей естественным укреплением, находились два гражданских лица, вооруженные современными винтовками Генри. Рядом с одним из них было насчитано пятьдесят патронов, а рядом с другим храбрым пограничником — почти столько же. За ближайшим укрытием лежали тела самых старых и опытных солдат из отряда Феттермана.

Перед ними они обнаружили не менее шестидесяти больших кровавых пятен на земле и траве, а также несколько мертвых пони, показывающих, где пули защитников достигли своей цели,^[14] и во всех направлениях были следы жесточайшего рукопашного боя. Перед ними лежали ужасные и изуродованные останки, обнаженные, пронзенные стрелами — Уитли с не менее чем ста пятью стрелами в теле, со скальпированной головой.

Браун доехал до смерти как маленького индейского пони «калико», которого он подарил сыновьям генерала, когда они вышли из форта Ливенворт в ноябре 1865 года, так и тело лошади, которое было найдено на низменности на западном склоне хребта, что свидетельствовало о том, что сражение началось там, прежде чем они смогли достичь возвышенности.^[15] В десять часов вечера, по возвращении, белый фонарь на мачте сообщил радостную новость о том, что гарнизон остался невредимым.

Феттерман не выполнил приказ. Было ли это сделано намеренно или нет, сказать невозможно. Он освободил лесной поезд и вместо того, чтобы вернуться на пост, преследовал индейцев через хребет в долину Пено, затем по тропе и попал в хитроумно устроенную засаду. Его люди, очевидно, сражались на дороге, пока не закончились боеприпасы, а затем либо получили приказ отступить к форту, либо отступили по собственной инициативе — скорее всего, второе. Кстати, все головы убитых кавалерийских лошадей были повернуты в сторону форта. Феттерман и Браун, люди бесспорного мужества, должно быть, были сметены вместе со своими бегущими людьми. Возможно, на скалах оставался небольшой резерв, на который они надеялись собрать свои дезорганизованные, охваченные паникой войска, бежавшие от орды кричащих, опьяненных кровью воинов. Я представляю, как они тщетно протестовали, умоляли, просили своих людей остаться и сражаться. Я уверен, что они сражались до последнего. Но это только догадки; что действительно произошло, знает только Бог.

Суждение ветеранов и пограничников, которые знали, что отступление означает уничтожение, заставило некоторых удерживать свои позиции и сражаться до тех пор, пока у них не закончились патроны; затем, вооружившись прикладами ружей, мечами, штыками и всем, что попадалось под руку, они сражались, пока их не перебили. Граммонд остался с ними, возможно, достойно пожертвовав собой в тщетной попытке прикрыть отступление остальных своих подчиненных. Потери индейцев были очень тяжелыми, но их точное число установить не удалось.

Авторское право, 1902, Чарльз Шрейвогель

ЛЕЙТЕНАНТ ГРУММОНД ПОЖЕРТВОВАЛ СЕБЯ, ЧТОБЫ ПРИКРЫТЬ ОТСТУПЛЕНИЕ

Рисунок Чарльза Шрейвогеля

IV. Награда храброму солдату

Такова была печальная судьба Феттермана и его людей. Пост был изолирован, погода ужасная. Курьер был немедленно отправлен в форт Ларами, но такие средства связи были неизбежно медленными, и только утром в Рождество мир узнал об этой трагической истории. Несмотря на сообщения, которые были сделаны и в которые легковерно поверили, что в этой стране воцарился мир, теперь стало известно, что война царила повсюду. Шок от ужаса, с которым была воспринята эта страшная новость, был даже сильнее, чем тот, который сопровождал рассказ о катастрофической битве при Литл-Бигхорн десять лет спустя. Тогда люди уже привыкли к подобным вещам, а эта новость стала для них ударом из ясного неба.

Хотя Кэррингтон вел себя во всех отношениях как храбрый, благоразумный, умелый и способный солдат, хотя его заслуги заслуживали награды, а не порицания, и требовали похвалы, а не обвинений, народ и власти требовали козла отпущения. Генерал Кук немедленно отстранил его от командования, получив частную телеграмму из Ларами, которая так и не была опубликована, еще до получения его официального отчета, и приказал перенести штаб полка в небольшой пограничный пост в Форт-Каспар, где были размещены две роты его первого батальона, только что ставшего новым 18-м, а четыре роты того же батальона под командованием его подполковника были направлены на подмогу Форту Фил-Керни.

Погода стала суровой, и снег засыпал до верха частокол. Ртуть опустилась в колбу. Каждые полчаса менялась стража. Мужчины и женщины одевались в меховые шубы, сшитые из шкур сотен волков, которые ночью нападали на скотобойню за пределами форта Каспер () и

были отравлены людьми ради их меха. В день, точно назначенный для марша, поскольку новоприбывшие нуждались в крыше над головой во время снежной бури, которая вскоре превратилась в метель, Кэррингтон, его жена и дети, его штаб и их семьи, включая миссис Груммонд, сопровождавшую останки своего мужа в Теннесси, а также полковой оркестр с женщинами и детьми, начали в феврале «переезд штаба». Они едва не замерзли насмерть. Более половины из шестидесяти пяти человек в отряде получили обморожения, и три ампутации, а также один смертельный случай стали непосредственным результатом этого глупого и жестокого приказа.

Только спустя некоторое время смешанная комиссия из солдат и гражданских лиц, тщательно расследовавшая поведение Кэррингтона, имея перед собой все его книги и записи с момента начала экспедиции до ее трагического завершения, оправдала его от любой вины и наградила его заслуженной похвалой за успешное проведение всей кампании. Его действия также были предметом расследования перед чисто военным судом, все члены которого были его младшими по званию, который также вынес благоприятное заключение. Генерал Шерман прямо заявил, что «отчет полковника Каррингтона, насколько ему известно, был полностью подтвержден», но по какой-то необъяснимой оплошности или намеренно отчет был засекречен и никогда не опубликован, что нанесло непоправимый ущерб репутации храброго и верного солдата.

В то же время в октябре правительство учредило почтовый форт между Ларами и Форт-Рено, что так настойчиво рекомендовал Каррингтон, назвав его Форт-Феттерман в честь несчастного офицера, павшего в бою 21 декабря.

Возможно, нам не следует осуждать мертвых, но вся эта несчастная история произошла из-за прямого неподчинения приказам со стороны Феттермана и его людей. Они заплатили за свою ошибку жизнью и, по крайней мере, таким образом искупили свою вину. Год спустя солдатам в Фил-Керни представилась возможность отомстить Ред Клауду и его суям за убийство своих храбрых товарищей.

[9](#) Убиты на Лодж-Трейл-Ридж

[10](#). Опубликовано Сенатом США в 1887 году.

[11](#). На похоронах сержанта Бауэрс капитан Браун, который знал его во время Гражданской войны, прикрепил к его груди значок Армии Камберленда, который был найден, когда останки были перезахоронены в 1878 году.

[12](#). ГАРНИЗОН ФИЛА КЕРНИ на момент массового убийства, по данным «Post Returns»:—

Вуд Парти, помимо возчиков	55 человек
Группа Феттермана (два гражданина)	81 человек
Группа Тен Эйка (сменная)	94 человека
Беспомощные в больнице	7 мужчин
Переключки, присутствующие, все вместе	119 человек
Всего офицеров и солдат	356 человек

Девяносто винтовок изношены в результате использования на лошадях. Гражданские служащие использовали свое личное оружие.

Информация предоставлена генералом Х. Б. Кэррингтоном.

13. «АБСАРАКА, земля массовых убийств» миссис Кэррингтон, о которой Оливер Уэнделл Холмс написал генералу Кэррингтону следующее: «Какая интересная запись миссис Кэррингтон! Я не могу читать такую историю о преданности и выносливости в условиях лишений и опасности, не чувствуя, как мало большинство из нас знает о том, какой может быть жизнь, когда все человеческие силы задействованы в великих предприятиях и чрезвычайных ситуациях».

14. Индейцы, по возможности, уносят тела своих убитых. Они так поступали и во время этой кампании, так как войскам удалось захватить лишь несколько тел убитых индейцев.

15 Однажды, когда тела грузили в повозки, нервный сержант принял одного из часовых за индейца в тылу и поднял тревогу. Генерал строго приказал его отряду «оставить боеприпасы и вернуться в форт, как смогут, если боятся, потому что ни один вооруженный человек не будет иметь права уйти, пока не будет спасен последний труп».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тридцать два против трех тысяч

I. Импровизированный загон на острове Пайни

Красное Облако, который был одним из подвождов сиу, приобрел такой авторитет благодаря разгрому и убийству людей Феттермана, что сразу стал главным вождом племени.^[14] Разъяренные воины, опьяненные победой и жаждущие крови, тысячами спешили вступить в его отряд.

Форт Фил Керни уже ранее находился в осаде, но теперь он был окружен еще более плотно, чем когда-либо. Вопреки своему обычному стремлению избегать военных действий в холодную погоду, на протяжении всей долгой и суровой зимы индейцы не ослабляли бдительности. Гарнизон форта Фил Керни () постоянно находился на чеку. Нападения всех видов становились все более частыми. Письма солдат, которые доходили до Востока, адекватно описывают их ощущение страшной опасности, угрожавшей им. «*Это может быть мое последнее письмо*» — часто встречающаяся фраза. Путешествия по тропе были прекращены. Как только это стало возможным весной, были срочно отправлены подкрепления, и форт был достроен, но ситуация продолжала оставаться прежней без перерыва.

С наступлением лета Красный Облако собрал своих воинов и решил нанести прямой удар по самому форту. Он устал от стычек, панического бегства скота, перерезания пути отставшим и т. д. Он хотел войны, настоящей войны, и он ее получил! Если, или когда, он захватит форт, он последует за двумя другими фортами и таким образом раз и навсегда очистит страну от ненавистных захватчиков, чьи солдатские качества он, по-видимому, презирал. Для предложенной им кампании он собрал не менее трех тысяч воинов, цвет су-нации. Вероятно,

половина из них была вооружена огнестрельным оружием: винтовками Winchester, карабинами Spencer или старыми армейскими мушкетами, в том числе теми, которые были захвачены у отряда Феттермана. Под прикрытием частых стычек, которые мешали разведке со стороны войск, Красный Облако собрал своих воинов незаметно и без помех, и подготовился к атаке примерно 1 августа 1867 года.

Границы военного резервата были установлены в Вашингтоне — без достаточного знания местности и вопреки просьбам и протестам генерала Каррингтона — таким образом, чтобы исключить лесные угодья Пайни-Айленда, на которых был построен пост и откуда необходимо было добывать ближайшие и наиболее доступные запасы древесины. Пост был построен, но для отопления в течение долгой и суровой зимы требовались огромные запасы древесины. Ее должны были заготовить и доставить в форт гражданские подрядчики, заключившие с правительством соответствующий контракт. Одним из условий контракта было то, что лесорубы должны были охраняться и защищаться солдатами.

Рубка леса началась 31 июля 1867 года, и капитан и бrevet-майор Джеймс Пауэлл, командующий ротой «С» 27-го пехотного полка, который ранее был батальоном 18-го полка, входившего в состав командования, построившего форт, и к которому принадлежали Феттерман и его люди, был направлен со своей ротой для охраны группы подрядчика. Капитан Пауэлл поступил на службу в армию в 1848 году рядовым солдатом. Гражданская война принесла ему звание в регулярной службе, и в ходе ее он дважды был награжден за выдающуюся доблесть, один раз в Чикамоге и второй раз во время Атлантской кампании, в которой он был тяжело ранен. До и после прибытия на пост он имел некоторый опыт ведения боевых действий с индейцами и отличился в нескольких стычках, в частности при спасении лесовоза за несколько дней до того, как опрометчивость и неподчинение Феттермана привели к ужасной катастрофе.

Прибыв на Пайни-Айленд, примерно в семи милях от поста, Пауэлл обнаружил, что подрядчик разделил своих людей на две группы. Одна из них располагалась на голой, безлесной и относительно ровной равнине, возможно, шириной в тысячу ярдов, окруженной невысокими холмами, за которыми возвышались горы. Это было прекрасное место для выпаса стад мулов, необходимых для перевозки повозок. Как будет видно, его также можно было превратить в хорошо укрепленную оборонительную позицию. Другой лагерь находился в густом сосновом лесу, примерно в миле от ручья, у подножия горы. Такое разделение труда требовало разделения сил, что было несчастьем, но чего нельзя было избежать.

Пауэлл послал двенадцать человек под командованием унтер-офицера охранять лагерь в лесу, а тринадцать человек с другим унтер-офицером — сопровождать повозки с дровами до форта и обратно. С оставшимися двадцатью шестью людьми и своим лейтенантом Джоном К. Дженнессом он установил штаб на равнине под открытым небом.

Повозки, которые использовали дровосеки, были предоставлены интендантским отделом. При транспортировке дров лесорубы использовали только ходовую часть, а кузова повозок оставляли на поляне. Чтобы сохранить их содержимое и обеспечить максимальную защиту пассажиров в случае нападения индейцев, интендантский отдел обычно обшивал кузова повозок котелным железом, а по бокам прорезал бойницы, чтобы пассажиры могли сражаться, оставаясь в укрытии. Практически все авторитетные источники, писавшие об этом сражении, пришли к выводу, что именно эти платформы были обшиты таким образом. Это ошибочный, хотя и естественный вывод. В письме старому товарищу, который написал отчет о последующих событиях,⁴ Пауэлл не упоминает никакой железной обшивки, и можно с уверенностью сказать, что платформы не были обшиты, а были обычными деревянными платформами.⁴

Было четырнадцать таких тележных платформ. Пауэлл расположил их в форме широкого овала. В самой высокой точке равнины, которая оказалась в центре, был построен этот загон. Тележные платформы были глубокими и обеспечивали достаточное укрытие для любого, кто лежал в них. Иногда я задаюсь вопросом, почему Пауэлл не поставил эти платформы на бок, а не на дно, создав более высокое и прочное ограждение, поскольку дно тяжелее боковых стенок; но ясно, что он этого не сделал. В лагере было много инструментов, в том числе несколько буров, и с их помощью люди Пауэлла проделали несколько бойниц на расстоянии около фута от земли на внешних сторонах повозок.

На концах овала, где конфигурация местности делала его наиболее уязвимым для атаки, особенно со стороны всадников, два полных фургона — то есть с кузовами и ходовой частью — были размещены на небольшом расстоянии от небольшого загона. Это позволило бы сломить силу атаки, и защитники могли бы стрелять по атакующим под кузовами и через колеса. Пространства между кузовами повозок были заполнены бревнами и мешками с зерном, а сзади были размещены все доступные предметы, которые могли бы отразить пулю. В этом загоне хранились припасы для солдат и лесорубов.

Корраль из фургонов на острове Пайни

Вместо старых мушкетов Спрингфилд с дульным заряданием, которыми до этого времени в основном были вооружены войска, люди Пауэлла были снабжены новыми винтовками Спрингфилд с казенным заряданием, модифицированными Алленом. У него было достаточно винтовок для своих людей и всех гражданских служащих, а также большое количество новых револьверов Кольт, с достаточным количеством патронов для всех. Новые винтовки никогда не использовались войсками в боях с индейцами, и последние совершенно не знали об их огромной дальности и мощности, а также о замечательной скорострельности, которую они обеспечивали. Однако в течение следующих одного-двух дней они многое узнали об этом. Первого августа войскам в форте было выдано количество одежды и одеял, а снабжение для людей Пауэлла было отправлено ему.

II. Дикая атака сиу

Доработав свои планы, Красный Облако решил начать атаку на форт Фил Керни с уничтожения небольшого отряда, охранявшего обоз.^[19] В течение нескольких дней в окрестностях наблюдались группы индейцев, но с момента прибытия Пауэлла до 2 августа никаких атак не было, пока около девяти часов утра^[20] группа из примерно двухсот индейцев не попыталась поднять панику среди стада мулов. Пастухи, которые были вооружены, остались на месте и на время сумели отразить нападение. Пока они были заняты жарким боем с пешими индейцами, шестьдесят всадников сумели проникнуть в стадо и увести его. В то же время пятьсот других индейцев напали на поезд с дровами в другом лагере.

Это событие не было полной неожиданностью, поскольку приближение индейцев было обнаружено и сигнализировано из загона на острове за несколько мгновений до этого. Перед лицом такой подавляющей силы солдаты и гражданские лица, находившиеся в лесовозе, немедленно отступили, бросив поезд и лагерь. Здесь были убиты четверо лесорубов. Однако отступление было организованным, и они сдерживали индейцев хорошо направленным огнем.

Тем временем пастухи, увидев паническое бегство мулов, попытались присоединиться к отступающей группе, которая уходила от лесного поезда. Индейцы попытались перехватить их и отрезать от отступающих. Однако Пауэлл с частью своих людей, оставив пост под командованием лейтенанта Дженнесса, немедленно бросился через прерию и атаковал дикарей с тыла. Те сразу же развернулись, отказавшись от преследования пастухов, и напали на Пауэлла, который, в свою очередь, без потерь отступил к загону. Его быстрая и смелая вылазка спасла пастухов, поскольку они смогли соединиться с отступающими членами поездки, их охранниками, солдатами и гражданскими лицами и в конце концов добрались до форта, хотя и не без тяжелых боев и некоторых потерь. Одной из причин, помогших им уйти от индейцев, было то, что дикари остановились, чтобы разграбить лагерь и сжечь его вместе с обозом. Другой причиной было присутствие отряда Пауэлла, который они не могли оставить в тылу. Прогнав остальных и завершив разрушение лагеря, они обратили свое внимание на загон Пауэлла.

Часть одежды, полученной накануне, не была распакована и распределена, поэтому ее использовали для укрепления слабых мест в загоне. Люди Пауэлла легли на платформы повозок перед бойницами; на платформы набросили одеяла, чтобы скрыть защитников от наблюдения и, возможно, спасти их от падающих стрел индейцев племени « », и все было готово. У всех было достаточно боеприпасов.

Некоторым из тех, кто не был хорошим стрелком, было велено заниматься только заряданием винтовок, которых было так много, что у каждого было по две или три, а один человек использовал не менее восьми. Четверо гражданских лиц успели присоединиться к группе в загоне — действительно желанное пополнение, в результате чего общее число офицеров и солдат достигло тридцати двух. Среди этой четверки был старый пограничник, который провел большую часть своей жизни, охотясь в индейских землях, и участвовал в бесчисленных сражениях, известный своим мастерством в обращении с винтовкой — меткий стрелок. Именно этому человеку и были отпущены восемь ружей. Пауэлл, с винтовкой в руках, расположился на одном конце загона; Дженнесс, вооруженный аналогичным образом, был размещен на другом конце, и каждый офицер наблюдал за одним из выходов, прикрытых полными фургонами, которые были загружены припасами, так что их было нелегко увести вручную.

Пока все эти приготовления быстро осуществлялись, хотя и без суеты и паники, окрестности заполнялись бесчисленным множеством индейцев. В тот момент было

невозможно оценить их количество, хотя было установлено, что присутствовало и участвовало в сражении более трех тысяч воинов. Сам Красный Облако командовал, и с ним были великие вожди великих племен сиу, которые были представлены всеми — ункапапами, миниконжу, оглалами, брюле и сан-арками, помимо сотен шайенов.

Они были настолько уверены в успехе, что, вопреки своим обычным обычаям, привели с собой женщин и детей, чтобы те помогали им уносить добычу. Они собрались вне зоны досягаемости на самых дальних холмах и стали зрителями ужасной драмы, которая должна была разыграться в амфитеатре под ними.

Мы можем хорошо представить себе мысли этой маленькой группы из тридцати двух человек, окруженных силами, превосходившими их числом сто к одному. Их мысли, должно быть, вернулись к тому зимнему дню, примерно семь месяцев назад, когда вдвое большее число их товарищей потерпело поражение и было уничтожено при нападении двух третей их нынешних врагов. Вероятно, ни один из них не надеялся выжить. Шансы успешно противостоять атаке столь превосходящего по численности и необычайной храбрости врага были минимальны. Но ни один из них не дрогнул, ни один не засомневался. Они посмотрели на свое оружие, устроились поудобнее на платформах повозок, подумали о Феттермане и своих товарищах и помолились, чтобы атака началась и началась немедленно. Не было никаких героических поступков, никаких речей. Пауэлл спокойно заметил, что теперь им придется сражаться за свою жизнь, что было очевидно для всех, и приказал, чтобы никто, ни по какой причине, не открывал огонь, пока он не даст приказ.

Индейцы потратили некоторое время на подготовку, а затем отряд из примерно пятисот индейцев, великолепно оседланных на лучших боевых пони и вооруженных винтовками, карабинами или мушкетами, отделился от основной группы и направился к маленькому загону, лежащему черной точкой на открытой равнине. Они намеревались переехать солдат и закончить сражение одним быстрым ударом. Сначала медленно, но постепенно увеличивая темп, пока их пони не перешли на полный галоп, они смело устремились к загону, в то время как основные силы дикарей, находившиеся на некотором расстоянии позади, готовились воспользоваться любой брешью, которая могла образоваться в обороне. Это была блестящая атака, великолепно выполненная.

Дисциплина людей Пауэлла была настолько высока, что ни один выстрел не был произведен, когда индейцы, крича и воя как сумасшедшие, устремились вперед. В абсолютной тишине этого маленького укрепления было что-то ужасно зловещее. Галопирующие люди были теперь в ста ярдах, теперь в пятидесяти. В этот момент Пауэлл обратился к своим людям. Ограждение было охвачено пламенем. Из дыма и огня на изумленных дикарей посыпался град пуль. Стрельба была не такой, как обычно — один залп, потом другой, а потом тишина; это был непрерывный, упорный, непрекращающийся поток, который косил их десятками. Наступление было сбито с толку, остановлено, но не прекращено, поскольку его импульс был слишком велик; затем силы разделились и обтекли загон, ища слабое место для возможного проникновения. В тот же момент яростный огонь обрушился на них со стороны воинов, чье положение на спинах лошадей давало им достаточную высоту, чтобы стрелять через платформы повозки по гарнизону. Затем они окружили загон в безумном галопе, ища какое-нибудь незащищенное место, на котором можно было бы сосредоточиться и прорваться, но тщетно. Небольшое ограждение было буквально окружено огнем. Ничто не могло противостоять ему. Они были так близко, что одна пуля иногда пробивала двух индейцев.⁴

АТАКА РЕД КЛАУДА НА ЗАГОН НА ОСТРОВЕ ПАЙНИ

Рисунок Р. Фаррингтона Элвелла

Потерпев ужасное поражение и не сумев произвести никакого впечатления, индейцы сломались и отступили. Они в паническом беспорядке бросились бежать с этого места, пока не вышли из зоны досягаемости смертоносной бури, которая пронеслась по равнине. Вокруг загона лежали мертвые и умирающие индейцы, смешанные с убитыми и ранеными лошадьми, брыкающимися и кричащими от боли, а индейцы стоически терпели все свои страдания и не издавали ни звука. Перед загонем, где была сражена первая сила атаки, лошади и люди лежали, как будто их сразила гигантская косилка. Защитники загона тоже понесли потери. Лейтенант Дженнесс, храбрый и решительный в обороне, вышел из укрытия, чтобы отдать необходимый приказ, и получил пулю в голову. Один из солдат был убит, а двое получили тяжелые ранения. Из тридцати двух осталось двадцать восемь. При таком раскладе, поскольку страдать было так мало, конец казался неизбежным. Однако дух маленького отряда оставался непоколебимым. К счастью для них, индейцы потерпели столь ужасное поражение, что все, о чем они думали в данный момент, было выбраться из зоны досягаемости. Таким образом, окрестности загона были сразу же покинуты.

III. Крещение огнем Красного Облака

Красный Облако, посоветовавшись с другими вождями, решил применить другой план, который давал больше надежды на успех. Семьсот индейцев, вооруженных винтовками или мушкетами, а также несколько человек с луками и стрелами, получили приказ подготовиться к бою. Их подготовка была проста и заключалась в том, чтобы снять с себя всю одежду, включая боевые рубашки и головные уборы. Этим людям было приказано ползти вперед, используя каждое углубление, овраг или другое укрытие, пока они не окажутся в пределах досягаемости загона, который они должны были захватить с помощью ружей и стрел. Поддерживать их и составлять основную атаку должны были все остальные индейцы, числом более двух тысяч воинов.

С помощью своих великолепных навыков, которыми они владели в совершенстве, отряд разведчиков приблизился к загону и начал обстреливать его. Кое-где, когда какой-нибудь дикарь неосторожно выходил из укрытия, его застреливал один из защитников, но в основном люди в загоне молчали под этим ужасным градом пуль и стрел. Верхние части бортов повозок были буквально разорваны на куски; тяжелые одеяла были пронизаны стрелами, которые, падая с большого расстояния, не наносили вреда. Огонь индейцев был быстрым и непрерывным. Пули врезались в дерево прямо над головами лежащих людей, звуча как раскаты грома; однако ни один человек в фургонах не был ранен. Полагая, возможно, по тишине в загоне, что защитники были побеждены и что настало время для большого наступления, был дан сигнал основным силам индейцев к атаке.

Их возглавлял племянник Красного Облака, великолепный молодой вождь, который стремился в свое время занять место своего дяди. Воспевая свои яростные боевые песни, они вышли, выстроившись в большой полукруг. Великолепные, крепкие воины, цвет нации, они были великолепно одеты в разнообразные и яркие боевые доспехи сиу. Великолепные военные головные уборы развевались на головах вождей, многие из которых были одеты в роскошные военные рубашки; раскрашенные тела других воинов выделялись яркими красками на фоне зеленой травы поляны и темных сосен на холмах и горах позади. Большинство из них несли на левой руке раскрашенные мишени или щиты из кожи буйвола, достаточно прочные, чтобы отразить выстрел из мушкета, если в них не попасть точно.

Под удвоенным огнем своих стрелков они бросились в атаку. Снова они продвигались вперед в условиях ужасающей тишины. Снова в назначенный момент прозвучал приказ. И снова страшная очередь сбила их десятками. Винтовка самого Пауэлла сразила бесстрашного молодого вождя, шедшего впереди. Другие выскочили вперед, когда он упал, и доблестно повел своих людей. Неустрашимые, они шли и шли, несмотря на резню, подобной которой ни один живой индеец не видел и о которой не слышал. Индейцы могли объяснить непрерывный огонь только тем, что в загоне находилось больше защитников, чем могло поместиться в его площади. Поэтому, в надежде, что адский огонь ослабнет, они продолжили атаку, пока не подошли почти к повозкам. На холмах Красный Облако и ветераны-вожди вместе с женщинами и детьми с напряженным вниманием следили за ходом сражения и с болезненным трепетом наблюдали за гибелью своих смелых воинов.

Ситуация была чрезвычайно критической. Если бы они подошли еще на несколько футов, винтовки стали бы бесполезными, и небольшая группа из двадцати восьми человек была бы вынуждена сражаться врукопашную без перезарядки. В таком случае конец был бы предreshен, но как раз перед тем, как индейцы достигли загона, они сломались и отступили. Они подошли так близко, что некоторые солдаты в возбуждении поднялись на колени и бросали в индейцев буры, которыми были проделаны бойницы, и другие снаряды. Другие же продолжали огонь, который был действительно выше человеческих сил.

Можно легко представить, какое облегчение наполнило души защитников, когда они увидели, как великая сила, которая так доблестно наступала, отступает по равнинам в безумном желании укрыться. Тем не менее, мужество и отчаяние этих индейцев, несмотря на одно поражение за другим и ужасающую резню, были настолько велики, что за три часа они совершили не менее шести отдельных атак на эту преданную группу. После первой атаки, совершенной всадниками, среди защитников загона не было ни одного пострадавшего. Только к полудню суи были удовлетворены.

Индейцы не могли объяснить этот непрерывный и страшный огонь, который велся из маленького форта, кроме как магией. «Белый человек, должно быть, приготовил плохое лекарство», — сказали они позже, еще не зная секрета дальнобойного казнозарядного

оружия « », — «чтобы пушки стреляли сами по себе без остановки». Действительно, огонь был настолько быстрым, что многие стволы пушек нагрелись до такой степени, что стали непригодными для использования. До сих пор индейцы называют эту битву «битвой белого человека с плохим лекарством».

Земля вокруг загона была усыпана телами убитых индейцев. Они были сложены в кучи поблизости и разбросаны по траве вдали. Ничто не является более постыдным в глазах индейского вождя и его людей, чем позволить телам убитых в бою попасть в руки врага. Красный Облако, осознав полную неудачу своих надежд на захват форта Фил Керни и изгнание захватчиков с этой земли, теперь хотел только забрать своих мертвых и отступить. Для этого он снова бросил вперед своих стрелков, которые вновь обрушили на загон шквал огня.

Посуэллу и его измученным людям это показалось предвестником окончательного наступления, которое, как они боялись, станет для них концом. Действительно, Посуэлл в своем отчете говорит, что еще одно наступление было бы успешным. Из-за жары и ужасающего напряжения, вызванного длительными непрерывными боями, солдаты находились в критическом состоянии. Патроны, которые казались неисчерпаемыми, заканчивались; многие винтовки были непригодны для использования. Однако они по-прежнему сохраняли спокойствие и нерушимый фронт перед врагом и медленно, обдуманно и осторожно отвечали на обстрел, который обрушивался на них.

Однако Красная Облако не думал о новой атаке. Он хотел только уйти. Под прикрытием своих стрелков ему удалось унести большинство убитых, а раненые, которые могли ползти, ушли сами. Воин, защищаясь как мог своим крепким щитом из буйволиной шкуры, полз вперед, привязывал конец длинного лассо к ноге мертвеца, а затем быстро отступал и утаскивал тело. Все это время холмы и горы оглашались смертными песнями стариков и старух.

По окончании этих операций среди индейских застрельщиков разорвался снаряд, и сквозь деревья слева уставшие защитники увидели синие мундиры приближающихся солдат, которые через мгновение вышли на открытое место.

Удивительное зрелище открылось взору отряда подкрепления. Облака индейцев покрывали равнину. Маленький загон все еще извергал огонь и дым в окружающую массу. Они прибыли вовремя. Без колебаний войска развернулись и бросились вперед. Их приветственные крики были встречены приветственными криками Посуэлла и его героических товарищей.

Пастухи, лесорубы и охранники, которые утром сбежали из лагеря, наконец достигли форта с известием о надвигающейся опасности для Посуэлла. Майор Смит со ста людьми и гаубицей был немедленно отправлен на помощь. Никто и не подозревал, что силы индейцев были столь велики, иначе, возможно, было бы отправлено больше людей, хотя численность форта все еще была недостаточна для отправки очень большого отряда. Было уже три часа дня. Индейцы, обескураженные и подавленные своим страшным поражением, угрюмо отступали перед наступающими солдатами. У них была прекрасная возможность уничтожить отряд Смита своей подавляющей силой, ведь они могли атаковать его на открытой местности, но они уже натерпелись за этот день и не воспользовались этой возможностью.

Майор Смит сразу понял, что в такой неравной ситуации ему следует забрать людей Посуэлла и как можно скорее вернуться. Неся тела погибших и раненых, небольшой отряд защитников присоединился к спасателям и вернулся в форт, оставив пустую честь поля сражения индейцам, которые заняли его следом за отступающими солдатами.^[22]

IV. После битвы. Рассказ разведчика

Пауэлл скромно оценил, что он убил шестьдесят семь индейцев и ранил сто двадцать. Большинство его людей заявили, что потери индейцев составили от трехсот до четырехсот человек, но только через год после битвы удалось установить реальные факты от самих индейцев. Потери индейцев в убитых и раненых в бою составили *1137 человек*. Другими словами, каждый из защитников убил по меньшей мере 36 индейцев. Несомненно, эта небольшая группа вполне отомстила за смерть своих товарищей под командованием Феттермана.

Как справедливо замечает полковник Додж, этот отчет читается как рассказ о Кортесе.^[23] На первый взгляд это кажется невероятным. В качестве объяснения этого факта представляет большой интерес следующий отчет, который полковник Додж сохранил из последующего разговора между пограничником, которому было выделено восемь ружей, и командующим департаментом:

«Сколько индейцев участвовало в нападении?» — спросил генерал.

«Ну, генерал, я не могу сказать точно, но думаю, что их было около трех тысяч».

«Сколько было убито и ранено?»

«Ну, генерал, я не могу сказать точно, но думаю, что около тысячи из них были ранены».

«Сколько вы убили?»

«Ну, генерал, я не могу сказать точно, но, честное слово, я могу поразить цель стоимостью в доллар с расстояния в пятьдесят ярдов каждый раз, и я стрелял из неподвижной позиции по более чем пятидесяти из этих негодяев с расстояния менее пятидесяти ярдов».

«Боже мой, сколько раз вы стреляли?» — воскликнул удивленный генерал.

«Ну, генерал, я не могу сказать, но я держал восемь ружей в готовности более трех часов».

За это Повелл получил свой третий брелок за героизм и выдающееся поведение на поле боя.

Следующей осенью с индейцами был заключен новый договор, и пост, который стал свидетелем как душераздирающих бедствий и поражений (), так и беспрецедентного триумфа, был оставлен им. Войска были выведены. Индейцы сразу же сожгли его дотла. Он больше никогда не был заселен, и сегодня о нем помнят только потому, что он связан с первым и, за одним исключением, самым заметным из наших поражений от индейцев на западе, а также с самой замечательной и сокрушительной победой, которую когда-либо одерживали солдаты над своими доблестными краснокожими врагами на той же земле.

На момент написания этой статьи (сентябрь 1903 г.) некогда могущественный Красный Облако, которому сейчас 89 лет, приближается к концу своей жизни, и уже появились различные претенденты на практически пустую честь верховного вождя сиу, двумя наиболее заметными кандидатами из которых являются молодой Красный Облако и сын старого Сидящего Быка.

ПРИМЕЧАНИЕ

После первой публикации этой статьи я получил следующее письмо, которое, поскольку оно подтверждает то, что кажется невероятным, — ужасные потери индейцев, — я привожу полностью:

УВАЖАЕМЫЙ МИСТЕР БРЭДИ!

Хотя я гораздо ближе к шестидесяти, чем к пятидесяти, я по-прежнему люблю исторические романы и факты и, по-моему, прочитал большинство ваших произведений. Я только что прочитал вашу последнюю статью, и она напомнила мне разговор с Красным Облаком двадцать лет назад.

Он был с моим дорогим старым другом «Адирондаком Мюрреем» и, по-моему, с Дж. Эмори Ноксом и мной. Он, Мюррей и Нокс были сфотографированы в группе. Вспоминая битву при Пайни-Айленде, он сказал, что вступил в нее с более чем тремя тысячами храбрых воинов и потерял более половины. Мюррей спросил его, имеет ли он в виду, что тогда было убито более полутора тысяч человек, и он ответил:

«Я потерял их. Они больше никогда не сражались».

Он знал, что Мюррей, Нокс и я иногда брались за перо, но никогда не использовали личные беседы. Я рассказываю вам все это для вашего личного удовлетворения. С уважением,

В. Р. Э. Коллинз,

1438 Broad—Exchange, Нью-Йорк.

3-22-'04.

[16](#)Махапия-лута, Красный Облако, был одним из самых известных вождей великого племени сиу. Он был свирепым и безжалостным воином, но при этом человеком слова. После оставления форта Фил Керни он не участвовал в каких-либо важных сражениях с солдатами, хотя и был избран верховным вождем сиу. Во время войны 1876 года его лагерь был застигнут врасплох генералом Маккензи, прежде чем он успел выйти на тропу войны. Его люди были разоружены, а он сам был заключен в резервацию. Это было счастливым случаем для армии.

Недавно старого вождя попросили рассказать о своем самом захватывающем приключении. Это была история о том, как один человек сражался против семерых, и, рассказывая ее, глаза старика засияли, а его морщинистое лицо озарилось странным светом. Один известный воин завидовал Красному Облаку и вместе с шестью своими последователями подстерег молодого храбреца в уединенном месте.

Двое из них были вооружены винтовками, остальные имели только луки и стрелы, а Красный Облако был вооружен винтовкой Винчестер. При первом выстреле Красный Облако упал с пулей в бедре, но из того места, где он лежал, ему удалось убить всех своих нападавших.

Умение и мужество, проявленные им в тот раз, принесли ему много поклонников, и по мере того, как вспыхивали новые войны с белыми и он завоевывал новые лавры, число его последователей увеличивалось. Он вступил в различные тайные общества, прошел через ужасную агонию танца солнца, и когда в 1866 году вожди племени подписали «мирный договор», он выступил против и объявил войну. Воины стекались под его знамя, и когда произошла ужасная резня, в которой он сыграл столь заметную роль, его провозгласили вождем всех сиу.

Весь авторитет, который он потерял на Пайни-Айленде, он вернул себе после того, как правительство покинуло форты, что было крайне недальновидным и неудачным шагом.

[17](#)Генерал Роденбоу в «Сабля и штык».

[18](#)Это утверждение подтверждается частным письмом ветерана армии США, одного из немногих выживших в этой битве. Хирург Хортон, который находился на посту с момента его основания до его оставления, также говорит, что платформы повозок были сделаны из обычных досок, без обшивки или другой защиты.

[19](#)В тот же день было совершено массированное нападение на форт С. Ф. Смит на реке Биг-Хорн.

[20](#)В официальном отчете Пауэлла говорится о девяти, хотя в частном письме, написанном несколько позже, указано семь. В любом случае, это не имеет значения: до конца дня было достаточно времени для всех сражений, которые хотели провести обе стороны.

[21](#)«Я знаю, что мой муж никогда не надеялся выйти из этой битвы живым. Он рассказывал мне, что во время боя индейцы подошли так близко к загону, что один выстрел пролетал через индейца впереди и убивал или ранил того, кто был позади. Мой муж утверждал, что ему выпала честь убить племянника Красного Облака». — Письмо от миссис Энни Пауэлл ко мне. Хирург Хортон утверждает, что по возвращении в форт солдаты рассказали ему, что индейцы были так тесно сгруппированы, что конические пули из их мушкетов убивали по четыре-пять индейцев, стоящих в линию друг за другом. Индейцы наступали плотной массой со всех сторон.

[22](#) Доктор Хортон пишет мне, что когда люди Пауэлла достигли поста, они были буквально обезумели от возбуждения и нервного напряжения, вызванного сражением. Здоровье многих из них было полностью подорвано. Сам Пауэлл так и не оправился от напряжения того ужасного дня, как сообщила мне его жена.

[23](#) «Наши дикие индейцы», полковник Р. И. Додж, США. Миссис Пауэлл в письме ко мне также подтверждает приведенный анекдот.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Личные воспоминания о форте Фил Керни и сражении у Вагон-Бокс

Автор: г-н Р. Дж. Смит.^[24]

«Чероки, Айова, 27 июня 1904 г.

Поскольку я был участником экспедиции Кэррингтона на реку Паудер в 1866 году, позволю себе прислать вам краткий очерк о событиях, связанных с фортом Фил Керни. Поскольку я в течение примерно двух лет активно участвовал вместе с другими в создании истории этого места, думаю, что этот рассказ может быть интересен.

Я покинул форт Ливенворт ранней весной 1866 года. В форте Керни, штат Небраска, мы встретили полковника Каррингтона и часть его подразделения, состоящего из нескольких рот 18-го регулярного пехотного полка. В начале апреля мы получили несколько новобранцев для указанного подразделения и вскоре отправились в то, что в то время называлось экспедицией Каррингтона на реку Паудер. Мы следовали по сухопутной тропе (иногда называемой тропой Солт-Лейк) вверх по южной стороне реки Саут-Платт до Джулсберга, пересекли там реку, а затем пересекли водораздел реки Боттомс-Крик () до реки Норт-Платт. Отсюда мы направились в форт Ларами. От этого места мы пошли на запад к ранчо Мусса, пересекли Хорс-Крик и следовали по тропе Бозмена. Это была новая дорога и короткий путь в Монтану. Пройдя по этой тропе пятнадцать миль, мы вышли к реке Норт-Платт у Бриджерс-Ферри. Здесь мы переправились на пароме — большой плоскодонной лодке, прикрепленной к большому тросу, натянутому через реку.

Мы следовали по правому берегу реки Норт-Платт до точки, расположенной напротив нынешнего места расположения форта Феттерман. В этом месте мы покинули реку и направились через местность, пересекая Санд-Крик и несколько других небольших ручьев, среди которых я сейчас помню Северный, Южный и Средний Шайенны. Тогда они были лишь высохшими руслами рек, которые становились довольно полноводными во время таяния снега в горах. В двадцати двух милях к востоку от реки Паудер мы достигли истока реки Драй-Форк и следовали по ней вниз до реки.

Там, на западном берегу, мы обнаружили форт Рено, основанный генералом Коннером в 1865 году и укомплектованный несколькими «оцинкованными солдатами». Численность гарнизона значительно сократилась из-за дезертирства в течение зимы, когда солдаты уходили в Монтану. «Оцинкованные солдаты» — так называли пленных солдат Конфедерации, которые вступили в армию Союза, чтобы нести службу на границе, чтобы выйти из тюрьмы и, между прочим, получать жалованье от дяди Сэма. Мы пробыли здесь несколько дней, и 4 июля индейцы разгромили склад провианта Ала Лейтона, военного

поставщика. Полковник сформировал отряд из солдат и граждан, чтобы преследовать индейцев и, по возможности, вернуть провиант.

Предоставлено The Century Co.

«САПОГИ И СЕДЛА»: НАЧАЛО РАННЕГО УТРА

Рисунок Фредерика Ремингтона

Действительно, было смешно смотреть, как солдаты пытались оседлать мулов, которые не были приучены к верховой езде, — а солдаты знали о верховой езде не больше, чем сами мулы. Мы следовали за индейцами до Пампкин-Бутс, и я могу сказать, что был очень рад, что мы их не нашли. Если бы мы с ними столкнулись, у нас было бы очень мало шансов спастись. Солдаты ехали на необученных мулах, были вооружены старыми мушкетами Спрингфилд, которые были привязаны к их спинам, и всего несколько индейцев могли бы напугать мулов и, по сути, солдат тоже.

Мы, граждане, договорились, что если индейцы нападут на нас, мы будем держаться вместе и сражаться изо всех сил. Джим Бриджер, наш проводник, был с этой группой. Он был старым жителем гор. До этого я имел двухлетний опыт жизни в горах и на равнинах; остальные граждане были хорошими людьми. Мы благополучно вернулись в форт, но не смогли вернуть ни одной из голов скота.

Через день или два мы покинули форт. Первый день похода был очень тяжелым: тридцать шесть миль до Крейзи-Уоманс-Форк. Этот ручей был очень хорошим, чистым, прохладным и очень быстрым. Команда была сильно деморализована этим долгим, жарким и сухим походом, без воды между этой точкой и фортом Рено. Солдатам выплатили жалованье за день или два до этого, многие были пьяны, многие другие были безрассудны и не запаслись водой, несмотря на приказы. Я видел, как за флягу с водой на этом марше заплатили пять долларов. По прибытии в Крейзи-Уоманс-Форк командующий отрядом выделил охрану, чтобы солдаты не прыгали в ручей и не пили слишком много воды.

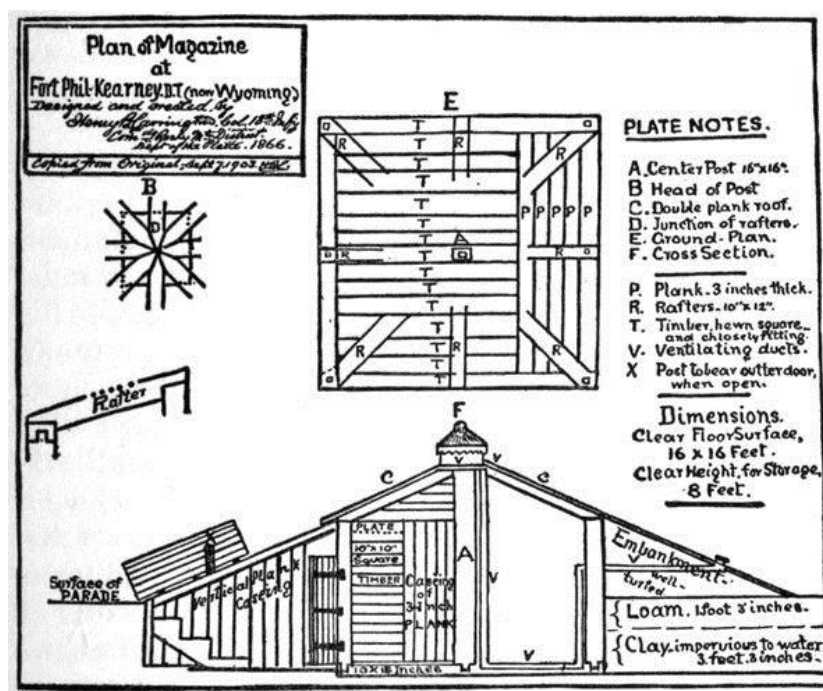
Мы пробыли здесь два дня, чтобы починить повозки и дожждаться отставших. Если бы индейцы были поблизости, они могли бы в это время « » (время промывания золота) избавиться от многих солдат. От этого ручья на запад до Биг-Хорна местность очень хорошая: много леса, воды и травы; по сути, рай. Мы двинулись на запад к развилке рек

Пайнис. Большая и малая Пайнис сливаются недалеко от места, где мы разбили лагерь, в шестидесяти пяти милях к западу от реки Паудер.

Двадцать четвертого июля мы переехали в место, где основали форт Фил Керни. В тот день в воздухе было так много кузнечиков, что они почти закрывали солнце. ^[25] На самом деле он выглядел не больше серебряного доллара. Форт был построен примерно так, как вы его описали, и с того дня, когда мы его основали, до моего отъезда оттуда в ноябре 1867 года, индейцы были очень заметны, и почти все это время шли многочисленные сражения.

Я был возчиком в этой экспедиции, управлял упряжкой скорой помощи. Сделал несколько поездок в форт Ларами и форт С. Ф. Смит на Биг-Хорн. Последний форт был основан Каррингтоном вскоре после основания форта Фил Керни и был постом с двумя ротами.

Часть лета 1866 года я провел с группой, занимавшейся заготовкой сена в Биг-Пайни. Во время одной из наших поездок на сенокос к нам присоединился человек, представлявший журнал «*Frank Leslie's Illustrated Weekly*» в качестве художника. Этот человек ехал со мной часть пути. Он намеревался сделать несколько набросков неподалеку, но я посоветовал ему остаться с нашей группой. Однако он настоял на том, чтобы остановиться по дороге. Когда мы вернулись, мы обнаружили его мертвым, с поперечным порезом на груди, что указывало на то, что они считали его трусом, который не хотел сражаться. У него были длинные черные волосы, а голова была полностью оскоблена. Вероятно, это было делом рук группы молодых чейеннов; они могли разрезать скальпы на много кусочков и тем самым устроить большое представление в лагере. Мне было очень жаль этого человека; он казался прекрасным джентльменом. Он думал, что если индейцы найдут его, то не причинят ему вреда, так как он намеревался показать им свои рисунки, а также объяснить, что он не вооружен.

Позже индейцев стало так много, что нам пришлось бросить заготовку сена. В день, когда мы сняли лагерь, у нас произошло много сражений с индейцами. Я помню солдата по имени Пэйт Смит, который в тот день одолжил у меня револьвер. Этот человек был на лошади. Он уехал слишком далеко впереди отряда, и индейцы отрезали ему путь. Позже мы узнали от

кроу, что суи () поймали его и заживо сняли с него кожу. Этот человек был старым добровольцем, но что может сделать человек с устаревшим мушкетом Спрингфилд? Один выстрел — и все кончено.

Я был в форте во время резни Фила Керни и отправился с подкреплением на место трагических событий. Когда мы прибыли, все наши люди были убиты и изуродованы самым жестоким образом, каким только краснокожие зверюги могли это сделать. Мы похоронили их немного восточнее форта. Они сражались до последнего, но были застигнуты врасплох и побеждены. Когда мы приблизились к месту событий, на западе земля была черна от индейцев.

Очевидно, что в этой резне виноваты офицеры; они не выполнили приказ полковника, который заключался в том, чтобы охранять поезд с лесом, идущий к форту, и не вступать в бой с индейцами, если те не нападут на них. Примерно в двух милях к западу от форта они оставили поезд с лесом, пересекли реку Биг-Пайни-Крик, дошли почти до реки Пено-Крик и попали в засаду примерно трех тысяч индейцев, и весь отряд был убит. В эту группу индейцев входили представители всех племен сиу, а также шайенны, черноногие, арапахо и несколько молодых отступников из племени кроу. Я знал, что последнее утверждение соответствует действительности, поскольку один из членов роты С 2-го кавалерийского полка некоторое время назад украл у меня револьвер, который был с ним в этой схватке. Индейцы забрали его с его тела. Следующей весной в форт пришел молодой индеец из племени кроу. Я увидел пистолет под его одеялом и отобрал его у него. Если бы он был в лагере на реке Биг-Хорн со своим народом, он не мог бы получить этот пистолет на поле битвы. Я был ранен примерно за шесть недель до этой битвы и не выходил на службу, но когда объявили набор добровольцев для подкрепления отряда Феттермана, я вышел на службу и отправился с отрядом на место массового убийства.

Вы ошибаетесь, утверждая, что этой зимой не было связи с внешним миром. Я совершил одну поездку на своей машине скорой помощи в форт Ларами. Нас сопровождали десять кавалеристов. После этого мы, по-моему, совершили еще три поездки без сопровождения, используя вьючных мулов. В группу входили два вьючных и почтальон Ван Волси, очень хороший и отважный человек. Во время последней поездки я увидел следы индейцев в сухих разветвлениях реки Паудер, состоящие из остатков не полностью потухшего костра и нескольких индейских ловушек, разбросанных вокруг него. Я отказался совершать еще одну поездку без сопровождения. По прибытии в форт мы сообщили об этом и потребовали сопровождение для следующей поездки. Но из-за того, что скот был в очень плохом состоянии из-за нехватки корма, они не могли предоставить конное сопровождение.

Они убедили меня совершить еще одну поездку с Ван Волси, на что я глупо согласился. В первый день пути я ослеп от снежной слепоты, и по прибытии в форт Рено попросил его найти мне замену. Он отказался и настоял, чтобы я сопровождал его до форта Ларами, но после недолгого пути мои глаза полностью отказали. Мне пришлось вернуться в форт и найти другого человека, который заменил бы меня. Они благополучно совершили поездку и на обратном пути их сопровождали два или три солдата, которые собирались присоединиться к своим подразделениям. Они почти дошли до истоков сухой ветви реки Паудер, когда индейцы убили всю группу. Мы нашли кости людей и мулов, а также некоторые почтовые мешки. Мы похоронили там останки людей.

Летом 1967 года жизнь была одной непрерывной чередой сражений. Мы потеряли очень много людей, но нанесли суям гораздо больший ущерб, чем в предыдущем году. Солдаты имели лучшее оружие и были гораздо более опытными бойцами против индейцев. Они поняли, что безопаснее держаться лицом к индейцам, чем, как в предыдущем году, спиной. Когда ты бежишь от индейца, ты становишься его добычей.

В день сражения у фургона я в сопровождении своего напарника покинул форт еще до рассвета. Мы отправились в предгорья, чтобы поохотиться на оленей. Вскоре после рассвета мы обнаружили на холмах множество дымовых сигналов индейцев и решили, что лучше вернуться в форт. На обратном пути мы некоторое время следовали вниз по реке Литл Пайни и обнаружили, что местность была полна индейцев. Тогда мы направились к лесному поезду. Индейцы оказались между нами и ним. Тогда мы пошли к загону для фургонов и добрались туда как раз вовремя.

Ваше описание загона верно, насколько я его помню. Его расположение примерно верно, за исключением того, что он не находился на острове. Я никогда не слышал о острове Литл Пайни и не верю, что такой остров существовал там в то время.⁴ Повозки были обычными правительственными повозками. Они были отделены от повозок, так как повозки находились в загоне. Промежутки между ними были заполнены бревнами, тюками с одеялами, одеждой, мешками с кукурузой и т. д. Что касается того, что повозки были обшиты железом, то вы правы. Они не были обшиты. До того момента и во время моего пребывания на равнинах я никогда не видел фургонов с такой облицовкой. Фургон, в котором я был назначен сражаться, не имел такой защиты, но у нас были мешки с кукурузой, уложенные в два ряда по краям внутри фургона, с отверстием диаметром два дюйма в месте соединения четырех мешков. Это обеспечивало хорошую защиту для тела в положении лежа. Как указано в вашей статье, верхушки кузовов повозок были буквально разорваны на куски пулями, выпущенными в нас индейцами. Без этой защиты сражение не продлилось бы долго.

Был избыток боеприпасов и оружия. У меня было два карабина Спенсера и два револьвера (шестизарядные армейские Кольт). Во время первой атаки я опустошил карабины и револьверы, за исключением двух выстрелов (которые я оставил для себя на случай решающего момента). Остальные наши солдаты, должно быть, выпустили столько же выстрелов, сколько и я. Солдат, который был со мной в ящике, имел игольчатый пистолет и Спенсер, а также один или два револьвера. И он держал их в напряжении, пока был жив. Этот человек был пехотинцем — не помню, из какой он был роты. Он был ранен в голову и умер примерно через два часа после ранения.

Лейтенант Дженнесс только что предупредил меня, чтобы я не выставлял себя на виду и не стрелял, пока не буду уверен, что каждый выстрел поразит индейца. Он отошел на несколько футов от моего ящика, когда получил пулю в голову. Думаю, он умер мгновенно. Он был великим, добрым человеком и бесстрашным офицером. Я сказал ему, чтобы он оставался в укрытии. Он ответил, что вынужден выйти из укрытия, чтобы присмотреть за своими людьми.

Я получил легкое ранение в левую руку; пуля пролетела через иллюминатор, что, как мне показалось, было слишком близким выстрелом для сию.

Это сражение длилось около четырех часов и с самого начала было очень жарким. До этого я участвовал в нескольких сражениях с индейцами, но никогда раньше не видел, чтобы индейцы так решительно пытались нас уничтожить. Они должны были убить всю нашу группу. У них, безусловно, было достаточно сил, чтобы нас разгромить, но наш огонь был настолько устойчивым и сильным, что они не выдержали наказания.

Наши люди хорошо выдержали натиск, не открывая огня, пока пули не стали попадать в цель. На самом деле, стреляя в такую массу индейцев, как та, что атаковала нас в первый раз, было практически невозможно промахнуться. За все время, что я сражался с индейцами до этого, я никогда не видел, чтобы они так хорошо выдерживали огонь, как в этот раз; они, безусловно, принесли с собой всю свою отвагу. Нападая на наш маленький загон, они подъехали очень близко к фургонам, и именно здесь они потерпели неудачу. Если бы они

прорвались с первой атаки, сражение не продлилось бы и десяти минут после того, как они пересекли загон.

Многие убитые и раненые индейцы лежали в нескольких футах от фургонов. Раненые индейцы не прожили долго после окончания атаки. Они наблюдали и пытались попасть пулей в кого-нибудь из наших людей. Мы были вынуждены убить их для самозащиты. В любом случае, это был вечер сделки Феттермана. Они никогда не проявляли пощады к раненому белому человеку и не должны были ожидать другого обращения. Когда начался бой, у меня была фляга с водой, и я использовал большую ее часть, чтобы охладить свои ружья.

Вы утверждаете, что все наши потери произошли во время первой атаки. Это неверно, так как человек в моем фургоне был застрелен после почти часового боя. Думаю, его звали Эдмунд Бойл (Boyle). До того момента, как его застрелили, он, безусловно, выполнял свой долг и умер лицом к врагу, как и положено солдату.

Я не пытаюсь оценить количество индейцев, но, как сказал мой напарник, «лес был полон ими». Это было самое большое скопление индейцев, которое я когда-либо видел, и самые жестокие бойцы, с которыми я когда-либо сталкивался.

Когда появилось подкрепление, мы обрели новую жизнь, а когда они сбросили снаряд на индейцев из племени, мы поняли, что битва выиграна. Индейцы не выдерживают артиллерийского огня. Они называют его «повозкой-пушкой». Подкрепление прибыло как раз вовремя. Еще час таких боев, и наши люди и боеприпасы были бы исчерпаны.

Что касается индейцев, уносящих всех своих мертвых и раненых, то здесь вы снова ошибаетесь, так как многие из наших солдат унесли с собой скальпы и т. д., снятые с тел мертвых индейцев возле загона.^[27] Индейцы, конечно, унесли всех своих мертвых и раненых, кого смогли, но не слишком рисковали, чтобы достать мертвых возле загона.

По прибытии подкрепления мы немедленно отступили в форт. Капитан Пауэлл был подходящим человеком для командования в таких сложных условиях. Никто из лейтенантов не был лучше и смелее, чем Дженнесс. Что касается потерь индейцев, то я думаю, что вы их переоценили. Мы считали, что убили и ранили более четырехсот человек. Однако, возможно, ваши оценки верны. У нас была возможность уточнить это число, и мы, безусловно, сделали все возможное для этого.

После резни в декабре 1866 года мы получили подкрепление, как я теперь помню, четыре роты пехоты и две роты, L и M, 2-го кавалерийского полка. Эта большая дополнительная сила, размещенная в форте, рассчитанном на четыре роты, и снабженном провизией только для четырех рот, принесла много страданий в течение зимы, что привело к многим заболеваниям и многочисленным смертям от цинги. Почти все мы страдали от этой болезни. Я так и не оправился от ее последствий.

Полковник Кэррингтон был подвергнут суровому осуждению со стороны Военного министерства и многих других за резню в форте Фил Керни, и, на мой взгляд, несправедливо. Если бы полковник Феттерман, капитан Браун и другие командиры подчинились его приказам, резня не произошла бы, по крайней мере, не в этот раз.

Феттерман и Браун были смелыми бойцами, всегда жаждущими сражения, и воспользовались этой возможностью, чтобы вступить в бой. Капитан Браун на своем «каликовом» пони был знакомой фигурой в этом форте — мальчики называли его «Лысый». Индейцы очень хотели убить Брауна; он был для них как заноза в боку. Хотя мы в некоторой степени возлагаем вину за резню на Брауна и Феттермана, честно говоря, мы все были частично виноваты. Мы постоянно настаивали на том, чтобы полковник отправил большие

силы и сразился с индейцами, но он всегда настаивал на консервативном курсе. До того момента мы все думали, что сто хороших бойцов могут пройти через всю территорию племени сиу. Эта резня показала, что в открытом бою сиу не должны превосходить нас более чем в пять раз.

Я был хорошо осведомлен о экспедиции Каррингтона на реку Паудер в 1866 году и об истории форта Фил Керни с момента его основания до ноября 1867 года, а также был знаком со всеми офицерами и многими солдатами и гражданами. Я, вероятно, не написал бы это небольшое изложение реальных исторических событий, если бы в своей статье вы не указали, что часть информации вы получили от единственного живого участника знаменитой битвы у фургона. Я все еще жив и вешу двести фунтов (). По всей вероятности, есть и другие живые участники, так как в то время мы все были молодыми людьми.

История трех фортов, основанных в 1865 и 1866 годах, хорошо написанная, стала бы интересной историей, так как почти каждый день был полон волнующих событий. Довольно много граждан в той стране в то время были уволенными добровольцами, а также некоторыми солдатами-мятежниками. Как правило, они были для индейцев твердым орешком. Было заметно, что они не рисковали сражаться с гражданами, как с солдатами.

Покинув форт Фил Керни, я отправился в Шайенн и следовал по железной дороге Union Pacific до самого конца. Я был в Промонтори-Пойнт в штате Юта, когда железные дороги Union Pacific и Central Pacific соединились; это было одним из важнейших событий в истории Запада и практически решило индейскую проблему. Индейцы упорно сражались за эту территорию. Это были лучшие охотничьи угодья, которые у них остались. Среди них было много метисов, и они были смелыми и ловкими бойцами.

С уважением,

Р. Дж. Смит»

[24](#)Серийная публикация этих статей принесла мне множество писем с исправлениями, предложениями и другими материалами, написанных участниками описанных событий. Среди них нет ни одного, который был бы более наглядным и интересным, чем это письмо от г-на Смита, бывшего водителя-дальнобойщика из Каррингтона, которое я считаю за честь включить в эту книгу его собственными словами. — С. Т. В.

[25](#)Я наблюдал подобные явления в других частях Запада много лет назад. — С. Т. В.

[26](#). Карта генерала Каррингтона на странице [27](#) показывает остров. Воспоминания г-на Смита здесь ошибочны. — С. Т. В.

[27](#)Хирург Хортон пишет мне, что «солдаты принесли в форт голову индейца для научного изучения индейских черепов!» Позже он отправил ее в Вашингтон. Он также утверждает, что рядом с загоном было несколько трупов, которые индейцы не смогли забрать во время боя. Когда он и другие офицеры посетили это место на следующий день, после ухода индейцев, там не было найдено ни одного трупа, даже того, у которого не было головы. — С. Т. В.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Форсайт и «грубые всадники» 1868 года

I. Первые «грубые всадники».

Никто не будет оспаривать категоричное утверждение, что самой отважной группой американских бойцов, о которой нам рассказывает история, была та, что защищала Аламо. Они превзошли Леонида и его спартанцев, ведь у греков был вестник поражения, а у людей из Аламо его не было. Но вслед за доблестным Трэвисом и его бесстрашными товарищами появились «грубые всадники» Форсайта, которые прославились своей яростной битвой на острове Бичерс в устье реки Арикари, в восточной части Колорадо, осенью 1868 года.

Зараза успешных индейских атак на форт Фил Керни распространилась по всему Центральному Западу. В то время компания Kansas Pacific строила железную дорогу до Денвера, и ее продвижение встретило яростное сопротивление со стороны индейцев. Еще в 1866 году на совете, состоявшемся в форте Эллсворт, Роман Нос, верховный вождь шайенов, выступил с речью, полной дерзкого вызова.

КАПИТАН ЛУИС Х. КАРПЕНТЕР ЛЕЙТЕНАНТ ФРЕДК. Х. БИЧЕР^[29]

МАЙОР ДЖОРДЖ А. ФОРСИТ РАЗВЕДЧИК ДЖЕК СТИЛЛУЭЛЛ

БОЙЦЫ ОСТРОВА БИЧЕР

Все современные портреты, кроме портрета Стилвелла

«Это первый раз, — сказал гигантский воин, ростом шесть футов три дюйма и великолепно сложенный, —^[28] — когда я пожимаю руку белого человека в знак дружбы. Если железная дорога будет продолжена, я навсегда стану его врагом».

Железную дорогу было не остановить. Ее продвижение было столь же неостанавливаемым, как и движение самой цивилизации. Индейцы вышли на тропу войны. Во главе шайенов стояли два главных вождя, вторым из которых был Черный Чайник. Позже мы увидим, как Кастер расправился с Черным Чайником. Эта история посвящена приключениям Романа Носа.

Как воины эти индейцы заслуживают всяческого восхищения. Как мародёры они заслуживают только порицания. Индейцы в первые дни существования нации, когда Пенсильвания и Нью-Йорк были приграничными штатами, а за Аллеганями пролегла граница, были достаточно жестокими, о чём свидетельствуют многочисленные хроники того времени; но они были ангелами света по сравнению с сиу и шайенами, киавами, арапахо и команчами, а те, в свою очередь, были почти достойны восхищения по сравнению с апачами. Первая группа была жестока настолько, насколько умела, и в знаниях ей не было недостатка. Апачи были более изобретательны и злобны в своих действиях, чем другие. Су и шайены были жестоки, как дикий бык или гризли. К такой же жестокости апачи добавляли злобу дикой кошки и хитрость змей. Мужчины из первой группы выделялись и сражались на открытом поле, чтобы достичь своих целей, хотя и не предпочитали этого. Они были солдатами и воинами, а также мучителями. Апачи были скрытными подлецами, но, когда их загоняли в угол, они также были великолепными бойцами.^[4] Генерал Крук называет их

«тиграми человеческого рода» (). Однако с точки зрения отвратительности между ними не было большой разницы.

Возможно, мы не должны винить индейцев за то, что они поступали так же, как, по всей вероятности, поступали наши предки, скажем, в каменном веке. И когда вы даете современное оружие и современный виски в руки людям каменного века, не стоит удивляться последствиям. Индийский вопрос ужасен, как ни посмотри. Нельзя отрицать, что Соединенные Штаты обращались с ними отвратительно и что у них есть веские причины для обиды, но ситуация была настолько своеобразной, что конфликт был неизбежен.

Как патриоты, защищающие свою страну, они вполне заслуживают нашего уважения. Признавая право коренных народов на землю, правительство тем не менее произвольно отменило это право по своему усмотрению. Иногда индейцы рассматривались как независимые нации, с которыми все разногласия должны были урегулироваться договором между равными, а иногда — как группа подданных, делами которых могли и будут управлять Соединенные Штаты, хотели они того или нет. Такие колебания неизбежно приводят к проблемам, особенно с учетом того, что, разумеется, индейцы неизменно считали себя такими же независимыми нациями, как Англия и Франция, когда имели дело с Соединенными Штатами или друг с другом. И индейцы, естественно, утверждали и настаивали, что территория, по которой их отцы бродили веками, принадлежит исключительно и полностью им. Они не признавали никакого сюзеренитета. И они с пренебрежением относились к незначительным силам, которые правительство выставляло на поле боя, пока не узнали на горьком опыте о безграничной власти Соединенных Штатов.

Решить такой растущий вопрос одним словом, как бы с ходу, конечно, невозможно, и решение этого вопроса не входит в сферу компетенции этих статей; но можно сказать, что если бы Соединенные Штаты окончательно определились с той или иной политикой и затем сосредоточили все свои силы на решении этой проблемы; если бы они осознали характер народа, с которым имели дело, и продемонстрировали свою силу так, чтобы даже самые тупые и одурманенные индейцы поняли, что сопротивление совершенно бесполезно, то все могло бы сложиться иначе. Но суровая правда заключается в том, что ни в одной из индейских войн к западу от Миссури не было достаточных сил солдат, чтобы решить этот вопрос. Кровь тысяч солдат и поселенцев — мужчин, женщин и детей — могла бы быть сохранена, если бы этот факт был осознан и принят во внимание.

Шайенны пронесли по западному Канзасу как разрушительный ураган. За один месяц они убили, похитили или захватили в плен 84 поселенца, включая их жен и детей. Они опустошили всю страну. Снова и снова различные группы строителей были уничтожены, но строительство железной дороги продолжалось. Генерал Шеридан наконец вышел на поле боя лично, как обычно, имея в своем распоряжении недостаточные силы. Одним из его адъютантов был молодой кавалерийский офицер по имени Джордж Александр Форсайт, которого друзья называли «Сэнди» Форсайт. Он вступил в добровольческую армию в 1861 году в качестве рядового драгуна в чикагской роте. Будучи еще мальчиком, он стал бригадным генералом. В постоянной армии он был майором 9-го кавалерийского полка. Шеридан знал его. Он был одним из двух офицеров, которые совершили тот великолепный рейд с великим полководцем, спасшим ситуацию в Винчестере, и именно по его предложению Шеридан проскакал по перестроенным линиям, прежде чем они совершили ответный наступление, которое решило исход сражения. Во время всего этого безумного галопа и ожесточенных боев молодой Форсайт ехал вместе с генералом. Сегодня он единственный выживший участник того рейда.

Форсайт был бойцом до конца и хотел выйти на поле боя, командуя частью войск, действовавших непосредственно против индейцев в рассматриваемой кампании. Ни один

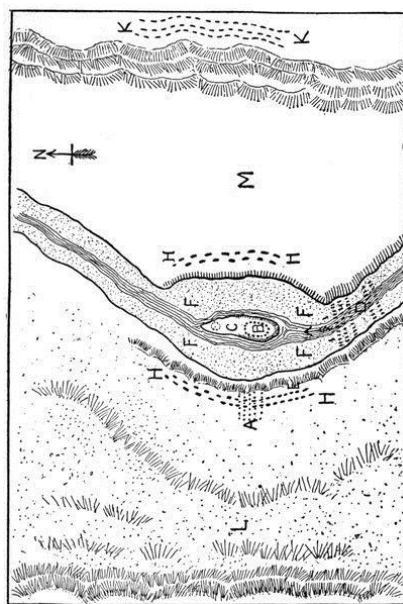
офицер из « » не был готов передать свое командование Форсайту накануне активных боевых действий, и, по-видимому, он не мог ничего сделать, пока Шеридан не уступил его настойчивым просьбам и не разрешил ему сформировать роту разведчиков для участия в кампании. Ему было поручено, если это возможно, набрать пятьдесят человек, которые, поскольку не было положения о найме разведчиков или гражданских помощников, по необходимости были занесены в платежные ведомости как сотрудники интендантской службы с великолепной зарплатой в один доллар в день. Они должны были сами обеспечить себя лошадьми, но получали тридцать центов в день за их использование, а лошади должны были оплачиваться правительством, если они «изнашивались» во время кампании. Они были оснащены седлом, уздечкой, супой, флягой, одеялом, ножом, жестяной чашкой, винтовкой Спенсера, способной сделать семь выстрелов без перезарядки, шесть в магазине, один в стволе, и тяжелым армейским револьвером Кольта. Не было палаток « » или других подобных удобств, а багажный обоз состоял из четырех мулов. Отряд должен был быть строго мобильным, и таковым он и был. Каждый человек нес с собой сто сорок патронов для винтовки и тридцать патронов для револьвера. Четыре мула несли медицинские принадлежности и четыре тысячи дополнительных патронов. Каждый офицер и солдат брал с собой семидневный паек. То, что он не мог нести с собой, загружалось на вьючных мулов; пайки были скудными.

Как только стало известно, что будет сформирован отряд, Форсайт был завален заявками от людей, желающих вступить в него. Он мог выбирать лучших из лучших на границе. Он выбрал тридцать человек из форта Харкер и остальных двадцать из форта Хейс. Несомненно, это были лучшие люди на Западе для этой цели. В помощь ему в качестве заместителя командира был назначен лейтенант Фредерик Х. Бичер из Третьего пехотного полка. Бичер был молодым офицером с заслугами. Он проявил особый героизм в великой битве при Геттисберге, где был так тяжело ранен, что остался хромым на всю оставшуюся жизнь. Он был племянником великого Генри Уорда Бичера и достойным представителем знатной семьи, чье имя он носил. Хирургом отряда был доктор Джон Х. Муерс, высококвалифицированный врач, который приехал на Запад в поисках приключений. Он поселился в Хейс-Сити и хорошо знал пограничные земли. Гидом группы был Шарп Гровер, один из замечательных жителей равнин того времени, считавшийся лучшим разведчиком на государственной службе. Старшим сержантом был У. Х. Х. Макколл, бывший бригадный генерал Добровольческой армии США. Макколл, командовавший полком Пенсильвании, был повышен в звании за выдающуюся доблесть на поле боя (), когда Джон Б. Гордон совершил свой великолепный рывок из Петербурга и атаковал форт Сидман.

Личный состав отряда был примерно поровну разделен между охотниками и трапперами и ветеранами Гражданской войны, почти все из которых имели звания в армии Союза или Конфедерации, поскольку в состав командования входили люди с обеих сторон линии Мейсона и Диксона. Это была закаленная, неуправляемая группа бойцов. Форсайт был как раз тем человеком, который им был нужен. Хотя он и не пытался навязать им дисциплину регулярной армии, он держал их в узде. Ему понадобилось всего пять дней, чтобы собрать своих людей и начать поход. Они покинули Форт Уоллес, временную конечную станцию Канзас-Тихоокеанской железной дороги, в ответ на телеграмму от Шеридана о том, что индейцы в большом количестве находятся в окрестностях, и в течение шести дней разведывали местность, наконец обнаружив индейский след, который становился все более заметным и четким по мере их преследования. Хотя было очевидно, что индейцы, которых они преследовали, значительно превосходили их по численности, они вышли на бой и хотели сражения, поэтому продолжали наступление. И они его получили.⁴

II. Остров смерти

Вечером 15 сентября, горячо преследуя след, который теперь напоминал хорошо утрамбованную дорогу, они проехали через впадину или ущелье, которое вело в долину шириной около двух миль и примерно такой же длины. Через эту долину протекала небольшая река Арикари. Около четырех часов дня они разбили лагерь на южном берегу реки. Лошади и люди были утомлены тяжелой ездой. Пастбище было хорошим. Теперь они находились в пределах досягаемости индейцев. Форсайт считал, что их было слишком много, чтобы убежать от такой небольшой группы, как его отряд разведчиков. Он был прав. Индейцы отступили настолько, насколько они намеревались.

КАРТА ОТБРАНИЕНИЯ ФОРСАЙТОМ ОСТРОВА БИЧЕР, РЕКА АРИКАРИ, КОЛОРАДО

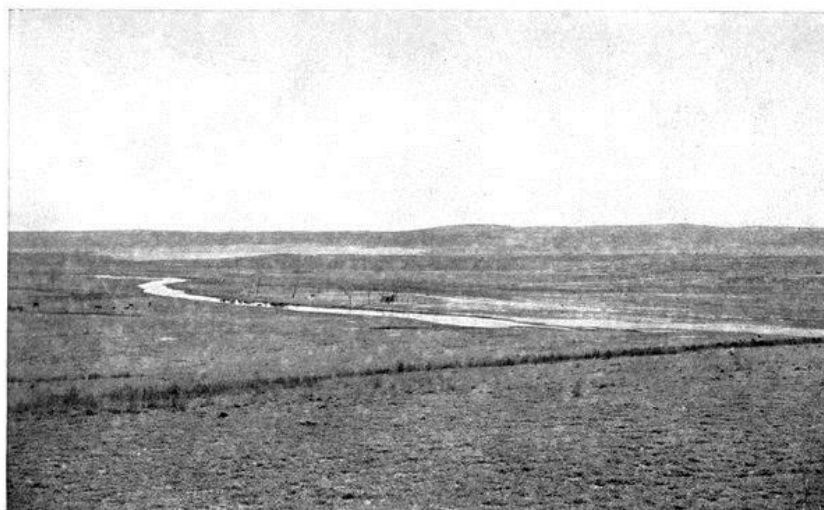
(Нарисовано автором по черновым наброскам и картам, предоставленным генералом Форсайтом)

Пояснения к карте: А. Лагерь Форсайта перед атакой. В. Окопы на острове. С. Низкая, незанятая земля на острове с одиноким тополем на конце. D. Атака индейцев под предводительством Романа Носа и Медиума. ЕЕ. Низкие берега, окаймленные деревьями. FF. Сухое песчаное русло реки. НН. Индейские стрелки на берегах. КК. Индейские женщины и дети на утесах, в полумиле от реки. L. Мелко наклоняющаяся к реке местность. М. Ровная травянистая равнина до утесов.

Русло реки, окаймленное дикими сливами, ивами и ольхами, протекало по середине долины. Ширина русла реки составляла около ста сорока ярдов. Посередине него находился остров шириной около двадцати ярдов и длиной шестьдесят ярдов. Верхняя часть острова, покрытая гравием и возвышающаяся на два фута над уровнем воды, была покрыта густым зарослями низкорослых кустарников, в основном ольхи и ивы; на нижней части, которая понижалась к краю воды, росло одинокое тополевое дерево. В течение некоторого времени дождей было мало, и дно реки на большей части своей ширины было сухим и твердым.^[32] На расстоянии четырех-пяти ярдов по обе стороны от острова была вода глубиной не более фута, лениво омывающая гравийные берега. Когда русло реки было полным, остров,

вероятно, затоплялся. Такие острова образуются время от времени и смываются так же быстро, как и появляются. Берега речного русла по обе стороны возвышались над островом.

Простые приготовления к разбивке лагеря этой группы людей были скоро завершены. С наступлением ночи все, кроме часовых, укутались в одеяла и заснули с беззаботной равнодушием ветеранов в таких обстоятельствах.

ПОЛЕ БИЧЕРА

Сражение произошло примерно там, где в реке стоит скот. Изменяющееся течение уничтожило остров.

Однако Форсайт, как и подобает капитану, не был столь беспечен и безрассуден, как его люди. Они были одни в сердце индейской территории, в непосредственной близости от превосходящих сил противника и подвержены нападению в любой момент. Он знал, что их передвижения наблюдались индейцами в течение последних нескольких дней. Поэтому молодой командир всю ночь был начеку, время от времени посещая аванпосты, чтобы убедиться, что ведется тщательное наблюдение.

Как раз в тот момент, когда первые лучи рассвета начали «пробиваться сквозь разрывающиеся облака», он оказался рядом с часовым, стоявшим дальше всех от лагеря. На фоне неба они увидели оперенную голову индейца. Форсайт мгновенно открыл по нему огонь. В то же время группа, незаметно подкрадываясь к линии пикетов, смело бросилась к лошадям и, прибегая к обычным уловкам с колокольчиками, рожками, ужасными криками и размахиванием шкурами буйволов, попыталась спровоцировать панику в стаде.

В таких обстоятельствах люди, подобные этим разведчикам, спали в сапогах. Первый выстрел заставил их мгновенно приступить к действиям. Они инстинктивно побежали к пикетной линии. После ожесточенной перестрелки индейцы были сразу же отбиты. Ушли только вьючные мулы. Конечно, преследование не предпринималось. Был отдан приказ седлать лошадей и стоять рядом с ними. Через несколько минут отряд выстроился в линию, каждый стоял у головы своей лошади, держа поводья в левой руке, а винтовку — в правой, готовый к бою! Едва отряд собрался, как Гровер схватил Форсайта за руку и указал вниз по долине.

«Боже мой!» — воскликнул он, — «посмотрите на индейцев!»

Перед ними, справа от них, позади них, холмы и долины по обе стороны реки вдруг ожили, наполнившись индейцами. Это было столь же быстрое превращение мирной тишины в долину, заполненную вооруженными силами, как свист Родерика Дху в шотландской долине.

Путь слева, по которому они вошли в долину, был все еще открыт. Форсайт мог бы броситься бежать и устремиться к ущелью, через которое он вошел в долину. По-видимому, в этом направлении индейцы не преграждали путь. Но Форсайт сразу понял, что отступление означало бы гибель его отряда, что индейцы, по всей вероятности, специально оставили ему этот путь отступления, и если он попробует им воспользоваться, то попадет в засаду в ущелье и будет убит. Было очевидно, что именно этого они и хотели. Поэтому он не стал этого делать. Он был загнан в угол, но не был побежден, и не думал, что может быть побежден. Кроме того, он пришел сюда, чтобы сражаться, и он был полон решимости сражаться.

Что бы он ни собирался делать, он должен был действовать быстро. Ему некуда было бежать, кроме как на остров. Это было не самое лучшее место, но в данной ситуации оно было единственным стратегически важным пунктом. Обрушив на индейцев шквал огня, Форсайт приказал своим людям под прикрытием дыма захватить остров. При перемещении пришлось бросить все, включая медицинские запасы и продовольствие, но драгоценные боеприпасы нужно было спасти любой ценой. Под прикрытием отряда опытных стрелков на берегу реки, которые вскоре присоединились к ним, разведчики благополучно достигли острова, привязали лошадей к кустам по краю острова и в перерывах между боями приступили к рытью окопов, покрывающих эллипс размером двадцать на сорок ярдов, по одному окопу на каждого человека, чтобы защитить верхнюю и более возвышенную часть острова (). У них не было ничего, чем можно было бы копать, кроме жестяных чашек, жестяных тарелок и своих ножей-боуи, но они копали как мужчины. Никаких колебаний и промедлений не было.

Вождь индейских войск, состоявших из северных шайенов, оглала и брюле су, а также нескольких арапахо и ряда «солдат-собак», был знаменитый Роман Нос, враг, которого действительно следовало бояться. Он был полон отвращения и возмущения из-за того, что его люди не смогли занять остров, стратегическое значение которого он сразу же понял. Считается, что приказ захватить остров был отдан, но по какой-то причине он не был выполнен; и именно этой оплошности или неудаче Форсайт и его люди обязаны своей безопасностью. В бою с таким солдатом, как Форсайт, нельзя было пренебрегать ни малейшей мелочью.

Проявив большее военное мастерство, чем когда-либо прежде, индейцы тщательно подготовились к сражению. В распоряжении Романа Носа было чуть менее тысячи воинов. Их сопровождали жены и дети. Последние заняли позиции на утесах восточного берега реки, чуть за пределами досягаемости, откуда они могли видеть все происходящее. Как дамы древних турниров, они с нетерпением ждали начала сражения и приветствовали победителей, которые, поскольку они никогда не сомневались в исходе, обязательно были их собственными.

Затем Роман Ноуз выстроил по обоим берегам реки спешившихся стрелков, умело используя укрытия, которые предоставляла местность. Берега были немного выше острова, и индейцы вели огонь по небольшой группе. Стрелки на берегах сразу же открыли огонь. На преданную группу на острове обрушился шквал пуль. Разведчики из племени « », экономно расходуя боеприпасы, медленно и обдуманно отвечали, стараясь, с заметным успехом, сделать каждый выстрел точным. Как сказал один из них, они считали, что «каждый патрон стоит как минимум одного индейца». Лошади отряда, не имея защиты, приняли на себя основной

удар первого огня. Они быстро падали, и их туши, возвышающиеся перед окопами, обеспечивали дополнительную защиту солдатам. Среди дикарей, должно быть, был белый перебежчик, потому что в перерыве между выстрелами люди на острове слышали голос, объявивший на совершенном английском: «Вот и последние их лошади, во всяком случае». Кроме того, время от времени с берега доносились звуки артиллерийского горна (). Пока лошади были на ногах, потери были несерьезными, но как только они все упали, солдаты начали страдать.⁴

В это время Форсайт ходил по небольшому кругу защитников, подбадривая своих людей. Со всех сторон его просили лечь и укрыться, и, когда стрельба стала более интенсивной, он наконец подчинился. Окоп, который сделал хирург Муерс, был немного шире, чем у других, и, поскольку это было хорошее место для управления боем, по предложению доктора некоторые разведчики расширили его, и Форсайт лег рядом с ним.

Огонь индейцев усиливался. Несколько разведчиков были убиты, еще больше получили смертельные ранения, а некоторые были легко ранены. Доктор Муерс был ранен в лоб и получил смертельное ранение. Он прожил еще три дня, за все это время произнес только одно внятное слово. Хотя он был слеп и не мог говорить, его движения иногда указывали, что он знает, где находится. Он часто протягивал ногу и касался Форсайта. Пуля попала Форситу в правое бедро, отскочила вверх и застряла в мякоти, причиняя мучительную боль. Он испытывал невыносимые страдания, но его нынешние мучения были только началом, потому что вторая пуля попала ему в ногу, между коленом и лодыжкой, и раздробила кость, а третья пролетела поперек лба, слегка сломав череп и вызвав разрывающую головную боль, хотя у него не было времени обращать на это внимание.

III. Атака пятисот

Все это время Роман Нос и его всадники отступали за изгиб реки, который скрывал их от острова. В этот момент они появились в полном составе, скакая по руслу реки в открытом порядке в восьми рядах по шестьдесят человек в каждом. Впереди них на великолепном гнедом коне скакал Роман Нос. Воины были ужасно раскрашены и все были обнажены, за исключением мокасин и патронташей. В их длинные волосы были воткнуты орлиные перья, и многие из них носили роскошные военные головные уборы из перьев. Они сидели на лошадях без седел и стремени, а у некоторых из них лассо было обернуто вокруг живота лошади, как подпруга. Роман Нос носил великолепный военный головной убор из перьев, развевающихся за ним на ветру, увенчанный двумя рогами буйвола; вокруг талии он повязал яркий алый шелковый пояс офицера, который был подарен ему на конференции в форте Элсворт. Солнечный свет освещал бронзовое тело дикого Геракла, демонстрируя великолепные пропорции этого человека. Те, кто следовал за ним, были во всех отношениях достойны своего лидера.

Когда индейская кавалерия появилась из-за поворота под звуки горна, огонь по острову с берегов удвоился по интенсивности. Форсайт мгновенно догадался, что Роман Нос собирается сбить его с лошади. Он также понял, что, как только лошади окажутся рядом с ним, огонь с берега неизбежно прекратится. Поэтому он приказал своим людям прекратить огонь, зарядить магазины винтовок, зарядить револьверы и ждать, пока он не даст приказ стрелять. Винтовки погибших и тех, кто был слишком тяжело ранен, чтобы ими пользоваться, были распределены между еще не пострадавшими разведчиками. Некоторые из раненых настаивали на том, чтобы продолжать сражение. Форсайт поднялся в своем окопе, прислонившись спиной и плечами к куче земли, с винтовкой и револьвером в руках. Он мог видеть своих людей, а также индейцев, приближающихся по реке.

Вскоре, восклицая свои боевые песни, под дикий крик своего вождя, индейские всадники бросились в галоп, а Роман Нос, возглавлявший наступление, размахивал в воздухе своим тяжелым винтовкой Спенсера — возможно, захваченной у людей Феттермана — как тростником. Прозвучал последний залп из винтовок с берега, и грохот стрельбы сменился боевыми песнями индейцев и криками женщин и детей на склонах холмов. Когда дым рассеялся в то солнечное сентябрьское утро, они увидели, что индейцы уже почти настигли их. Несмотря на свои страшные ранения, героический Форсайт полностью контролировал ситуацию. Дождавшись тактического момента, когда индейцы были всего в пятидесяти ярдах от них и приближались с ужасающей скоростью, он поднялся на руках в сидячее положение и крикнул: «Сейчас!»

Авторское право, 1900, Чарльз Шрейвогель

РОМАН НОС ВЕДЕТ АТАКУ ПРОТИВ ПРЕДАННОЙ ГРУППЫ ФОРСИТА

Рисунок Чарльза Шрейвогеля

Мужчины встали на колени, подняли ружья к плечам и выпустили залп прямо в лицо яростному наступающему отряду. Через мгновение, зарядив стволы новыми патронами, они выпустили второй залп. Лошади и люди падали во всех направлениях, но, как и подобает великолепным воинам, индейцы сомкнули ряды и продолжили наступление. В них был выпущен третий залп. Но они все равно продолжали наступать. К этому времени боевые песни уже прекратились, но, не теряя мужества, все еще поднимая свой боевой клич над грохотом пуль, во главе своего отряда, с непоколебимой решимостью, Роман Нос возглавил такое наступление, какого ни один индеец не предпринимал ни до, ни после. А те спокойные, хладнокровные мужчины продолжали обрушивать на орду град пуль. При четвертом залпе упали шаман, находившийся слева от линии, и второй командир. Индейцы засомневались при этом поражении, но, взмахнув винтовкой высоко в воздухе в боевом безумии, великий вождь собрал их и они снова пошли вперед. Пятый залп потряс их еще больше. В их рядах образовались большие пробелы. Лошади и люди падали замертво, но импульс был настолько велик, а мужество и пример их вождя настолько великолепны, что выжившие продолжали наступать без помех. Шестой залп сделал свое дело. Как раз когда он собирался прыгнуть на остров, Роман Нос и его лошадь были разорваны на куски. Однако сила атаки была настолько велика, что линия еще не была полностью прорвана. Всадники были в нескольких футах от разведчиков, когда седьмой залп обрушился прямо на них. Как гигантская волна, встречая резко выступающую скалу, разбивается и безвредно падает по обе стороны от нее, так и эта атака разделилась, и индейцы перекинулись на бока своих лошадей, проносясь по всей длине острова.

Разведчики вскочили на ноги в этот момент и, находясь почти на расстоянии выстрела, засыпали дезорганизованные массы выстрелами из револьверов (). Индейцы поспешно бежали к берегам по обе стороны, и вопли воинственных песен индейских женщин и детей сменились стонами боли и отчаяния, когда они увидели смерть Романа Носа и ужасную резню его последователей.

Это была великолепная атака, которая своей блестящей смелостью и безрассудным героизмом могла бы принести честь лучшим войскам любой страны мира. И она была великолепно встречена. Защита Пауэллом загона на острове Пайни была замечательным достижением, но ее нельзя сравнивать с боем этих разведчиков на небольшом открытом, незащищенном холме из песка и гравия в Арикари.

Как только индейские всадники отступили, сбитые с толку и разъяренные, с берега снова раздался ружейный огонь. Лейтенант Бичер, который героически выполнил свою часть в обороне, подполз к Форситу и сказал:

«Я смертельно ранен, генерал. Мне прострелили бок, и я умираю».

Он произнес эти слова тихо и просто, как будто его сообщение было совершенно обычным, затем растянулся рядом со своим раненым командиром, лежа, как Стирфорт, лицом на руке.

«Нет, Бичер, нет», — сказал Форсайт, несмотря на свою собственную боль, — «не может быть, чтобы все было так плохо».

«Да», — сказал молодой офицер, — «спокойной ночи».

Для него уже ничего нельзя было сделать. Форсайт услышал, как он прошептал пару слов о своей матери, а затем наступил бред. К вечеру он умер. В память о храбром молодом офицере место, где он погиб, называли островом Бичера.

В два часа дня была предпринята вторая попытка конной атаки, очень похожая на первую, но теперь уже без великого вождя, и на этот раз индейцы отступили за сто ярдов от острова. В шесть часов вечера они сделали последнюю попытку. Вся группа, конная и пешая, сплошной массой устремилась со всех сторон на остров. Они наступали, крича и стреляя, но встретили такой сильный огонь из окопов, что, хотя некоторые из них и достигли подножия острова, они не смогли удержать свои позиции и были отброшены назад с ужасными потерями. Люди на острове целенаправленно снимали индейцев одного за другим, так что сухое русло реки было залито кровью. Это место было настоящим адом для индейцев. В конце концов они отступили, разбитые, сокрушенные, побежденные.

С наступлением ночи люди на острове смогли оценить ситуацию. Два офицера и четыре солдата были убиты или умирали, один офицер и восемь солдат были так тяжело ранены, что их состояние было критическим. Восемь человек были ранены менее тяжело, в результате чего из 51 офицера и солдата 23 получили ранения. Продовольствия не было, но, слава Богу, воды было в изобилии. Ее можно было легко добыть, копая в песчаной поверхности острова. При необходимости они могли прожить, питаясь кусками мяса, вырезанными из туш лошадей. Самым серьезным недостатком была отсутствие медицинской помощи. Врач лежал без сознания, и раненые были вынуждены обходиться неквалифицированной помощью своих товарищей, водой и лоскутами, оторванными от одежды для перевязки. Для них мало что можно было сделать. День был ужасно жарким, но, к счастью, ночью прошел сильный дождь, который несколько освежил их. Окопы были углублены и соединены между собой, уложив в них седла и снаряжение и дополнительно выкопав промежутки.

Одно из любопытных индейских суеверий, которое часто служило белым людям, с которыми они сражались, хорошей целью, заключается в том, что когда человек убит в темноте, он должен провести всю вечность в темноте. Следовательно, он редко нападает ночью. Группа Форсайта чувствовала себя в достаточной безопасности от дальнейших нападений, поэтому, несмотря на это, они продолжали дежурить.

IV. Осада острова

Как только наступила темнота, были вызваны добровольцы, чтобы отнести весть об их бедственном положении в форт Уоллес, расположенный в ста милях от них. Каждый, кто был способен путешествовать, вызвался на это опасное путешествие. Форсайт выбрал Трудо и Стилвелла. Трудо был опытным охотником, Стилвелл — молодым парнем всего девятнадцати лет, хотя он уже обещал стать знаменитым разведчиком, чем и стал впоследствии. Им он дал единственную карту, которая у него была. Они должны были попросить командира форта Уоллес прийти на помощь. Как только два отважных разведчика ушли, все поняли, что маленькому отряду предстоит долгое ожидание, если, конечно, он не будет разгромлен до того, как на остров придут подкрепления. И были серьезные сомнения, смогут ли Трудо и Стилвелл пробраться через индейцев. Поэтому ночь была не из приятных, хотя все были заняты укреплением обороны и никто не спал.

Рано утром следующего дня индейцы снова появились. Они надеялись, что Форсайт и его люди попытаются отступить ночью, и в этом случае они бы пошли по следам и быстро уничтожили бы весь отряд. Но Форсайт был слишком хорошим солдатом, чтобы покинуть выбранную им позицию. Во время боя накануне он спросил Гровера, может ли индейцы нанести еще более сильный удар, чем тот, который привел к гибели Романа Носа, и Гровер, имевший большой опыт, заверил его, что они сделали все, что могли, и даже больше, чем он или любой другой разведчик когда-либо видел или слышал в любой индейской войне. Поэтому Форсайт был уверен, что они смогут удержать позицию, по крайней мере, до тех пор, пока не умрут от голода.

Индейцы быстро поняли по залпу, убившему по крайней мере одного человека, что защитники острова все еще там. Место было плотно окружено, и хотя индейцы несколько раз пытались приблизиться к нему под белым флагом, они были отброшены точным огнем разведчиков и вынуждены держаться на расстоянии. Было очень жарко. Страдания раненых были ужасными. У индейцев тоже были свои проблемы. Всю ночь и весь день защитники слышали барабанный бой и печальные песни смерти и рыдания женщин над телами убитых, всех, кроме трех, которых унесли ночью.⁴ Эти трое были лежали так близко к окопам, что индейцы не осмеливались подойти достаточно близко, чтобы забрать их. Эти трое убитых успели добраться до берега острова, прежде чем были убиты.

Командование на острове имело достаточно еды, насколько это было возможно. Было много конины и мула. Они ели ее сырой, когда были достаточно голодны. Воды было в изобилии. Все, что им нужно было сделать, это выкопать окопы немного глубже, и она потекла в больших количествах. Ожидание было утомительным, но больше ничего не оставалось. Они не смели ослаблять бдительность ни на минуту. На следующую ночь, вторую, Форсайт отправил еще двух разведчиков, опасаясь, что первые двое могли не пройти, тем самым стремясь «удвоить уверенность». Эта пара была не так успешна, как первая. Они вернулись около трех часов утра, не сумев пройти мимо индейцев, поскольку каждый выход был тщательно охраняем.

На третий день было замечено, что индейские женщины и дети уходят из окрестностей. Это очень обрадовало мужчин, так как было признаком того, что индейцы намеревались прекратить осаду. Однако воины все еще оставались, и любое неосторожное появление было сигналом для залпа. В ту ночь были отправлены еще два человека с срочным обращением, и этим двоим удалось пройти. Они несли следующее сообщение:

«19 сентября 1868 года.

Полковнику Бэнкхеду или командующему офицеру

Форт Уоллес:

В ночь на 17-е число я послал вам двух гонцов, чтобы сообщить о моем критическом состоянии. Вчера вечером я пытался послать еще двух, но они не смогли пройти индейские посты и вернулись. Если другие не прибыли, то немедленно спешите мне на помощь. Мне нужно принять восемь тяжелораненых и десять легкораненых... Лейтенант Бичер погиб, а исполняющий обязанности помощника хирурга Муерс, вероятно, не переживет эту ночь. В четверг он получил ранение в голову и с тех пор произнес только одно вменяемое слово. Я ранен в двух местах — в правое бедро, а левая нога сломана ниже колена...

Я нахожусь на небольшом острове, и у меня еще осталось много боеприпасов. Мы питаемся мясом мулов и лошадей, и у нас полностью закончились продовольственные запасы. Если бы не было столько раненых, я бы пришел и рискнул бы их избить, если бы на нас напали. Они явно недовольны своей сделкой... Я могу продержаться еще шесть дней, если это будет абсолютно необходимо, но, пожалуйста, не теряйте времени.

P.S. — Мой хирург получил смертельное ранение, поэтому ни одному из моих раненых еще не перевязали раны, поэтому, пожалуйста, привезите с собой хирурга».

Четвертый день прошел так же, как и предыдущие: индианские женщины ушли, индейцы по-прежнему наблюдали за нами. Рана в ноге Форсайта стала мучительно болезненной, и он попросил некоторых из своих людей вынуть пулю. Но они обнаружили, что она застряла рядом с бедренной артерией, и, опасаясь перерезать артерию и молодой командир не истек кровью, они категорически отказались. В отчаянии Форсайт вырезал ее сам. У него был бритва в седельной сумке, и, пока два человека прижимали плоть, он успешно провел операцию, что принесло ему немедленное облегчение.

На пятый день мясо мула и лошади стало гнилым и поэтому непригодным для еды. Однако на остров забрел несчастный койот, и одному из солдат посчастливилось его застрелить. Несмотря на свои небольшие размеры, он стал желанным пополнением их провизии, так как был свежим. На пятый день было мало стычек, и место казалось пустынным. Форсайт попросил полдюжины своих людей поднять его на одеяле над уровнем ружейных лож, чтобы он мог сам осмотреть местность. Не все индейцы ушли, потому что с берега внезапно раздалась стрельба. Один из людей отпустил угол одеяла, которое он держал, пока другие опускали Форсайта, и тот упал на свою раненую ногу с такой силой, что кость проткнула плоть. Он записывает, что он использовал несколько резких слов в адрес этого разведчика.

На шестой день Форсайт собрал своих людей вокруг себя и сказал им, что те, кто достаточно здоров, чтобы покинуть остров, лучше сделают это и отправятся в форт Уоллес; что более чем вероятно, что ни один из посыльных не смог пробраться; что люди героически поддерживали его и что все они умрут от голода, если не придет помощь; и что они имеют право на шанс спасти свои жизни. Он полагал, что индейцы, которые наконец исчезли, получили такой суровый урок, что не будут нападать снова, и что, если люди будут осторожны, они смогут безопасно добраться до форта Уоллес. Раненые, включая его самого, должны быть оставлены, чтобы позаботиться о себе и рискнуть сбежать с острова.

Это предложение было встречено удивленным молчанием на несколько мгновений, а затем все одновременно закричали: «Ни за что! Мы останемся с тобой». Макколл, старший сержант и правая рука Форсайта с тех пор, как был убит Бичер, крикнул с особым ударением: «Мы сражались вместе, и, клянусь небом, если понадобится, мы умрем вместе».

Они не могли унести раненых, но и не хотели их бросать. Не забывайте, что эти люди не были регулярными солдатами. Они были просто отрядом разведчиков, более или менее слабо связанных между собой, но, как отметил Макколл, их связывало нечто более сильное, чем дисциплина. Ни один человек не покинул остров, хотя для непораненных это было бы легко, и, возможно, они смогли бы спастись.

Еще два дня они держались. В это время не было боев, но присутствие индейского дозора указывало на то, что за ними наблюдают. Они собрали диких слив и сделали желе для

раненых, но дичи не было, и им оставалось только затянуть пояса поплотше и терпеть голод, или, лучше сказать, еще больший голод. Утром девятого дня один из дежурных внезапно вскочил на ноги и закричал:

«На холмах движутся люди». Все, кто мог стоять, мгновенно вскочили, и Гровер, зоркий разведчик, торжествующе крикнул:

«Бог на небесах, это скорая помощь!» Наконец-то их спасли.

ПРИМЕЧАНИЕ. Серийная публикация этой статьи вызвала появление другой версии этого события, отличающейся от нее некоторыми несущественными деталями, которая была написана г-ном Гербертом Майриком и опубликована серийно. Г-н Майрик объясняет «таинственный голос», который разведчики услышали на английском языке: «Вот и последняя из их лошадей», раскрывая интересный факт, что среди индейцев было два белых перебежчика. Одного из них звали «Нибси» или «Блэк Джек», он был известным преступником, который впоследствии был повешен за убийство. Другой был Джек Клайбор, бывший солдат Седьмой кавалерии. После того, как он был ранен и оставлен умирать в бою, индейцы захватили его, выходили, усыновили и назвали «Команчи». Он был уникальным сочетанием добра и зла и прославился как своими добрыми делами, так и плохими поступками. Г-н Майрик на протяжении многих лет собирал огромное количество неизвестных и неопубликованных материалов о Западе, которые, когда будут опубликованы, несомненно, прояснят многие загадки, прольют свет на многие спорные вопросы и вызовут глубокий интерес.

[28](#)Генерал Фрай в своей ценной книге «Жертвы армии», которая, к сожалению, сейчас распродана и труднодоступна, так живописно описывает его: «Настоящий воин, он как воздух дышал ароматом битвы, сцены кровопролития и жестокости; ему было около тридцати лет, он был ростом шесть футов три дюйма и возвышался над своими товарищами как гигант. Величественная голова с ярко выраженными чертами лица, освещенная парой свирепых черных глаз; большой рот с тонкими губами, сквозь которые просвечивали ряды крепких белых зубов; римский нос с расширенными ноздрями, как у чистокровной лошади, привлекали внимание в первую очередь, а широкая грудь и симметричные конечности, на которых мышцы под бронзовой кожей выделялись как скрученная проволока, были некоторыми из достоинств этого великолепного животного. Одетый в кожаные гетры и мокасины, искусно вышитые бисером и перьями, с единственным орлиным пером в косой, и с редчайшей одеждой — белым буйволом, красиво выделанным и мягким, как кашемир, накинутым на его обнаженные плечи, он стоял, вождь шайенов.

[29](#)Убит на острове

[30](#). Чарльз Ф. Луммис называет апачей одними из самых свирепых и успешных воинов в истории.

[31](#). Причина, по которой для преследования не было выделено большое количество людей, заключалась в том, что чем больше было бы число преследователей, тем медленнее было бы их движение, а индейцы могли бы и легко уклонились бы от них. Если индейцы подготовили ловушку для Форсайта, он соблазнял их остановиться и сражаться.

[32.](#) В засушливые сезоны я часто видел русла западных рек шириной в полмили, абсолютно лишенные воды. В дождливый сезон эти же русла превращались в ревущие потоки, переливающиеся через берега.

[33](#)Когда индейцы окружили остров и огонь обрушился со всех сторон, солдатам пришлось рыть землю для защиты как сзади, так и спереди, и окопы были, по сути, выкопанными в земле углублениями, достаточно длинными, чтобы в них мог лечь человек.

[34](#)Двое разведчиков остались в форте Уоллес из-за болезни.

[35.](#) Причина, по которой индеец готов пожертвовать всем, чтобы убрать тело убитого члена своего племени или родственника, заключается в том, чтобы предотвратить снятие его скальпа. Согласно религиозным верованиям индейцев, человек, с которого сняли скальп, не может попасть в счастливые охотничьи угодья, а обречен вечно блуждать во внешней тьме. По этой причине он всегда снимает скальп со своего врага, чтобы, когда он сам достигнет счастливых охотничьих угодий, его не беспокоили многочисленные враги, которых он встретил и победил в течение своей жизни. Естественно, для него было делом чести унести тела своих друзей, чтобы они не были лишены доступа в индейский рай в загробной жизни. Однако иногда индейцы не снимали скальп с тела особо храброго человека по следующей причине: они верили, что если они убьют человека в бою и не снимут с него скальп, этот человек станет их рабом или слугой в счастливых охотничьих угодьях, и хотя жертва все еще обладает способностью творить зло, индейцы иногда рискуют всем ради будущей славы, которая придет к ним от удержания в рабстве храброго человека или известного воина в качестве духовного свидетеля их доблести. Утверждается, что индейцы никогда не снимают скальпы с тел негров и самоубийц. «Буйволовые солдаты — плохая медицина», — таково их единодушное свидетельство, когда их спрашивают, почему они не снимают скальпы с убитых или плененных негров-солдат. Возможно, они не могут снимать скальпы с ворсистых, кудрявых черных солдат, и именно поэтому это «плохая медицина». Самоубийство тоже является «плохой медициной» по какой-то необъяснимой причине.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

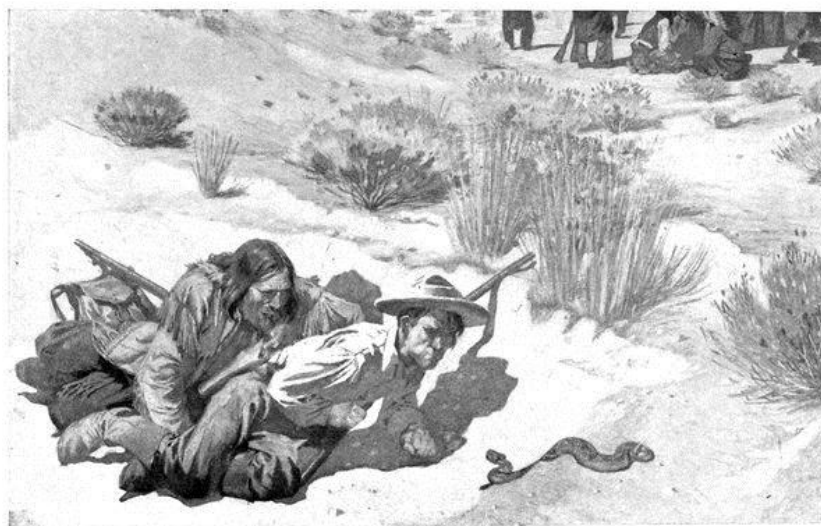
Путешествие разведчиков и спасение Форсайта

I. Приключения разведчиков

Трюдо и Стилвелл, первая пара разведчиков, отправленных Форсайтом с рассказом о его отчаянном положении на острове Бичера, покинули своего командира около полуночи в первый день нападения. Индейцы отошли от берега реки и спокойно отдыхали в лагерях по обеим сторонам, хотя несколько воинов продолжали наблюдать за островом. Мужчины поспешно попрощались с товарищами, получили последние инструкции от своего капитана и с бьющимися сердцами отправились в свое отчаянное путешествие.

Они не упустили ни одной меры предосторожности, которую диктовал опыт. Они даже сняли сапоги, связали их ремнями, повесили на шею и шли назад по дну реки в носках, чтобы, если индейцы случайно наткнутся на их след на следующее утро, он выглядел бы как след от мокасин и, возможно, не привлек внимания, тем более что следы указывали бы на остров, а не от него.

Они двигались с крайней осторожностью. Они были настолько осмотрительны и осторожны из-за бдительности врага, который время от времени слышался на берегу, что к рассвету прошли всего две мили. Большую часть времени после того, как они покинули русло реки, они ползли на руках и коленях. До восхода солнца они были вынуждены искать укрытие, которое могли найти в вымытом сухом овраге, в пределах видимости и слышимости индейских лагерей. Провидение, безусловно, защищало их, потому что, если бы кто-нибудь из индейцев случайно блуждал в их направлении, ничто не помешало бы его обнаружению; и если бы дикари наткнулись на их укрытие, для них все было бы кончено. Смерть от пыток была бы неизбежна, если бы их взяли живыми, и единственным способом предотвратить это было самоубийство. Они решили так поступить. Они поклялись друг другу сражаться до последнего патрона и сохранить его для себя. У них не было ни еды, ни питья. Солнце палило на них весь долгий день. После вчерашнего опыта этот день мог сломить даже самого сильного человека. Однако они терпели, как могли, и с наступлением темноты снова вышли в путь.

«ОДНОВРЕМЕННО С ИХ ПРИБЫТИЕМ ПОЯВИЛАСЬ ГРЕМЯЩАЯ ЗМЕЯ»

Рисунок Уилла Кроуфорда

В эту ночь не было необходимости в такой осторожности, и они продвигались быстрее, хотя видели и успешно избегали несколько групп индейцев. Когда наступил день, они были вынуждены снова скрыться. Страна была покрыта бродячими отрядами воинов, и путешествовать при дневном свете было еще небезопасно. В этот день они спрятались под высокими берегами реки. Им снова повезло остаться незамеченными, хотя несколько раз группы воинов проходили рядом с ними. Они путешествовали всю третью ночь, значительно продвинувшись вперед. Утром они оказались на открытой равнине, где не было места, где можно было бы спрятаться, кроме буйволового валуна — сухой лужицы с щелочной грязью, которую в дождливый сезон часто посещали буйволы и которая в лучшем случае обеспечивала скудное укрытие.

В течение этого дня большая группа разведывающих индейцев остановилась в ста футах от грязевой ямы. Одновременно с их прибытием перед двумя разведчиками, которые прижимались к земле и с каждой минутой ожидали, что их обнаружат, появилась бродячая гремучая змея. Гремучая змея была столь же смертоносна, как и индейцы. Разведчики могли бы легко убить ее, если бы не близость шайенов. Малейшее движение привлекло бы внимание к их укрытию. Более того, зловещий треск ядовитой змеи перед ударом, вероятно, привлек бы внимание бдительных индейцев. Между диким рептилией и дикими людьми разведчики оказались в ужасном положении, которое молодой Стилвелл, парень с удивительной находчивостью, мгновенно и эффективно разрешил. В тот момент он жевал табак, и когда змея приблизилась к нему и приготовилась нанести удар, он полностью разгромил ее, плев табачным соком ей в рот, глаза и на голову. Гремучая змея убежала; она не могла выдержать такой дозы. Индейцы, ничего не заметив, вскоре двинулись дальше, и так закончилось, пожалуй, самое страшное полчаса, которое когда-либо переживали эти два человека.

Они вышли рано вечером четвертого дня и на этот раз продвинулись значительно дальше. Однако к утру года Трудно практически сломался. Вся тяжесть приключения легла на Стилвелла. Он подбадривал своего старшего товарища, помогал ему, как мог, и, наконец, поздно ночью они достигли форта Уоллес и рассказали свою историю. Мгновенно весь пост пришел в возбуждение. Капитан и подполковник Луис Х. Карпентер с семьюдесятью солдатами из роты Н 10-го кавалерийского полка (негритянского полка), лейтенантами Банцхафом и Орлеманом, доктором Фицджеральдом и семнадцатью разведчиками, с тринадцатью фургонами и машиной скорой помощи были отправлены из поста накануне с приказом разбить лагерь на дороге в Денвер, примерно в шестидесяти милях от форта. Оттуда он должен был вести разведку во всех направлениях, сдерживать индейцев и защищать обозы.

В одиннадцать часов ночи к Карпентеру был отправлен курьер со следующим приказом:

«Штаб, форт Уоллес, Канзас,

22 сентября 1868 года, 23:00.

Бревет-подполковник Л. Х. КАРПЕНТЕР, 10-й кавалерийский полк США. На разведке.

Полковник

Командующий офицер приказывает вам немедленно направиться в точку на «Сухом рукаве Республиканца», примерно в семидесяти пяти или восьмидесяти милях к северу, северо-западу от этой точки, в тридцати или сорока милях к западу, немного южнее от рукава Республиканца, со всей возможной скоростью.

Два разведчика из отряда полковника Форсайта прибыли сюда сегодня вечером и сообщили, что он (Форсайт) был атакован в четверг утром превосходящими силами индейцев (700 человек), которые убили всех животных, сломали полковнику Форсайту левую ногу пулей из винтовки (), тяжело ранили его в пах, ранили доктора Мура в голову и ранили лейтенанта Бичера в нескольких местах. Предполагается, что у него сломана спина. Двое солдат из отряда были убиты, а восемнадцать или двадцать получили ранения.

Люди, принесшие эту весть, ползли на руках и коленях две мили, а затем путешествовали только ночью из-за индейцев, которых они видели ежедневно.

Люди Форсайта укрепились в высохшем русле ручья с колодцем в окопе, но у них было только конинное мясо и шестьдесят патронов.

Генерал Шеридан приказал действовать с максимальной оперативностью и использовать все средства, чтобы немедленно прийти на помощь Форсайту. Генерал Шеридан полагает, что полковник Брэдли с шестью ротами сейчас находится на развилке рек Республика.

Полковник Бэнкхед через час выйдет отсюда со ста людьми и двумя горными гаубицами.

Возьмите с собой всех своих разведчиков.

Немедленно прикажите доктору Фицджеральду прибыть на этот пост, чтобы заменить доктора Тернера, который сопровождает полковника Бэнкхеда с целью оказания медицинской помощи раненым из отряда Форсайта.

С уважением, полковник, ваш покорный слуга

Хью Джонсон,

исполняющий обязанности адъютанта поста.

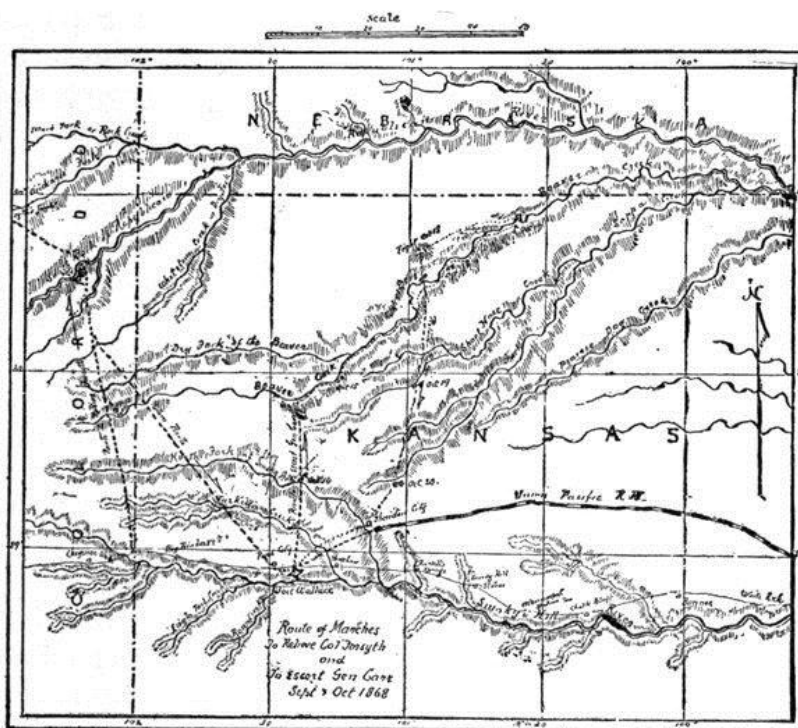
Первый лейтенант 5-го пехотного полка».

Через час сам Бэнкхед с сотней человек, двумя гаубицами и хирургом выступил на помощь Форсайту. Вместе с Бэнкхедом в качестве проводника отправился неустрашимый Стилвелл. Трюдо так сильно пострадал во время опасного путешествия, что не смог сопровождать отряд помощи, и вскоре после этого умер от лишений и волнений ужасных дней, которые ему пришлось пережить.

II. Спасение Форсайта

Карпентер разбил лагерь вечером 22 сентября в Шайенн-Уэллс, примерно в тридцати пяти милях от форта Уоллес. Рано утром он снял лагерь и прошел около десяти миль, когда с высокой точки на водоразделе, откуда открывался полный вид на Скалистые горы от пика Пайка до пика Лонга, он заметил всадника из отряда « », мчавшегося к ним. Это был курьер, посланный полковником Бэнкхедом. Карпентер был великолепным солдатом. За время Гражданской войны он получил не менее четырех званий за храбрость. Он служил в штабе Шеридана вместе с Форсайтом, и они были закадычными друзьями. Никакая задача не могла быть ему более по душе, чем эта попытка спасения.

Он сообщил о положении своих белых товарищей своим чернокожим солдатам, и их офицеры тесно окружили его. Приказ был встречен ликующими возгласами. Полк был сформирован после войны и еще не имел возможности проявить себя. Среди них не было ветеранов, и Карпентер с другими офицерами были вынуждены создавать полк с нуля. Теперь у них появилась возможность продемонстрировать, на что они способны. Карпентер был обучен беспрекословно выполнять приказы. В данном случае он решил не подчиняться приказу в отношении доктора Фицджеральда. Ему казалось, что Бэнкхед не особо надеялся, что он (Карпентер) найдет Форсайта, поскольку не послал ему проводника; но Карпентер понимал, что если он найдет Форсайта — а он намеревался его найти — то условия будут такими, что помощь врача будет жизненно необходима. Поэтому он оставил доктора. Он также оставил обоз, поскольку не имел другого способа перевезти необходимые припасы. По одной причине: если бы он отделил охрану для обоза, это значительно ослабило бы его силы, сделав их недостаточными для предприятия. Мулы были сильными и свежими, и он решил оставить повозки с собой. Темп должен был быть быстрым, и он проинструктировал возчиков, что если какая-либо из упряжек мулов выйдет из строя, ее следует застрелить, а при необходимости — бросить повозку.

Карта походов для освобождения полковника Форсайта и сопровождения генерала Карра, составленная генералом Карпентером

Он обнаружил, что в его подчинении не было никого, кто бы когда-либо бывал на этой территории. Более того, вполне вероятно, что, за исключением людей Форсайта, ни один белый человек никогда раньше не проникал в эту часть страны. Карта, которая была у Карпентера, была очень неточной. Он несколько минут изучал этот вопрос, а затем повел своих людей в направлении места, где, как он предполагал, находился Форсайт. Они двигались быстрым галопом, с перерывами на ходьбу, и к вечеру, когда они разбили лагерь у водопоев, они прошли почти сорок пять миль. Мулы, под неустанным и нецензурным стимулом своих погонщиков, не отставали от остальных. На следующий день, как только рассвело, они снова выдвинулись в путь и, пройдя двадцать миль, прибыли к сухому руслу реки.

Была ли это развилка реки Республикан, на которой был осажден Форсайт, никто не мог сказать. Оказалось, что у реки Республикан есть три развилки: северная, Арикари и южная, или сухая. Карпентер боялся покинуть найденную развилку, не убедившись, что Форсайт не находится там, поэтому он решил разведать реку на протяжении пятнадцати-восемнадцати миль. Не найдя ничего, он снова повернул на север, пока не дошел до ручья, протекающего через широкую, покрытую травой долину, окруженную высокими холмами. Когда они вошли в долину, они наткнулись на очень большой, свежий индейский след. Разведчики оценили, что по этому следу за несколько часов прошло не менее двух тысяч пони. Различные другие признаки указывали на то, что по этому следу прошла большая деревня.

На второй день они прошли более сорока миль и опасались, что индейцы, находясь так близко от них, могут напасть. Был почти вечер. Недалеко от воды было выбрано место, хорошо подходящее для обороны, повозки были собраны в загон, и были сделаны приготовления для решительного сопротивления в случае нападения. Пока мужчины разбивали лагерь, Карпентер с небольшой охраной поднялся на вершину одного из высоких холмов, окаймляющих долину. Он мог видеть на многие мили вокруг, но не обнаружил ни индейцев, ни каких-либо других живых существ в любом направлении. Однако перед ними,

на вершине другого холма, было несколько эшафотов, на каждом из которых лежало человеческое тело. Метод захоронения шайенов был сразу же узнаваем. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что эшафоты были возведены недавно. Было осмотрено пять из них, и в каждом случае тело принадлежало воину шайенов, убитому огнестрельным ранением. Это было явным доказательством того, что они были индейцами, сражавшимися против Форсайта.

В то время как все это происходило, один из солдат заметил что-то белое в ущелье на противоположной стороне долины. Они поскакали туда и обнаружили, что это был изысканный и красивый вигвам, сделанный из свежесделанных белых шкур буйволов. Полковник спешил, открыл вигвам и вошел внутрь. Там, на куче веток, лежала человеческая фигура, укутанная в шкуры буйвола. Когда шкуры были сняты, открылось тело великолепного индейского мужчины. «Он лежал, как воин, отдыхающий, укутанный в свой боевой плащ». Его суровый и величественный взгляд, железное величие черт лица, даже несмотря на то, что он был мертв, сразу же выдавали в нем вождя индейцев. В его груди была большая, зияющая рана, пронзившая его сердце. Он лежал в своем боевом снаряжении, с оружием и другими личными вещами под рукой.

После осмотра они подняли его и оставили в покое. Затем они вернулись в лагерь. В течение ночи загон тщательно охранялся, но никто не появлялся, чтобы беспокоить их. Было решено следовать по индейскому следу с рассветом, так как он, вероятно, привел бы их к месту сражения Форсайта. Рано утром следующего дня, когда они собирались, они увидели нескольких всадников, приближающихся к холмам к югу от них. Это были белые люди, возглавляемые разведчиком по имени Донован. Еще два человека были отправлены Форсайтом с острова на третью ночь осады, и, оставаясь незамеченными индейцами, они добрались до форта Уоллес. Когда они прибыли туда, они обнаружили, что полковник Бэнкхед уже ушел; после чего Донован собрал пять смелых людей и немедленно отправился в обратный путь. К счастью для Карпентера, Донован нашел его след и пошел по нему до лагеря.

Карпентер взял тридцать своих лучших всадников и машину скорой помощи, нагруженную сухарями, кофе и беконом, и помчался галопом в направлении, где, по их предположению, находился остров. Банцхаф остался командовать остальными с приказом следовать за ними как можно быстрее.

Карпентер мчался быстрым галопом и, проделав восемнадцать миль, еще ранним утром, прибыл к отрогу земли, с которого открывался вид на окружающую местность на многие мили вокруг. Остановив лошадь на краю, он увидел справа от себя долину, по которой извивался узкий серебристый ручей.

В центре долины был остров. На нем рос одинокий тополь. Были видны люди, двигавшиеся по этому месту. Донован сразу же узнал его. Лошади отряда были заставлены бежать, и вся группа помчалась по долине к острову. Разведчики переправились через реку с криками радости и приветствовали солдат. Верные мулы тянули за собой машину скорой помощи. Еды хватило на всех. Карпентер был потрясен волчьим выражением лиц голодных людей, толпившихся вокруг машины скорой помощи. Позже один из них принес ему кусок мяса мула или лошади, которое должно было быть подано на ужин в тот день, если бы не появились спасатели. Карпентер не мог вынести даже его запаха.

Первым, кто вскарабкался по руслу реки и вошел в окопы на острове, был Карпентер. Там, на земле перед ним, лежал Форсайт. И что, по-вашему, он делал? Он читал роман! Кто-то нашел в пустой седельной сумке старый экземпляр «*Оливера Твиста*». Форсайт боялся довериться себе. Он боялся, что не выдержит. Он не смел смотреть на Карпентера и выражать свои чувства. Поэтому он притворился, что поглощен книгой.

Черная кавалерия прибыла как раз вовремя. Форсайт был в сильной лихорадке. Началось заражение крови, и его раны были в ужасном состоянии. Еще один день, и было бы слишком поздно. Он лишился всего, кроме своей неукротимой решимости. Многие другие находились в подобных обстоятельствах. Хорошо, что Карпентер привез с собой хирурга, потому что его услуги были крайне необходимы. Людей увезли с острова, переместив на полмили от ужасного зловония, исходящего от мертвых животных; прибыл обоз, были разбиты лагерь, мертвых похоронили на острове, который они увековечили своей доблестью, и их негритянские товарищи сделали все возможное для комфорта живых.

Врач хотел ампутировать ногу Форсайта, но тот протестовал, поэтому ампутация не была произведена, и нога в конце концов была сохранена для ее владельца. Однако один из разведчиков по имени Фарли был настолько тяжело ранен, что пришлось прибегнуть к ампутации. Врач провел операцию при помощи Карпентера. Военный командир на поле боя должен делать очень многое.

На следующий день появился Бэнкхед со своим отрядом. Он дошел до развилки реки и пошел по ветке Арикари до места. Его сопровождали два отряда Второй кавалерии, которые он подобрал по дороге. Он не стал винить Карпентера за неподчинение, поскольку тот оставил доктора Фицджеральда. Напротив, он был так рад спасению, что даже обнял своего доблестного подчиненного.

Как только это стало возможным, выжившие были доставлены обратно в форт Уоллес. Форсайт и более тяжело раненные были перевезены на машине скорой помощи. Дорога до форта заняла четыре дня. Несмотря на всю заботу, которую им могли оказать, путь был одной большой мукой. Дороги не было, и хотя возчики выбирали лучшие места на прерии, все равно приходилось сильно трястись и подпрыгивать.

За свое поведение в этой операции Форсайт был удостоен звания бригадного генерала регулярной армии. Это было некоторой компенсацией за два года последующих страданий, пока его раны наконец не зажили.

III. Конец Романа Носа

На обратном пути мужчины остановились у белого вигвама в уединенной долине. Гровер и Макколл подъехали к этому месту вместе с офицерами и осмотрели тело вождя. Они сразу же опознали его как Романа Ноуза (). С необычной для пограничников сентиментальностью они отнеслись к его могиле с уважением и, в знак уважения к его доблести, позволили ему покоиться с миром. Однако его оружие и снаряжение были признаны законной военной добычей и изъяты. Это был действительно печальный конец для всего его великолепного мужества и славного сопротивления белым врагам.

Потери индейцев в нескольких атаках так и не были точно установлены. Они признали, что 75 человек были убиты на месте и более 200 получили серьезные ранения, но можно с уверенностью сказать, что их общие потери были гораздо больше. Бои были самыми ожесточенными и жестокими, и индейцы находились под огнем одного из самых опытных отрядов стрелков на равнинах на расстоянии половины выстрела из пистолета в этой уникальной и знаменитой битве. Все это сражение практически не имеет аналогов в истории наших войн с индейцами, как по захватывающей и доблестной кавалерийской атаке индейцев, так и по отчаянной доблести Форсайта и его разведчиков.

IV. Несколько слов о людях Форсайта

Героизм и мужество людей в бою были на высоте, установленной их капитаном. Человек по имени Фарли сражался на протяжении всего боя с тяжелым пулевым ранением в плечо, о котором он не упомянул до наступления ночи; его отец был смертельно ранен, но он лежал на боку и сражался в течение всего первого длинного дня, пока не умер. Другой человек по имени Харрингтон был ранен стрелой в лоб. Он вытащил древко, но наконечник остался в кости. Пуля индейца попала ему в лоб и аккуратно извлекла стрелу — грубая хирургия, конечно, но она помогла. Харрингтон обвязал голову тряпкой и оставался на своем месте в течение всех трех дней боя.

Когда они впервые достигли острова, один из мужчин воскликнул: «Не оставайтесь здесь, чтобы нас застрелили как собак! Кто-нибудь попробует перебраться на противоположный берег со мной?» Форсайт, с револьвером в руке, остановил эту попытку, пригрозив застрелить любого, кто попытается покинуть остров. Во всей группе был только один трус. По внешнему виду и поведению он был самым многообещающим из всей компании — по видимому, великолепный образец мужественности. К удивлению всех, после одного выстрела он прижался к земле в своем окопе и категорически отказался что-либо делать, несмотря на приказы, мольбы, насмешки и проклятия. Он покинул отряд сразу же по прибытии в Форт Уоллес.

Напротив, одним из самых храбрых, где все, кроме одного, были героями, был маленький восемнадцатилетний еврейский мальчик, который умолял принять его в отряд и позволить ему пойти с ними. Он был объектом насмешек командования, но когда начались бои, он проявил себя настоящим паладином мужества и эффективности.^[36]

Одним из последних решений недавнего Конгресса было выделение 120 акров земли в округе Юма, штат Колорадо, под национальный парк. Этот заповедник навсегда сохраняет поле битвы Форсайта и его окрестности от заселения. На берегу реки, на месте, которое когда-то было островом Бичера, а теперь примыкает к берегу из-за изменения русла реки, стоит деревянный памятник Бичеру и другим разведчикам, которые были похоронены где-то в этих песках.^[37]

Немногие выжившие в сражении объединились в ассоциацию, которая ежегодно проводит встречу на поле битвы. Скоро никого из них не останется. Не было бы ли благородным поступком для тех, кто чтит мужество, мужественность и преданность долгу, воздвигнуть более прочный памятник памяти Бичера и его товарищей, чем хрупкий деревянный столб, который сейчас неадекватно служит для привлечения внимания к их жертве и доблести?

ПРИМЕЧАНИЕ. Следующее интересное сообщение несколько изменяет одно из утверждений в вышеуказанной статье. Оно, безусловно, свидетельствует о быстром решении со стороны лейтенанта Джонсона, который остался командующим постом после отъезда Бэнкхеда.

Грейт-Баррингтон, Массачусетс, 5 августа 1904 г.

Доктор Брэди говорит: «Донован собрал пять *смелых душ* и немедленно отправился в обратный путь». На самом деле Донован не делал ничего подобного. Отправка подкрепления генерала Бэнкхеда лишила гарнизон форта Уоллес семи солдат, забрала последнюю лошадь и поставила меня во главе. Второе письмо Форсайта, принесенное Донованом, попало в мои руки. Она была полностью отправлена по телеграфу генералу Шеридану, который приказал мне не жалеть людей, денег и лошадей, чтобы поспешить на помощь Форсайту. Обещанием 100 долларов каждому четыре гражданина соседнего города Понд-Крик были убеждены отправиться на поиски отряда Карпентера. Я убедил Донована сопровождать их, пообещав ему 100 долларов в дополнение к его жалованью в качестве разведчика. Эта группа вышла на рассвете на правительственных мулах, ехала весь день и всю ночь и нашла отряд Карпентера на южном рукаве реки Республикан, примерно в десяти милях к юго-востоку от места сражения. Под руководством этих людей Карпентер выдвинулся вперед, и Форсайт и его люди были освобождены за несколько часов до прибытия других подкреплений.

В декабре того же года я проехал по местности от форта Уоллес до Арикари-Форк, пытаясь безрезультатно найти тела погибших в бою. Мы застали врасплох деревню индейцев на месте боя, отбили их и нашли тело одного из разведчиков, но могилы лейтенанта Бичера и доктора Муэрс были пусты. С уважением,

Хью М. Джонсон,

бывший лейтенант 5-го пехотного полка США.

[36](#)В увлекательной истории генерала Фрая «Жертвы армии» встречается следующее небольшое стихотворение о нем:

«Когда враг атаковал укрепления

С безумным отчаянием,

И самые храбрые души подверглись испытанию,

Маленький еврей был там.

Когда уставшие дремали на посту,

Или раненые нуждались в помощи,

Когда требовался еще один выстрел,

Маленький еврей был там.

С гниющими трупами вокруг,

Распространяя яд в воздухе,

Когда покалеченный вождь отдавал приказ,

Маленький еврей был там».

[37](#)Сегодня скот стоит по колено в Арикари. Вода больше не плещется вокруг острова, так как перемещающиеся пески заполнили канал на юге. Но если копнуть под тополями, можно найти пули, патроны и ножи. А неподалеку стоит простой белый столб, который указывает место, где Бичер и Роман Нос, олицетворяющие все самое смелое в белых и красных, забыли всю вражду в последнем сне, в котором нет места расовой ненависти». Я вырезал это из газеты на днях. Как хорошо, как часто, написаны скромные, неподписанные статьи в ежедневной прессе!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Рассказ разведчика о защите острова Бичера

По счастливой случайности мне разрешили привести здесь личное письмо, которое мне прислал г-н Сигмунд Шлезингер, еврейский мальчик, упомянутый в шестой главе. Это письмо содержит оригинальное описание обороны острова Бичер с точки зрения одного из участников событий и является уникальным документом в наших западных исторических архивах: — С.Т.В.

В течение нескольких дней мы следовали по индейской тропе, которая была настолько широкой, что напоминала дорогу для повозок. Те из наших людей, кто имел опыт ведения войны с индейцами, сказали нам, что мы, должно быть, находимся на следе индейской деревни, которая перемещается с большим стадом лошадей. Очевидно, они знали, что мы идем за ними, и, казалось, спешили уйти, потому что мы нашли лагерную посуду, палаточные шесты и т. д., которые были брошены и не были собраны. Среди прочего мы увидели свежее мясо антилопы, четвертинки и т. д., и хотя наши запасы продовольствия были почти, если не полностью, исчерпаны, за исключением кофе и небольшого количества «свиного живота», мы не осмелились съесть остатки индейцев.

В ночь на 16 сентября, перед нападением на следующее утро, разведчик Кулвер из отряда «», который был убит на следующий день, показал нескольким из нас несколько факелов на холмах, которые махали, как сигналы. Я знал, что скоро «что-то произойдет», но, как новичок, я был как на иголках, в напряжении ожидания, предвкушая что-то странное и опасное. Следующее, что я сейчас помню, — это то, что меня разбудил перед рассветом единственный крик «Индейцы!», настолько громкий и угрожающий, что, вскочив с земли, я был ошеломлен и почувствовал, как будто я хочу отразить удар, исходящий откуда-то, потому что было еще совсем темно. Я никогда не забуду этот крик. Вскоре я заметил суматоху среди наших лошадей и мулов. Индианцы, около дюжины, пытались их спугнуть. В рассветном свете я мог разглядеть вдали очертания белой лошади, и по шуму понял, что они гонят перед собой часть нашего скота. Позже, при дневном свете, мы смогли узнать некоторых из наших пони на соседнем холме, которые были в руках индейцев.

Как только мы переправились с северного берега реки на остров, прямо перед нападением, мы привязали наших лошадей и вьючных мулов к кустам, как могли. Днем мул с частично загруженной спиной освободился и бродил поблизости от моей ямы. В его теле торчали несколько стрел, и он, по-видимому, был ранен, из-за чего он так вздымался и бросался, что мой сосед Джим Лейн и я решили его убить. После выстрела он упал и лежал между нами, служа нам одновременно пищей и баррикадой.

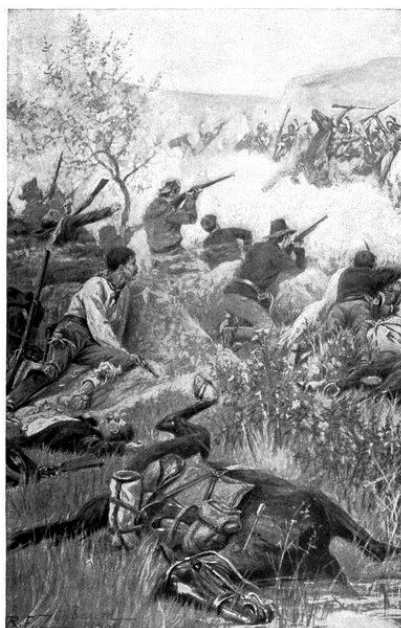
Моя лошадь была надежно привязана к кустарнику на острове, и позже в тот же день я увидел, как бедное животное вздымалось и бросалось в смертельной агонии, будучи застреленным, как и остальные наши лошади и мулы. Он также обеспечил меня несколькими приемами пищи во время осады, даже после того, как начал разлагаться. В таких условиях было мало разницы между мясом лошади и мула — оба были отвратительны.

Когда наступил день вторника, 17 сентября 1868 года, мы увидели, как наши часовые мчались к лагерю со всех ног, возбужденно крича: «Индейцы! Индейцы!» Когда я посмотрел вверх по долине на запад, я увидел самое величественное и дикое зрелище, которое немногим смертным дано увидеть и рассказать о нем. Многие сотни индейцев в полном

боевом снаряжении, верхом на своих великолепных боевых пони, мчались к нам *все вместе*. Некоторые из них () скакали в одном направлении, другие — в другом, их копыта были увенчаны разноцветными лентами, а фантастические индейские костюмы придавали всему этому ужасающее очарование. Примерно в это время те из нас, у кого был кофе, сварили его и готовились переправиться на остров.

Я откровенно признаюсь, что был потрясен и напуган. Мне хотелось убежать куда-нибудь, но все пути к спасению были перекрыты. Куда бы я ни смотрел, я видел только опасность, что еще больше усиливало мое волнение; поэтому я естественно обратился к полковнику Форситу как к защитнику, как птенец, увидев ястреба в воздухе, трепещет крыльями, стремясь к материнскому крылу. В таких напряженных условиях некоторые вещи ярко запечатлеваются в памяти, а другие полностью забываются. Я помню это отчетливо, так как в своем трепете инстинктивно держался поближе к полковнику. Его замечательное самообладание и хладнокровие успокаивали меня. Побуждая всех вокруг к действию, он советовался с лейтенантом Бичером и проводником Шарпом Гровером, давая указания здесь, советы там, пока большая часть отряда не переправилась; затем он сам переправился и расставил людей, указывая им, где занять свои позиции. Тем временем индейцы приближались. Я был прямо за полковником, когда первый выстрел врага пролетел, казалось, над нашими головами. Я услышал, как он с улыбкой сказал: «Спасибо», но сразу же после этого приказал всем нам лечь на землю, а сам, продолжая отдавать приказы, остался на ногах, ходя между нами и ведя свою лошадь. Выстрелы стали чаще, и многие из нас кричали ему, чтобы он тоже лег. Сколько времени прошло после этого, я не знаю, но я услышал, как полковник закричал, что его подстрелили, и увидел, как он схватился за ногу и сел на землю.

Я лежал рядом с Лу МакЛафлином; высокая трава мешала мне видеть, поэтому я попросил Лу пригнуться ниже, перекатился через него на другую сторону и был занят своим карабином, потому что индейцы наступали на нас. Они окружали нас, а другие стреляли. Вскоре я услышал, как Лу зарычал и пробормотал. Я посмотрел на него и увидел, что он ранен: пуля, прилетевшая из того места, где я лежал, попала в прицел его ружья и отскочила в его грудь. Он рассказал мне, что произошло, но я не мог уделить ему внимания, потому что перед нами было много дел. Но позже, после отражения атаки, я посмотрел на Лу и был удивлен, увидев его лежащим в луже. От боли он вырвал траву и впился руками в песок. В ответ на мой вопрос, сильно ли он ранен, он сказал, что не сильно, и посоветовал мне выкопать яму в песке, чтобы укрыться.

Предоставлено Chas. Scribner's Sons

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ НА ОСТРОВЕ БИЧЕР

Рисунок Р. Ф. Зогбаума

Сейчас я не уверен, но мне кажется, что я рассказал об этом полковнику Форсайту; и с того момента мы начали копать руками и всем, что попадалось под руку, а также бить пятками и пальцами ног по песку (), и некоторые из нас вскоре выкопали ямы, достаточно глубокие, чтобы укрыть хотя бы сундук.

Время, казалось, вышло из-под нашего контроля. Я услышал, как кто-то спросил: «Который час?» Ответ прозвучал: «Три часа». Я думал, что было около десяти утра. Мы весь день ничего не ели и не пили, и, как ни странно, я не чувствовал голода, что, возможно, и было причиной, по которой я думал, что еще рано. Прошел слух, что лейтенант Бичер и разведчики Уилсон и Калвер были убиты, полковник Форсайт снова ранен, доктор Муерс получил пулевое ранение в голову, а также были ранены другие, чьи имена я сейчас не помню.

Мы сражались без перерыва весь день. После наступления темноты индейцы отступили, и тогда природа начала брать свое. Я проголодался, но в лагере, насколько я знал, не было ничего съедобного, кроме диких слив, которые я собрал накануне и которые лежали в моих седельных сумках, все еще висящих на теле моей лошади. Я вылез из своей норы и полз на четвереньках к месту, где, как я знал, лежало бедное животное. Нащупывая путь в темноте, я коснулся чего-то холодного и, присмотревшись, обнаружил, что это была мертвая рука Уилсона. Он лежал там, где упал; это было ужасное ощущение. Меня пробрал озноб, но я наконец добрался до лошади и, потянув, наконец достал сумку и сливы. Я также нашел в ней кусок бекона размером с два пальца, который я приберег на крайний случай, и этот ржавый кусок жира был у меня, когда пришла помощь.

На обратном пути к своей норе я прошел мимо другой, где лежал раненый доктор Муерс, жалобно стонущий. Я положил ему в рот сливу, и на следующее утро увидел ее между его зубами. Он умер в ночь на 19-е. Все наши раненые были очень бодры, и, глядя на полковника Форсайта и разговаривая с ним, когда он лежал там беспомощный, никто из посторонних не

заподозрил бы, что он был калекой. Мы собирались вокруг него в его яме и беседовали, не как люди в отчаянной ситуации, а как соседи, обсуждающие общее дело.

Полковник Форсайт был подходящим человеком для командования такой разнородной компанией. Как и самый младший из нас, он ухаживал за своей лошастью в лагере, и много раз я видел, как он собирал буйволиные экскременты для топлива. Хотя он был нашим командиром, он был нашим другом, и как такового мы уважали его, следовали за ним и подчинялись ему.

Примерно на пятый день, когда индейцы начали покидать нас, мы стали ходить и осматриваться. Примерно в пятнадцати или двадцати футах от моего укрытия я заметил нескольких наших людей, которые звали остальных. Я побежал к тому месту и там, у края острова, увидел трех мертвых индейцев. Их друзья, очевидно, не могли до них добраться, чтобы унести их, что объясняло нам упорные бои в этом направлении. Когда я подошел, индейцев лишали снаряжения, скальпов и т. д. Один из них был застрелен в голову, и его волосы были сгущены кровью. Я взялся за одну из его косичек и приложил нож к коже над ухом, чтобы снять скальп, но моя рука коснулась крови, и я с отвращением уронил волосы.

Старый Джим Лейн заметил мое колебание, взял косу и сказал мне: «Мальчик мой, тебе плохо?» Затем он вставил острие ножа под кожу, обрезал ее, взял другую косу и сорвал скальп с головы. Я прожил около трех лет в стране индейцев племени и четыре года в Америке, и жизнь на равнинах в таких тяжелых условиях, как те, которые я пережил, закаляет чувствительность, но я все же не был готов к такому жестокому столкновению, даже с мертвым индейцем.

После этого нас больше не беспокоили, и мы посвятили свое время поиску чего-нибудь съедобного, кроме протухшего мяса лошади и мула, которое мы несколько раз варили в воде с порошком, не для того, чтобы оно стало мягким, а чтобы как можно больше выварить зловоние. Мы нашли несколько плодов кактуса и убили койота, из которого мне достались мозги и ребро. Помимо этого, во время осады у нас не было ничего, кроме лошади и мула, что вскоре сказалось на наших кишках; но, несмотря на все это, я не помню ни одного унылого человека в нашей группе.

Однажды утром, на девятый день после нападения, я лежал вне своей ямы, отработав ночную вахту; я полудремал и мечтал о доме и хорошей еде. Я так скучал по дому и был так голоден, когда услышал, как кто-то обратил внимание на что-то,двигающееся на холме.

Я сразу же насторожился. Вскоре я снова услышал: «Я думаю, это борзая доктора Фицджеральда». Кто бы это ни был, мы были бы рады. Мы были бы рады даже тому, чтобы индейцы снова напали на нас, в надежде убить одну из их лошадей и получить свежее мясо; но вскоре стало очевидно, что помощь приближается, и когда я полностью осознал этот факт, ослабевший, как я был, я вскочил и присоединился к безумному танцу, который происходил вокруг нас. Те, кто был на холме, наверное, увидели нас, потому что вниз по холму к нам помчались всадники, за ними следовали одна или две машины скорой помощи.

Они были так же нетерпеливы добраться до нас, как и мы до них, и когда я бежал в гору, я заметил солдата на белой лошади, мчавшегося на всех парах. Инерция пронесла его мимо меня, но я схватил его седельную сумку и был сбит с ног, но понадобилось бы больше одной лошади, чтобы вырвать меня из моего захвата. Я подозревал, что там есть что-то съедобное, и как только он смог остановиться, не спешивая с лошади (), он помог мне открыть сумку. Я погрузил в нее обе руки и схватил по куску сухаря, но только одной рукой смог дотянуться до рта, а другую схватил один из наших людей, который жадно вырвал у меня сухари. Мы ели, плакали, смеялись и ели, не переставая.

Как только было возможно, мы похоронили наших мертвых. Те, кто умер на одном конце острова, были похоронены теми, кто жил в той местности, и другими, кто жил поблизости, так что одна часть острова не знала о местонахождении трупов другой части; по крайней мере, я не знал, где лежали тела убитых на восточном конце острова. И вот однажды, когда я ходил между ямами, я заметил что-то красное и круглое, торчащее из песка, как наполовину зарытая красная ягода. Я пнул его, но оно не сдвинулось с места; я пнул еще раз, но безрезультатно. Тогда я присмотрелся и обнаружил, что это был нос мертвого человека. Я позвал на помощь других, и мы все уладили так, чтобы больше не было возможности осквернить тела.

Нашим смертельно раненым делали все возможное, чтобы облегчить их страдания перед смертью. Я помогал в таких ухаживаниях за лейтенантом Бичером. Мы сняли с него сапоги, пальто и т. д., и, конечно, после его смерти эти вещи не были возвращены на тело, а лежали рядом, оставаясь незамеченными. Мои ботинки были довольно изношены, особенно после того, как я использовал их для копания в песке, поэтому, когда пришла помощь и мы готовились покинуть остров, я надел его ботинки, которые были почти моего размера, и носил их даже после возвращения в Нью-Йорк, оставив свои старые ботинки на острове.

Во время одного из наших «сидений» вокруг полковника Форсайта в его яме обсуждался инцидент с убийством койота и предлагались планы по убийству еще большего их количества. Вместе с другими я также предложил план, но его высмеяли, и я вскоре удалился в свою яму, которая находилась достаточно близко к яме полковника, чтобы я мог слышать, о чем там говорили. Один из оставшихся мужчин говорил обо мне нелестные вещи, когда полковник заставил его замолчать, сказав, что я всего лишь мальчик, не привыкший к таким вещам, и что в данных обстоятельствах я справляюсь лучше, чем некоторые из более взрослых мужчин. Полковник Форсайт не подозревает, что я очень благодарен ему за его доброту к этому странному «мальчику» среди незнакомых людей, и что я все еще надеюсь, что когда-нибудь у меня будет возможность выразить ему свою признательность.

Джек Стилвелл и я были единственными мальчиками в роте и, естественно, сблизились. Мы подружились, как только познакомились, и стали друзьями, еще не зная друг друга по имени. Когда полковник попросил добровольцев отправиться в Форт Уоллес за помощью, Джек был одним из первых, кто вызвался. Я хотел пойти с ним, но полковник не обратил внимания на мою просьбу; даже Джек отговаривал меня, потому что знал, что я слишком неопытен. Когда полковник Карпентер пришел нам на помощь, Джека с ним не было, что очень беспокоило меня и других. На следующий день после прибытия полковника Карпентера мы увидели конного часового, которого полковник Карпентер выставил на высоком холме примерно в трех милях от острова, сигнализирующего о приближении отряда людей, что вызвало волнение, но в нашей истощенной группе, прошедшей, так сказать, в страхе и напряжении. По крайней мере, так я себя чувствовал. Я помню, как наблюдал за этим дозорным, лошадью и всадником, кружащимися туда-сюда, единственным движущимся объектом в туманной дали, сигнализирующим обеспокоенным наблюдателям, что поблизости находятся либо друзья, либо враги. Поскольку он не проявлял никакого желания покидать свой пост, вскоре стало очевидно, что он не боится приближающейся колонны и что идут друзья. Вскоре после этого за изгибом речного русла появились несколько всадников, и среди них был мой друг Джек Стилвелл. Почти все мы побежали навстречу группе. Вскоре Джек спрыгнул с лошади и, радуясь тому, что так много из нас снова живы, позволил слезам свободно течь по своим честным щекам. Все эти годы я поддерживал с ним переписку. В прошлом году он умер.⁴ Он был великодушным, веселым человеком, смелым до крайности.

[38](#)Стилвелл изучал право и в конечном итоге стал судьей в Техасе. Он был другом генералов Майлза и Кастера, а также «Дикого Билла» Хикока, «Техасского Джека» Омохундро и других известных личностей на границе; и когда он умер пару лет назад, ему были возданы восторженные почести как со стороны высокопоставленных лиц, так и простых людей. — С. Т. В.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Карпентер и его «брюнетки».⁴

Сражение на Бивер-Крик

Карпентер совершил очень похвальное дело, пройдя за два дня более ста миль, чтобы прийти на помощь Форсайту. И удивительно, что ему удалось найти его в этой огромной местности. Он получил за это высокую похвалу, которую вполне заслужил, но сражение, которое он вместе со своими чернокожими товарищами провел три недели спустя, вызвало еще больше похвалы. Это сражение было одним из самых красивых и типичных из всех наших индейских кампаний, и мне посчастливилось изложить его словами самого генерала Карпентера, написанными специально для этой книги, а примечания, приложенные к тексту, являются моим собственным вкладом. — С. Т. В.

Во время форсированного марша, чтобы сменить отряд разведчиков под командованием полковника Джорджа А. Форсайта, окруженного индейцами на развилке рек Арикари и Республиканской, войска под моим командованием обнаружили большой след индейцев, которые участвовали в сражении на южной развилке реки Республиканской.

Разведчики обнаружили, что этот след покинул долину реки на небольшом расстоянии ниже по течению и пересек местность в направлении Бивер-Крик. После смены Форсайта, по возвращении в Форт Уоллес с выжившими и ранеными, генералу Шеридану, находившемуся тогда к востоку от Форта Хейс, штат Канзас, был доложен вероятный маршрут индейцев; и Пятая кавалерия, только что прибывшая с востока по железной дороге, была высажена между Хейсом и Уоллесом и получила приказ двигаться на север под командованием майора Ройала и, по возможности, нанести удар по дикарям на Бивере. Через день или два после отправления Пятого полка, бригадный генерал Юджин А. Карр явился на службу к генералу Шеридану. Карр был генералом добровольцев во время Гражданской войны с отличными заслугами, а теперь вернулся к своему званию майора в регулярных войсках Пятого кавалерийского полка.

Шеридан очень хотел, чтобы Карр присоединился к его полку из-за его опыта в борьбе с индейцами и его общей репутации, и поэтому отправил его в форт Уоллес с приказом, чтобы два кавалерийских отряда, находившиеся там, перешли под мое командование и сопроводили Карра и, если возможно, догнали Пятый полк, чтобы он мог присоединиться к своему полку. Отряды, состоявшие из рот Н и I 10-го кавалерийского полка, находились под моим командованием и командованием капитана Грэма, лейтенантов Банцхафа, Амика и

Орлемана, и вскоре были готовы к выполнению поставленной задачи. Мы вернулись из Форсайта 1 октября и вышли с Карром в 10 часов утра 14 октября.

Я решил двинуться на север, чтобы как можно скорее напасть на Бивер, а затем следовать вниз по этому ручью в надежде найти Пятую кавалерию или ее след. 15-го числа я достиг Бивера около часа дня и, пройдя несколько миль вниз по течению, разбил бивуак. Как и ожидалось, мы обнаружили очень большой индейский след, оставленный примерно две недели назад, по которому прошло более двух тысяч лошадей, направлявшихся в одном и том же направлении.

На следующий день мы продолжили наше путешествие вниз по течению, найдя много воды, прекрасное дно, покрытое травой и лесом, и все еще наблюдая индейский след, который вел к точке примерно в двадцати милях к востоку от места, где мы впервые наткнулись на Бивер. В этом месте следы показывали, что индейцы разбили лагерь на ночь. Земля на площади в несколько акров была покрыта старыми кострищами, кусками дерева и пони-навозом; а немного поодаль мы нашли мертвого шайена, завернутого в свои одежды, лежащего на подмостках на дереве, защищавших его от голодных волков. Затем тропа повернула на юг к Шорт-Ноуз-Крик, индейскому названию ручья примерно в двадцати милях к югу от Бивера. Однако мы продолжили наш путь по Биверу, пока не прошли около тридцати миль, а затем остановились на ночь.

Поскольку в Уоллесе не было вьючных животных, я был вынужден взять повозки для перевозки наших припасов, и у меня было одиннадцать повозок. Мулы, тянувшие тяжелые грузы по пересеченной местности, были вынуждены бежать рысью, чтобы не отставать от кавалерийской колонны. Мы прошли по Биверу около сорока пяти миль, не найдя ничего, что касалось Пятого полка, и начало казаться, что что-то увлекло полк в другом направлении.

На следующее утро я послал лейтенанта Амика и десять человек на хороших лошадях с Шарпом Гровером, знаменитым разведчиком, с приказом как можно быстрее пройти через страну к Шорт-Ноузу, чтобы найти следы Пятого кавалерийского полка и внимательно следить за индейцами.

Гровер, который, как помните, был с Форсайтом, впоследствии присоединился к моему командованию. Он женился на Сиу (), женщине из племени сиу, и до начала военных действий много лет жил с индейцами. Он говорил на их языке, знал их обычаи и традиции и был прекрасно обучен читать следы. Было интересно наблюдать, как он читал следы, как будто это были книги. Он мог сказать, как давно были оставлены следы, были ли они оставлены лошадьми или пони, подкованными или непокованными, сколько из них были верховыми, сколько — повозками, была ли это военная группа или группа, меняющая лагерь. Если индейцы останавливались на ночь, он мог сказать, сколько мужчин или женщин было в группе, к какому племени они принадлежали, по форме их мокасин, и многое другое. Как и большинство его соплеменников, Гровер иногда сильно пил. Когда индейцы вышли на тропу войны, Гровер не мог больше оставаться с су, так как его жизнь была в опасности, и он поступил на службу к правительству, где оказал героические и неоценимые услуги. Позже он был убит в драке в Понд-Сити, недалеко от форта Уоллес.

Амик и его группа вскоре исчезли за холмами справа от нас, а мы продолжали спускаться по течению, которое в целом направлялось на северо-восток. Я начал чувствовать уверенность в том, что Пятая кавалерия так и не достигла Бивера, и что в этом случае мы, вероятно, подвергнемся нападению индейцев. В этих условиях я счел, что будет разумно проявить осторожность и быть начеку, чтобы не попасться врагу врасплох. Дорога, по которой мы ехали, была очень неровной, а ручей в большинстве мест протекал по глубоким берегам высотой в несколько футов, и мест, подходящих для переправы, было очень мало.

С наступлением ночи было выбрано место для лагеря в излучине ручья, где можно было разместить повозки поперек, оставив внутри место для выпаса животных, не опасаясь панического бегства от воющих дикарей. Амик вернулся незадолго до наступления ночи, разведав несколько миль за Шорт-Ноуз, но не обнаружив никаких следов Пятого кавалерийского полка. Гровер рассказал мне, что, когда они пересекали водораздел между Бивером и Шорт-Ноуз, он наткнулся на единственный след индейского пони. Этот след вел из направления сзади нас и показывал, что пони мчался быстрым галопом. Гровер сделал из этого вывод, что это, вероятно, был индейский охотник, возвращавшийся домой, который, скорее всего, пересек наш след позади нас, обнаружил наше присутствие в этой местности и мчался со всей возможной скоростью, чтобы донести эту новость до индейских лагерей, расположенных где-то перед нами и недалеко от нас.

После совещания по поводу сложившейся ситуации генерал Карр пришел к выводу, что, пройдя около шестидесяти миль вниз по Биверу и не найдя Пятый полк, тот так и не достиг этого ручья, и поэтому он откажется от его поиска и утром начнет обратный путь. Около семи утра следующего дня, 15 октября, капитан Грэм выразил желание провести разведку на небольшом расстоянии впереди и поехал вперед с двумя людьми. Команде было приказано седлать лошадей и подготовиться к выходу. Учитывая, что южная сторона ручья была холмистой и труднопроходимой и создавала возможности для засад, я решил вернуться по северной стороне, которая была относительно открытой. Накануне днем я послал лейтенанта Орлемана с отрядом, чтобы он прокопал берега ручья и подготовил проходимый путь для повозок и войск.

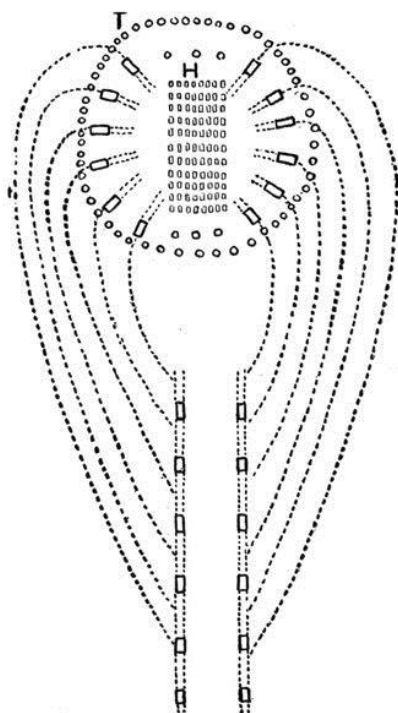
Грэм едва проехал тысячу ярдов, как двадцать пять индейцев внезапно выскочили из-за холма сзади него с явным намерением отрезать ему путь. Они были уже почти у Грэма, когда он их заметил, но он мгновенно вбил шпоры в своего коня и помчался к ручью, а индейцы открыли залп по отряду с близкого расстояния. Одна из пуль прошла через шляпу Грэма, другая — через его пальто, а третья — через его гетры, не ранив его. Одна из лошадей была ранена в плечо и упала. Ее всадник успел добраться до ручья и укрыться за берегом вместе с другими солдатами, и они начали стрелять по индейцам. Пояс Грэма разорвался, когда его лошадь вздрогнула при первом выстреле, но, когда седло соскочило, он схватился за гриву лошади и потащил себя вперед на животном. Затем он бросился с лошадью через берег ручья, примерно на десять футов вниз. При этом прыжке он упал с лошади, но лошадь, к счастью, побежала в нашу сторону.⁴

К этому времени я отправил тридцать человек под командованием лейтенантов Амика и Орлемана, чтобы прикрыть отступление людей Грэма. Когда они бросились к холму, дикари выбежали из ручья, чтобы избежать отрезания, и были горячо преследуемы нашими людьми. Полагая, что присутствие этих индейцев означало, что большая группа не могла быть далеко, я решил, что лучше проявить осторожность, и послал трубача, чтобы он догнал Амика и велел ему прекратить преследование и медленно отступать к лагерю. Без дальнейших промедлений я разобрал лагерь, переправил через ручей повозки и войска и, сняв людей с лошадей, развернул их в качестве стрелков, чтобы прикрыть отступление Амика.

Через несколько минут отсутствующая группа появилась на холмах, а отряд индейцев, насчитывавший не менее ста человек, вступил в перестрелку с нашим флангом и тылом. Они медленно отступали к ручью, и когда оказались в пределах досягаемости, спешившиеся солдаты на берегу открыли огонь по наступающим дикарям, и под прикрытием этого Амик переправился и присоединился к отряду, в то время как индейцы держались на почтительном расстоянии.

Повозки теперь были выстроены в двойную колонну, чтобы все было как можно более компактно.^[4] Рота Н была выделена на фланги и в авангард, развернувшись в открытом порядке. Отряд I прикрывал тыл таким же образом, с одним взводом под командованием Грэма в качестве резерва. После завершения этих приготовлений мы плавно двинулись вверх по дну ручья. Как только началось это движение, появилась большая группа индейцев и бросилась на нас, используя овраги, деревья и утесы, чтобы стрелять с южной стороны ручья. Некоторые пули были хорошо прицелены и пролетали близко.

Я быстро понял, что если мы продолжим движение по дну ручья, враг будет безжалостно атаковать нас, укрываясь за деревьями и берегами, и поэтому изменил наш курс, чтобы покинуть долину и выйти на более высокую местность или разделиться. Индейцы последовали за нами, их было около двухсот, и они смело атаковали наш тыл и фланги. Солдаты и офицеры вели себя очень хладнокровно, обратившись лицом к врагу и оттеснив его, не останавливая продвижение колонны.

Расположение поездов и солдат в сражении при Бивер-Крик

Т, солдаты, окружающие повозки; Н, лошади внутри ограждения

Нарисовано генералом Карпентером

В один момент мы прошли мимо глубокого оврага, и враг, быстро заметивший любое укрытие, занял его довольно большим количеством воинов и открыл серьезный огонь. Запасной взвод под командованием Грэма атаковал это место, когда мы проходили мимо, и, достигнув края оврага, открыл залп с близкого расстояния по дикарям из племени. Некоторые из них, должно быть, были ранены, и индейцы, безусловно, не стали терять времени, чтобы покинуть свои позиции. После этого они стали более осторожными, занимая позиции слишком близко к нам. Фланговые под командованием Банцхафа и Орлемана также несколько раз отбивали индейцев.

Один индеец нес красный флаг с каким-то белым знаком, и его движениями, по-видимому, управляли всеми остальными. Все они были обнажены до пояса и украшены различными орнаментами, свисающими с их голов, щитов, колчанов и уздечек, которые блестели и сияли на солнце при каждом повороте пони. К этому моменту было известно, что пять индейцев были убиты в разных местах и довольно много ранено.

В час дня враг, казалось, прекратил бой и, по-видимому, отступил, и я подумал, что больше их не увижу; но через полчаса, услышав восклицание, я оглянулся и увидел, что индейцы снова появились на холмах позади нас. Они приближались, одна группа за другой появлялась в поле зрения, пока все присутствующие не пришли к выводу, что их было не менее шестисот воинов. Ободренные своей численностью, они устремились вперед, направляясь к нашему фронту, флангам и тылу, что делало ситуацию довольно серьезной. Я скоро понял, что мы не можем продолжать марш и встретить эту силу, но должны выбрать позицию и дать отпор.

Во время первой атаки утром я предложил командование генералу Карру, как старшему по званию из присутствующих, но он отказался, заявив, что считает себя просто пассажиром, которого нужно сопровождать, и поэтому я продолжил руководить операциями.^[42]

Я огляделся и увидел небольшой холм или возвышенность недалеко впереди, от которой земля спускалась во всех направлениях, и эта точка была немедленно выбрана. Кочегарам было приказано перейти на рысь, направиться к этому месту и по прибытии на холм немедленно сформировать круглый загон, полукруг с каждой стороны, с мулами, обращенными внутрь, что обеспечивало укрытие внутри и нечто вроде укрепления. Как только мы ускорили шаг, индейцы, очевидно, подумали, что мы убегаем от них, и подняли крик, от которого у некоторых наших новобранцев по спине пробежали мурашки. Однако мы продолжали идти быстрым шагом, и в тот момент, когда мы достигли самой высокой точки, повозки были окружены шестью повозками с одной стороны и пятью повозками с другой, и войска вскарабкались внутрь галопом и спешились. Лошадей привязали внутри загона, оставив нескольких человек для охраны, а остальные выстроились снаружи загона в открытом порядке. Все это заняло около двух минут, и затем индейцы начали наступать на нас.

ВЕДЬМАК В БИВЕР-КРИК

Рисунок Уилла Кроуфорда

Наши семизарядные винтовки Спенсер начали стрелять, и это звучало как огонь пехотной линии. Индейцы атаковали повозки, стреляя быстро и серьезно рани некоторых мужчин, но в очень короткое время они были отброшены в диком беспорядке, оставив землю покрытую пони, оружием и некоторыми телами. Три мертвых воина лежали в пятидесяти футах от повозок. Один человек, который был убит здесь, был унесен своими товарищами.

После отступления индейцев главный знахарь, сидящий на красивом коне, выехал вперед нашей линии примерно на двести ярдов, чтобы показать, что его магия сильна и пули белых людей не могут ему навредить. Я приказал нескольким людям, находившимся рядом со мной, тщательно прицелиться в него. Они выстрелили, и шаман упал, сопровождаемый воем более удаленных индейцев. После отпора люди выбежали из повозок, схватили и притащили десять тел индейцев. Дикари, обескураженные и удивленные таким приемом, отступили за пределы досягаемости выстрелов и собрались, по-видимому, для совета.⁴

Мужчины несли мешки с кукурузой и соорудили брустверы возле повозок, и мы ждали, ожидая возобновления атаки, около часа, когда стало очевидно, что некоторые индейцы отступают. День был очень жарким, мы сражались около восьми часов, и под палящим солнцем люди и животные очень сильно страдали от жажды. Я решил отправиться за водой, и, держа повозки в двойной колонне, лошадей внутри, а людей, спешившихся, снаружи, мы двинулись к Биверу. Большая группа индейцев последовала за нами до места, где лежали их погибшие товарищи, и завывала над их останками. Их потери в этой битве, в дополнение к тем, которые они понесли месяцем ранее в конфликте с Форсайтом, должны были оказать на них умиротворяющее воздействие.

Теперь мы без дальнейших помех продвинулись к ручью и, выбрав широкое место, разбили лагерь на ночь, подготовив несколько окопов, чтобы прикрыть наши выдвинутые пикеты и дать им возможность принять врага, если утром будет совершена атака. Всю ночь мы слышали, как они имитировали койотов, но они не нашли слабого места и воздержались от нападения на нас. На следующее утро индейцы исчезли, и мы пошли кратчайшим путем к форту Уоллес, куда прибыли 21-го числа.

На обратном пути мы проехали через Шеридан-Сити, пограничный город, расположенный на тогдашней конечной станции Канзасского отделения железной дороги Union Pacific R. R. Он был полон таверн, салунов, игорных домов и притонов, а также довольно жестких граждан и отчаянных преступников. Эти люди и другие высыпали на улицы, когда мы проезжали, и, увидев солдат и их лошадей, украшенных трофеями индейцев, чьи тела мы захватили, они поняли, что мы выиграли сражение, и устроили нам бурную овацию.

Дикари понесли значительные потери, но мы ушли с несколькими ранеными (некоторые из них серьезно) и без погибших. Генерал Карр обнаружил, что Пятая кавалерия вернулась к железной дороге и по ошибке так и не добралась до Бивера. Он принял командование полком, снова выступил в поход и преследовал индейцев через реку Платт, а затем продолжил за ними длительную кампанию.

Это была одна из самых умных и успешных битв с индейцами, зафиксированных в истории. Тактика Карпентера на протяжении всего сражения была достойна восхищения. Генерал Карр был очень удивлен и доволен поведением этих чернокожих солдат и по возвращении в Форт Уоллес телеграфировал генералу Шеридану, что «офицеры и солдаты проявили себя

достойно». Генерал Шеридан опубликовал приказ, в котором высоко оценил командира, офицеров и солдат за эту блестящую и доблестную операцию. Карпентер был произведен в полковники регулярной армии (его пятая звание) и впоследствии получил медаль за этот бой и освобождение Форсайта. Он вполне заслужил и то, и другое. — С. Т. В.

[39](#)Негритянские войска часто назывались так своими белыми товарищами по службе. — С. Т. В.

[40](#)К счастью для Грэма, как только он упал с лошади, люди Амика атаковали индейцев, которые после этого отступили. Один из солдат поймал лошадь и удерживал ее, пока не подбежал капитан. Быстрые действия Карпентера, который мгновенно бросил отряд Амика на дикарей, несомненно, спасли жизнь Грэму и его людям. В итоге они чудом избежали гибели. — С. Т. В.

[41](#). Шесть повозок с одной стороны, пять с другой. — Л. Х. К.

[42](#)Генерал Карр, хотя и эффективно использовал винтовку на протяжении всего боя, не вмешивался в планы Карпентера; с редким самообладанием он воздерживался даже от предложений. Хотя он проявил большую выдержку и оставался совершенно спокойным и собранным () на протяжении всего напряженного сражения, по сообщениям, после боя он сказал, что, по его мнению, он оказался в самой сложной ситуации в своей жизни и что им всем не оставалось ничего другого, как продать свои жизни как можно дороже. Он никогда раньше не служил на равнинах с неграми-кавалеристами и не знал, как они будут вести себя в борьбе с индейцами — как, впрочем, и никто другой. — С. Т. В.

[43](#). Когда повозок много, загон формируется из плотно прижатых друг к другу повозок, осями друг к другу, дышлами и мулами внутрь; но в данном случае им пришлось сформировать открытый загон с расстоянием около двадцати футов между повозками. Лошади, которых осталось сто — количество солдат сократилось до этого числа из-за болезней, тяжелой работы и других причин — были загнаны внутрь повозок колоннами по четыре, каждая четверка была связана вместе, и за ними присматривали специально выделенные конюхи. Обязанности конюхов были чрезвычайно важны. Они должны были постоянно быть на чеку, чтобы предотвратить паническое бегство лошадей. Если бы войска лишились лошадей на том открытом холме, их положение было бы действительно безнадежным. Снятые с лошадей солдаты были выстроены спереди, сзади и по обеим сторонам загона, так как индейские атаки могли быть ожидаемы со всех сторон. План, составленный генералом Карпентером, прекрасно объясняет ситуацию. — С. Т. В.

[44](#)Сразу после первого отпора индейцам Грэм очень неподобающим образом обратился к генералу Карру (он не имел права общаться с ним, кроме как через Карпентера, своего непосредственного командира) и предложил ему отдать приказ бросить повозки, посадить возчиков на мулов и как можно быстрее отступить всем отрядом. Карр, конечно, передал этот вопрос Карпентеру, который сразу же отказался санкционировать такой маневр. Оставить повозки, которые обеспечивали некоторую защиту на холме, означало бы дать шести-семи сотням индейцев возможность окружить сотню всадников под его командованием и привести к их полному уничтожению. Карпентер заверил Карра, что, раз он уже однажды победил индейцев, то уверен, что сможет сделать это снова. Карр мудро остался при своем решении не вмешиваться, и Карпентер решительно отклонил

предложение Грэма. Грэм заслуживал порицания за свое невоенное поведение, *а также за свое глупое предложение.* — С.Т.В.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дальнейшее обсуждение дела Бивер-Крик

Когда отчет генерала Карпентера о сражении на Бивер-Крик был опубликован в виде серии статей, генерал Карр выразил свое несогласие с ним в открытом письме редактору журнала, в котором он был опубликован. Редактор разрешил мне привести выдержки из этого письма, которые вместе с моими комментариями и ответом генерала Карпентера приводятся ниже:

I. Отчет генерала Карра

Я не думаю, что генерал Шеридан отправлял приказ о том, чтобы мой эскорт находился под командованием полковника Карпентера. Я знаю, что, прождав с генералом Шериданом в Форт-Хейсе несколько дней, ожидая Роялла (), он приказал мне отправиться в Форт-Уоллес, взять эскорт и отправиться на поиски Роялла, от которого не было известий, как ожидалось.

Когда мы шли по «неровным холмам», полковник Карпентер и, возможно, некоторые другие подошли ко мне и выразили недовольство тем, что я так сильно нагружаю отряд; они сказали, что не могут нести ответственность за последствия этого для лошадей, и, когда я настоял, попросили меня взять на себя командование и ответственность. Я сказал: «Хорошо, я возьму на себя командование, но вы должны заниматься деталями. Я не буду назначать адъютанта и заниматься канцелярской работой» (распределение караулов, обязанности в конюшне и т. д. и т. п.).

Со мной был офицер моего полка, капитан Кейн из Пятого кавалерийского полка, и теперь я жалею, что не назначил его адъютантом и не принял на себя официальное командование.

Увидев, что ручей (Бивер-Крик) постоянно огибает южную сторону долины, по которой мы шли, образуя обрывы и овраги, через которые было трудно перемещать повозки, я решил перейти на северную сторону, где долина состояла из пологих и ровных склонов.

Я выбрал место для лагеря в изгибе ручья, похожем на «рог быка», поставив палатки и повозки поперек входа, охрану у изгиба, а животных внутри, выбрал место для переправы и приказал срубить берега до дна ручья, чтобы повозки и животные могли переправиться.

В индейской местности я всегда поднимал своих людей до рассвета, который является самым опасным временем суток, и на следующее утро мы встали, позавтракали, сняли палатки и упаковали повозки и стояли вокруг костра, когда Амик крикнул: «Индейцы!».

Я намеревался перенести лагерь через ручей и найти свежую траву. Грэм отправился в путь, следуя по узкой тропе между утесом и берегом реки. Он ехал на прекрасном коне по кличке «Красный глаз», который имел очень глубокую грудь и тонкий туловище. Как он рассказал мне позже, его седло начало соскальзывать назад, но он ждал, чтобы спуститься и поправить его, пока не доедет до более открытого места впереди, у устья ущелья, когда раздались

выстрелы. Его лошадь увернулась и прыгнула с берега в ручей, сдвинув седло еще дальше назад и, сбросив его, а Грэм приземлился на плечи лошади, а оттуда на дно ручья. Он повернулся с ружьем к берегу, который защищал его, пока он стрелял, пока я не послал лейтенанта Амика с несколькими стрелками, которые прикрывали его отступление. Его два человека прыгнули со своими лошадьми в ручей и выбрались из него, отступив назад, и когда мы собрали всех людей, я переместил отряд к переправе, которую я подготовил, и вывел его на открытый склон на северной стороне долины. Поскольку мы не нашли Роялла, но нашли индейцев, или, вернее, они нашли нас, не было смысла идти дальше по Биверу, и я решил двигаться домой.

Индейцы продолжали выходить из ущелий, пересекать ручей и следовать за нами, и я расположил повозки в две колонны, с ротой Карпентера впереди и по флангам, а ротой Грэма сзади, где находился и я.

Некоторые индейцы вышли на наши фланги в качестве застрельщиков, несколько впереди и больше сзади, в то время как основные силы выстроились в две колонны, примерно как две половины полка в колоннах по четыре, маршируя ровно и постепенно, приближаясь к нам, ускоряя шаг. Я оценил их численность в семьсот воинов; у нас было около ста солдат-цветных. Их вожди шли между головами своих колонн; у них был флаг и горн. Я послал Карпентеру сообщение, чтобы он повернул больше к возвышенности, подальше от леса вдоль ручья, который индейцы использовали в качестве укрытия. Вскоре он начал бежать рысью, и я был вынужден послать к нему капитана Кейна с приказом идти медленнее, чтобы не вызвать панику. Я был в тылу, рядом с отрядом Грэма (). Он был одним из самых храбрых людей, которых я когда-либо видел. Он развлекался с индейцами, пряча людей в углублениях, забирая их лошадей (), пока индейцы не подходили, чтобы стрелять в них, а затем набрасываясь на них с лошадьми, садясь на них и увозя их. Большинство людей были спокойны, но я видел одного человека, который заряжал и стрелял, когда индейцы были в миле от нас. Я крикнул ему, чтобы он остановился, но он не обратил внимания, казался ошеломленным, и мне пришлось подъехать и положить руку на него, прежде чем он подчинился моему приказу. Когда индейцы приблизились, один из солдат спешил, чтобы стрелять. Когда он попытался снова сесть на лошадь, та испугалась и отскочила от него, и я подъехал сбоку, схватил поводья и подпустил его лошадь к своей. Затем он поставил ногу в стремя, прыгнул и перекинул ногу, и мы оба ускакали — как раз вовремя. Он потерял свою шапку, а мы потеряли собаку, которая играла между нами и индейцами, заинтересовавшись стрельбой, пока не подошла к ним достаточно близко, чтобы быть убитой. Это были наши единственные потери.

Когда основная часть индейцев приблизилась и ускорила шаг, готовясь к атаке, ведущие повозки развернулись друг к другу и остановились. Остальные повернули своих мулов внутрь, привязав их к повозкам, образовав загон в форме утюга, а всадники въехали внутрь, спешили, привязали лошадей и начали стрелять по индейцам, которые толпились вокруг нас. Один индеец на пони с глинистым банком, одетый в красное одеяло, без оружия, ездил вокруг нас на расстоянии пятидесяти или ста ярдов и, казалось, обладал чарами. Я несколько раз стрелял в него, и Гровер сказал, что он тоже стрелял в него, пока не начал думать, что индеец обладает сильной магией, которая защищает его — Гровер был женатом на индианке и проникся некоторыми из их суеверий. Он стрелял из карабина Шарпа и, опустив его, чтобы перезарядить, случайно заметил, что прицел был настроен на пятьсот ярдов () и он стрелял над головой индейца.

У меня был карабин Спенсера, который мне прислала компания для испытания. С его помощью я застрелил индейца, который упал и лежал в тридцати ярдах от загона. Он не был мертв, и я потом поговорил с ним через Гровера. Он сказал, что его зовут Маленький Ворон,

и упомянул имя своего отца, которого, по словам Гровера, он знал. Он был молод — около восемнадцати лет. Я спросил его, почему они напали на нас. Он ответил, что потому, что мы пришли на их ручей. Он рассказал, где находится их лагерь, и через неделю после того дня, который был воскресеньем, 18 октября 1868 года, я нашел их с моим полком, Пятым, сражался с ними два дня и две ночи и изгнал их из Канзаса.

Во время боя наши солдаты проявили большую храбрость. Находясь внутри загона для повозок, они бросались из одной стороны в другую, куда бы ни появлялись индейцы, чтобы стрелять в них. Их офицеры, похоже, не удерживали их на местах, и после того, как все закончилось, я сделал им выговор за то, что они не командовали своими людьми. После того как индейцы были отбиты, мы обошли вокруг и переставили повозки, достали мешки, коробки с крекерами и т. д., укрепили брустверы в ожидании нового нападения, а затем сели и съели наш обед.

Было два часа дня. Наши солдаты хотели снимать скальпы с убитых индейцев, которых около десяти лежало слишком близко к загону, чтобы их друзья могли унести. Мы помешали этому, пока, обходя загон и переставляя повозки, солдаты не получили возможность снять с них скальпы. Двое лежали раненые, когда к ним подошли два солдата; один натянул лук и выпустил стрелу в бедро одного из мужчин. Стрела прошла через мясистую часть одного бедра, вошла в другое и застряла в кости (). Чтобы извлечь ее, пришлось разрезать бедро пополам. Спустя годы в форте Ливенворт старший сержант показал мне наконечник стрелы с поврежденным острием и сказал, что он был тем самым человеком.

Другой раненый индеец имел пистолет и выстрелил другому солдату в икру ноги. Это были единственные люди, которым мы причинили вред. Тогда и зашел разговор о том, чтобы бросить повозки и идти прямо к железной дороге. С повозками мы, конечно, должны были идти по маршрутам, по которым могли передвигаться колесные транспортные средства. Я не помню, выступал ли капитан Грэм за это, но в его высказывании мне своего мнения не было бы ничего неуместного. Любой офицер может разговаривать со своим командиром, и я время от времени отдавал приказы непосредственно ему и его людям. Мы сидели там, обедали и разговаривали друг с другом и с раненым индейцем, который лежал перед нами, когда он сделал жест рукой в мою сторону. Я спросил Гровера, что он имеет в виду. Он ответил: «Он хочет, чтобы ты ушел; говорит, что у него большое сердце». Это меня очень порадовало. Я наблюдал за индейцами, которые отступили на возвышенность почти в миле от нас. Они двигались, совещались и, как я полагал, готовились к новому нападению. Их число, казалось, уменьшалось, но я думал, что они пытаются обойти нас с фланга, чтобы иметь больше шансов на успех. Я действительно не ожидал, что мы выберемся из этой ситуации. Если бы эти индейцы имели достаточно решимости, будучи в соотношении семь к одному, они должны были бы нас уничтожить. Когда раненый индеец сделал это движение, я понял, что он знает, что они сдаются. Он видел их так же хорошо, как и мы, и лучше знал, что они делают. Я полагаю, что те, кто остался, были друзьями погибших и ждали, пока мы уйдем.

Я отдал приказ перегрузить повозки и выдвигаться. Некоторые индейцы следовали за нами несколько миль, но больше не нападали.

Полковник Карпентер не передал мне командование во время первой атаки утром, но я и не отказывался от него. Я все время осуществлял командование. Один из статей военного устава гласит, что «когда войска объединяются и выполняют совместную службу, высший по званию в армии командует всеми и отдает необходимые для службы приказы», и я не мог уклониться от этой ответственности.

Из вышеизложенного следует, что я не был «пассивным зрителем», не «воздерживался от советов или предложений» и не воздерживался от отдачи необходимых приказов.

Я, без сомнения, сказал, что я гость и не буду вмешиваться без необходимости, но мой многолетний опыт на равнинах и с индейцами обязывал меня руководствоваться своим суждением.

Юджин А. Карр,
бrevet-генерал-майор и кавалер медали Конгресса.

В связи с этим письмом генерала Карра я хотел бы отметить следующее:

Что генерал Карр в своем письме практически признает в двух местах, что он не был командующим. Во-первых, когда он пишет о капитане Кейне: «Я жалею, что не назначил его адъютантом и не принял на себя официальное командование». Во-вторых, когда он пишет: «Я, без сомнения, сказал, что я гость и не вмешиваюсь без необходимости».

Поэтому я не вижу никаких серьезных противоречий между рассказом генерала Карпентера и рассказом генерала Карра. Я полагаю, что если они и есть, то я больше всех виноват в том, что генерал Карр возразил против этой записки. Первоначальная формулировка этой записки в книге « », возможно, была неудачной и, вероятно, передавала больше, чем я имел в виду. Я не предполагал, что кто-то мог подумать, что генерал Карр сидел сложа руки, пока шли боевые действия. Я внес изменения в эту записку, которая в исправленном виде приводится в этой книге.

Не следует забывать, что генерал Карпентер получил медаль за отвагу отчасти за этот бой, и он, безусловно, не получил бы ее, если бы не был командующим.

Ниже приводится сообщение генерала Карпентера по этому поводу. Я думаю, что эта дискуссия разрешает вопрос таким образом, который, я надеюсь, будет удовлетворительным для друзей обоих этих выдающихся офицеров.

II. Ответ генерала Карпентера

Я был очень удивлен, прочитав утверждение генерала Карра о том, что он командовал войсками, которые составляли его эскорт, чтобы он мог присоединиться к Пятой кавалерии, и которые участвовали в сражении на Бивере в октябре 1868 года. Мой отчет основан на моих воспоминаниях и на письмах, написанных домой в то время, и я повторил то, что, по моему мнению, не вызывало сомнений, и не имел никакого желания игнорировать генерала Карра или кого-либо из причастных.

Два отряда 10-го кавалерийского полка, часть гарнизона форта Уоллес, находившиеся под моим командованием как старшего офицера, получили приказ сопровождать генерала Карра, тогда майора 5-го кавалерийского полка.

Я совершенно уверен, что генералу Карру было предложено командование мной, зная, что он старший, и что он отказался от него. Многие офицеры сопровождались отрядами, не принимая командования эскртом, хотя и были старшими по званию (). Поскольку отряды должны были сопровождать этого офицера, с ним, конечно, консультировались по поводу направления марша, времени разбивки лагеря и многих других деталей, более или менее важных, но он никогда не принимал официального командования. Если он этого не делал, то было бы явно неправомерно с его стороны отдавать приказы непосредственно подчиненным офицерам или солдатам. Офицеры и солдаты были упомянуты в генеральном приказе генерала Шеридана в 1868 году за их доблесть и храбрость в этом сражении, и в нем указано, что они сопровождали генерала Карра.

С момента этого события прошло тридцать пять лет, и я никогда не слышал, чтобы кто-то задавал вопрос о том, кто командовал участвовавшими в бою войсками. За столь длительный период времени естественно возникли некоторые различия в воспоминаниях,

и нельзя ожидать, что все рассказы будут полностью совпадать. Как упоминалось ранее, во время экспедиции с Карром часто консультировались, и его пожелания выполнялись, как и полагалось в данных обстоятельствах.

Некоторые детали, упомянутые генералом Карром, я не помню, но я, безусловно, считал себя командующим войсками во время боя и давал указания, как я уже сказал, в соответствии с моими воспоминаниями, и выбрал место, где были окружены повозки и отбиты индейцы.

Я не знаю ни о каких офицерах, которые были бы подвергнуты взысканию, но когда мы вернулись в форт Уоллес, нам сообщили, что генерал Карр доложил генералу Шеридану, что «офицеры и солдаты проявили себя достойно».

Прилагаю копию полевого приказа № 4 штаба департамента Миссури от 27 октября 1868 года, изданного по приказу генерала Шеридана в знак похвалы за поведение войск, участвовавших в бою на Бивере 18 октября 1868 года:

Штаб Департамента Миссури.

В поле, Форт Хейс, Канзас, 27 октября 1868 года.

Общий полевой приказ № 4.

Внимание офицеров и солдат этого подразделения обращается на столкновение с враждебными индейцами на Бивер-Крик, Канзас, 18 октября 1868 года, в котором участвовал отряд кавалерии (сопровождавший бригадного генерала Э. А. Карра, майора 5-го кавалерийского полка, в его полк) под командованием подполковника Луиса Х. Карпентера, капитана 10-го кавалерийского полка, состоящего из рот I, 10-го кавалерийского полка под командованием капитана Джорджа В. Грэма и 1-го лейтенанта-майора Дж. Амика, и Н, десятой кавалерии под командованием первого лейтенанта Чарльза Банцхафа и второго лейтенанта Луиса Х. Орлемана, вступил в бой с примерно пятьюстами (500) индейцами, который длился несколько часов, нанеся дикарям потери в виде десяти (10) убитых и многих раненых, потеряв трех (3) солдат, получивших ранения.

Командующий генерал-майор выражает свою благодарность за доблесть и храбрость, проявленные этим небольшим отрядом против столь многочисленного отряда индейцев.

По приказу генерал-майора Шеридана.

Дж. ШУЙЛЕР КРОСБИ,

Бревет-подполковник А. Д. К.

А. А. А. Генерал.

Четко указано, что отряд кавалерии (сопровождавший бревет-генерал-майора Юджина А. Карра, майора 5-го кавалерийского полка, к его полку) находился *«под командованием бревет-подполковника Луиса Х. Карпентера, капитана 10-го кавалерийского полка»*.

Далее, из записей следует, что подполковник Луис Х. Карпентер был произведен в полковники за доблестное и заслуживающее похвалы поведение в сражении с индейцами на Бивер-Крик, Канзас, 18 октября 1868 года. Это назначение было сделано по рекомендации генерала Шеридана и, несомненно, было присвоено этому офицеру как командующему войсками во время сражения. Другие также проявили доблесть, и их поведение заслуживало признания, но это было единственное звание, присвоенное в то время.

ЛУИС Х. КАРПЕНТЕР.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Битва при Вашита

I. Кастер и знаменитая Седьмая кавалерия

Боец из бойцов и солдат из солдат был этот *красавец-саблбоец* американской армии, Джордж Армстронг Кастер, «Старый Кудрявый» для своих солдат, «Белый вождь с желтыми волосами» или, короче, «Длинноволосый» для индейцев. От Булл-Ран до Аппоматтокса его карьера была довольно стремительной. В двадцать один год он был вторым лейтенантом в армии Потوماка, только что закончив Вест-Пойнт, в двадцать три года — бригадным генералом, в двадцать четыре года — генерал-майором и командиром третьей кавалерийской дивизии, которая за шесть месяцев до падения Конфедерации захватила сто одиннадцать орудий, шестьдесят пять боевых знамен и более десяти тысяч военнопленных, не потеряв ни одного флага или орудия и не пропустив ни одной цели, — таковы были его достижения.⁴

Я слышал, как мой отец рассказывал о впечатлении, произведенном на него молодым бравым солдатом, чей энергичный конь убежал по Пенсильвания-авеню во время Гранд-ревю в Вашингтоне, несмотря на попытки его всадника — непревзойденного наездника — удержать его. Шляпа Кастера упала, его длинные желтые локоны развевались на ветру, создавая эффектную и романтическую картину. Он был человеком великолепного телосложения и потрясающей силы. Я видел его, когда был мальчиком, и никогда его не забывал. Его преданная жена в одной из трех очаровательных книг, в которых она рассказала о бессмертной романтике их семейной жизни на границе, рассказывает, как однажды, ехав рядом с ней, он поднял ее левой рукой с седла высоко в воздух, подержал там минуту-другую, а затем осторожно посадил обратно на лошадь. Для него не было слишком большой усталости, которую он не мог преодолеть, и ни одна обязанность, какой бы тяжелой она ни была, не заставляла его сдаваться.⁴

О его неудачной кампании на Литл-Бигхорне, в которой он потерпел такое ужасное поражение, написаны целые тома, но мало что известно о некоторых подвигах его ранней карьеры на равнинах. После войны генерал Кастер, более удачливый, чем большинство молодых генералов, которые были вынуждены довольствоваться званием капитана или ниже, был назначен подполковником нового Седьмого регулярного кавалерийского полка, полка, который родился вместе с ним, жил вместе с ним и большая часть которого погибла вместе с ним.

Офицеры полка были необычными людьми. Сам Кастер имел значительное право голоса при их отборе, и редко когда в одном подразделении собирались такие офицеры. Большинство солдат сначала не имели того высокого звания, которого они достигли впоследствии. Лучшие люди, по крайней мере в рядах, к концу Гражданской войны были сыты по горло боевыми действиями (). Они хотели вернуться к гражданской жизни. Нередко только солдаты низшего ранга могли быть убеждены повторно вступить в ряды добровольцев в регулярные полки, которые организовывались или реорганизовывались.

Однако в рядах были и ветераны, которые были солдатами по призванию, а не по привычке. Имея их в качестве ядра, Кастер и его офицеры, благодаря разумной отборке и строгой дисциплине, вскоре собрали отряд солдат, которому не было равных ни в армии Соединенных Штатов, ни, по сути, в любой другой армии. В связи с тем, что полковник, выдающийся генерал во время войны, был откомандирован на службу в , где командовал

одним из подразделений, полк практически непрерывно находился под командованием Кастера до его смерти в 1876 году.

На него была возложена обязанность защищать поселенцев в Канзасе. Эта работа не была легкой. В последней половине 1868 года статистика, которая не претендует на полноту, поскольку представляет собой только факты, официально сообщенные в штаб Департамента Миссури, показывает, что было убито 157 человек, 57 ранено, в том числе 41 лишен скальпа, 14 женщин изнасиловано и убито, один мужчина, четыре женщины и 24 ребенка взяты в плен, 1627 лошадей, мулов и крупного рогатого скота, разрушено 24 ранчо или поселения, атаковано 11 дилижансов и уничтожено 4 обоза. При этом общие потери индейцев составили 11 убитых и 1 раненый. Поистине, на этой границе царила кровавая тирания. Каждый убитый мужчина был также ужасно и отвратительно изуродован. В этих данных не учтены убитые солдаты.

В одном случае десять солдат под командованием лейтенанта Киддера из Второй кавалерии, несущих сообщение для командования Кастера, находившегося в то время в поле, были настигнуты и после отчаянной обороны убиты до последнего человека. Когда Кастер прибыл на место сражения, тела были настолько изуродованы, что было невозможно отличить одно от другого. Единственным отличительным признаком на любом из них был воротник рубашки, сделанный из материала с особым рисунком, который в то время был распространенным предметом одежды. Именно по этому воротнику рубашки тело лейтенанта Киддера было впоследствии опознано его матерью и отправлено на восток для захоронения.

Как обычно, между индейскими агентами и армией возникли разногласия. Так было всегда и так будет всегда. Агенты неизменно заявляли, что в стране царит мир, и пытались помешать армии в ее усилиях по защите границы. Однако народное возмущение в конце концов заставило правительство действовать, и в конце лета 1868 года была проведена долгая и тяжелая кампания.

Сначала успехи солдат были не столь заметны. Территория была огромна, силы были невелики, индейцы чрезвычайно мобильны, а солдаты еще едва освоили правила игры, так что было чрезвычайно трудно добраться до какого-либо значительного отряда индейцев и нанести ему сокрушительный удар. Как мы уже видели, войска генерала Форсайта едва избежали уничтожения в великой битве при Арикари. Однако дело тянулось, и ничего решающего не происходило, пока не прошли лето и осень и не наступила зима. Зимой индейцы редко вступали в бой. В зимний сезон всадникам было трудно и опасно передвигаться по открытым прериям, и до сих пор с наступлением холодов боевые действия прекращались (). Зимой индейцы, естественно, стремились на юг в поисках более мягкого климата, если это было возможно, и период с ноября по апрель считался закрытым сезоном.

II. Поход в метель

Однако генерал Шеридан, командовавший департаментом, решил начать зимнюю кампанию в надежде, что индейцы, которые естественным образом собирались в больших деревнях в уединенных местах, укрытых деревьями вдоль берегов рек, могут быть окружены и окончательно разгромлены. Силы, которые он имел в своем распоряжении для этих запланированных операций, состояли из одиннадцати отрядов Седьмой кавалерии, четырех рот пехоты и Девятнадцатой кавалерии добровольцев Канзаса, полка поселенцев и старых солдат, который был организован для этой кампании.

Экспедиция находилась под командованием самого Шеридана. Местом сбора был лагерь Камп-Сапплай на территории индейцев, примерно в ста милях к югу от форта Додж в Канзасе. Ни один из высланных разведчиков не видел индейцев — по крайней мере, в значительном количестве — и не сообщалось о каких-либо нападениях. Было очевидно, что враги укрылись где-то на зиму. Шеридан решил отделить Кастера и его полк от командования и отправить их на разведку дальше на юг, а сам с остальными войсками, как только они будут готовы к маршу, исследовать местность в других направлениях.

Кастер получил приказ поздно вечером 22 ноября. В четыре часа утра 23 ноября прозвучал сигнал подъема. Термометр показывал минус. На земле лежал слой снега толщиной в фут, и он все еще яростно падал (), когда Кастер доложил Шеридану, что готов к выходу.

«Что вы об этом думаете?» — спросил Шеридан, имея в виду погоду.

«Все в порядке, — весело ответил Кастер, — мы можем выдвигаться. А индейцы — нет».

Был поспешный завтрак, кофе и сухари, каждый солдат стоял у головы своей лошади, и колонна двинулась в путь. Неустрашимая группа полка, состоящая, несомненно, из самых героических и выносливых музыкантов, которые когда-либо дули в рожки или били по барабанам, в галантном стиле сыграла им на прощание и вступила в страшную метель, бушевавшую в тот момент, старую маршевую мелодию «Девушка, которую я оставил», которая была скорее выдумкой, чем правдой, поскольку в этой экспедиции не было «девушек», за исключением одной суровой старой ветерана, к тому же рыжеволосой, которая пошла в качестве повара командующего офицера по своей собственной настоятельной просьбе.

Никто не может понять силу метели на равнинах, кто не испытал ее, как я. Проводники почти сразу заявили, что не могут вести полк. Каждый кавалерийский офицер в поле носит с собой карманный компас. Кастер знал, куда он хочет идти. С помощью своего компаса, указывающего путь, он повел полк вперед. Солдаты пробирались сквозь ужасный снег и ураган до двух часов дня, когда их остановили на берегу Вольф-Крик, в пятнадцати милях от места отправления. Сначала они позаботились об измученных лошадях, разбили лагерь, и когда подъехали повозки, вскоре разгорелись костры, была приготовлена еда, и некоторые последствия смертельного холода были устранены.

На следующее утро, 24 ноября, они двинулись вниз по Вольф-Крик. Снег перестал идти, но температура оставалась на уровне семи градусов ниже нуля. 25-го они продолжили марш. Многие другие командиры остановились бы из-за ужасной погоды, но Кастер был известен как человек, который будет продвигаться вперед, пока мулы могут тянуть повозки, а когда они не смогут, он бросит повозки и будет жить за счет мулов. Он продолжал идти. 26 ноября, в День благодарения, прибыв к северному берегу реки Канадской, он отправил майора Эллиота, второго командира полка, с тремя отрядами на разведку вверх по реке, которую он предлагал пересечь с остальными своими людьми. Их не ждал праздничный ужин, и воспоминания о празднике, проведенном в более счастливых обстоятельствах, только усугубляли их нынешнее положение.

Река была замерзшей, но не настолько, чтобы выдержать вес полка. Им пришлось проломать лед и найти брод в ледяной воде, и только после одиннадцати часов утра всему отряду удалось перебраться на южный берег. Едва они это сделали, как заметили всадника, мчавшегося на полной скорости к ним с другого берега. Как только он приблизился, они узнали в нем разведчика Корбина, одного из проводников Эллиотта. Он принес поразительную новость о том, что Эллиотт наткнулся на след индейского отряда, насчитывающего не менее ста пятидесяти человек, который был не старше суток и вел к южному берегу реки. Разведчику дали свежую лошадь и приказали вернуться к Эллиотту,

которому было велено осторожно следовать по следу до восьми часов вечера, после чего он должен был остановиться и дожидаться Кастера, который должен был покинуть обоз и немедленно последовать за ним.

Собрав офицеров, Кастер кратко отдал приказ о выдвижении. Повозки должны были остаться под присмотром одного офицера и восьмидесяти человек. Каждый солдат должен был взять с собой дневной запас кофе и сухарей, сто патронов, а также немного корма для лошади, и полк должен был двигаться с максимально возможной скоростью, чтобы присоединиться к Эллиотту.

Когда пришло время назначить офицера, который останется с обозом, выбор пал на капитана Луиса Маклейна Гамильтона, чей черёд был дежурным офицером в лагере. Этот молодой человек носил два исторических имени. Маклейн был вторым командиром знаменитой кавалерии Легкой конницы Гарри Ли во время Революции, а также внуком великого Александра Гамильтона. Он резко возразил против того, чтобы оставаться в тылу и командовать обозом в таких обстоятельствах. Однако ничего не поделав, пока Кастер наконец не сообщил ему, что если он найдет кого-нибудь, кто возьмет на себя его обязанности, то он может уйти.

После расспросов выяснилось, что один из офицеров полка стал практически беспомощным из-за снежной слепоты, поскольку блеск льда и снега был просто ужасным, особенно на открытой прерии, по которой они тогда шли. Этот офицер был совершенно неспособен к активным боевым действиям, но его желание идти вперед было настолько сильным, что он скрывал свою болезнь, пока Хэмилтон не обнаружил ее. Поэтому ему было поручено командование обозом, вопреки его желанию, а Гамильтону было позволено идти во главе своего отряда.

III. Тропа в снегу

В течение дня стало немного теплее. Верхний слой снега стал мягким, и лошади по колено проваливались в него. Конечно, не было ни дороги, ни тропы (), но отряд продвигался прямо через открытую прерию к месту, где, по словам Корбина, Эллиотт нашел след. Несколько отрядов поочередно выдвигались вперед, чтобы выполнять утомительную и тяжелую работу по прокладыванию дороги. Все хотели пощадить лошадей, но тем не менее их подгоняли до предела, чтобы догнать Эллиотта. В таких условиях было сомнительно, найдут ли они его живым, ведь индейцы, которые, как полагали, были в большом количестве, могли обнаружить его, устроить засаду, атаковать и уничтожить, как был уничтожен Феттерман или как был разгромлен Форсайт.

Во второй половине дня Кастер и его отряд нашли след Эллиотта, но догнали его только в девять часов вечера. Они обнаружили его лагерь на берегу небольшого ручья, тщательно замаскированный в лесу. Регимент с облегчением остановился и, воспользовавшись глубоким оврагом, по которому протекал ручей, сумел разжечь несколько костров, которые, будучи хорошо замаскированными, были невидимы на небольшом расстоянии. На кострах солдаты сварили кофе, который вместе с сухарями составил их единственную еду с утра — настоящий праздничный ужин.

Эллиотт следовал по следам, которые были еще хорошо заметны, до восьми часов, а затем остановился в соответствии с приказом Кастера и ждал своего командира. Было созвано срочное совещание, и некоторые высказались за то, чтобы немедленно продолжить наступление. Но было указано, что через час взойдет луна, и, подождав, они смогут воспользоваться лунным светом для следования по индейскому следу. Кроме того, короткий

отдых пойдет на пользу команде. Седла были сняты, лошадей вычистили и скупо накормили из скудных запасов корма. В десять часов поход возобновился в следующем порядке:

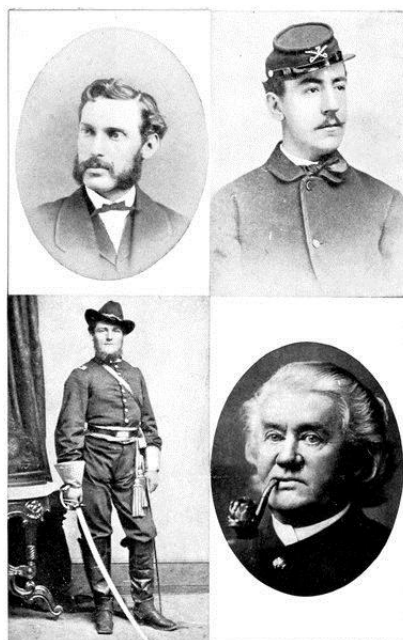
Впереди основной группы на некотором расстоянии ехали два разведчика из племени осейдж. Одним из них был Маленький Бобр, вождь небольшой группы индейских помощников, которые добровольно вызвались участвовать в походе. За ними следовали другие индейцы, несколько известных пограничников, Калифорнийский Джо и разведчик Корбин, а также отвратительный полунегр-полуиндеец-переводчик по имени Ромеро, которого солдаты в шутку прозвали Ромео из-за его уродливой внешности; затем генерал Кастер и его штаб, а затем, на некотором расстоянии сзади, последовательные отряды полка в колонне по четыре. Примерно в трех милях от места стоянки Маленький Бобр вернулся к Кастеру в значительном волнении и заявил, что он почувствовал запах дыма. Никто больше ничего не почувствовал, но по его настоянию отряд остановился, и он с одним из своих людей пошел вперед с Кастером и одним или двумя разведчиками, пока они не прошли милю от места остановки.

Действительно, преодолев небольшой холм, они увидели впереди себя на некотором расстоянии тлеющие угли костра. Передовой отряд остановился. Маленький Бобр и другие индейцы пробирались по земле, используя каждое укрытие, чтобы узнать как можно больше. С замиранием сердца генерал и другие наблюдали за ними. Не наткнутся ли они на врагов прямо здесь и сейчас? Они ждали, скрывшись под холмом, пока Маленький Бобр не вернулся, чтобы сообщить им, что костер, по всей видимости, развели мальчишки, охранявшие стада пони в течение дня. В любом случае, он почти погас, никого не было, и путь был безопасен на данный момент, хотя главный лагерь, вероятно, находился недалеко.

В полк был отправлен приказ продвигаться, но сохранять текущее расстояние за Кастером и разведчиками. Команда действовала с максимальной осторожностью, с волнением в жилах от скрытого приближения и его возможных последствий, что делало их почти нечувствительными к ужасающему холоду. Около половины первого ночи двадцать седьмого числа Кастер увидел, как ведущий индеец внезапно опустился за холмом и быстро махнул рукой назад. Вся группа спешила, и командир с одним из разведчиков подползли к холму, где лежал индеец. Прошептав пару слов, Маленький Бобр указал прямо перед собой.

В полумиле от них огромное черное пятно дрожало на снегу в лунном свете. Опытные глаза распознали стадо пони. Там, где были пони, были и индейцы. Кастер наблюдал за сценой в течение нескольких мгновений, и в тишине — ветер утих, и ночь, хотя и была очень холодной, была необычайно тихой — он услышал звук колокольчика, очевидно привязанного к шее лидера стада. Собаки залаяли, и, ожидая, они услышали тонкий, пронзительный крик маленького ребенка. Это был, без сомнения, индейский лагерь. За ним, среди голых и безлистных деревьев, в лунном свете блестели покрытые льдом берега полузамерзшей реки — Вашита.

Генерал, человек с самым нежным сердцем из всех, кто когда-либо жил, и добрый ко всем, несмотря на все свои сражения, рассказывает нам, как странно тронул его и привлек его внимание крик младенца, услышанный в ту лютую зимнюю ночь. Его душу наполнило естественное сожаление о том, что пришлось вести войну и нападать на лагерь, в котором были женщины и дети, но суровая необходимость не позволяла поступить иначе.

Авторские права принадлежат Д. Ф. Барри

МАЙОР ДЖОЭЛ Х. ЭЛЛИОТТ^[42]

КАПИТАН ЛУИС МАКЛ. ХЭМИЛТОН^[42]

КАПИТАН ДЖЕЙМС М. БЕЛЛ

КАПИТАН ДЖ. В. БЕНТИН

НЕКОТОРЫЕ ОФИЦЕРЫ СЕДЬМОЙ КАВАЛЕРИИ В ЭКСПЕДИЦИИ В УАШИТУ

Группа индейцев, на которую он смотрел, принадлежала Черному Чайнику^[4], верховному вождю шайенов со времени смерти Романа Носа, одного из самых жестоких и кровожадных индейцев равнин. На его руках и руках его последователей была кровь десятков людей. пытки, позор, вероломство, невообразимое бесчестие запятнали эту группу. Даже тогда в лагере были беспомощные пленники, бедные женщины, чью судьбу невозможно описать или обдумать.

Когда Кастер наконец убедился, что нашел лагерь, который искал — и который, судя по количеству хижин, которые они могли разглядеть вдаль, казался очень большим, — он оставил разведчиков наблюдать за индейцами, а сам пробрался по снегу обратно к командованию и послал посыльных созвать офицеров. Сняв на время сабли, чтобы их звон не выдал их, офицеры подкрались к вершине холма и постарались как можно лучше ознакомиться с обстановкой.

Там Кастер отдал им окончательные приказы. Полк был разделен на четыре эскадрона; майору Эллиотту с тремя ротами G, H и M было приказано осторожно обойти слева и выйти в тыл индейского лагеря. Капитану Томпсону с ротами B и F было приказано сделать длинный обход справа и присоединиться к Эллиотту. Капитану Майерсу с отрядами E и I было приказано пройти меньшее расстояние вправо и занять позицию слева от Томпсона, а сам Кастер с четырьмя оставшимися отрядами — капитан Гамильтон командовал одним эскадроном, состоящим из отрядов A и C, капитан Уэст — другим, из отрядов D и K, с « » осейгами и разведчиками и сорока снайперами под командованием адъютанта Кука — должен был приблизиться к деревне с того места, где они тогда находились.

Не должно было быть ни звука, ни выстрела, ни сигнала. Атака должна была начаться на рассвете. Когда они услышат, как горнист протрубит в тишине утра сигнал к атаке, они должны немедленно броситься вперед. Чтобы не мешать своим движениям, солдатам было велено снять пальто и оставить их на хранение у охраны в тылу перед началом атаки. Затем, после сердечных рукопожатий и шепотных приветствий, офицеры собрали свои эскадроны и молча отправились в долгий обход, необходимый для того, чтобы достичь назначенных позиций.

Индийская деревня была расположена в долине небольшой реки на территории индейцев, притоке Канадской реки под названием Вашита. Она находилась в глубокой впадине, ниже окружающей местности, и была хорошо защищена деревьями на берегах реки, которую здесь можно было легко перейти вброд. К тому времени, когда все приготовления в отряде Кастера были завершены, до рассвета оставалось еще около четырех часов. Войскам Кастера не оставалось ничего другого, как ждать на месте, и это было утомительное, морозное ожидание. Генерал настолько настаивал на том, чтобы не было шума, что не разрешал солдатам даже бить себя в грудь, чтобы поддерживать кровообращение, или топтать ногами, чтобы отогнать ошеломляющий холод. Разговоры были запрещены. Они имели дело с воинами, которые были самыми бдительными из врагов, с людьми, которые могли обнаружить противника, как осейджи обнаружили огонь за милю, по-видимому, инстинктивно. Они должны были принять все меры предосторожности. Солдаты спешили и безропотно стояли рядом со своими лошадьми. Некоторые из них укутались в свои пальто, привязали поводья к запястьям, легли на землю и действительно заснули.

Примерно за час до рассвета Кастер отправил последний эскадрон под командованием капитана Майерса, которому оставалось пройти небольшое расстояние, а затем, когда первые бледные оттенки утра начали проникать над восточными холмами и смешиваться с лунным светом, он отдал приказ выстроить войска по стойке смирно. Старшие сержанты прошли по рядам и легким прикосновением руки разбудили спящих солдат. Окоченевшие от холода, они с трудом поднялись на ноги, сняли пальто, оставили их на попечение небольшого караула и сели на лошадей. Их сабли были оставлены, и они были вооружены револьверами и карабинами Спенсера. Офицеры быстро сформировали свои отряды и, шепчась, встали во главе.

Войска были выстроены в линию, эскадрон Гамильтона справа, эскадрон Уэста слева. Снайперы Кука находились примерно в сорока ярдах впереди левого фланга, спешившись, их лошади остались с охраной. На некотором расстоянии впереди всех ехал Кастер. За ним следовал его горнист. Рядом с горнистом шла неукротимая полковая музыка. Последние слова Гамильтона были: «Теперь, ребята, сохраняйте спокойствие; стреляйте низко и не слишком быстро».

Осейджи были несколько сомневаны относительно исхода атаки. Они приготовили лекарства, нанесли на себя боевую раскраску и выстроились в боевой порядок, но с большим трепетом. Они ожидали, что белые солдаты будут разгромлены, и рассуждали, что в таком случае их союзники будут пытаться спасти себя, выдав осейджи на милость их врагов. Они решили занять такую позицию (), которая позволила бы им действовать в зависимости от обстоятельств — чтобы они могли либо сражаться, либо бежать. Они знали, с каким почтением солдаты относятся к своему флагу. Никогда не участвовав в боевых действиях с белыми людьми, они пришли к выводу, что флаг будет храниться в безопасном месте, и если они будут религиозно стоять рядом с ним, то будут в хорошем положении, чтобы атаковать или отступить в зависимости от обстоятельств. В результате они собрались вокруг флага. На этот раз рассуждения краснокожего привели его к беде, потому что, как и следовало ожидать, флаг оказался в гуще сражения, и, к их чести, после того как они поняли свою

ошибку и увидели, что исправить ее невозможно, осейги сражались так же храбро и эффективно, как и остальные.

Отряд молча спустился с холма, направляясь к центру долины и деревьям, где находился индейский лагерь. Напряжение было очень сильным. Никто не знал, с чем ему предстоит столкнуться. Никто не мог сказать, удалось ли другим отрядам подойти на расстояние, позволяющее оказать поддержку, или нет. Но Кастер знал своих офицеров и, в данном случае совершенно справедливо (увы, в других случаях это могло быть не так!), полагался на них. Линия приближалась к деревне все ближе и ближе. Свет бледного неба становился все ярче и ярче. Над вигвамами под деревьями витали небольшие туманные облака дыма, но, кроме этого, никаких признаков жизни среди них еще не было.

Как бы осторожно ни велось продвижение такого количества людей по снегу, оно сопровождалось большим шумом. Они подошли так близко к лагерю, что не могли надеяться остаться незамеченными еще хоть на мгновение. В тот момент, когда Кастер собирался дать сигнал, с другой стороны лагеря раздался выстрел из винтовки. Сначала подумали, что это случайный выстрел из одного из других отрядов. Позже выяснилось, что выстрел произвел сам Черный Котел, который услышал шум наступающих войск, поскольку все эскадроны достигли назначенных мест и практически одновременно начали наступление на обреченный город. Как только в тишине раздался выстрел, труба протрубила сигнал к атаке.

С первыми нотами Кастер повернулся к оркестру. Каждый трубач прижал трубу к губам, каждый барабанщик поднял барабанные палочки в воздух.

«Играйте!» — крикнул он, и впервые в бою в воздухе раздалась волнующие ноты мелодии, которая теперь стала боевой музыкой Седьмой кавалерии — «Гарри Оуэн». Три ответных звука горна раздалось из разных эскадронов со всех сторон деревни. Кавалерия атаковала, спешившиеся солдаты продвигались бегом. Все они ликовали.

IV. Утреннее наступление

Деревня растянулась вдоль берегов ручья, и солдаты набросились на нее, как буря. Индейцы, будучи полностью застигнуты врасплох, тем не менее не теряли ни секунды. Они высыпали из хижин и, укрываясь за деревьями или стоя по колено в ледяной воде реки, используя берега в качестве окопов, ответили огнем на огонь белых. Некоторым из них удалось вырваться, но большинство были вынуждены сражаться на месте, и сражались они очень хорошо.

Храбрый капитан Гамильтон, который с таким рвением добивался участия в этом отряде, был сбит с лошади и убит на месте. Капитан Барниц получил ранение в грудь под сердцем. Здесь и там падали другие.

Был дан строгий приказ щадить женщин и детей. Большинство индейских женщин и детей оставались спрятанными в вигвамах. Другие принимали участие в обороне. Различные отряды разбрелись по деревне, и началась ожесточенная рукопашная схватка. К капитану Бентену, мчавшемуся вперед, подъехал индейский мальчик лет четырнадцати на лошади. Мальчик был вооружен револьвером. Когда капитан приблизился, он крикнул мальчику, что его жизнь будет в безопасности, если он бросит оружие. Опасаясь, что тот его не поймет, он показал ему знаки мира. В ответ мальчик нацелил оружие и выстрелил в капитана. Пуля прошла мимо. Индеец выстрелил во второй раз, и пуля прошла через рукав пальто Бентена. Капитан по-прежнему делал знаки дружбы и примирения, когда мальчик выстрелил в

третий раз и попал в его лошадь. Когда он поднял пистолет, чтобы выстрелить в четвертый раз, офицер был вынужден застрелить его.

Одна индианка схватила маленького белого мальчика, пленника, и бросилась к реке. Она спряталась в кустах, где могла бы остаться незамеченной, но она была настолько злобна, что занялась тем, что стреляла из револьвера по мчащимся солдатам. Они схватили ее, когда ее револьвер опустел, и тогда обнаружили, что она сражалась с ними, несмотря на сломанную ногу.

Индейцы собрались в некоторых местах, удобных для обороны. В отчаянии семнадцать храбрых воинов бросились в небольшую впадину в земле и отказались сдаваться, сражаясь до тех пор, пока все не были убиты. В ущелье, идущем от реки, тридцать восемь человек героически защищались, пока все не были застрелены. В общей сложности было убито сто три человека, включая вождя Черный Котел.

Яростные бои длились один час. Деревня теперь была в руках войск. Ряд офицеров и солдат были ранены, и в центре деревни был организован временный госпиталь. По домикам были разосланы детали, чтобы выгнать индейских женщин и детей, и был отдан приказ провести перекличку.

Кастер был потрясен, обнаружив, что майор Эллиотт и четырнадцать человек, в том числе старший сержант Кеннеди и три капрала, пропали без вести. Сначала никто не мог представить, куда они могли деться. Наконец один солдат сообщил, что несколько индейцев сбежали в промежутке между Эллиоттом и Томпсоном и что он видел, как Эллиотт с несколькими солдатами отделился от отряда, чтобы преследовать их. Был отдан приказ отряду искать их, но прежде чем он смог выдвинуться, индейцы были замечены в большом количестве на утесах прямо перед командованием. Кастеру удалось убить практически всю банду Черного Котла, и поскольку индейцы, которые сбежали, были вынуждены бежать, спасая свою жизнь, голые, как они вышли из хижин, он не мог понять появление, как раз вне досягаемости его людей, этой зловещей и постоянно растущей силы, одетой в полное боевое снаряжение.

Допрос пленных выявил, что долина была выбрана в качестве зимнего штаба для основных отрядов киовов, арапахо, шайенов, «солдат-собак»,^[49] команчей и даже кочующего отряда апачей. В этом скоплении было не менее двух тысяч воинов. В этот момент люди, которые охраняли пальто и ведущих лошадей, прибежали и сказали, что их прогнали сильные силы индейцев. Ситуация была действительно критической.

Нужно было немедленно что-то предпринять. Кастер снял своих людей с лошадей, выстроил их полукругом вокруг лагеря и приготовился к сражению. Индейцы не заставили себя долго ждать. Во главе с Маленьким Вороном, арапахо, и Сатантой,^[50] знаменитым киова, и преемником Черного Чайника, Маленьким Камнем, они сразу же атаковали. Началась ожесточенная битва, и у Кастера заканчивались боеприпасы. Войска теперь сражались за свою жизнь. Они не ожидали ничего подобного. К счастью, в этот критический момент через индейские ряды промчалась повозка, запряженная четырьмя мулами. Индейцы, занятые сражением, не заметили ее, пока она не оказалась прямо перед ними. Возницей повозки был майор Белл, интендант из обоза. С ним была небольшая охрана. Он загрузил повозку боеприпасами и помчался на звук боя. Благодаря свежим припасам войска наконец совершили смелую атаку, которая заставила индейцев бежать в долину, во время которой Маленький Камень, пытаясь собрать своих воинов, был убит.

Кастер подожг хижины, полностью уничтожив их и все, что в них находилось. Проблемой было, что делать с лошадьми из стада, которые были захвачены, несмотря на попытки индейских женщин убежать с ними. В данных обстоятельствах было невозможно отвести их

обратно в лагерь. Отпустить их означало бы позволить им попасть в руки других индейцев для использования в будущих войнах. Их пришлось застрелить. Это была крайне неприятная и отвратительная обязанность для солдат, но альтернативы не было. Все стадо было убито. На это ушло полтора часа, и те, кто участвовал в этой работе, сказали, что никогда не делали ничего столь мучительного и тягостного.

К этому времени было уже поздно. Индейцы из других деревень, обнаружив, что их преследуют на небольшом расстоянии, вновь собрались и подготовились к атаке. Кастеру пришлось немедленно отступать. Он посадил на лошадей всех доступных людей, выслал застрельщиков, подняли флаги, неумолимый оркестр заиграл, и отряд весело двинулся вверх по долине к индейцам. Как он и надеялся и планировал, они сразу же решили, что он не стал бы так уверенно наступать на столь превосходящие силы, если бы не имел поддержки в виде значительных подкреплений. После короткого сопротивления они сломались и бежали.

К этому времени наступила ночь, и Кастер не терял времени, чтобы выбраться из долины. Погода по-прежнему была ужасно холодной, а его люди были без пальто, поскольку, конечно же, не успели их забрать, и почти замерзали. Однако они благополучно вернулись в Кэмп-Спэлли, достигнув цели своей экспедиции — нанеся решающий удар по индейцам. Более того, они показали индейцам, которые полагались на защиту сезона, что для американских солдат зима и лето одинаковы.

Потери индейцев составили сто три убитых в деревне, включая Черного Чайника; неизвестное количество, как полагают, значительное, убитых и раненых в ходе дневных боев, включая Маленький Камень; пятьдесят три плененные индейские женщины и дети; восемьсот семьдесят пять пони, одиннадцать сот двадцать три шкуры и кожи буйволов; уничтожение более пятисот фунтов пороха и тысячи фунтов свинца; четыре тысячи стрел, семьсот фунтов табака, помимо винтовок, пистолетов, седельных луков, лассо, огромного количества вяленого мяса и других зимних припасов; короче говоря, полное разрушение деревни и уничтожение племени.

Потери полка в боях составили одного офицера и четырнадцать солдат пропавших без вести (Эллиотт и его отряд), одного офицера и пятерых солдат убитыми, трех офицеров и одиннадцать солдат ранеными. Генерал Шеридан назвал это сражение самым полным и удовлетворительным из всех, которые до того времени велись против индейцев.

Кастер прошел через метель и по заснеженным равнинам к победе. Его скрытное приближение, мастерство, с которым он окружил деревню, сила, с которой была нанесена атака, и сражение, которое он провел с неожиданными индейскими силами, уловка, с помощью которой он выбрался из западни, и, наконец, что не менее важно, отважный рывок Белла с повозкой с боеприпасами — все это было высоко оценено. И они вполне заслужили это.

Один или два эпизода этой битвы заслуживают особого упоминания. Когда войска захватили деревню, они обнаружили труп белой женщины. Тот факт, что на ней еще были следы цивилизованной одежды, совершенно новой, доказывал, что она была захвачена совсем недавно. Она была застрелена индейцами в момент атаки, чтобы помешать ее спасению; там же лежал труп маленького белого ребенка, убитого теми, кто за ним присматривал, чтобы он не вернулся к своей семье.

Женщины, конечно, были в ужасе. Они думали, что их сразу убьют, когда их выгонят из своих вигвамов. Сестра Черного Чайника, Мах-вис-са, которая, по-видимому, была главной женщиной в деревне, произнесла длинную речь перед Кастером, говоря ему, что она хорошая индианка и что она пыталась удержать Черного Чайника от его гнусных деяний —

что, конечно, было полной ложью. В конце она привела к Кастеру самую красивую из молодых индейских девушек и, торжественно положив руку девушки в руку генерала, пробормотала над ними какую-то бессвязную молитву. Генерал заметил стоящего рядом Ромео с широкой улыбкой на лице и спросил его, что делает Мах-вис-са. Ему ответили, что она выдает его замуж за красавицу племени, чтобы умиловить его. Этот брак не состоялся.

V. Судьба Эллиотта и его людей

Судьба отряда Эллиотта оставалась загадкой. Его товарищи надеялись, что он сбежал, но дни шли, а он не возвращался в полк, и, поскольку от него не было никаких известий, они в отчаянии потеряли надежду. Это был отнюдь не конец зимней кампании; и через некоторое время Кастер и его люди, на этот раз с большим подкреплением, снова двинулись в долину Вашита. Недалеко от места, где была уничтожена банда Черного Котла, они нашли останки Эллиотта и его людей. Свидетельства с поля боя и то, что впоследствии удалось узнать от пленных индейцев, рассказали печальную историю.

Преследуя бегущих индейцев, Эллиотт и его отряд внезапно наткнулись на орду воинов, спускавшихся по долине, чтобы помочь Черному Котлу и людям, которые сражались с Кастером. Бежать было невозможно. Они спешили, выстроились полукругом диаметром в несколько футов, стоя спина к спине, и сражались до самой смерти. Вокруг них были следы ужасного сражения. Они дорого продали свои жизни.

Последним выжившим из этой отважной маленькой группы был старший сержант Кеннеди, лучший солдат в полку. По-видимому, он не был ранен, но израсходовал все патроны для винтовки и револьвера. Будучи офицером, он носил меч. Увидев его, как они полагали, беспомощным, индейцы решили взять его живым, чтобы подвергнуть пыткам. Не было ни одного солдата, знакомого с обычаями индейцев, который не предпочел бы смерти плена. Храбрый Кеннеди стоял один среди тел своих товарищей, лицом к лицу со смертью, с мечом в руке. Мне нравится думать о мужестве этого героического человека среди этой дикой, кровавой толпы.

Хитрые индейцы сделали знаки мира и пошли к нему с протянутыми руками, говоря: «Как, как!» Кеннеди, знавший истинную цену таких действий, подождал, пока вождь банды подошел к нему близко, а затем вонзил свой меч по рукоять в грудь индейца. Когда они нашли тело Кеннеди, в нем было не менее двадцати пуль. Другие солдаты получили по одной или две пулевые раны каждый. Всех их раздели, сняли скальпы и изуродовали.»

Когда об этой битве стало известно, поднялся большой шум, и Кастера обвинили в убийстве беззащитных, миролюбивых и кротких индейцев! На него обрушилась незаслуженная порицание, но те, кто жил достаточно близко, чтобы ощутить на себе последствия «красного бедствия», понимали, что он сделал для поселенцев все, что было в его силах. Люди, которые знали его, и его вышестоящие офицеры не только поддержали его, но и похвалили.

Позже той же зимой Кастер, командуя гораздо более многочисленными силами, снова совершил внезапный налет на более густонаселенную деревню. Она была полностью в его власти. Он мог бы стереть ее с лица земли, хотя в ней находились индейцы, численностью почти равные его собственным войскам; но он сдержался и сказал, что пощадит дикарей, если они выдадут ему двух несчастных женщин, одну молодую невесту, другую молодую девушку, которых они держали в плену и ради освобождения которых и была предпринята эта кампания. Благодаря своему мастерству Кастер захватил Сатанту Печально Известного и удерживал его до тех пор, пока пленницы не были освобождены. В экспедиции участвовал

брат одной из пленниц. Кастер рассказывает в своей простой и лаконичной манере, с какими чувствами вся армия наблюдала за тем, как бедных женщин привели в лагерь, и как мальчик, последний из своей семьи, стоял, дрожа, рядом с генералом, пока не узнал в одном из обломков человечности, которые передали индейцы, сестру, которую он искал.^[52] Рыжеволосая повариха, упомянутая выше, снова была с армией и проявила себя, по-своему грубоватой, ангелом милосердия и нежности по отношению к этим несчастным сестрам.

[45.](#) Это утверждение было поставлено под сомнение. Факты взяты из прощального приказа Кастера своей дивизии от 19 апреля 1865 года, опубликованного в книге капитана Фредерика Уиттакера «Полная биография генерала Джорджа А. Кастера», Sheldon & Co., Нью-Йорк, 1876 год. В правильности этого утверждения нет никаких сомнений.

[46](#)Интересно, учитывая его великие заслуги перед страной, узнать, что первым американским предком семьи Кастеров был гессенский офицер, захваченный в плен в Саратоге в 1777 году.

[47.](#) Погиб в битве

[48.](#) Мо-ке-та-ва-та.—Письмо г-на У. Х. Холмса, начальника Бюро американской этнологии Смитсоновского института.

[49](#)Солдаты-собаки были бандами особо безжалостных индейцев, которые не могли терпеть даже племенных ограничений. В их состав входили члены разных племен, и они были необычайно грозны. Возможно, они получили свое название от искаженного слова «шейен», *то есть* «собаки». В другом описании они представлены как своего рода наемная полиция на службе вождя племени, с помощью которой он приводил в исполнение свои приказы в отношении непокорных и в целом поддерживал порядок. В любом случае, это были люди исключительной храбрости и мужества.

[50](#)Искажение Set-t'á-iñt-e, «Белый медведь». — Письмо г-на У. Х. Холмса, главы Бюро американской этнологии Смитсоновского института.

[51](#)«Наши дикие индейцы», полковник Ричард И. Додж, США.

[52](#)«... и, наконец, краткое упоминание об эпизоде, когда он (Кастер) отказался от славы битвы, чтобы спасти двух белых женщин!

«Кто-нибудь рассказывал вам, что длинная шеренга солдат и офицеров, выстроенных, чтобы засвидетельствовать возвращение двух пленниц, плакала как женщины и не стыдилась, когда бедные создания вошли в строй? Не напишете ли вы когда-нибудь эту историю, доктор Брэди? Я дам вам адреса офицеров, которые были очевидцами. Они, похоже, не могут представить такую картину публике, но они хорошо рассказывают».— Личное письмо, адресованное мне женой офицера, присутствовавшего при упомянутом событии.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Карр и Талл Булл в Саммит-Спрингс

I. Блестящая небольшая схватка

Генерал Юджин А. Карр, командующий Пятой кавалерией, провел несколько блестящих стычек и сражений в 1868–1869 годах на западе Канзаса и в Колорадо. Его самым заметным

подвигом был внезапный налет на лагерь Талла Булла. После Блэк Кеттла Талл Булл был, вероятно, самым жестоким и злобным из индейских налетчиков в этих двух штатах.

Карр с пятью отрядами Пятого кавалерийского полка и с У. Ф. Коди (Буффало Биллом) в качестве главного проводника, узнав, где находится лагерь Талла Булла, прошел сто пятьдесят миль за четыре дня в погоне за ним. Остановившись, когда он полагал, что достиг окрестностей лагеря, он послал Буффало Билла с некоторыми из своих помощников из племени пауни, чтобы выяснить, где именно находятся индейцы.

Коди, обнаружив местонахождение деревни, вернулся к генералу Карру и посоветовал ему сделать более широкий обход, скрывая свои силы среди холмов, чтобы он мог приблизиться к индейцам с севера, с того направления, с которого они не ожидали нападения и где их было бы легче застать врасплох. Совет был выполнен, отряд совершил обходной маневр, не будучи обнаруженным, и выстроился в линию войск (), по два в ряд, в ущельях примерно в 1200 ярдах от деревни.

Они находились между индейцами и рекой Платт. Лагерь был расположен в Саммит-Спрингс, штат Колорадо. После того как все приготовления были завершены, Карр приказал горнисту подать сигнал к атаке. Человек был настолько взволнован, что не смог издать ни звука. Карр дважды повторил приказ. Наконец, квартирмейстер Хейс выхватил горн из рук взволнованного музыканта и сам подал сигнал к атаке, и весь полк выбежал на открытое место.

Индейцы бросились к своим лошадям и выдвинулись навстречу атаке. Однако натиск солдат был слишком угрожающим. После поспешной перестрелки они сломали строй и бежали на лошадях, а вся группа, солдаты и индейские разведчики, следовали за ними на полной скорости через деревню. Атака была полностью успешной. Пятьдесят два индейца были убиты, двести семьдесят четыре лошади и сто сорок пять мулов были захвачены. У солдат был один раненый, других потерь не было.

В лагере были найдены тела двух несчастных белых женщин, которые были захвачены в плен. Несмотря на стремительный натиск солдат, индейцы успели размозжить голову одной из женщин боевым дубиной, а вторую застрелили в грудь и оставили умирать. Солдаты оказали ей всю возможную помощь, отвезли в форт Седжвик, и в конце концов ее жизнь была спасена. Ее страдания и обращение с ней были не поддаются описанию. В лагере было найдено полторы тысячи долларов наличными — в золоте, серебре и бумажных купюрах, что, как ни странно, было найдено в лагере. Эту сумму солдаты с разрешения генерала пожертвовали бедной женщине в знак сочувствия.

По некоторым сведениям, Талл Булл, который был вождем лагеря и одним из главных вождей племени сиу, был убит в этом нападении. Буффало Билл рассказывает другую историю.⁴ На следующий день после сражения различные роты Пятого кавалерийского полка, которые по настоянию отважного командира оставались в лагере весь последующий день и ночь, несмотря на просьбы некоторых офицеров, которые, опасаясь сильного нападения, предлагали немедленно отступить, разделились, чтобы более эффективно преследовать бегущих индейцев. Через несколько дней после неожиданного нападения отряд, для которого Коди был проводником, подвергся нападению нескольких сотен индейцев. Солдаты отбили нападение, убив многих из них. Коди полагал, что вождем этой группы был Талл Булл.

Баффало Билл прополз по ущелью несколько сотен футов, незамеченный индейцами, пока не достиг поля зрения, откуда он мог обстреливать дикарей. Выждав подходящий момент, когда индейцы неистово мчались по прерии, он прицелился в вождя и застрелил его. Был ли

это Талл Булл или нет, одно ясно — он был убит либо тогда, либо раньше, потому что после этого он был определенно мертв.

Когда войска следовали по следам индейцев на пути к Саммит-Спрингс, в каждом месте, где индейцы разбивали лагерь, они находили следы белых женских туфель. Именно это знание придало им дополнительную решимость и энергию для их великолепной атаки.

Генерал Карр заслуженно завоевал большую репутацию за свою смелость и отвагу.

Здесь я привожу письмо, описывающее эту битву с точки зрения солдата, которое является наиболее интересным вкладом в историю этого события:

II. Отчет о сражении при Саммит-Спрингс

Написано Дж. Э. Уэлчем своему товарищу, полковнику Генри О. Кларку из

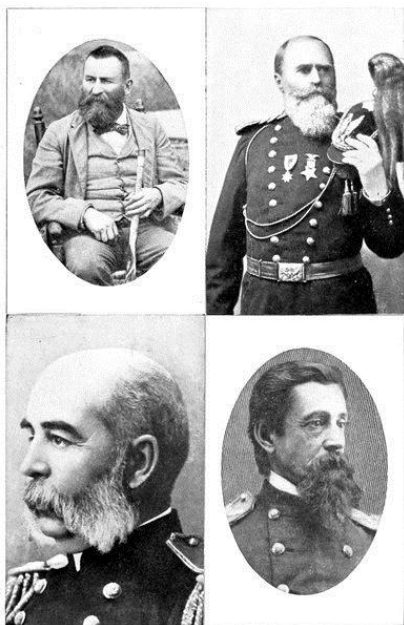
Вермонта.^[54]

Следующей весной, в 1869 году, я услышал, что генерал Юджин А. Карр, командующий отрядом Пятой кавалерии США, организовывал экспедицию для преследования большой группы индейцев (су и шайеннов), которые совершали набеги и убийства в Колорадо, Нью-Мексико и Канзасе. Несколько других парней и я отправились в Форт Макферсон и предложили свои услуги в качестве добровольцев, готовых служить без оплаты. Генерал не мог принять нас на службу, но сказал, что мы можем поехать с ним и действовать вместе с разведчиками — и мы поехали.

Экспедиция состояла из примерно четырехсот кавалеристов, ста пятидесяти разведчиков из племени пони под командованием полковника Фрэнка Норта и примерно двадцати гражданских лиц. Буффало Билл был проводником. Он направился к реке Республикан, и в первую ночь после нашего прибытия туда враги попытались напугать наших лошадей; им почти удалось достичь своей цели, но в результате они только ранили возчика и убили мула. На следующий день мы нашли след их основной группы и пошли по нему, но вскоре обнаружили, что не можем приблизиться к ним ни на шаг; тем не менее, мы продолжали идти, пока не дошли до места, где след разделился. След справа был очень четким, а слева — размытым и таким слабым, что даже самому неопытному человеку в отряде было очевидно, что они хотели, чтобы мы шли по следу справа. Поэтому генерал Карр отделил две группы кавалерии из « » и несколько индейцев под командованием майора Ройала, чтобы они устроили как можно более громкое представление и пошли по ложному следу, в то время как основные силы оставались в низменности в течение дня, чтобы вражеские разведчики, которые могли наблюдать за нами, подумали, что все войска пошли по ложному следу. На следующий день мы вышли на туманный след и до наступления ночи убедились, что мы нашли след основной части врага. Майор Ройалл следовал по ложному следу, пока он не рассеялся, затем повернул свою колонну влево, перехватил и присоединился к отряду. Теперь мы поняли, что приближаемся к цели. Они, очевидно, думали, что обманули нас, и не торопились.

Десятого июля мы прошли шестьдесят пять миль, миновав три их лагеря. Одиннадцатого мы вышли в поход еще до рассвета. След был свежим, индейцы направлялись к реке Платт. Все знали, что если им удастся переправиться через реку, то игра будет окончена. К полудню мы прошли тридцать пять миль, и в это время Буффало Билл, который весь день был далеко

впереди отряда, приблизился так быстро, как только мог его уставший конь. Как только он догнал колонну, он попросил свежего коня и, пересаживаясь в седло, сказал генералу Карру, что встретил двух индейцев, которые охотились, и что индейский лагерь находится примерно в двенадцати милях впереди.

ГЕНЕРАЛ ДЖОРДЖ КРУК

ГЕНЕРАЛ ЮЖИН А. КАРР

ГЕНЕРАЛ ЭЛУЭЛЛ С. ОТИС

ГЕНЕРАЛ ГЕНРИ Б. КАРРИНГТОН

ГРУППА ВЫДАЮЩИХСЯ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ОФИЦЕРОВ

Генерал, зная, что индейцы, изгнанные Коди, приложат все усилия, чтобы добраться до своего лагеря раньше нас и поднять тревогу, отдал приказ «Рысью». И лошади, и люди как будто оживились, и мы быстро оставили позади себя местность. Когда до вражеского лагеря оставалось около мили, была отдана команда остановиться, чтобы пауни могли снять седла, так как они категорически отказывались вступать в бой с седлами на лошадях (). Они начали размазывать краску по лицам и сбрасывать одежду. Им пришлось оставить на себе достаточно одежды, чтобы мы могли отличить их от врагов. После этой короткой задержки мы двинулись вперед быстрым галопом, и через несколько минут мы смотрели на лагерь «Высокого Быка» в небольшой долине под нами. В мгновение лагерь ожил, и индейцы разбежались во всех направлениях.

Генерал Карр, оценив ситуацию с одного взгляда, произнес несколько командных слов, завершив свои замечания громким, четким и резким приказом:

«В атаку!»

Каждый конь рванулся вперед по команде, и в мгновение ока мы оказались среди них, и началась битва. Она длилась недолго. Около пяти минут шла стрельба, а затем все закончилось, за исключением редких выстрелов, когда кто-то из солдат находил индейца, который не успел захватить лошадь и сбежать.

Результат сражения был примерно следующим: ни одного убитого белого, четыре или пять убитых лошадей, около ста восьмидесяти восьми убитых индейцев, сорок из которых были женщинами и детьми; ¹⁵⁴сто пять хижин захвачено, много винтовок, пять тонн сушеного мяса буйвола, упакованного для использования зимой, очень большой запас боеприпасов, состоящий из пороха, свинца и т. д., а также большее количество и разнообразие латунных котлов, чем я когда-либо видел.

Из их скота мы захватили пятьсот шестьдесят голов пони и мулов.

Преследовать тех, кто бежал, было невозможно, так как наши лошади были слишком измотаны. Когда мы атаковали лагерь, мы увидели белую женщину, бегущую из числа индейцев, один из которых стрелял в нее, когда она бежала. Мы крикнули ей, чтобы она легла, что она и сделала, и наши лошади перепрыгнули через нее, не коснувшись ее копытами. Она была ранена в бок, но не смертельно. Почти в тот же момент мы увидели, как индеец схватил другую белую женщину за волосы и разбил ей голову томагавком. Некоторые из нас помчались прямо на этого индейца, и в его мертвом теле не осталось ни одной кости, которая не была бы сломана пулей. Я спешил среди суматохи, чтобы посмотреть, могу ли я помочь женщине, но бедняжка была мертва. (По внешнему виду она была на поздних сроках беременности.) Я снова сел на лошадь, полный решимости сражаться.

Выстрелив несколько раз, я случайно заметил краснокожего, сидящего на большом пестом пони, который уезжал в одиночестве, гнав перед собой четырех прекрасных мулов. Я бросился в погоню и быстро настиг его, что он вскоре заметил, бросил мулов и сделал все, что мог, чтобы уйти. Но это было бесполезно. Мой конь «Сэм» был выведен в Кентукки и быстро догнал его. Когда я был в семидесяти пяти или ста ярдах от него, он развернул своего коня и выстрелил, пуля прошла через икру моей ноги и попала в моего коня. Индеец бросил ружье и бросился на меня, как настоящий мужчина, стреляя стрелами по мере приближения. Третья стрела разорвала мое левое ухо до самой головы. Тогда настала моя очередь, и я выстрелил ему в голову. Этого индейца звали «Красивый Медведь». Он был вождем племени шайенов. Пауни знали его и очень хотели заполучить его скальп, который я с удовольствием отдал им, так как вскоре мне надоела эта жуткая трофейная вещь. «Красивый Медведь» носил на себе значок Королевского Аркального Масона с гравировкой «Вест-Спрингфилд, Иллинойс». Я отправил значок почтмейстеру в Спрингфилд с заявлением о том, как он попал в мое владение. «Красивый Медведь» имел пять или шесть скальпов на своем щите, один из которых принадлежал женщине. Волосы были каштановые, очень длинные и шелковистые.

«Высокий Бык», вождь сиу, был убит лейтенантом Мейсоном, который подъехал к нему и выстрелил ему в сердце из деррингера. После того, как я снял скальп с «Красивого Медведя», я обнаружил, что Сэм был ранен в живот. Я снял с него седло и отпустил его умирать, но он следовал за мной, как собака, прижимался ко мне головой и толкал меня, стона, как человек. Я был вынужден застрелить его, чтобы положить конец его страданиям. Мне пришлось попробовать два или три раза, прежде чем я смог это сделать. Сначала, чтобы спасти свою жизнь, я не мог этого сделать. Он продолжал смотреть на меня своими большими карими глазами. Когда я выстрелил, он даже не понял, что его ранило. Он был великолепной лошастью и мог пробежать мило за 1,57.

Мои раны были легкими, я пошевелился и вскоре сумел поймать маленького мула, на которого я сел без седла, намереваясь немного осмотреться. Однако я не осуществил своего намерения. Лошадь ворвалась в середину индейского лагеря, сбросила меня в большую черную грязевую яму, мой сапог был весь в крови, ухо кровоточило по всей одной стороне, так что, когда я выбрался из этой грязевой ямы, я был просто не в себе. К этому времени сражение уже закончилось. Мой друг Билл Стил пошел со мной к источнику, который впадал в грязевую яму, где он помыл меня, как мог, перевязал мне ногу, зашил ухо шилом и льняной нитью. Он хорошо справился с этой задачей, и я был в порядке, за исключением того, что нога была немного болезненной и скованной.

После боя мы обнаружили, что у нас сто семнадцать пленных, четыре индианки и пятнадцать детей. Их передали пауни. Пауни сражались не очень хорошо. Они прятались и

убивали женщин и детей. Я никогда не видел, чтобы индейцы принимали наказание так же, как белые люди. Мы разбили лагерь там, где были в ту ночь. Люди приходили в лагерь всю ночь. На самом деле, они добрались до места событий только около десяти часов следующего дня. Это были парни, которых оставили на тропе из-за того, что их лошади сдались.

Нашим первым делом на следующий день было похоронить бедную женщину, которую они так подло убили накануне. Не имея гроба, мы завернули ее в шкуру буйвола. Генерал Карр прочитал погребальную службу, кавалерия исполнила похоронный гимн, и когда тихие, скорбные ноты затихли, многие, которые давно не знали слез, были мокрыми от слез. Другая женщина оказалась в порядке, за исключением раны в боку. Она была немкой и не говорила по-английски. Обе женщины были избиты и подвергнуты всем мыслимым надругательствам. Их состояние было настолько жалко, что я не в силах описать его словами.

Индийский лагерь и все, что к нему относилось, были уничтожены, после чего мы продолжили наш марш к форту Седжвик, куда прибыли в назначенное время без каких-либо происшествий.

Я считаю, что сделать из индейца цивилизованного человека так же невозможно, как сделать из волка пастушьей собакой или из щеголя мужественного мужчину. По моему мнению, они не обладают ни одной чертой, которая возвышает человека над животным. Они вероломны, трусливы и неблагодарны, несмотря на противоположное мнение Купера. Я знал одного грека в Аризоне, который приехал в эту страну с верблюдами для правительства. После того, как верблюды умерли, он женился на апачской индианке, выучил язык и был нанят правительством Соединенных Штатов в качестве переводчика. Этот человек рассказал мне, что в диалекте апачей « » нет слова или сочетания слов, с помощью которых они могли бы передать то, что мы выражаем словом «благодарность». Что вы об этом думаете?

Ну, старик, я писал половину ночи и дошел только до 11 июля 1969 года. Я разочарован и прямо здесь бросаю тебя, как быка на дороге. Сколько мне еще ждать эту фотографию? Мне любопытно увидеть, как сильно старик Время изменил тебя. Со мной он поступил как с дьяволом.

Как всегда,

Дж. Э. Уэлч.

P. S. Фотография пришла. Я бы узнал тебя где угодно. Ты немного изменился — в лучшую сторону, я думаю.

Дж. Э. У.

[53](#) Я несколько раз писал генералу Карру, прося предоставить информацию по этому и другим вопросам, но не получил никакого ответа. — С. Т. В.

[54](#). Это письмо, датированное 16 июня 1891 года, из Эдит, округ Кок, штат Техас, было предоставлено мне для публикации доктором Т. Э. Ортэлем. Мне сообщили, что автор письма с тех пор умер. — С. Т. В.

[55](#) Эти цифры, очевидно взятые из памяти, безусловно, ошибочны. — С. Т. В.

Часть II

Война с су

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С наступлением Крука

I. Причина боевых действий

В конце 1876 года правительство постановило, что отныне все индейцы Северо-Запада должны жить в резервациях. В течение долгого времени Министерство внутренних дел, которому было поручено управление делами индейцев, тщетно пыталось мирными средствами убедить их сделать это. В конце концов индейцам было окончательно сообщено, что если они не переселятся в резервации до 1 января 1876 года и не останутся там, то задача принудить их к этому будет передана Министерству войны. Они не переселились; напротив, многие из тех, кто находился в резервациях, покинули их и ушли в поле; так началась война.

Главным советником и самым влиятельным вождем среди племени сиу и их союзного племени шайеннов был Сидящий Бык, ^[56] вождь племени ункапа и великий знахарь. Похоже, он не был большим воином. Индейцы говорили, что у него большая голова, но маленькое сердце, и считали его трусом; несмотря на это, его влияние на вождей и индейцев было огромным и оставалось таковым до самой его смерти.

Возможно, ему не хватало физической храбрости, необходимой в бою, но он, должно быть, обладал огромной моральной силой, поскольку был самым непримиримым врагом и самым опасным — благодаря своим способностям, которые были настолько велики, что перевешивали презрение индейцев к его недостатку личной храбрости — из всех, с кем когда-либо сталкивались Соединенные Штаты среди индейцев. Он был стратегом, тактиком — всем, кроме воина. Однако его недостаток боевых качеств не был серьезным, поскольку он собрал вокруг себя отважную группу военачальников, первым среди которых был Сумасшедший Конь, оглала, умелый и неукротимый, а также храбрый и свирепый вождь.

Земля сиу была окружена фортами и агентствами. Река Миссури огибала ее с востока и севера. На юге вдоль линии железной дороги Union Pacific Railroad располагались военные посты. На западе были горы. Сидящий Бык и его последователи заняли позиции в долинах реки Биг-Хорн, недалеко от истоков реки Паудер, прямо в центре окружающих фортов и агентств. Это было место, откуда они могли при необходимости напрямую атаковать врага в любом направлении.

В течение многих лет беспринципные и корыстные торговцы снабжали дикарей высококачественным огнестрельным оружием, несмотря на протесты правительства. Индейцы были вооружены лучше, чем солдаты, и обладали большим запасом боеприпасов. Их численность на поле боя оценивалась от 1200 до 6000 воинов, включая их жен и детей. Те, кто изучал войну с точки зрения индейцев, оценивают их численность по нижней границе; почти все остальные на сайте — от 3000 и выше. Каковы бы ни были факты, их было достаточно, чтобы армия Соединенных Штатов пережила самый напряженный период со времен Гражданской войны.

На зиму было запланировано три экспедиции, которые должны были быть одновременно направлены на индейцев. Одна, под командованием генерала Гиббона, должна была двигаться на восток из западной Монтаны; другая, под командованием генерала Крука, должна была продвигаться на север из южной Небраски; а третья, под командованием Кастера, должна была нанести удар на запад из форта Линкольн. Считалось, что любая из этих трех экспедиций, каждая из которых насчитывала более тысячи человек, будет достаточно сильна, чтобы победить индейцев, и единственной проблемой будет поймать их или загнать в угол.

Хорошо известное нежелание индейцев вести открытые сражения является фактором, который в значительной степени влияет на каждую кампанию. Так или иначе, индейцы в этой кампании, похоже, не были столь несклонны к этому. Нельзя не восхищаться их маневренностью и мужеством, с которым они сражались. Оставляя в стороне все вопросы об их жестокости и зверстве — а чего еще можно было от них ожидать? — они были патриотами, сражавшимися за владение своей родной землей. Они сражались храбро и хорошо. Они были полностью осведомлены о передвижениях войск и решили атаковать их по отдельности и разгромить по частям. Мы увидим, насколько полно они это сделали и с каким блестящим успехом сражались, пока не были измотаны, изнурены, рассеяны, убиты или взяты в плен.

II. Неудачная попытка Рейнольдса

Погода была ужасной. Действительно, всю последующую весну она была беспрецедентно суровой. Ни экспедиция Кастера, ни экспедиция Гиббона не смогли выйти зимой. Крук продвинулся вперед и впервые вступил в контакт с врагом, но результаты были не совсем удовлетворительными. Генерал Джозеф Дж. Рейнольдс с десятью отрядами из Второй и Третьей кавалерии утром 17 марта 1876 года неожиданно напал на деревню Сумасшедшего Коня на реке Паудер и захватил ее. Войска частично разрушили деревню, находясь под сильным огнем индейцев, которые собрались на утесах и холмах вокруг нее, когда Рейнольдс покинул позицию и отступил. Его, конечно, преследовали индейцы, ставшие, пожалуй, еще смелее, увидев, как нерешительные солдаты сдают свой с трудом завоеванный трофей.

Отступление Рейнольдса было настолько поспешным, что тела нескольких солдат, убитых в бою, были брошены на произвол дикарей, и ходили упорные слухи, которые не утихали, что один раненый солдат также был оставлен.

По поводу этого высокопоставленный армейский офицер лично заявил мне, что Рейнольдс был в таком возбуждении, когда день подходил к концу, а Крук не присоединился к нему в деревне, что он в конце концов категорически приказал войскам сесть на лошадей и уйти, несмотря на то, что работа по уничтожению не была завершена. Это было достаточно плохо, но мой информатор торжественно утверждал, что Рейнольдс, несмотря на просьбы и даже протесты, заставил его оставить раненого солдата, который, несомненно, был подвергнут

пыткам индейцами, как только они вновь заняли деревню. Капитан Бёрк в своей книге «На границе с Крюком в Орегоне» (On the Border with Crook) официально заявил о своей вере в правдивость этого обвинения, которое навсегда запятнало имя командира экспедиции Уильяма Крюка (). Все это дело было позором для армии, и многие офицеры командования, способные и храбрые люди, остро это ощущали. Они с нетерпением ждали возможности проявить свои качества, что и произошло позже.

Холод был сильным, температура опускалась до тридцати градусов ниже нуля. Солдаты сильно страдали во время отступления. Индейцы, которые, казалось, были невосприимчивы к холоду, преследовали их и успели отбить стадо из семисот пони, которое Рейнольдс пытался увести с собой. Крук, приведя пехоту и повозки, был в ярости, когда встретил отступающую кавалерию и услышал ее рассказ.

Впоследствии было проведено несколько военно-полевых судов, но они не принесли никаких результатов, и в конце концов дело было закрыто после ухода в отставку или увольнения некоторых из главных виновников. Это было позорное дело, и вся честь досталась Сумасшедшему Коню. Индейцы были очень воодушевлены. Потери войск составили четыре человека убитыми и шесть ранеными, а также шестьдесят шесть человек, сильно обмороженных или иным образом выведенных из строя из-за холода.

III. Поход к реке Тонг

После позорного исхода нападения Рейнольдса на деревню Красного Коня различные экспедиции провели большую часть весны, готовясь к великому наступлению сходящихся колонн, которые должны были окружить непокорных индейцев кордоном солдат, заставить их вернуться в резервации и, как искренне надеялись, положить конец войне. Необходимо будет отслеживать движения нескольких колонн по отдельности. Поскольку колонна Крюка первой вступила в контакт с индейцами, ее история будет рассмотрена в первую очередь.

Реорганизованное командование кампании, которое собралось в форте Феттерман, штат Вайоминг, включало пятнадцать кавалерийских частей — около девятисот человек — десять из третьего полка под командованием полковника Эванса и пять из второго под командованием майора Нойеса, все под командованием полковника Уильяма Б. Роялла из третьего полка.^[57] Также были три роты Девятого пехотного полка и две роты Четвертого, всего триста человек, под командованием полковника Чемберса.

Было много транспорта, длинный обоз и бесценный вьючный обоз. Войска были щедро снабжены всем необходимым для предстоящей тяжелой работы. Это была самая большая и, как считалось, самая эффективная сила, которая когда-либо направлялась против индейцев на Западе.

Крук, офицер с большим опытом, особенно в борьбе с индейцами, взял на себя личное командование экспедицией 28 мая 1876 года. 29-го начался поход. Целью кампании были деревни индейцев племени лакота-сиу () под названием Crazy Horse и Sitting Bull, которые, как полагали, находились где-то на реке Роузбад (Rosebud River). Топография этой местности сейчас хорошо известна, но тогда она была более или менее terra incognita — скорее более, чем менее, кстати. Это было особенно верно после достижения реки Тонг. Сначала продвижение осуществлялось по тропе Бозмена, мимо форта Рено и через поля сражений вокруг руин заброшенного и разрушенного форта Фил Керни, которые вызывали большой интерес у солдат.

9 июня армия разбила лагерь на южном берегу реки Тонг, недалеко от места, где эта река пересекает границу штата Монтана. Сумасшедший Конь^[58] был полностью проинформирован

недовольными индейцами в агентствах и военных постах, а также своими смелыми разведчиками обо всех этих приготовлениях, которые предпринимались, чтобы подавить его. Он послал Круку конкретное предупреждение не пересекать реку Тонг и заявил о своем намерении атаковать его, как только он достигнет этой реки. Чтобы доказать, что его угроза не была пустыми словами, он собрал своих воинов и в полседьмого вечера 9-го числа с высоких утесов на другой стороне открыл огонь по лагерю.

Благодаря счастливой ошибке индейцы направили огонь на палатки лагеря, полагая, что они будут полны людей. Но они оказались пустыми. Су вскоре определили дальность стрельбы, и лагерь был засыпан пулями. Они разорвали ящики с провизией, разбили борта повозок, уничтожили багаж, убили несколько лошадей, но нанесли мало ущерба людям.^[159]

Третья кавалерия была разделена на три батальона, один из четырех и два из трех рот каждый. Капитан Миллс командовал первым батальоном, капитан Генри — вторым, капитан Ван Влит — третьим. Крук действовал быстро. Он послал вперед три роты своей пехоты, развернув их в качестве застрельщиков, чтобы выстроить их вдоль берега реки и открыть огонь по индейцам, которые были хорошо видны на утесе на другой стороне. Одновременно он приказал капитану Миллсу переправить свой батальон через реку и атаковать врага. Су уже были обеспокоены точным огнем пехоты из винтовок большой дальности, и когда батальон Миллса развернулся, промчался через воду и на крутые утесы на другой стороне, они сломались и бежали, понеся небольшие или никакие потери и не нанеся большого ущерба.

IV. Летучая колонна

Эта стычка была лишь мрачным предзнаменованием решимости индейского вождя. В тот момент преследование не предпринималось. Между кроу, которые были извечными врагами сиу, и шошонами были начаты переговоры с целью обеспечить войскам отряд индейских помощников, чьи услуги были бы неоценимы для разведки. Убеденный в этом Фрэнком Груардом (Frank Guard), известным разведчиком (^{1-й}), чуть менее двухсот кроу и около восьмидесяти шошонов присоединились к армии 15 июня.

Преследовать индейцев, будучи обремененными пехотой и обозом, было практически безнадежной задачей. Крук решил оставить повозки и багаж под командованием майора Фурея, интенданта, облегчить свой отряд до минимального боевого снаряжения и броситься к реке Роузбад и индейской территории. Сто пехотинцев, которые, к их чести, самым решительным образом протестовали против приказа, были оставлены с обозом. Двести других, которые утверждали, что умеют ездить верхом, сели на мулов из обоза, чтобы сопровождать кавалерию.

Утро 15-го числа прошло в приучении пехотинцев к мулам, а мулов к пехотинцам. Кавалеристы и индейские союзники наслаждались цирком, который развернулся, когда мулов впервые оседлали и оседлали, а на них взобрались люди, которые никогда раньше не сидели верхом ни на чем более грозном, чем перекладина забора. Потребовалось все утро, чтобы пехотинцы и мулы научились ладить друг с другом, пусть даже не очень хорошо.

В пять утра 16-го числа отряд численностью чуть менее 1100 человек с 250 индейскими помощниками пересек реку Тонг и двинулся к Роузбаду.^[161] В ту ночь они разбили лагерь на берегу Роузбада, на ровной впадине, окруженной со всех сторон невысокими утесами, образующими своего рода естественный амфитеатр, на вершине которого были размещены караулы. Каждый человек нес в седельных сумках четырехдневный запас сухарей, кофе и бекона, а также сто патронов. В обозе было только две мулы, которые несли медицинские

принадлежности. Поскольку в лагере у Гуз-Крик было мало работы (), несколько муловщиков во главе с ветераном Томом Муром сопровождали экспедицию, чтобы помогать пехотинцам управлять мулами и, между прочим, принимать участие в боях. Конечно, палаток не было, и на каждого человека приходилось по одному одеялу (и то только одному). Это одеяло едва защищало от сильной росы, и ночь была совершенно неудобной.

В три часа ночи 17 июня прозвучал сигнал подъема. После завтрака и ухода за лошадьми и мулами в шесть часов войска вышли в поход по Роузбаду. В восемь часов они остановились и расседлали своих животных, чтобы дать им полакомиться травой и немного отдохнуть, готовясь к дальнейшему продвижению, а кроу и шошоны были отправлены вперед на разведку. Место, где они остановились, было похоже на амфитеатр, как и их лагерь накануне вечером, — холмистая болотистая прерия, окруженная со всех сторон обрывами, каждая точка которой находилась в пределах досягаемости винтовки из центра. Через этот амфитеатр протекала река Роузбад, здесь всего лишь ручей, направление которого было с запада на восток (). К восточной стороне амфитеатра ручей отклонялся влево, на северо-восток, и погружался в мрачный и угрожающий каньон, называемый Мертвым каньоном Роузбада. Течение реки было отмечено густым подлеском из травы, небольших деревьев и т. д.

Батальон Миллса из Третьей кавалерии остановился на южном берегу ручья. Позади Миллса находился батальон Нойеса из Второй кавалерии. По другую сторону ручья были батальоны Генри и Ван Влиета из Третьей кавалерии, конные пехотинцы и небольшой обоз с вьючными животными. Крук хотел сохранить свои действия в секрете, но накануне ему не удалось сдержать порывистость индейских помощников. Они наткнулись на стадо бизонов и устроили настоящую резню беспомощных животных, убив сто пятьдесят из них, которые им были совершенно не нужны. Несомненно, такой способный полководец, как Сумасшедший Конь, держал разведчиков, следивших за Круком все время, и в любом случае обнаружил бы его продвижение; но из-за шума, поднятого индейцами во время охоты на бизонов, не было никакой возможности для неожиданности. На самом деле, именно Сумасшедший Конь начал игру. Крук был готов к нему.

V. Битва при Роузбаде

Около половины девятого утра отдохавшие солдаты были приведены в боевую готовность звуками выстрелов, доносившимися с утесов перед ними, за которыми исчезли их союзники. Сначала предполагалось, что эти дружественные индейцы наткнулись на другое стадо бизонов, но через несколько мгновений опытные солдаты поняли, что стрельба была скорее началом сражения, чем охоты (). В это же время индейские помощники на полной скорости вернулись к основным силам, крича:

«Су, су! Множество су!»

Не дожидаясь приказа, солдаты оседлали лошадей и вступили в строй. Они успели как раз вовремя, потому что прямо по пятам убегающих кроу и шошонов следовали сиу. Перед ними справа и слева низкие утесы, окружавшие равнину, были окружены индейцами в полном боевом снаряжении. Как описал мне один наблюдатель, они выглядели как рой черных дроздов, так как их было очень много и они двигались очень быстро. Они продолжали появляться в поле зрения, и, подскакивая на своих боевых лошадях к краю холмов, открывали дальний огонь по солдатам, который с такого расстояния наносил мало урона. На виду было не менее тысячи индейцев. Сколько их было еще, никто не мог сказать. Можно было с уверенностью предположить, что те, кого было видно, составляли лишь небольшую часть войска.

Говорят, что в тот день под командованием Сумасшедшего Коня было не менее шести тысяч воинов, но большинство из них не участвовали в сражении. Сумасшедший Конь запланировал засаду на генерала Крука и надеялся победить его, заманив солдат в засаду или разделив армию на небольшие отряды и разгромив их по отдельности. Его планы были хорошо продуманы и почти увенчались успехом. То, что они не увенчались успехом, скорее всего, связано с действиями самих индейцев, а не с осторожностью солдат.

Предоставлено The Century Co.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА КОНЮХОВ В ДЕЙСТВИИ

Рисунок Фредерика Ремингтона

Крук действовал незамедлительно. Послав своих штабных офицеров, чтобы собрать краусов и шошенов, он приказал им обойти врага справа и слева и подготовиться атаковать индейцев с флангов. Миллсу, который проявил себя с такой доблестью на реке Тонг, было приказано атаковать индейцев прямо по долине к утесу на севере, на фронте. Два отряда эскадрона Ван Влиета были направлены на юг, в тыл, чтобы занять командную позицию и не дать индейцам обойти их с этого направления и попасть в тыл Крука. Пехота и часть Второй кавалерии спешили и были выдвинуты вперед в качестве стрелков вокруг подножия утесов. Ройал взял батальон Генри, оставшийся отряд Ван Влиета, один из отрядов Миллса, который он отделил, пока батальон был в галопе, и еще один отряд Нойеса, и атаковал индейцев слева.

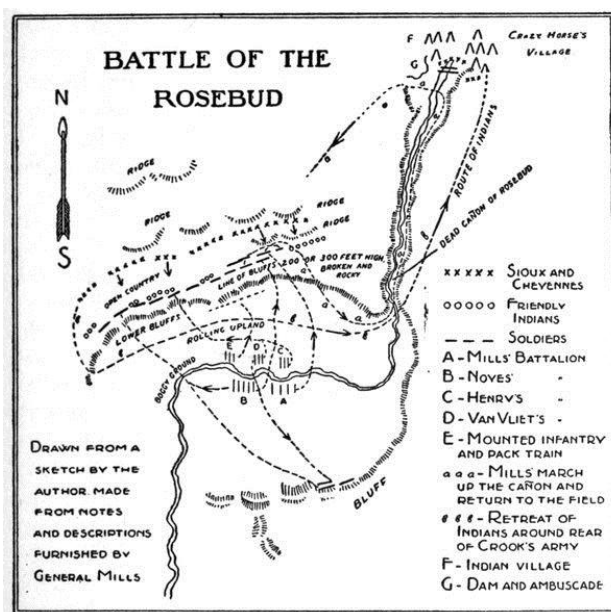
Атака Миллса была проведена с большой доблестью. Солдаты пробились через болото, промчались по низине примерно на восемьсот ярдов и за двадцать минут взобрались на утесы, оказавшись, когда они достигли вершины, в пятидесяти шагах от сиу. Времени на использование карабинов не было. Стреляя из револьверов, батальон бросился на индейцев. Дикари стреляли неэффективно, отступили и мгновенно убежали на возвышенность в шестистах ярдах оттуда, где открыли огонь. В возбуждении они стреляли плохо. Миллс снял свой батальон с лошадей, развернул их в засаду, бросился на второй хребет и очистил его, индейцы угрюмо отступили перед ним и снова открыли огонь по войскам, на что кавалеристы дали эффективный отпор. Сиу быстро скакали туда-сюда, крича и стреляя с лошадей, поднимая облака пыли, но нанося мало вреда.

Ройалл, Генри и Ван Влит добились аналогичного успеха на левом фланге, где местность была гораздо более открытой и неблагоприятной для обороны, хотя индейцы были сосредоточены в этом районе в большем количестве, чем перед Миллсом.

Тем временем племена кроу и шошонов напали на фланги сиу, но не очень эффективно. Все, кто был на поле боя, за исключением небольшого резерва, теперь были вовлечены в жаркую схватку. Давление на Миллса усилилось, но он отбросил индейцев от себя еще одной отважной атакой. После этого он получил подкрепление в виде батальона Нойеса. Этот последний рывок наконец частично очистил фронт его линии. Индейцы, которые нападали на него, оставили его и присоединились к другим перед Ройалом и Генри.

Крук теперь вывел отряд Миллса с поля боя, и Миллсу было приказано вести свои три отряда вниз по Мертвому каньону Роузбад и атаковать деревни, которые, как полагали, защищали индейцы. Движения Миллса поддерживали пять отрядов Второй кавалерии под командованием Нойеса. Крук пообещал следовать за этим движением и поддерживать его оставшейся кавалерией и пехотой. Мы будем следить за этим движением позже.

Место Миллса в линии заняли Том Мур и его вьючные животные, а также некоторые другие вспомогательные силы из лагеря, и в этом направлении велся интенсивный огонь. Слева стрельба была быстрой и яростной. Индейцы с фронта, очищенного Миллсом, присоединились к своим товарищам слева и снова и снова атаковали Ройала, Генри и Ван Влиета, которые присоединились к двум другим, с самой решительной отвагой. На этой части поля сражения шли атаки и контратаки. То войска отступали перед наступающими индейцами, то солдаты собирались и отбрасывали индейцев назад, то индейцы отступали перед отчаянными контратаками. Так менялась удача в течение часа. Число дикарей увеличивалось с каждой минутой. На глаза удивленных солдат они казались выскакивающими из-под земли. Если один падал в строю, дюжина была готова занять его место.

Во время одной из атак капитан Генри был ранен в лицо и получил страшную рану. Солдаты спешили, но офицеры остались в седлах. Генри закачался в седле, когда пуля пробила ему обе скулы и вырвала всю переднюю часть лица ниже глаз. Хотя, как свидетельствует очевидец, он плевал кровью, он продолжал сражаться на линии фронта. Положение крыла

Роялла в армии Крука было шатким. Батальон Генри удерживал крайний левый фланг. Его долгом было оставаться там. Отряд Врума L из Третьей кавалерии отделился от основной части во время сражения и оказался впереди линии, окруженный индейцами, в непосредственной опасности уничтожения. Крук приказал Ройаллу вернуть своих людей к лошадям, чтобы они могли сесть на них и подготовиться к общей атаке. Индейцы приняли это движение за отступление и бросились в погоню за отступающими кавалеристами. Только хладнокровие Ройалла и Генри, а также великолепное управление своими войсками, когда они пошли на помощь, предотвратили уничтожение отряда Врума.

Именно во время этой операции Генри получил страшную рану и остался на линии фронта.¹⁶² Вскоре он упал с лошади. Увидев это, солдаты, потрясенные его падением, начали отступать перед сиу. Неудержимые индейцы пронеслись по месту, где лежал Генри. К счастью, он не был задет копытами мчавшихся лошадей. Его люди собрались и бросились ему на помощь. Старый вождь Вашаки и его шошоны в этот период сражения проявили великолепное мужество. Сражение фактически развернулось над телом капитана Генри, пока индейцы не были отбиты, и Генри не был спасен от верной смерти. После этой ожесточенной борьбы, часть прорвав линию, а часть обойдя с фланга, индейцы помчались по долине между рекой и войсками и, наконец, исчезли на другой стороне Мертвого каньона, их отступление ускорило движение Миллса к деревне. Сражение длилось чуть более двух часов.

VI. Продвижение Миллса вниз по каньону

Тем временем Миллс и его люди, идя колонной по двое, скакали по мрачным глубинам Мертвого каньона, скалистые стены которого, возвышающиеся по обеим сторонам, могли бы служить отличным укрытием для индейских стрелков. Перед входом в каньон они очистили его устье от отряда сиу, совершив умную атаку, и после этого их никто не беспокоил. Они продвигались быстро, но осторожно, хотя трудно представить, что они могли бы сделать в случае нападения, и как осторожность могла бы их спасти. У них был приказ пройти через каньон и атаковать деревню. Не оставалось ничего другого, как подчиниться. Отправка их вперед была ошибкой, которая могла привести к ужасной катастрофе, хотя тогда никто в это не верил. Солдаты еще не осознавали, какими бойцами были эти индейцы. Катастрофа Кастера еще была впереди, и никто не мог представить, что такое большое подразделение, как то, которым командовали Миллс и Нойес, может быть разгромлено. Если бы Крук последовал за ними со всеми своими силами, войска под его командованием были бы уничтожены; вероятно, ни один из них не вышел бы из того каньона.

Когда Крук начал готовиться следовать за Миллсом с остатками своих сил, он обнаружил, что у него гораздо больше раненых, чем он мог себе представить, и врачи протестовали против того, чтобы их оставили с слабой охраной, пока Крук с лучшими войсками поднимался в каньон. Протест был оправдан ситуацией. Кроме того, нападение на Ройала и Генри еще не прекратилось. Крук подумал и пришел к выводу, что он не может покинуть поле боя, а силы Миллса слишком слабы для выполнения поставленной задачи. Тогда генерал отправил капитана Никерсона из своего штаба в сопровождении единственного ординарца, подвергая их жизни смертельной опасности, с приказом догнать Миллса и сказать ему, чтобы он покинул каньон, прошел влево и немедленно присоединился к нему. Крук надеялся, что Миллс, вернувшись на поле боя, сможет обойти с тыла индейцев, которые могли скрываться в холмах перед разбитой линией Роялла.

Действия Миллса были настолько быстрыми, что Никерсон, несмотря на то, что мчался на полной скорости своей лошади, догнал его только после того, как тот проник на семь миль вглубь каньона. К счастью для всех, отряд остановился там, где поперечный каньон открывался на запад, и с этой стороны каньон был настолько изрезан и полог, что всадники могли по нему подняться. Спереди раздались выстрелы, и индейцы были замечены, собирающиеся атаковать отряд Миллса. Был отдан приказ остановиться, чтобы завершить последние приготовления к атаке.

«Миллс, — сказал Никерсон, подскакав к нему, — Ройалл потерпел тяжелое поражение — много раненых. Генри тяжело ранен, а отряд Врума полностью разбит. Генерал приказывает вам и Нойесу выйти из каньона по левому флангу и немедленно вернуться на поле боя. Он не может выдвинуться на подмогу вам и остальным из-за раненых».

Никогда еще приказ не был столь нежелательным. Офицеры во главе колонны призывали Миллса продолжать движение. Индийская деревня была уже видна. Крук не мог знать, как близко они были, иначе он бы их не отозвал. Однако Миллс был опытным солдатом. По его мнению, приказы должны были выполняться, и он заставил замолчать протестующих и советников и сделал то, что ему было велено, хотя и с большим разочарованием и неохотой. Никогда еще послушание не было более оправданным. Генерал Миллс сейчас признает, что, если бы он не послушался Крука, его отряд был бы уничтожен.

Каньон был входом в ловушку Красного Коня. Немного дальше он заканчивался большой плотиной, покрытой сломанными бревнами, образующими опасную завалу. Здесь собралась основная часть индейцев. Здесь они, видя уверенное продвижение восьми кавалерийских отрядов по каньону, ожидали, чтобы напасть на них и убить всех, что им легко удалось бы сделать. Никерсон прибыл туда как раз вовремя.

Миллс мгновенно повернул налево и повел свои войска вверх по разбитой стене каньона на возвышенность на другой стороне; к счастью, его догнали примерно в том месте, где подъем был возможен для войск. Вскоре отряд воссоединился с основными силами, и их продвижение не было сорвано.

Десять солдат были убиты и двадцать семь серьезно ранены, помимо большого числа легко раненых. Большинство потерь пришлось на долю подразделения Роялла, а отряд Врума понес тяжелые потери, находясь в такой опасности.

Крук разбил лагерь на ночь на поле боя. Погибшие были похоронены, раненые получили временную помощь, а на следующее утро солдаты отступили. Они вернулись в свой лагерь в Гуз-Крик и остались там. В одном смысле сражение было победой для белых солдат, поскольку они вытеснили индейцев с поля боя, заставив их отступить как минимум на пять миль. В другом, более широком и определенном смысле, это была решительная победа для Сумасшедшего Коня. Он сражался с Круком до полной остановки. Он заставил его отступить к своей базе снабжения. Он остановил дальнейшее продвижение этой экспедиции. Он защитил свои деревни и отвёл свою армию в полном порядке.

Если бы командование Миллса не было отозвано, оно, несомненно, было бы уничтожено. В данном случае индейцы проявили себя замечательно. Сумасшедший Конь, освободившись от опасений дальнейшего преследования Круком, имел возможность обратить свое внимание на две другие экспедиции, которые, без сомнения, были направлены против него.

Хотя с технической точки зрения это была, пожалуй, ничья, с точки зрения военного искусства битва при Роузбаде должна быть зачислена в актив индейцев. Это было скорее полноценное сражение, чем любые другие, которые до сих пор велись на запад от Миссури (). Отдельные офицеры и солдаты армии проявили себя великолепно, как и индейцы. Миллс продемонстрировал похвальное мужество и смелость во всех своих атаках. Ройалл, Генри и

Ван Влит, а также Чемберс с пехотой сражались умело и храбро против превосходящих сил. Крюк хорошо расположил свои войска на поле боя, и его подчиненные хорошо выполнили его приказы. То же самое можно сказать о Сумасшедшем Коне, его заместителях и их воинах.

Крук почти исчерпал свои боеприпасы в тяжелых боях, большая часть его запасов была израсходована, и у него было много очень тяжело раненых. У него не было ни единого шанса из тысячи поймать индейцев сейчас. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться в главный лагерь, отправить раненых в Форт Феттерман для лечения, заказать больше припасов и войск и ждать благоприятного случая для нового нападения.

Чтобы предвосхитить события, можно отметить, что из-за катастрофы, постигшей колонну Терри, Крук не продвигался вперед до августа.

[56.](#) Tatá^a ka I yotá^a ka, согласно письму г-на У. Х. Холмса, главы Бюро американской этнологии Смитсоновского института.

[57](#) Генерал Кинг в своей увлекательной книге «Поход с Круком» сохранил характерный анекдот о Ройале, который я осмелюсь процитировать, чтобы проиллюстрировать нравы в армии и пролить свет на характер этого вспыльчивого старого бойца:

«О Ройале ходит история, которая поднимает нам настроение даже в эту унылую погоду. Говорят, что за день или два до этого Ройал приказал одному из своих батальонных командиров «разбить лагерь на другом берегу реки, лицом к востоку». Известной чертой характера упомянутого подчиненного офицера была склонность к придиркам, обсуждению приказов и, в конечном счете, к созданию проблем, если только была малейшая возможность сделать это безнаказанно. Вскоре полковник увидел, что его приказ не выполняется, и, не будучи настроенным на косвенные действия, он прищипорил лошадь, перескакал через ручей и остановился рядом с жертвой, сказав:

«Разве я не приказал вам, сэр, разместить ваш батальон в лагере вдоль реки, лицом к востоку?

«Да, сэр, но это не река. Это всего лишь ручей».

«К черту ручей, сэр! Это река — с этого момента это река, *по приказу*, сэр. Теперь делайте, как я вам говорю!

Больше никаких задержек не было».

[58.](#) «Безумный Конь был олицетворением дикой жестокости; хотя он был относительно молодым человеком, он имел очень беспокойный и авантюрный характер и достиг большой известности среди воинов еще до того, как ему исполнилось двадцать шесть лет. Фактически, он стал военачальником южных сиу и признанным лидером враждебных оглала». — «Личные воспоминания генерала Нельсона А. Майлза, США».

[59.](#) Одна пуля разбила трубу небольшой походной печки в палатке капитана Миллса. Когда восточные газеты узнали об интересном факте, что труба печки Миллса была разбита, этот доблестный офицер подвергся суровой критике и был объектом многочисленных насмешек, поскольку создалось впечатление, что он носил цилиндр во время боевых действий. Кстати, когда капитан Брок с британского фрегата «Шеннон» () поднялся на борт американского фрегата «Чесапик» (*Chesapeake*) под командованием капитана Лоуренса во время войны 1812 года, он носил именно такую шляпу!

[60](#)«Фрэнк Груард, уроженец Сандвичевых островов, несколько лет был почтовым всадником в северной Монтане и был там захвачен войсками «Сумасшедшего Коня»; его темная кожа и общий вид создали у его захватчиков впечатление, что Фрэнк был коренным индейцем, которого они отбили у белых; в результате они не убили его, а держали в плену, пока он не восстановил то, что они считали его родным языком — язык сиу. Фрэнк прожил несколько лет в доме великого вождя «Сумасшедшего Коня», которого он знал очень хорошо, а также его знахаря, ставшего впоследствии знаменитым «Сидящим Быком». Груард был одним из самых замечательных лесорубов, которых я когда-либо встречал; ни один индеец не мог превзойти его в глубоком знании всего, что касалось топографии, животного мира и других особенностей обширного региона между истоком Пайни, первого притока Паудера на западе, до Йеллоустоуна на севере и за его пределами; ему не было задано ни одного вопроса, на который он не мог бы сразу и правильно ответить. Его храбрость и верность никогда не подвергались сомнению; он никогда не дрожал под обстрелом и никогда не ворчал из-за лишений». — «На границе с Круком», капитан Джон Г. Бёрк.

[61](#)Назван так из-за количества диких роз, которые росли вдоль его берегов в сезон.

[62](#). Описание генерала Генри и рассказ о его опыте в этой битве и других местах см. в последней главе этой книги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бывший солдат Таун о сражении при Роузбаде

Боюсь, что любая попытка с моей стороны выполнить вашу просьбу будет весьма слабой попыткой описать вам битву при Роузбаде, которая произошла 17 июня 1876 года. Есть много людей, участвовавших в этой битве, которые могут описать детали того дня более полно и исчерпывающе, чем я. Однако я постараюсь сделать все, что в моих силах.

16 июня 1876 года генерал Крук со своим командованием разбил лагерь на реке Тонг, ожидая прибытия трехсот индейцев из племен кроу и шононов, которые должны были служить разведчиками под командованием Фрэнка Груарда, известного разведчика индейских земель. Крук намеревался тщательно разведать всю территорию от рек Паудер и Тонг на севере до Йеллоустоуна и сотрудничать с другими колоннами под командованием Кастера, Терри и Гиббона.

Около пяти часов вечера 16 июня триста разведчиков прибыли в наш лагерь, и вскоре после этого генерал Крук отдал приказ командованию готовиться к ночному маршу. Были выданы дополнительные боеприпасы и продовольствие, и около восьми часов вечера мы сняли лагерь и сели в седла, чтобы начать наш марш в индейскую территорию, которая была захвачена оглалами, брюле, ункапапами и микоконжусами, четырьмя самыми могущественными племенами индейцев сиу на равнинах, поскольку следует помнить, что весь народ сиу покинул свои резервации и в то время находился на тропе войны.

Утром 16-го генерал Крук отправил разведчиков, чтобы они нашли и сообщили о любых следах индейцев, которые могли быть обнаружены. Было обнаружено множество следов, указывающих на то, что большая группа индейцев недавно прошла этим путем в северном направлении с явным намерением присоединиться к индейцам из агентства Брюле на Йеллоустоне. Генерал Крук намеревался перехватить их. Так начался форсированный марш в ночь на 16-е число.^[63]

После долгого и утомительного ночного путешествия, около семи утра 17-го числа, на холмах перед нами и слева были замечены индейцы, которые явно наблюдали за нашими движениями. Разведчики доложили генералу Круку, что мы попали в местность, которая была полностью заполнена враждебными индейцами, и что мы находились недалеко от огромного индейского лагеря.

Около 7:30 утра генерал Крук отправился в лагерь с намерением совершить еще один ночной марш и, если возможно, на следующий день догнать их лагерь. Поскольку мы всю ночь провели в седле, людям и лошадям нужно было несколько часов отдыха.

Прибыв в лагерь, мы сняли седла и выпустили лошадей на пастбище, но сначала завязали им ноги, чтобы предотвратить возможную панику. Пока мы выпасали лошадей, весь холмистый хребет перед нами буквально ожил от индейцев, и в то же время индейцы из племен кроу и шошонов, которые были с нами, начали свои военные приготовления, размазывая на себя боевую раскраску и едъ на своих пони по кругу друг за другом, одновременно напевая свои боевые песни.

Проскакав так некоторое время, круг разорвался, и вся группа индейских разведчиков бросилась вверх по холму на своих врагов. Хорошо известно, что в то время индейцы сиу и индейцы кроу были врагами друг другу. Я видел, как индейцы кроу стреляли в бизонов и оставляли их лежать там, где они падали, даже не пытаясь снять шкуру, потому что, как они говорили, «бизоны сиу нехорошие», что означало, что, поскольку индейцы сиу были их врагами, то и бизоны, обитавшие на территории сиу, также были их врагами. Все на территории сиу было врагом для индейцев кроу.

Пока наши индейцы нападали на су, генерал Крук отдал приказ седлать лошадей, поскольку он хорошо знал, что битва неминуема. После того как мы оседлали лошадей и выстроились в линию, мой отряд, F, Третья кавалерия,^[64] был размещен на левом фланге командования, и он вместе с двумя другими отрядами был выделен в качестве застрельщиков и получил приказ совершить фланговое движение влево и занять холмы, где мы спешили, оставив каждого четвертого солдата держать лошадей. Затем мы сформировали застрельщицкую линию пешком, которой командовал подполковник Ройалл.

В это время я стал свидетелем самого смелого поступка горниста по имени Сноу, который нес депешу от генерала Крука полковнику Ройаллу. Генерал Крук находился на одном из холмов справа от нас, недалеко от центра линии,^[65] откуда он мог видеть все, что происходило. Желая отправить приказ полковнику Ройаллу, он поручил своему ординарцу, горнисту Сноу, доставить его как можно скорее. Самый прямой путь лежал вниз по крутому холму, через равнину и затем вверх по другому холму, где находился полковник Ройалл. Шансы добраться туда живым были минимальны.

Когда я увидел его, он мчался так быстро, как только мог нести его конь, а два индейца преследовали его с намерением захватить. Видя, что им не удастся его поймать, они закончили игру, стреляя в него, и продемонстрировали свою хорошую стрельбу, когда бедный Сноу упал с лошади, получив пулю в обе руки, но он доставил приказ в целости и сохранности.

Пробыв на линии боя около двух часов, мы получили приказ отступить и снова сесть на лошадей, чтобы занять новую позицию (наши лошади были заперты в ущелье), так как было невозможно удержать нашу нынешнюю позицию против такого подавляющего превосходства противника. Должен сказать, что я никогда не видел столько индейцев в одном месте, как в тот раз, а я видел очень много индейцев за свою жизнь. Казалось, что если одного индейца застреливали, на его место приходили пять других. Если бы мы остались на нашей первой позиции, нас бы всех убили, и я считаю, что мы отступили в нужное время.

Я прошел не более трети расстояния от нашей позиции до места, где находились лошади, когда догнал трех других солдат из моего отряда, которые несли сержанта по имени Маршалл, получившего пулевое ранение в лицо. Я знал, что время дорого и терять его нельзя. Я не мог пройти мимо них, не протянув руку помощи. Оглянувшись, я увидел, как враги приближаются к холму. Я сказал остальным: «Быстрее, они идут!»

В этот момент мои товарищи, чтобы спастись, бросили раненого сержанта и бросились к своим лошадям. Сержант, видя, что я остался один, сказал:

«Спасайся, если можешь, потому что я умираю. Не оставайся со мной». Я ответил:

«Дейв, старина, я останусь здесь с тобой и не брошу тебя».

Схватив его со всей силой, я нес своего товарища, пока не стало бесполезно нести его дальше, потому что он был мертв. Тогда я положил его, оставил и поспешил уйти.

Я не думаю, что прошел больше десяти ярдов, когда меня окружили около двадцати или более самых кровожадных индейцев, которых я когда-либо видел. Можно говорить о том, что видел дьяволов; здесь они были в полном виде, раскрашенные самым ужасающим образом, некоторые с их военными головными уборами, украшенными рогами быков и буйволов. Этого было достаточно, чтобы наполнить сердце любого ужасом.

Я знал, что мой час пробил, я знал, что меня возьмут в плен. Я сопротивлялся, но это была борьба с неравными силами. Я был там, в том ущелье, один, в окружении множества кровожадных дикарей.

Они отобрали у меня карабин, накинули на голову лассо и затянули его вокруг ног, я был беспомощен. Все это произошло в мгновение ока, пока я тщетно сопротивлялся и боролся, пока меня не ударили по голове чем-то, что лишило меня сознания и заставило упасть. Когда я падал, пуля попала мне в тело.

Я думаю, что когда пуля попала в меня, я пришел в сознание, потому что понял, что меня быстро тащили по земле пони, завязанный на другом конце лассо. Я думаю, индейцы намеревались либо затащить меня за пони до смерти, либо, утащив меня, подвергнуть каким-то другим пыткам.

Они схватили еще одного моего товарища по имени Беннетт из роты L третьего кавалерийского полка и полностью изрезали его на куски. Его останки были похоронены в мешке для зерна.

После того как меня протащили таким образом на некоторое расстояние, на моих похитителей напала одна из кавалерийских частей, и, чтобы спастись от плена, они бросили меня и скрылись. Так я смог обрести свободу.

Меня сразу же отправили в полевой госпиталь, а через три дня вместе с восемнадцатью другими ранеными я был отправлен в госпиталь форта Феттерман. В своем письме вы спрашиваете, получил ли я медаль за попытку спасти своего сержанта. Мне очень жаль, но я

не получил ее, хотя я думаю, что даже сейчас, если бы кто-то заступился за меня, мое дело было бы рассмотрено, и я мог бы ее получить.^[66]

Я получаю очень небольшую пенсию за ранение, полученное в этой битве с индейцами, и это все, что я получил в качестве вознаграждения.

Надеясь, что этот рассказ о моем опыте в битве при Роузбад может быть интересен, имею честь оставаться

С уважением,
Финис ТАУН.
Сент-Луис, штат Миссури.

[63.](#) Солдат Таун здесь ошибается; по словам капитана Бурка, ночного марша не было. См. его книгу «На границе с Круком». См. также «Военный путь и бивуак» Финерти. — С. Т. В.

[64.](#) Этот отряд командовал лейтенант Рейнольдс, он входил в батальон Генри. — С. Т. В.

[65.](#) Крук был прав в бою; его лошадь была застрелена под ним. — С. Т. В.

[66](#)Официальные записи показывают, что Маршалл был убит, а Таун ранен в бою. Если этот отчет попадет на глаза кому-либо из власти имущих, я надеюсь, что будет проведено расследование и медаль будет вручена, если она заслужена. — С. Т. В.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Жалоба Рейн-ин-зе-Фейс

I. Экспедиция в Йеллоустоун 1873 года

Разобравшись таким быстрым и эффективным образом с самой грозной колонной Крука, индейцы под своим умелым руководством обратили свое внимание на Кастера и Гиббона.

Однако прежде чем обсуждать кампанию при Литл-Бигхорн, чтобы лучше понять самый ужасающий эпизод в самой катастрофической из наших битв с индейцами, необходимо немного вернуться назад и позже вернуться к этой теме.

Страна, орошаемая Йеллоустоуном и его притоками, пересеченная Блэк-Хилс и другими горными хребтами и защищенная почти непроходимыми Бед-Лэндами в Дакоте, до 1873 года была практически terra incognita. Однако Северная Тихоокеанская железная дорога уже тогда проводила изыскания по маршруту через нее. Было обнаружено золото, и сюда устремились шахтеры и поселенцы. Индейцы, после заключения договора 1868 года, в результате которого были покинуты форт Фил Керни и другие посты, были в плохом настроении и создавали проблемы. Они не приветствовали ни железную дорогу, ни людей.

В 1873 году в эту местность была отправлена экспедиция из примерно 1700 человек под командованием генерала Стэнли. Кастер и Седьмая кавалерия составляли большую часть командования. Гидов не было. Эта местность, особенно в районе Бад-Лэндс, была ужасной для пересечения, и Кастер вызвался взять два отряда кавалерии и каждый день ехать на несколько миль впереди основного отряда, чтобы прокладывать дорогу. Кастер обладал просто удивительным талантом к такой работе. Он был прирожденным следопытом, даже лучшим, чем Фремонт.

4 августа он покинул лагерь в пять часов утра с отрядами Мойлана и Тома Кастера, восьмьюдесятью шестью солдатами, пятью офицерами и любимым разведчиком арикара по

прозвищу Кровавый Нож. В десять часов утра, достигнув вершины утесов вдоль берега реки, они увидели перед собой красивую деревню, через которую река плавно извивалась между покрытыми деревьями берегами. Они продвинулись на две мили вверх по долине и разбили лагерь под деревьями для полуденного отдыха. Они шли быстрым шагом и были далеко впереди основной колонны, которая была вне поля зрения сзади. Проход через долину был легким, и у них не было необходимости торопиться. Погода была жаркой. Привязав лошадей, пообедав и выставив часовых, офицеры и солдаты бросились на траву и заснули.

В час дня часовой на окраине леса поднял тревогу. Небольшая группа индейцев приближалась, надеясь напугать лошадей. Все индейские нападения начинаются именно так. После того, как лошади напуганы, солдаты вынуждены сражаться там, где находятся, а поскольку индейцы на конях, то пешие солдаты оказываются в невыгодном положении. Кастер мгновенно вскочил на ноги и закричал:

«Бегите к лошадям, ребята!»

Солдаты были не менее начеку. Прежде чем индейцы успели напугать лошадей, каждый из них добрался до своего животного и отвел его обратно в лес. Несколько выстрелов прогнали небольшую группу дикарей, лошади были оседланы, и солдаты двинулись в путь. Когда они это сделали, шесть индейцев на лошадях появились на гребне небольшого холма. Кастер повел их вперед. Они медленно отступали, держась вне досягаемости. Таким образом, они заманили солдат на две мили вверх по долине.

Наконец, в надежде приблизиться к ним, Кастер взял с собой двадцать человек под командованием своего брата и лейтенанта Варнума и выехал на двеста ярдов вперед от остальных под командованием капитана Мойлана, которым было приказано держаться на таком расстоянии позади передовой. Кастер, сопровождаемый только ординарцем, ехал примерно на таком же расстоянии впереди отряда, делая знаки мира шестерым индейцам, которых они преследовали. Когда он приблизился к ним, они замедлили шаг и внезапно остановились.

Слева от солдат был густой лес. Кастер подумал, что в нем могут скрываться индейцы, и послал своего ординарца обратно к отряду, чтобы предупредить их о необходимости быть начеку. Едва ординарец достиг отряда, как индейцы, которых они преследовали, развернулись и помчались галопом к Кастеру, который теперь остался один в долине. В тот же момент с ужасающим боевым криком из леса слева выскочили триста-четыреста великолепно оседланных сиу.

Кастер ехал на великолепном чистокровном коне. В мгновение ока он помчался на всех парах к передовой. У индейцев было две цели. Они хотели перехватить Кастера, а также отрезать передовой отряд от людей Мойлана, которые подъезжали галопом. Только скорость лошади Кастера спасла ему жизнь. Галопируя к ним, он крикнул Тому Кастеру, чтобы тот велел своим людям спешиться. В суматохе его не услышали, но молодой Кастер точно знал, что делать. Пятеро удерживали лошадей, а остальные пятнадцать бросились на землю. Индейцы продолжали преследовать Кастера. Как только они оказались в пределах досягаемости, спешившиеся люди открыли огонь прямо в их лица. Солдаты были вооружены казнозарядными ружьями, и за первым залпом последовал второй. Несколько дикарей были ранены, а также многие из их лошадей. Они зашатались, свернули с пути, и Кастер присоединился к своим людям. Через несколько мгновений Мойлан подоспел с основными силами.

Кастер теперь снял с лошадей большинство своих людей и, сохраняя смелый фронт перед индейцами, отступил в лес, ведя ожесточенную борьбу на всем протяжении пути. Достигнув реки, они укрепили свою оборону. Индейцы испробовали все свои уловки, чтобы выманить

их. Они подожгли траву, но она была зеленой и не горела легко. Все их попытки вытеснить солдат провалились, и поздно днем тяжелый эскадрон под командованием Стэнли подъехал галопом от основной части войска и заставил их бежать. Это была ожесточенная схватка, и индейцы понесли тяжелые потери.

Единственными потерями экспедиции в тот день были два гражданских лица: доктор Хонцингер, толстый старый немец, который был ветеринаром полка, и мистер Балиран, поставщик продовольствия. Оба они были тихими, безобидными, миролюбивыми людьми, очень любимыми, особенно доктор. Они были любителями-натуралистами и часто отходили от основной группы, отправляясь на ботанические экскурсии. Так они поступили и в то утро, следуя за отрядом Кастера, и индейцы напали на них и убили. Именно обнаружение останков этих двух мужчин побудило генерала Стэнли отправить кавалерию на помощь передовым отрядам.

Гнев офицеров и солдат по поводу убийства безоружных некомбатантов был горьким, а их жажда мести индейцам, совершившим это преступление, была глубокой и непреодолимой.

II. Пленение Дождя-в-лице

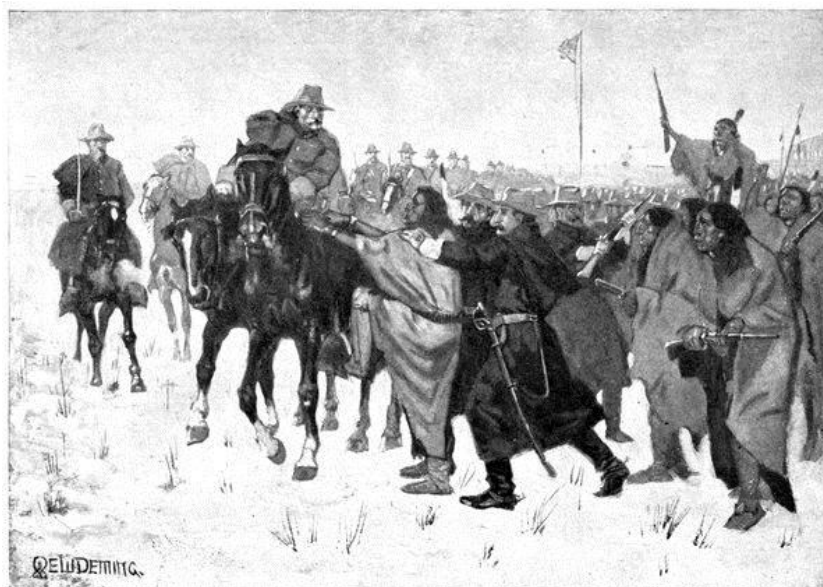
В следующем, 1874 году, когда 7-й кавалерийский полк был расквартирован в форте Авраам Линкольн, недалеко от Бисмарка, в верховьях Миссури, разведчик донес Кастеру, что знаменитый су, носящий живописное имя Дождь-в-лице, находится в агентстве Стэндинг-Рок, примерно в двадцати милях оттуда, и хвастается тем, что убил доктора Хонцингера и мистера Балирана. Дождь-в-Лице уже был известным воином, обладавшим недюжинным мужеством. То, что он покинул вражеские племена под командованием Сидящего Быка, чтобы прийти в агентство, свидетельствовало о его необычайной храбрости, а то, что он открыто хвастался убийством, было еще более необычным. Кастер немедленно решил захватить его, хотя это было делом трудным и опасным.

Агентство было заполнено индейцами, ожидавшими выдачи продовольствия; и, хотя они были здесь с мирными намерениями, они всегда были неуправляемы, непокорны и начеку. Капитан Йейтс и капитан Том Кастер с сотней солдат были направлены для ареста. Прибытие сотни человек в агентство сразу же вызвало подозрения у индейцев. Чтобы отвлечь их внимание от настоящей цели, капитан Йейтс демонстративно отделил лейтенанта с пятьюдесятью солдатами, чтобы те отправились в несколько деревень в десяти милях от агентства в поисках индейцев, которые некоторое время назад напали на поселение, угнали скот и убили пастухов (). С остальными солдатами он намеревался дожидаться возвращения отряда. Тем временем разведчик сообщил, что Дождь-на-лице находится в магазине снабженца.

Тому Кастеру с пятью отборными солдатами было приказано войти в магазин и произвести арест. Магазин был полон индейцев. Погода была очень холодной, и индейцы плотно укутывались в одеяла. Невозможно было отличить одного от другого. Однако Том Кастер получил хорошее описание Дождя-в-Лице, но в данных обстоятельствах это ему ничем не помогло. Поэтому он и его люди время от времени смешивались с индейцами, делая небольшие покупки у лавочника, чтобы отвлечь подозрения, пока они слонялись по магазину. Они полностью обманули дикарей, несмотря на их бдительное наблюдение и подозрения. Наконец один индеец сбросил одеяло и подошел к прилавку, чтобы поговорить с торговцем или сделать покупку.

Это был Дождь-в-Лице. Кастер сразу его узнал. Подойдя сзади, он обхватил его руками и схватил железным захватом. Индеец, который заметил движение слишком поздно,

попытался выстрелить из своего винчестера, но Кастер был быстрее него. Пятеро солдат бросились к своему капитану, обезоружили Дождь-в-Лице и, приставив оружие к удивлению и ярости индейцев, произнесли: « » (Сдавайтесь или умрите!). В мгновение ока комната наполнилась бурным волнением. Индейцы ринулись на солдат и, возможно, быстро бы с ними разобрались, если бы в этот момент в комнату не вошел капитан Йейтс с отрядом своих людей.

ПОЛУЧЕНИЕ РЕЙН-ИН-ДЕ-ФЕЙС

Рисунок Э. В. Демьяна

, великолепный образец индейского мужества, перестал сопротивляться, как только убедился, что это бесполезно. Его вывели на улицу, надежно связали и посадили на лошадь. Солдаты собрались и, несмотря на угрозы и запугивания со стороны индейцев, которые не рискнули напасть, отправились обратно в форт Линкольн со своим пленником.

Посланцы были разсланы во всех направлениях к различным индейским племенам, чтобы собрать войско для освобождения Дождя-в-лице, который был человеком такого значения, будучи братом Железного Коня, одного из главных вождей Ункапа, что никакая цена не считалась слишком высокой, чтобы обеспечить его свободу; действительно, перед отправлением они предложили Йейтсу двух воинов в обмен на него. Войска двигались так быстро, что пленник был благополучно заключен в форте Линкольн, прежде чем кто-либо успел что-либо предпринять.

Дождь-в-Лице упорно отказывался что-либо говорить в течение дня или двух, но в конце концов полностью признался, что застрелил мистера Балирана и ранил доктора Хонзингера, который упал с лошади, после чего разбил ему голову камнями. Его поместили в караульную, чтобы подготовить к суду за убийство, и держали там, несмотря на попытки многих влиятельных индейцев освободить его. В том же караульном домике находились несколько гражданских лиц, пойманных на краже зерна. В одну морозную ночь, во время сильной метели, гражданские лица с помощью извне сумели сбежать. Дождь-в-Лице воспользовался случаем и тоже сбежал. Он присоединился к врагам под командованием Сидящего Быка и послал сообщение, что намерен отомстить Кастерам за то, как с ним обошлись.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кампания при Литл-Бигхорн

I. Кастер теряет командование

Вернемся к весне 1876 года. Когда колонна, которой должен был командовать Кастер, выдвинулась, Кастер возглавил свой полк, а генерал-майор Альфред Х. Терри лично командовал колонной. Я привожу причину в словах генерала Джорджа А. Форсайта из недавнего письма, которое он мне направил:

«По какой-то причине Кастер, один из величайших солдат, когда-либо живших на земле, ненавидел генерала Белкнапа, министра войны. И он был хорошим ненавистником. Когда генерал Белкнап был заключен в тюрьму и предстал перед судом, Кастер написал, что ему известно о некоторых вещах, касающихся назначения торговцев на верхнем течении реки Миссури, которые, по мнению обвинения, были необходимы для обеспечения обвинительного приговора. На самом деле Кастер ничего не знал. Он слышал, как разочарованные люди, не получившие упомянутых должностей торговцев, проклинали Белкнапа и говорили, что знают, что Белкнап продал эти должности назначенным лицам. Это было не так. Белкнап дал эти назначения определенным способным политикам из Айовы для их друзей, чтобы обеспечить их влияние в следующей кампании по выборам в Сенат США от штата Айова (), поскольку он решил баллотироваться в Сенат от своего штата, а именно от Айовы.

«Он имел полное право назначать этих людей, и в этом не было ничего плохого. Конечно, разочарованные соискатели были в ярости, особенно некоторые люди, которые служили с Белкнапом во время Гражданской войны и считали, что имеют на него право. Они не могли наговорить достаточно лжи о Белкнапе, особенно Кастеру, который был абсолютно честен и верил в то, что они говорили. Это было то, что Кастер думал, что знает.

«Кастер, конечно, был вызван в Вашингтон. Когда его допрашивал комитет Палаты представителей по уголовному преследованию, стало очевидно, что он ничего не знает. Все его показания были основаны на слухах и не стоили и гроша. Президент — генерал Грант — был возмущен заявлениями Кастера о Белкнапе, которые оказались основанными на слухах... Президент приказал генералу Шерману не позволять Кастеру выходить на поле боя против Сидящего Быка — несомненно, чтобы наказать его.

«Вы помните, что Белкнап был оправдан — по типу шотландского вердикта «Не доказано, милорд». Только после настоятельной и настойчивой просьбы генерала Шеридана к генералу Шерману — тогдашнему командующему армией — президент наконец сказал, что, если генерал Шеридан считает услуги Кастера очень важными для кампании, Шерман может разрешить Шеридану принять его в свой полк и служить под командованием генерала Терри, который был назначен командующим экспедицией. Шерман телеграфировал Шеридану о решении президента, и Шеридан сразу же подал заявку на Кастера, поскольку, по его мнению, тот был «необходим».^[62]

«Я был в Европе во время катастрофы Кастера, и по возвращении в штаб генерала Шеридана я увидел всю переписку по этому делу».

Поэтому вместо того, чтобы командовать колонной, Кастер был поставлен под командование Терри, который должен был командовать и колонной Гиббона, когда произошло соединение двух колонн. 17 мая в командование покинуло форт Линкольн. Серьезность ситуации ощущалась как никогда раньше в индейской кампании. Было понятно, что перед войсками стояла не детская забава, и полк выступил в поход с необычной серьезностью. Миссис Кастер рассказывает, как генерал Терри приказал войскам пройти парадом через Форт Линкольн, чтобы успокоить оставшихся женщин и детей своим внушительным видом.

Лучшей частью экспедиции был Седьмой кавалерийский полк численностью шестьсот человек во главе с Кастером. Пока они маршировали, оркестр играл «Гарри Оуэн», знаменитую боевую мелодию Вашиты. Затем они остановились на прерии, и офицерам и солдатам была предоставлена возможность попрощаться с близкими, которых они оставляли позади; затем, под музыку «Девушка, которую я оставил», они отправились в поход, из которого половина из них никогда не вернулась.

Они без приключений достигли реки Паудер, где к ним присоединился генерал Гиббон, который сообщил, что его войска разбили лагерь вдоль реки Йеллоустоун, недалеко от устья реки Биг-Хорн. Майор Рено из Седьмой кавалерии с шестью отрядами был отправлен на разведку на юг и обнаружил большой индейский след, ведущий на запад, в сторону страны Биг-Хорн. 17 июня люди Рено находились в сорока милях от места, где Крук вел свою ожесточенную битву с индейцами племени лакота (), хотя, конечно, в тот момент они об этом ничего не знали. 22 июня Кастеру было приказано взять свой полк с пятнадцатидневным запасом провианта и маршировать вниз по Роузбаду, тщательно осматривая местность по пути, пока не наткнется на индейскую тропу, о которой сообщил Рено.

II. Выполнил ли Кастер приказ?

И теперь мы подошли к самому важному вопросу этой замечательной кампании. С одной стороны, генерал Терри подвергся суровой критике за ее катастрофический провал; смерть Кастера и побег индейцев были возложены на него. С другой стороны, утверждается, что Кастер не подчинился приказам, нарушил план кампании Терри и своим неподчинением привел к ужасной катастрофе и упустил возможность нанести индейцам сокрушительное поражение, которое, вероятно, положило бы конец войне и предотвратило бы прискорбную гибель людей, не говоря уже о престиже и сокровищах. Оба офицера имели и до сих пор имеют своих сторонников, и этот вопрос был тщательно изучен.

Что касается Кастера и Терри, я заявляю о своей абсолютной беспристрастности, хотя, если у меня и есть какая-то естественная предвзятость, то она в пользу Кастера, чья предыдущая карьера, как я выяснил, мне нравится больше, чем карьера Терри, несмотря на выдающиеся заслуги последнего. Я тщательно изучил ситуацию, рассмотрев все доказательства, опубликованные обеими сторонами, и, несмотря на мою симпатию к бедному Кастеру, с большой неохотой вынужден признать, что он действительно не выполнил приказ; что его действия сорвали самый многообещающий план, который, по всей вероятности, привел бы к решающей битве с индейцами и окончанию войны; и что он, и только он, должен нести ответственность за последующую катастрофу.

Приказ генерала Терри Кастеру, приведенный ниже, совершенно ясен и недвусмыслен:

Лагерь у устья реки Роузбад, штат Монтана,

22 июня 1876 г.

Подполковник Кастер, 7-й кавалерийский полк. Полковник:

Бригадный генерал приказывает, чтобы, как только ваш полк будет готов к маршу, вы продвинулись вверх по Роузбаду в погоню за индейцами, следы которых были обнаружены майором Рено несколько дней назад. Конечно, невозможно дать вам какие-либо четкие инструкции в отношении этого движения, и даже если бы это было возможно, командующий департаментом слишком доверяет вашему рвению, энергии и способностям, чтобы навязывать вам точные приказы, которые могут помешать вашим действиям, когда вы окажетесь почти в контакте с врагом. Однако он изложит вам свое мнение о том, как вам следует действовать, и хочет, чтобы вы следовали ему, если только у вас не будет веских причин отклониться от него. Он считает, что вам следует продвигаться вверх по Роузбаду, пока вы не установите точно, в каком направлении ведут упомянутые следы. Если окажется (а это почти наверняка так и будет), что он поворачивает к Литл-Хорн,^[68] он считает, что вам все равно следует продолжать движение на юг, возможно, до истоков Тонга, а затем повернуть к Литл-Хорн, постоянно прощупывая левую сторону, чтобы исключить возможность побега индейцев на юг или юго-восток, обойдя ваш левый фланг. Колонна полковника Гиббона сейчас движется к устью реки Биг-Хорн. Как только она достигнет этой точки, она пересечет Йеллоустоун и продвинется по крайней мере до развилки рек Биг-Хорн и Литл-Хорн. Конечно, ее дальнейшие действия должны зависеть от обстоятельств, но есть надежда, что индейцы, если они находятся на Литл-Хорн, будут настолько окружены двумя колоннами, что их побег будет невозможен.

Предоставлено The Century Co.

ГЕНЕРАЛ ДЖОРДЖ АРМСТРОНГ КАСТЕР

Погиб вместе с половиной своего полка в битве при Литл-Бигхорн

Командующий департаментом желает, чтобы по пути в Роузбад вы тщательно осмотрели верхнюю часть Туллок-Крик и постарались отправить разведчика к колонне полковника Гиббона с информацией о результатах вашего осмотра. Нижняя часть этого ручья будет осмотрена отрядом из подчинения полковника Гиббона. Пароход с продовольствием будет продвигаться вверх по реке Биг-Хорн до развилки, если река окажется судоходной на этом участке, и командующий департаментом, который будет сопровождать отряд полковника Гиббона, просит вас явиться к нему не позднее истечения

срока, на который рассчитаны продовольственные запасы ваших войск, если в это время вы не получите дальнейших приказов.

С глубоким уважением, ваш покорный слуга

Э. В. Смит,

капитан 18-го пехотного полка,

исполняющий обязанности помощника генерал-адъютанта.

Кастеру было приказано маршировать на юг, пока он не наткнется на тропу, обнаруженную Рено. Если, как предполагал Терри, она вела через Роузбад, он не должен был следовать по ней на запад к Литл-Бигхорну или до тех пор, пока не встретит индейцев, а должен был повернуть на юг, пока не наткнется на верховья реки Тонг. Если он не найдет там индейцев, он должен повернуть на север вниз по долине Литл-Биг-Хорн, к месту, где, по предположению Терри, должны были находиться индейцы, и где они действительно находились. Тем временем Гиббон должен был подняться по Литл-Биг-Хорн с севера к тому же месту. В общем плане кампании Крук и его войска должны были помешать индейцам продвигаться на юг — что они, кстати, и сделали. Кастер должен был не дать им уйти на восток и, продвигаясь вперед, «прощупывать левую сторону», чтобы исключить любую возможность их проскальзывания между ним и Круком, а Гиббон должен был не дать им уйти на север. У индейцев не оставалось бы никакого направления для бегства, кроме запада, и в этом случае войска надеялись догнать их в труднопроходимой местности, окруженной горами и реками.

Терри, хотя и не был опытным бойцом с индейцами, с поразительной точностью угадал их положение и полностью рассчитывал найти их на реке Литл-Бигхорн. Если бы Кастер выполнил приказ Терри, он достиг бы индейцев в тот день, когда люди Гиббона, как мы увидим, спасли Рено. После катастрофы Терри сначала великодушно старался скрыть от общественности тот факт, что Кастер не выполнил его приказ. Кастер поплатился за свое непослушание жизнью, и Терри был готов взять на себя всю ответственность за поражение и провал. Его самопожертвование было благородным и характерным для него; ^[10] но ошибка, вызванная небрежностью генерала Шермана, в сочетании с предприимчивостью блестящего газетного репортера, который выдавал себя за официально аккредитованного правительственного посланника, сорвала замысел Терри, и вместо первого отчета, в котором не было никаких упоминаний о неподчинении приказам, был обнародован второй отчет, в котором рассказывалась вся история и который был предназначен только для властей, но был передан прессе и сразу же получил широкую огласку. Первый отчет вскоре появился, и Терри стал жертвой незаслуженного поношения со стороны сторонников Кастера, которые заявили, что отсутствие в первоначальном отчете какого-либо упоминания о неподчинении со стороны Кастера и предполагаемое отсутствие упоминания о плане кампании, который Кастер сорвал, свидетельствует о том, что ни Терри, ни кто-либо другой не придавали этому плану никакого значения до тех пор, пока он не провалился и не вызвал возмущение народа. Терри ответил на это благородным молчанием, чтобы спасти репутацию Кастера. Живой взял на себя ответственность защитить славу мертвого — честь ему!

Генерал Гиббон также официально высказался по поводу этой ситуации в письме к Терри:

«Я так сильно боялся, что рвение Кастера заставит его двигаться слишком быстро, что последнее, что я сказал ему, прощаясь с ним после того, как его полк прошел мимо вас, отправляясь в поход, было: «Кастер, не будьте слишком жадным, подождите нас». Он весело ответил, махнув рукой, и помчался следом за своим полком: «Нет, не буду». Бедняга! Зная то, что мы знаем сейчас, и какое влияние, по-видимому, оказал на него свежий след индейцев, возможно, мы слишком много ожидали от него сдержанности, которая сделала бы сотрудничество двух колонн возможным.^[10]

«За исключением извлечения уроков из прошлого опыта, возможно, бесполезно гадать, каким был бы результат, если бы ваш план, как было первоначально согласовано, был выполнен. Но я не могу не думать о том, что в таком случае моя колонна, предполагая, что индейский лагерь остался на том же месте, где он был, когда Кастер на него напал, была бы первой, кто бы его достиг; что с нашей пехотой и пушками Гэтлинга мы смогли бы позаботиться о себе, даже несмотря на то, что нас было только около двух третей сил Кастера; и что с шестьюстами кавалеристами в окрестностях, которыми только Кастер мог руководить, результат для индейцев был бы совсем иным, чем он был на самом деле».

Что касается великодушного предположения Гиббона о том, что Кастер внезапно увлекся представившейся возможностью, то интересно свидетельство покойного генерала Ладлоу. По его словам, 8 мая в Сент-Поле, штат Миннесота, Кастер заявил, что при первой же возможности в ходе кампании он намерен «отделиться от генерала Терри (и сделать свои операции независимыми от него) в течение лета»; что он «ушел от Стэнли и сможет уйти от Терри».^[21]

Поэтому трудно, нет, невозможно оправдать Кастера от намеренного намерения вести кампанию самостоятельно, как только он сможет уйти от генерала Терри. Фраза из приказа Терри, начинающаяся словами: «Конечно, невозможно дать вам какие-либо четкие инструкции» и т. д., выражающая уверенность в его усердии и энергии, а также нежелание Терри мешать ему точными указаниями, когда он почти вступил в контакт с врагом, не давала Кастеру права не подчиняться его приказам. *Они были предназначены только для того, чтобы регулировать его поведение в случае контакта с врагом*, когда, конечно, он должен был бы сам решать, как лучше поступить. Его поведение в этом случае будет рассмотрено позднее. В любом случае, это не имеет отношения к вопросу о неподчинении, поскольку суть заключается в следующем: если бы Кастер подчинился приказам, он не вступил бы в контакт с врагом в тот момент и в том месте, где это произошло. Условия были бы совершенно другими.

Каждый, кто изучает военное дело, знает, что использованные слова «Он желает, чтобы вы следовали им (его собственным взглядам), если только» и т. д. передают прямой, положительный приказ.^[22]

Абстрактный вопрос о неподчинении приказам часто обсуждается. Невозможно отстаивать позицию, что офицер ни при каких обстоятельствах не должен неподчиняться приказам. Иногда обстоятельства вынуждают его поступать так. Но когда офицер, командующий войсками, которые должны действовать в сотрудничестве с другими войсками, получает приказ выполнить определенную деталь заявленного общего плана и, по своему усмотрению, решает не подчиняться приказу и сделать что-то другое, чем ему было велено, он берет на себя ответственность за успех или провал не только своего непосредственного маневра, но и всего общего плана. Если план проваливается из-за его неподчинения, какими бы ни были его мотивы, горе ему! Если же его неподчинение приводит к достижению цели, на которую был направлен первоначальный план, то есть к поражению врага, то это уже другое дело. В таком случае событие оправдывает его неподчинение.

Каждый солдат понимает, что причины неподчинения должны быть настолько ясными, убедительными и неожиданными, чтобы он мог оправдать столь огромный риск. Если на мгновение, для целей аргументации, пренебречь показаниями генерала Ладлоу о заранее обдуманном и преднамеренном намерении Кастера не подчиняться, предположим, что неподчинение Кастера было вызвано какой-то чрезвычайной ситуацией или кризисом, мы можем спросить себя, какие причины заставили его полностью игнорировать план Терри и маневрировать так, чтобы в кратчайшие сроки вступить в прямой контакт с индейцами, не пытаясь ни осмотреть Туллок-Крик^[23], ни склониться к югу — «прощупать левым флангом»? Эти причины — если они были — никогда не будут известны из-за смерти Кастера. Можно

только сказать, что не существует удовлетворительных причин, оправдывающих действия Кастера.

Лучшее, что можно сказать в защиту Кастера, содержится в следующем абзаце, взятом из статьи полковника Годфри в журнале *Century*.^[24]

«Если бы Кастер продолжил свой марш на юг, то есть покинул индейскую тропу, индейцы узнали бы о наших передвижениях 25-го числа, и сражение произошло бы очень близко к тому месту, где всего неделю назад был атакован и оттеснен Крук; индейцы из племени никогда бы не остались в лагере и не позволили бы нескольким колоннам сосредоточиться для атаки. Если бы они ушли безнаказанными и без сражения, Кастер, несомненно, был бы обвинен».

С должным уважением к полковнику Годфри — которого, кстати, я считаю одним из самых способных офицеров армии Соединенных Штатов — можно отметить, что трудно понять, как Кастера можно было бы обвинить в том, что он выполнял приказы, и что отнюдь не факт, что индейцы обнаружили бы колонну Кастера. Действительно, его предыдущий успех в сокрытии своих действий и застигании индейцев врасплох (см. кампанию в Вашита) заставляет меня полагать, что он мог бы выполнить приказ, оставаясь незамеченным. Если бы Гиббон первым нанес удар по индейцам и удержал их в поле боя, Кастер мог бы уничтожить их. Комментарии генерала Фрая в журнале *Century* (приложенные к статье полковника Годфри) о действиях Кастера совершенно неверны.

Что касается того, что произошло бы, если бы Кастер добился успеха, то спекулировать на эту тему более или менее бесполезно. Конечно, если бы он нанес индейцам сокрушительное поражение, я не думаю, что его бы отдали под трибунал; но если бы он был на месте Рено и потерпел бы тяжелые потери, то я уверен, что Терри был бы обязан предъявить ему обвинение. Однако все это не имеет отношения к основному вопросу, и теперь пора вернуться к истории экспедиции.

Терри предложил Кастеру четыре роты Второй кавалерии и два пулемета Гэтлинга, но тот отказался. Кастер сказал, что любая сила, с которой не сможет справиться Седьмая кавалерия в одиночку, будет слишком велика и для Седьмой кавалерии с четырьмя ротами, и настаивал, что пулеметы будут мешать и затруднять его передвижения. Терри, который решил пойти с пехотной колонной Гиббона, согласился с ним.

Ни Терри, ни Кастер, ни кто-либо другой не ожидали встретить более тысячи воинов. Они не знали о большом количестве так называемых мирных индейцев, которым регулярно выдавали продовольствие, которые откололись от агентств и присоединились к врагам. Они не знали о поражении Крука и о том, какое большое влияние оно оказало на колеблющихся воинов, побудив их присягнуть на верность храбрым людям, вышедшим на тропу войны. Возможно, будет справедливо оценить число индейских воинов на поле боя как среднее между белыми и индейскими данными, которые варьируются от 1200 с одной стороны до 3000 с другой. Чтобы быть на безопасной стороне, я назову цифру не менее 2000.^[25] Каким бы ни было их число, их было достаточно.

По-своему они были двумя тысячами самых свирепых и отчаянных бойцов на земле. Хотя они были недисциплинированными, не обученными и не полностью подчинялись одной воле, как солдаты, они, тем не менее, представляли собой страшную и грозную силу. Их общая ненависть к белым людям давала им достаточную сплоченность, чтобы сформировать грубую, но эффективную организацию. Ими руководили опытные вожди, и они были привычны к боевым действиям. С 1868 года, после заключения договора, по которому пограничные посты были покинуты, а земля возвращена сиу и шайенам, до 1876 года между солдатами и индейцами произошло не менее двухсот отдельных сражений,

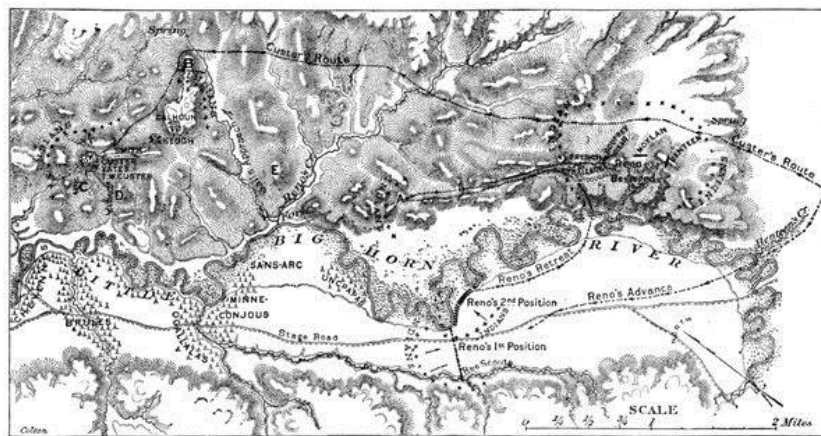
подобных тому, которое описано в отчете об экспедиции в Йеллоустоун. Теперь им предстояло пройти испытание в настоящей битве, и, как мы увидим, они не подвели, поскольку в конце концов вся слава этой кампании досталась им.

III. Экспедиция Кастера

Седьмой кавалерийский полк покинул лагерь у устья реки Паудер в полдень 22 июня 1876 года. Генералы Терри, Гиббон и Кастер провели его в отбое. В колонне шли пятьдесят индейцев-арикара («рис»), несколько индейцев-кроу и белых разведчиков и газетных корреспондентов. В четыре часа, после того как они прошли двенадцать миль, марш был остановлен, и в тот вечер офицеры были вызваны в штаб Кастера, где им были даны инструкции по маршу. Не должно было звучать никаких сигналов горна. Марш должен был проходить с максимально возможной быстротой; каждый офицер должен был внимательно следить за своими людьми и лошадьми. Формирование эскадронов и батальонов было отменено; каждый командир отряда должен был докладывать Кастеру лично.

Кастер обычно был очень неразговорчив. Как правило, он держал свои планы при себе до тех пор, пока не наступал момент для удара. Однако в этот раз он объявил о своем намерении следовать по следу, пока они не найдут индейцев, а затем «напасть на них». Он не был «увлечен» чем-либо, и это заявление является еще одним доказательством его обдуманного намерения. Его манера поведения, всегда прямая и властная, если не сказать резкая, теперь полностью изменилась. Обычно он был полон бодрости и уверенности. В данном случае оба этих качества явно отсутствовали. Офицеры отмечали, что он казался обеспокоенным и подавленным. Возможно, он чувствовал недовольство Гранта, вызванное его неосторожным поведением. Возможно, его тяготил серьезный характер риска, который он принимал на себя, действуя самостоятельно. Если бы он преуспел, он вернул бы все, что потерял в результате порицания. Если бы он потерпел неудачу — ну, он не хотел об этом думать. Этого было достаточно, чтобы заставить человека серьезно задуматься. Его письма жене кажутся такими же веселыми и уверенными, как и всегда, но, возможно, он притворялся ради нее. В любом случае, свидетельства о его психическом состоянии однозначны.

Как бы он ни чувствовал себя, он действовал с обычной для него энергией. Выйдя в пять утра 23-го числа, полк разбил лагерь в пять часов дня, преодолев тридцать три мили по ужасной местности — «Бесплодным землям». 24-го они прошли двадцать восемь миль по еще более плохой местности. Следы индейцев были повсюду. Очевидно, что здесь прошли сотни индейцев. Поскольку никто не мог сказать, как близко они были к врагам, после ужина 24-го костры были потушены, и солдатам разрешили спать до половины двенадцатого, пока офицеры и разведчики осматривали тропу. Кастеру доложили, что следы вели прямо через водораздел, разделяющий Роузбад и Литл-Биг-Хорн. В половине двенадцатого солдат разбудили и они прошли десять миль к гребню гор Литл-Биг-Хорн, куда прибыли в два часа ночи воскресенья, 25 мая. Была сделана еще одна остановка, и в восемь часов утра поход возобновился.

Предоставлено Century Co.

КАРТА ПОРАЖЕНИЯ КАСТЕРА НА ЛИТТЛ-БИГ-ХОРН

*Движения батальонов, нанесенные на карту по данным, предоставленным полковником
Эдвардом С. Годфри*

Они прошли еще десять миль и около половины одиннадцатого утра скрылись в большом ущелье недалеко от водораздела, примерно в шестнадцати милях от Литл-Биг-Хорна. Разведчики, находившиеся на вершине водораздела, заметили дым, поднимающийся в воздухе, а также другие признаки присутствия индейцев в долине Литл-Биг-Хорна. Считается, что Кастер намеревался оставаться в укрытии в течение дня и нанести удар на следующее утро. К сожалению, индейцы пересекли его след. Во время ночного марша с одного из вьючных мулов упала коробка с сухим хлебом. Когда обнаружили ее пропажу, отряд солдат был отправлен обратно, чтобы ее найти. Они обнаружили индейца, пытавшегося открыть коробку. Он сбежал и, несомненно, поднял тревогу в деревнях, к которым они приближались.

И теперь мы подошли к другой проблеме. В результате своего непослушания он теперь практически вступил в контакт с врагом, хотя не должен был этого делать. Однако, находясь в контакте, что ему было делать? Теперь у него не было приказов, которыми он мог бы руководствоваться. Он был предоставлен сам себе — именно того, чего он хотел, и что он замыслил и планировал. Как ему поступить с этой созданной им самой возможностью?

Полагая, как и все остальные, что индейские силы не значительно превосходили его собственные, он считал, что атака вполне возможна. Следует ли ему нанести этот удар или ждать, пока на него нападут? В индейских войнах преимущество обычно на стороне нападающей стороны. Следует ли ему воспользоваться этим преимуществом или отказаться от него? Допустим, он решил не нападать на индейцев, а они ушли и сбежали? Не будет ли он подвергнут осуждению за то, что позволил им уйти, раз уж он вступил с ними в контакт?

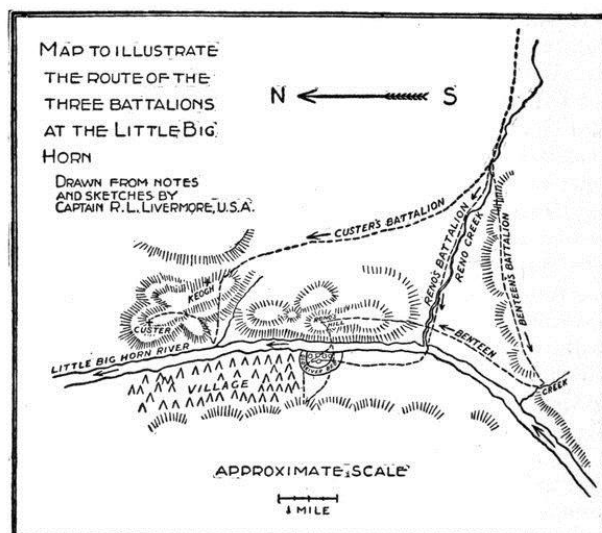
Предположим — маловероятный случай — что его атака на индейцев не увенчалась полным успехом? Гиббон должен быть где-то поблизости. Через день или два он, вероятно, придет на помощь. Не мог ли он, в случае необходимости, вести оборонительную битву, пока другая колонна не прибудет на поле боя? Не был ли он абсолютно обязан воспользоваться представившейся ему возможностью? У него был, как он считал, лучший кавалерийский полк в армии. Он испытал его, проверил на многих полях сражений; он знал, или думал, что знает, характер своих офицеров и солдат. Он решил атаковать. Действительно, ему не оставалось ничего другого. Он должен был сражаться. По мнению выдающихся военных

критиков, высказавшихся по этому поводу, начиная с генерала Шеридана, его решение было оправданным. Я согласен с этим мнением. И нет никаких доказательств того, что он когда-либо подумывал о чем-то другом. Он подготовил все, чтобы воспользоваться представившейся возможностью, и не колебался, когда она представилась. Очевидно, он абсолютно не предвидел поражения или катастрофы.

Незадолго до полудня он сообщил о своем намерении своим офицерам и солдатам. Он разделил свой полк на три батальона. Майору Маркусу А. Рено ([link](#)), офицеру, не имевшему опыта в боевых действиях с индейцами, он поручил командование отрядами А, G и M (); капитану Бентену (Benteen), ветерану и успешному бойцу с индейцами, — отрядами D, H и K; капитану Макдугаллу (McDougall) с отрядом В было приказано привести мулов и взять их под свою ответственность; сам Кастер взял на себя командование пятью оставшимися отрядами C, E, F, I и L.

Они покинули ущелье и около полудня пересекли водораздел, отделявший их от долины Литл-Биг-Хорн. Бентену было приказано повернуть налево и тщательно обыскать местность в этом направлении, загоняя всех врагов, которых он мог встретить, в деревню и не давая индейцам сбежать на юг и запад. Рено должен был следовать по небольшому ручью, иногда называемому Ручьем Рено, до его слияния с Литл-Биг-Хорн и нанести удар по верхушке деревни, которая, как предполагалось, находилась там. Действия Кастера будут определены позднее, хотя на данный момент он следовал за Рено. Макдугалл шел последним, следуя по их следам с медленно движущимся обозом, который быстро отставал, поскольку остальные двигались быстрым шагом. Бентен сразу же двинулся на запад, а Рено, за которым следовал Кастер, направился в долину Литл-Бигхорн.

Эта река представляет собой быстрый горный поток с чистой холодной водой и галечным дном, шириной от двадцати до сорока ярдов. Глубина воды варьируется от двух до пяти футов. Хотя она очень извилистая, общее направление потока — на север, к реке Биг-Хорн, которая впадает в Йеллоустоун. Долина шириной от полумили до мили окаймлена голыми утесами. Вдоль реки местами растут густые заросли деревьев. Индейский лагерь, конец которого они могли видеть, когда пересекали водораздел, тянулся вдоль долины на несколько миль.

Рену, продвигаясь вниз по ручью, приблизился к восточному берегу реки. Кастер следовал за ним, немного справа от него. Когда Рену обнаружил начало деревни в долине, он перешел ручей к Кастеру и доложил о том, что увидел. Кастер приказал ему перейти реку, продвинуться вниз по долине и атаковать с полной силой, сообщив, что его «поддержит» батальон Кастера. Рено соответственно приказал своему батальону быстрым шагом двигаться в колоннах по четыре, пересек реку Литл-Биг-Хорн за устьем ручья и продвинулся вперед примерно на полмили. Затем он выстроил свои войска в линию, простирающуюся от реки до утесов слева, с разведчиками арикара на левом фланге, и проскакал по долине еще на милю.^[2]

Впоследствии Рено заявил, что, по его мнению, Кастер намеревался все время оставаться позади него, и он полностью рассчитывал, что в случае столкновения с индейцами Кастер будет рядом, чтобы присоединиться к атаке. Однако Кастер не продолжил спуск по ручью и не пересек реку вместе с Рено, а свернул к высоким утесам на правом берегу ручья, к востоку от реки. Рено неверно истолковал смысл заявления Кастера. Для поддержки атаки не обязательно находиться позади нее. Фланговая атака или демонстрация силы с другого направления часто могут быть лучшим способом поддержки атаки. План Кастера был совершенно прост. Рено должен был атаковать конец деревни. Бентен должен был обойти ее и напасть с левой стороны, а Кастер — с правой. В основном тактика была той же, что с таким успехом применялась в битве при Вашита (см.), и была очень популярна среди наших индейских бойцов во время индейских войн.

Разделение сил перед лицом врага для проведения нескольких одновременных атак опасно, поскольку практически невозможно обеспечить надлежащее взаимодействие между атакующими подразделениями. Умелый генерал сосредоточит свои силы на отдельно приближающихся и более или менее изолированных подразделениях и разгромит их по отдельности. Тактика Вашингтона в Германтауне была похожа на тактику Кастера (); и его силы, которые могли бы смести британцев с поля боя, если бы его планы были выполнены, были разбиты по отдельности из-за отсутствия координации в отдельных атаках. Некоторые из самых блестящих сражений Наполеона были выиграны, когда он занимал внутренние линии и последовательными атаками разбивал сходящиеся колонны.

Тем не менее, индейцы не считались опытными тактиками, хотя все недооценивали их качества. Они были чрезвычайно подвержены панике. Внезапная атака или неожиданность почти всегда дезорганизовывали их и вводили в замешательство. В этих особых обстоятельствах, я думаю, нет сомнений в том, что тактика Кастера была вполне обоснованной и хорошо продуманной, хотя этот вывод часто оспаривается. Кажется, что Кастер допустил ошибку, не приняв более серьезных мер предосторожности, чтобы атаки были проведены одновременно. Ему предстояло пройти гораздо большее расстояние, чем Рено, и по гораздо более труднопроходимой местности, прежде чем он смог бы атаковать, и он совершенно не был уверен, где находится Бентен и когда он сможет присоединиться. Тем не менее, шансы на успех были велики, а шансы на провал — невелики, и я не сомневаюсь, что Кастер добился бы успеха, если бы не было достойного сожаления просчета со стороны его главного подчиненного.

[67.](#) Именно настоятельные заявления генерала Терри стали главной причиной действий Шеридана. — С. Т. В.

[68](#)На момент написания этой статьи не было общепринятого понимания, что полное индейское название этой реки было Литл-Бигхорн. — С. Т. В.

[69.](#) Передача была задержана из-за перерезания индейцами телеграфных проводов.

[70](#)Курсив мой. — С. Т. В.

[71](#)Журнал Военной службы США, т. XVIII, № LXXIX: «Кампания против сиу в 1876 году», генерал-майор Роберт П. Хьюз, США.

[72](#)В отчете Терри министру войны от 21 ноября 1876 года он излагает свое понимание приказов, которое вполне оправдано, в следующем абзаце:

«На совещании, которое состоялось 21-го числа между полковником Гиббоном, подполковником Кастером и мной, я сообщил им о плане операций, который я решил принять. Он заключался в том, что колонна полковника Гиббона должна была пересечь Йеллоустоун вблизи устья Литл-Бигхорна и оттуда подняться вверх по течению с расчетом прибыть в эту точку к 26-му числу; подполковник Кастер со всей 7-й кавалерийской дивизией должен был продвигаться вверх по Роузбаду, пока не выяснит, в каком направлении ведет тропа, обнаруженная майором Рено; что если она ведет к Литл-Бигхорну, то ей не следует следовать, а подполковник Кастер должен держаться еще южнее, прежде чем повернуть к этой реке, чтобы перехватить индейцев, если они попытаются обойти его слева, и чтобы, благодаря более длительному маршу, дать время колонне полковника Гиббона догнать его.

[73](#)Я не обсуждал вопрос о Туллок-Крик. Он не имеет существенного значения, за исключением того, что нерасследование этого вопроса и неотправка разведчика к Гиббону — некоторые из людей Гиббона были отправлены с Кастером для этой цели — с отчетом было просто еще одним проявлением неподчинения и, возможно, подтверждением намеренных действий Кастера.

[74.](#) *Century Magazine*, т. XLIII, № 3: «Последняя битва Кастера», полковник Э. С. Годфри, США.

[75](#)Лично я считаю, что их было гораздо больше.

[76](#)Поскольку поведение майора Рено было столь решающим в последующих боях и поскольку от его поведения как ключевой фигуры зависела судьба того дня, стоит сказать несколько слов о его послужном списке, который я составил на основе официальных источников.

Он окончил Вест-Пойнт в 1857 году и сразу же был назначен в Первый драгунский полк, а к началу Гражданской войны дослужился до капитана Первого кавалерийского полка. Его карьера во время войны была выдающейся. 17 марта 1863 года он был произведен в майоры за доблестную и заслуженную службу в Келлис-Форде, а 19 октября 1864 года — в подполковники за доблестную и заслуженную службу в битве при Седар-Крик. 1 января 1865 года он был назначен полковником 12-го добровольческого кавалерийского полка Пенсильвании, а в конце войны получил звание бригадного генерала добровольцев. Вот такая храбрая и почетная биография. Хотелось бы, чтобы она никогда не была запятнана!

19 декабря 1869 года он вступил в Седьмой кавалерийский полк в звании майора. До этого он не имел опыта службы в индейских войнах, и его служба до настоящей кампании состояла из трехмесячной разведывательной экспедиции в Колорадо летом 1870 года. В 1879 году по его собственному заявлению был созван суд для расследования его поведения в битве при Литл-Бигхорн. Суд пришел к заключению, что дальнейшее рассмотрение дела не требуется. Одно из предложений в протоколе имеет особое значение: «Поведение офицеров на протяжении всего сражения было безупречным, и хотя в некоторых случаях подчиненные проявили больше мужества, чем майор Рено, и тем самым обеспечили большую безопасность командования, в его поведении не было ничего, что требовало бы осуждения со стороны суда».

Его отношения с генералом Кастером не были дружескими; на самом деле они были настолько враждебными, что перед началом роковой кампании Кастера умоляли не доверять Рено командование какими-либо вспомогательными операциями. Кастер отказался позволить личным соображениям помешать Рено получить командование, на которое он имел право по званию.

В 1880 году майор Рено был признан виновным военным трибуналом в поведении, несоответствующем офицеру и джентльмену. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, он устроил драку в общественном бильярдном салоне, в ходе которой напал на другого офицера, уничтожил имущество и вел себя постыдно. Суд приговорил его к увольнению из вооруженных сил Соединенных Штатов. Приговор был утвержден президентом Хейсом, и в апреле 1880 года майор Рено перестал быть офицером армии.

Больно обращать внимание на эти факты, особенно учитывая, что майор Рено с тех пор умер, но имя и слава человека, более великого, чем он, были подвергнуты нападкам из-за его проступка, и для защиты Кастера абсолютно необходимо тщательно изучить характер и заслуги Рено. Для более подробного обсуждения поведения майора Рено см. Приложение В.

[77](#). Несомненное доказательство того, что лошади не были, как иногда утверждают, полностью измотаны тяжелым маршем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Последний из Кастеров

I. Неудача Рено в битве при Литл-Бигхорн

Чтобы ясно понять эту сложную небольшую битву, необходимо рассмотреть каждую из трех операций отдельно, а затем посмотреть, как они были связаны друг с другом.

Когда люди Рено скакали по долине, они увидели впереди себя, на некотором расстоянии, справа, через реку, на линии высоких утесов, Кастера в сопровождении своего штаба. Генерал ободряюще помахал им шляпой и исчез за гребнем холма. Этот миг, когда Кастер стоял на холме с протянутой рукой, галантно махая своим солдатам, чтобы они шли в бой, был последним, который видели его товарищи в долине; и можно с уверенностью сказать, что Рено тогда понял, что Кастер не следует за ним и что от него ожидают, что он будет атаковать в одиночку.

Однако Рено, приблизившись к деревне, развернул своих стрелков и медленно продвигался вниз по долине. Через несколько минут они вступили в ожесточенный бой с постоянно растущими силами индейцев.

Что касается последующей битвы, то следует отметить полную недостоверность индейских отчетов об их действиях. Утверждается, что страх наказания заставил их и заставляет их хранить молчание и не разговаривать. Разные индейцы рассказывают разные истории. Большинство этих рассказов расходятся в основных деталях, и их невозможно согласовать. Возможно, индейцы не обладают достаточной внимательностью, чтобы вспомнить общий план сражения или, по крайней мере, рассказать о нем, хотя в тот момент они хорошо знали, как сражаться. Их рассказы крайне беспорядочны. Некоторые говорят, что они ничего не знали о прибытии войск, пока люди Рено не развернулись в долине. В любом случае, благодаря его медлительному и нерешительному продвижению, у них было достаточно времени, чтобы собрать значительные силы. У Рено было менее ста пятидесяти человек. Даже если оценка доктора Истмана ([см.](#)), что индейцы насчитывали всего двенадцать сотен воинов, верна, они все равно превосходили Рено по численности, хотя из-за того, что деревни были растянуты вдоль реки на несколько миль, только часть из них сначала вступила в бой с войсками. Воодушевленные своей недавней победой над Круком, эти индейцы теперь обрушились на Рено как буря.

КАПИТАН МАЙЛС МОЙЛАН

МАЙОР МАРКУС А. РЕНО

ЛЕЙТЕНАНТ А. Э. СМИТ^[79]

КАПИТАН ЭДУАРД С. ГОДФРИ

НЕКОТОРЫЕ ОФИЦЕРЫ КАСТЕРА

Линия Рено простиралась через всю долину, которая была довольно узкой в месте сражения, правый фланг защищала река, левый — утесы. Оправившись от предполагаемой паники, возможно из-за слабого наступления солдат, индейцы собрались с силами и, проявив замечательное полководческое мастерство, сосредоточили свое наступление на левом фланге, который, к несчастью, удерживали разведчики арикара. Ни один арикара, когда-либо живший на земле, не мог сравниться с сиу или шайенами. Ри, как называли этих индейских помощников, сломались и бежали, не сдерживая себя. Они не останавливались, пока не достигли лагеря снабжения на реке Паудер, в нескольких милях оттуда. В то же время лошади двух солдат из отряда убежали вместе с ними и бросились прямо в индейские ряды со своими всадниками. Их судьба была предreshена.

Когда разведчики-ри разбежались, индейцы обошли левый фланг Рено. Кавалеристы сразу же отступили. Не было резерва, который можно было бы бросить на индейцев, пока линия не была восстановлена. Все войско было отброшено назад, как дверь, в лес на берегу реки.

Здесь Рено совершил серьезную ошибку. Собрав своих людей, он приказал им спешиться. Кавалерия может спешиваться для обороны, но здравый смысл и военное искусство требуют, чтобы для атаки, особенно на индейскую деревню такого рода, они атаковали верхом. Как написал мне один ветеран кавалерии: «Я никогда не мог понять, почему Рено не бросился в отчаянную атаку на индейцев, находившихся перед ним. То, что он велел своим людям спешиться, противоречило всякому здравому военному смыслу. «Смелость, всегда смелость» — вот девиз кавалериста».^[80] Если бы Рено руководствовался этим принципом и бросился в атаку, как он должен был сделать, результат был бы другим.^[81]

Позиция была мгновенно окружена кричащими индейцами, которые безумно скакали туда-сюда, стреляя по войскам. До этого момента Рено потерял только одного раненого и двух,

которые ворвались в индейскую линию. Его вторая позиция была идеальной для обороны. Укрытый деревьями, с флангами и тылом, защищенными рекой, он мог удерживать это место бесконечно. Однако он не был назначен для защиты или удержания какой-либо позиции, а для проведения быстрой, стремительной атаки. Тем не менее, после нескольких минут самого слабого наступления, он оказался в обороне. Такой результат разрушил бы самый многообещающий план. Он определенно разрушил план Кастера. Несмотря на дезертирство Рисов, энергичная контратака вниз по долине спасла бы Рено и, возможно, спасла бы Кастера.

Больно обвинять армейского офицера в неправомерных действиях, но я выслушал мнение ряда армейских офицеров по этому вопросу, и каждый из них считает Рено в высшей степени виновным. По крайней мере один из них не постеснялся высказать свое мнение самым публичным образом. Я не хочу верить, что майор Рено был трусом, но он определенно потерял голову, а когда он потерял голову, он потерял Кастера. Его нерешительность была жалка. Хотя он практически не понес потерь и не имел причин для чрезмерной тревоги, он находился в состоянии мучительной неопределенности относительно того, что ему делать дальше. Солдат, как и женщина, который колеблется в чрезвычайной ситуации, требующей мгновенного решения, обречен.

Сколько времени войска пробыли под деревьями на берегу реки, точно определить невозможно. Некоторые свидетели утверждают, что это было несколько минут, другие — что час. Лично я думаю, что это было несколько минут, которые страх и тревога удлинители до невозможного срока. Паники пока не было, и при другом офицере ее бы и не было, но в протоколе записано, что Рено наконец отдал приказ солдатам сесть на лошадей и отступить к утесам. Прежде чем приказ был выполнен, он отменил его. Затем приказ был повторен, но так, что никто, кроме тех, кто находился непосредственно рядом с ним, не услышал его из-за шума сражения, которое в тот момент бушевало без определенной цели по всей линии, и никто не попытался его выполнить. Затем приказ был повторен в третий раз. Наконец, когда те, кто находился дальше, увидели, что ближайшие к растерянному командиру всадники садятся на лошадей и явно готовятся уходить, приказ постепенно дошел до всего батальона, и почти вся масса солдат приготовилась к отступлению. В конце концов они вырвались из леса в беспорядочной колонне по четыре человека, стремясь вернуться к броду, который они пересекли, когда входили в долину.

Рено называет это атакой, и он возглавил ее. Он был настолько возбужден, что, выстрелив из пистолетов в индейцев, которые отважно преследовали бегущих солдат, он бросил их.^[42] Давление индейцев на правое крыло заставило солдат склониться влево, в сторону от брода. Фактически, они были сметены в беспорядочную толпу и оттеснены к реке. В безумной погоне за спасением всякая видимость организации была утрачена. Войска превратились в толпу.

Индейцы теснили их, стреляя в скученную толпу почти без сопротивления. Очевидно, в своем возбуждении индейцы стреляли высоко, иначе войска были бы уничтожены. Индейцы, конечно, полагали, что теперь они загнали войска между собой и рекой и что им осталось только загнать их в воду. Вождь Галл, который вместе с Сумасшедшим Конем и Королем Воронов был главным ответственным за маневры индейцев, увидев отступление Рено к реке, собрал большое количество воинов, покинул поле боя и переправился через реку ниже по течению, намереваясь обрушиться на другую сторону и атаковать людей Рено, когда те будут с трудом подниматься по крутому берегу, если кому-то из них удастся переправиться. Как оказалось, это был удачный ход для индейцев.

Тем временем люди Рено провидением нашли тропу для пони, которая указывала на брод через реку. На другой стороне тропа вела в воронкообразный амфитеатр, окруженный

высокими скользкими утесами. В этот *тупик* бросилась вся бегущая группа, а индейцы сильно давили сзади. Мужчины прыгнули со своими лошадьми с берега в воду, и, обнаружив, что тропа заканчивается у утеса на другой стороне, Рендольф () фактически подгонял их вверх по крутым склонам холма.

Нельзя отрицать, что они были охвачены паникой. Хотя некоторые ветераны открыли огонь по дикарям, большая часть солдат ничего не делала, кроме как бежала. Доктор ДеВольф был одним из самых хладнокровных среди присутствующих. Он намеренно остановил свою лошадь и стрелял по индейцам, пока его не застрелили. Лейтенант Макинтош, пытаясь собрать своих людей, был застрелен, как только они вышли из леса. Лейтенант Ходжсон, достигнув берега реки, лишился своей лошади. В агонии животное споткнулось и упало в реку, где и умерло. Та же пуля, которая убила лошадь, сломала Ходжсону ногу. Он закричал о помощи, и сержант Крисвелл подъехал к месту, где он лежал. Ходжсон ухватился за стремя сержанта и под сильным огнем был вытасчен на берег, но едва он успел туда добраться, как вторая пуля попала ему в голову, убив его на месте. Крисвелл был унесен своими людьми, но, как только он смог, он вернулся под яростным огнем и вынес тело, а также все боеприпасы из седельных сумок на нескольких мертвых лошадях. За свою храбрость он получил медаль за отвагу.

Если бы Галл выполнил свои запланированные действия, люди Рено были бы уничтожены на месте. Но так как этого не произошло, они достигли вершины утеса без дальнейших препятствий. Они потеряли трех офицеров и двадцать девять солдат и разведчиков, семь человек были тяжело ранены (), а один офицер, лейтенант ДеРудио, и пятнадцать солдат пропали без вести (1831). Они были оставлены в суматохе «атаки» Рено.

Было уже где-то между половиной второго и двумя часами дня, и во время боя к Рено присоединился батальон Бентена. Индейцы продолжали вести беспорядочный огонь по позиции, но, казалось, их число уменьшилось. Следующий час Рено занял реорганизацией своих сил, распределением солдат по привычным подразделениям и подсчетом потерь.

II. С батальоном Бентена

В соответствии с приказом Бентен двинулся на запад. Вскоре он оказался в почти непроходимой местности, полной глубоких оврагов, где продвигаться было медленно и трудно. В местности, по которой шел полк, пока не достиг долины Биг-Хорн, вода была очень скудной. Вода, которую они нашли утром, была настолько щелочной, что лошади и мулы, хотя и провели почти сутки без воды, не стали ее пить. Лошади были естественно уставшими, пройдя более пятидесяти миль с утра предыдущего дня, и ужасная работа по подъему и спуску с холмов еще больше их измотала, хотя они ни в коем случае не были выдохшимися. Бентен не видел индейцев, и состояние местности было таким, что было очевидно, что перед ним их не было.

Поэтому он повернул направо и направился в долину Биг-Хорн, прямо перед Макдугаллом и обозом, намереваясь пересечь реку и атаковать деревню или присоединиться к Рено, в зависимости от обстоятельств. Он только что напоил своих лошадей в маленьком ручье, вытекающем из болота, когда мимо проскакал сержант из батальона Кастера с сообщением, что обоз с припасами должен немедленно прибыть. Мчась по линии, солдат радостно кричал: «Мы их поймали, ребята!» Люди Бентена поняли, что Кастер захватил деревню. Через несколько минут трубач Мартини подъехал галопом с сообщением от Кастера Бентену, подписанным адъютантом Куком, которое гласило:

«Бентен. Поторопись. Большая деревня. Быстрее. Принеси рюкзаки.

P.S. Принесите рюкзаки».

По-видимому, потребность в запасных патронах с обозом была настолько срочной, что в спешке Кук повторил последние два слова. В это же время в долине раздался звук отдаленных выстрелов. Готовясь к немедленным действиям, Бентен повел своих солдат галопом вниз по долине. Несмотря на усталость животных, они благородно отзывались на требования всадников, и вся группа пронеслась по холмам в направлении, откуда пришел трубач, пока не оказалась над долиной. Все полагали, что Кастер вошел в долину и гнал индейцев перед собой. О том, что он ожидал большого сражения, свидетельствовало повторение его просьбы о том, чтобы обоз поспешил вперед, очевидно, чтобы привезти запасные боеприпасы.

Долина была заполнена пылью и дымом; день был ужасно жарким и сухим. Можно было различить тела людей, скачущих вверх и вниз. Бентен, возможно, пересек бы реку и атаковал долину, если бы его внимание не привлекли люди в синей форме на утесе на той же стороне реки, справа. Они, несомненно, были вовлечены в жаркий бой, но там также были признаки ожесточенных боев внизу долины. Что происходило? Что ему делать? В этот момент один из разведчиков из племени кроу — эти индейцы не бежали вместе с трусливыми ри, а остались с отрядом, храбро сражаясь — подъехал, ведя небольшую группу захваченных пони, и показал, что основное сражение идет на утесе. Бентен соответственно проскакал по изгибу реки и без сопротивления присоединился к деморализованному Рено.

Интересно предположить, что могло бы произойти, если бы Бентен пересек реку и атаковал долину. В этом случае, если бы Рено пересек реку и снова атаковал, день все еще мог бы быть выигран, но, по всей вероятности, Рено не пересек бы реку, и Бентен был бы уничтожен. В любом случае, Бентен сделал единственное возможное, когда разведчик сообщил ему о местонахождении и потребностях Рено.

Рено потерял шляпу во время своей знаменитой «атаки» и обвязал голову платком. Он был очень взволнован и, по-видимому, не имел представления о том, что ему делать дальше. Офицеры его батальона не скрывали от новоприбывших, что они потерпели тяжелое поражение и находятся в критическом положении. Никто из них не мог ничего сказать о Кастере.

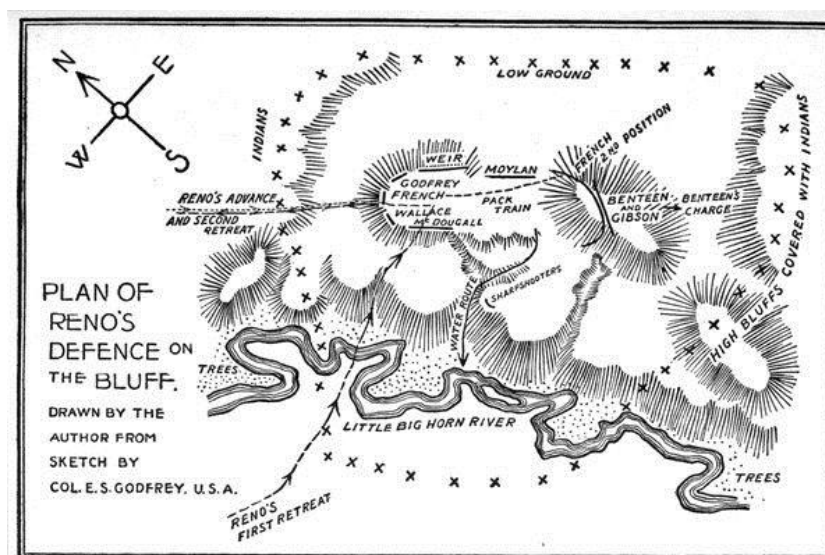
III. Битва на утесах

Солдатам Бентена было приказано разделить свои боеприпасы с солдатами Рено. Вокруг утесов была выстроена линия стрелков, и была предпринята попытка добыть воду из реки, поскольку запасы в флягах давно были исчерпаны. Но индейцы не дали этого сделать. На утесах, конечно, не было ни капли воды, и раненые сильно страдали, не говоря уже о жаждущих солдатах. Офицеры собрались группами на краю утесов, возвышающихся над полем сражения, и обсуждали этот вопрос. В это время индейцы их не беспокоили.

Общее впечатление было таково, что Кастер совершил ошибку своей жизни, не взяв с собой весь полк. Возможно, люди Рено придерживались этой точки зрения, потому что сами были так сильно измотаны. Долина была заполнена индейцами, но около трех часов или чуть позже большинство из них скакали вниз по реке и вскоре исчезли из виду. На берегах реки все еще стояли индейцы, укрывавшиеся в засаде, которые продолжали вести огонь по

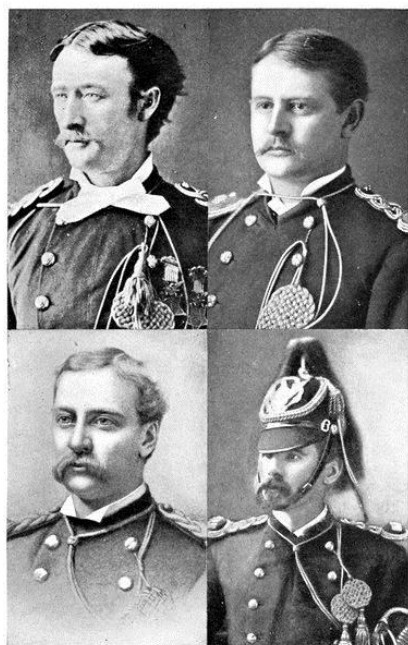
людям Рено, если те пытались спуститься с утеса и подойти к воде, но основные силы, очевидно, отступили.

С севера доносился звук стрельбы. Она была интенсивной и непрерывной. Объяснение могло быть только одно. Отряд Кастера наконец встретил индейцев и вступил с ними в бой. Это, безусловно, должно было подстегнуть Рено. Кастер сражался; Рено не был под угрозой — что ему делать? Позже днем были замечены две быстрые залпы подряд. Это было настолько необычно в данных обстоятельствах, что в конце концов было воспринято как сигнал от Кастера. Значит, он, безусловно, находился в серьезной опасности и звал на помощь. Как, во имя всего, что было связано с солдатским долгом, можно было игнорировать такой призыв? Офицеры и солдаты задавали друг другу множество тревожных вопросов о том, почему Рено не предпринял никаких действий. Все чувствовали, что Кастер находился в серьезной опасности и что Рено должен был немедленно действовать. Под его командованием находилось около трехсот человек, половина из которых не участвовала в бою.

Капитан Уир из роты D, находившийся справа от командования Рено, расчистив индейцев перед собой, наконец смело взял дело в свои руки. После неоднократных просьб о разрешении,^[84] он без него отправился в одиночку в сторону звуков стрельбы, чтобы посмотреть, что он может сделать. Лейтенант Эджерли, его заместитель, предположил, что он получил приказ наступать, и соответственно привел отряд в движение. Уир был на утесе, Эджерли ниже, в небольшом овраге. Индейцы двинулись на Эджерли, когда Уир дал ему сигнал вести своих людей на холм, что тот и сделал без потерь. Отряд, не имея поддержки и вопреки приказам Рено, продвинулся до места, где в последний раз видели Кастера, махающего шляпой, и там остановился. Солдаты могли видеть хребты и долины за ними на большом расстоянии.

В полутора-двух милях от них, сквозь ущелья в хребтах, они могли видеть огромные облака индейцев на лошадях. Выстрелы из винтовок свидетельствовали о том, что сражение, каким бы оно ни было, все еще продолжалось. Уир и Эджерли не могли ничего сделать со своим единственным отрядом. Хотя их смелое продвижение не было подвергнуто серьезной атаке, Рено сначала не предпринял никаких действий, чтобы поддержать их.

КАПИТАН ТОС. В. КАСТЕР

ЛЕЙТЕНАНТ ДЖЕЙМС КАЛХУН

КАПИТАН ДЖОРДЖ В. ЙЕЙТС

КАПИТАН МАЙЛЗ В. КЕОГ

НЕКОТОРЫЕ ИЗ КОМАНДУЮЩИХ ВОЙСКАМИ КАСТЕРА

Все погибли вместе с ним в битве при Литл-Бигхорн

В половине пятого капитан Макдугалл и обоз присоединились к Рено. Их никоим образом не беспокоили. Наконец, около пяти часов, Рено уступил настойчивым и неоднократным просьбам разгневанных офицеров и двинулся вдоль хребта к позиции, которую заняли Уир и Эджерли (). Он прибыл на это место в половине шестого. Стрельба на утесах впереди практически прекратилась. Индейцы все еще были видны, и продолжалась стрельба, но, по-видимому, сражение не велось. Позже они узнали, что индейцы стреляли в тела убитых.

Всем было очевидно, что, что бы ни произошло ранее днем, теперь не было смысла продвигаться дальше. Действительно, индейцы с огромной силой вернулись перед Рено и сразу же атаковали его. Ему не оставалось ничего другого, как отступить на наиболее обороноспособную позицию, которую он мог найти, и попытаться удержать свои позиции. Кастер и его люди, если они еще были живы, должны были остаться, чтобы как можно лучше противостоять той судьбе, которая их ждала. Рено соответственно отступил на утес, с которого он только что пришел. Лейтенант Годфри из роты К, составлявшей арьергард, без приказа развернул своих людей и снял их с лошадей, а затем, при умелой поддержке своего подчиненного, лейтенанта Лютера Р. Хэра, в упорной схватке сдерживал индейцев до тех пор, пока остальные не отступили в безопасное место, к которому ему и его солдатам удалось присоединиться. Хорошо, что он поступил так, потому что его хладнокровие и мужество спасли командование.

За гребнем холма была небольшая впадина, которая служила укрытием для лошадей и вьючных животных. Во время отступления произошел достойный упоминания инцидент. Одна из вьючных мулов, груженная ценными боеприпасами, вырвалась и помчалась

галопом к линии индейцев. Сержант Хэнли из взвода С вскочил на лошадь и помчался за ней. Офицеры и солдаты звали его вернуться, но, зная, насколько бесценны были боеприпасы, он продолжал свой путь. Ему удалось перехватить животное, которое развернулось и побежало параллельно индейской линии, вдоль которой он мчался под настоящим градом пуль, ни одна из которых, к счастью, не задела его. Он поймал мула и привел его обратно с неповрежденными боеприпасами. За этот подвиг он получил медаль за отвагу.

Солдаты заняли позиции вокруг хребта, через впадину и на холме справа, чтобы защитить выючные животные и полевой госпиталь со всех сторон, кроме стороны реки, где высота утесов и расстояние препятствовали любому нападению индейцев с этого направления. Отряд Н Бентена был размещен справа. Они находились на вершине гребня и не имели укрытия, так как на гребнях не было деревьев. Дальше, справа, позиция Бентена была защищена более высокими гребнями. Сначала основная тяжесть боя пришлась на левую сторону, но индейцы вскоре окружили позицию, и сражение стало общим. Солдаты бросились на землю и выкопали окопы для винтовок с помощью ножей, жестяных кастрюль — всего, что попадалось под руку. Бои вскоре стали ожесточенными, но постепенно по мере наступления темноты ослабели и прекратились около девяти часов вечера. В ту ночь в деревне в долине царил атмосфера торжества, и крики индейцев были хорошо слышны на утесах.

Первая половина ночи была полна дикой суматохи, но вскоре солдаты восстановили самообладание и приступили к укреплению своих позиций. Теперь они были полностью окружены, но большинство из них находились под прикрытием, за исключением людей Бентена, чьи позиции, как уже было сказано, были видны с более высоких хребтов, находящихся в пределах досягаемости. В два часа ночи, вопреки своей обычной привычке, индейцы открыли огонь, но не пошли в атаку. На следующее утро сражение возобновилось с новой силой.

Индейцы все больше и больше сжимали отряд. Открытая линия Бентена () пострадала больше всех. Этот опытный боец увидел, что индейцы собираются перед ним, явно намереваясь атаковать. Если бы они напали на его единственный отряд, ему было бы невозможно устоять, и все войска на холме были бы взяты в тыл и уничтожены. Его люди почти исчерпали боеприпасы, несколько были убиты, а еще нескольким нужно было оказать медицинскую помощь.

Приказав лейтенанту Гибсону удерживать линию любой ценой, Бентен побежал к Рено, объяснил ситуацию и попросил подкрепление. После долгих уговоров ему удалось добиться, чтобы на холм направили отряд М под командованием капитана Френча. Затем он умолял Рено разрешить двум отрядам атаковать. Рено колебался. Бентен снова и снова настаивал, указывая, что, если не предпринять немедленных действий, позиция будет захвачена, а командование уничтожено. Наконец он вырвал у Рено неохотное разрешение. Он побежал обратно на свою позицию на холме и, не теряя ни секунды, выстроил своих людей в штурмовую колонну, поставив себя во главе.

«Все готовы, ребята!» — воскликнул он отважно. «Настал ваш час! Покажите им ад! Хип-хип! Вперед!»

Индейцы тоже дали команду к атаке, но Бентен оказался быстрее них. С великолепной храбростью, с револьвером в руке, он бросился на индейцев. Произошла короткая рукопашная схватка, и индейцы разбежались. Рено, увидев результат отважного рывка Бентена, фактически вывел часть своих людей на другую сторону холма и оттеснил индейцев в том направлении. Великолепная храбрость Бентена спасла ситуацию на данный момент.

Около одиннадцати часов утра огонь несколько ослабел, и добровольцы были вызваны, чтобы принести воду из реки Сент-Джонс () для командования, особенно для раненых. Индейцы обстреливали берега реки, и эта попытка была чрезвычайно опасной. Девятнадцать человек предложили свою помощь. Четверо лучших стрелков — Гейгер, Виндольф, Войт и Мечлинг из отряда Н — были выделены для прикрытия остальных, заняв уязвимую позицию на краю утеса, возвышающегося над рекой, как можно ближе к ней. Остальные пятнадцать, один из которых рассказал мне об этой попытке, неся фляги и походные котелки, но без оружия, проползли через кусты и овраги к открытому месту на берегу реки, а затем, прикрываемые быстрой стрельбой четырех человек, находившихся выше них, бросились к реке. Индейцы, которые были ужасными стрелками, открыли по ним сильный огонь, но мужчинам удалось наполнить принесенные емкости, и хотя многие из них были поражены, а некоторые мужчины ранены, никто из них не погиб. Это был скудный запас воды, но он был находкой. Эти девятнадцать человек также получили медали за отвагу.

В три часа дня стрельба, которая с перерывами продолжалась с полудня, наконец прекратилась, и позже солдаты на холме увидели, как индейцы уходят из долины. Они подожгли траву, чтобы скрыть свои движения, но около семи часов вечера их ясно было видно, как они уходили со всем своим имуществом в сторону гор Биг-Хорн. На холме было убито восемнадцать солдат и пятьдесят два ранено.

IV. Последний день Кастера

Теперь перейдем к Кастеру.

Никто не знает точно, что он сделал. Свидетельства с места событий () неясны, а заявления индейцев противоречивы. Доктор Истман, образованный су, исследовал этот вопрос среди многих своих соплеменников и пришел к одному выводу; полковник Годфри, один из командиров отряда, который был с Бентеном и впоследствии осмотрел место событий в компании с Бентеном и другими офицерами, приняв показания вождя Галла, придерживается другого мнения. Согласно Истману, чье описание совпадает с общепринятым пониманием, Кастер пытался переправиться через реку в месте, которое сейчас называется Рено-Крик,^[85] и напасть на то, что он считал тылом деревни, но что на самом деле было серединой верхней половины, и был отброшен обратно на холмы, где и произошла окончательная трагедия.

Годфри, напротив, говорит, что Кастер, с того места, где его в последний раз видели люди Рено, имел обзор деревни на несколько миль, хотя и не на всю ее длину; что он, должно быть, был уверен, что она находится ниже него, и что он сделал большой обход, чтобы напасть на тыл деревни. Именно отсюда он послал срочное сообщение Бентену. Когда, наконец, продвинувшись, как он думал, достаточно далеко, чтобы взять деревню с тыла, или с того, что он считал тылом, он повернул к реке и сразу же столкнулся с индейцами, собравшимися в большом количестве.

Было, вероятно, около половины третьего дня. Рено был вынужден отступить и переправился через реку. Как помните, вождь Галл переправил через реку большую группу людей, чтобы перехватить Рено на другом берегу. Прежде чем он успел спуститься вправо для этой цели, на холмах внезапно появились люди Кастера. Маневр Кастера был удачным, и его появление стало полной неожиданностью, что сначала сильно встревожило индейцев. Однако Галл не растерялся. Правильно оценив, что Рено временно выбыл из игры, он сразу же решил атаковать Кастера. Он сообщил о ситуации Сумасшедшему Коню, который давил на Рено. Оставив достаточное количество воинов, чтобы продемонстрировать свою силу

деморализованному Рено, Сумасшедший Конь помчался вниз по долине реки Блу-Крик (), за ним последовали его люди, к которым присоединились другие из дальнего конца деревни, которые до сих пор не принимали участия в боях. Они тоже пересекли реку в том месте, где глубокий овраг скрывал их движения и позволял им занять позицию на правом фланге Кастера. Подобный овраг позволил Галлу угрожать левому флангу. Индейцы были в достаточном количестве, чтобы полностью окружить Кастера. В мгновение ока он оказался под атакой спереди и с обеих сторон. Вместо того, чтобы продвигаться вперед, он был вынужден защищаться от подавляющего нападения. Войска спешили, лошади были отправлены в тыл, а люди Кастера заняли гребни.

Отряд Калхуна был размещен слева, за ним следовали отряды Киога, Смита и Йейтса, а Том Кастер находился на крайнем правом фланге. Последние три отряда оказались в лучшей оборонительной позиции на самом высоком холме. С ними был Кастер. Индейцы сразу же атаковали. Мчась на полном галопе на своих пони вдоль линии фронта, они обрушили на солдат шквал огня из своих дальнобойных винтовок, на который последние ответили храбрым, стойким, но не очень эффективным огнем из своих менее мощных карабинов. Лошади Киога и Калхуна в панике разбежались при первых выстрелах.

Угрожающая им сила была настолько велика, что Кастер не осмелился покинуть свою позицию на холмах. Отступить было безнадежно, продвигаться вперед — невозможно. Они должны были оставаться в обороне и молиться, чтобы продвижение отряда Рено вверх по долине, которое, как они, вероятно, надеялись, будет подкреплено Бентеном, заставило индейцев отступить с их фронта. Поэтому они продолжали сражаться хладнокровно и решительно, экономя боеприпасы и стараясь, чтобы каждый выстрел попадал в своих мчащихся и кричащих врагов. Я полагаю, что они ни в коем случае не были лишены окончательной надежды на победу. Индейцы в своих рассказах говорят о хладнокровном, обдуманном мужестве многих офицеров и солдат, которых они выделяют за их храбрость.

Однако по мере того, как продвигалось время, солдаты понесли большие потери. Их боеприпасы начали заканчиваться, а сжимающийся, кружащийся круг индейцев сгонял их все ближе и ближе друг к другу. Оставшиеся лошади трех других отрядов в конце концов впали в панику, и вместе с ними исчезли все запасные боеприпасы. Ситуация явно стала настолько серьезной, что Кастер, в тщетной надежде, что Рено наконец поймет его опасность, выпустил два залпа, о которых упоминалось выше. Похоже, что в этот момент он пытался отправить сообщение Рено, поскольку после битвы тело одинокого солдата, сержанта Батлера, было найдено на полпути между отрядами Кастера и Рено. Рядом с его телом лежала небольшая кучка патронов, свидетельствующая о том, что он дорого продал свою жизнь. Индейцы были достаточно проницательны — так говорят, и, вероятно, это правда — чтобы выделить офицеров, находившихся с Кастером, и смертность среди них была ужасающей. По мере того как день подходил к концу, всем на холме стало ясно, что они обречены. Вряд ли контратака Рено могла бы спасти их теперь, и не было никаких признаков того, что он находился где-то поблизости.

«Где, во имя Бога, — наверное, спрашивали они себя в отчаянии, — может быть Рено?»

Один из разведчиков из племени кроу сказал — хотя его рассказу в целом не верят — что он наконец подошел к Кастеру, который пока был невредим, и сказал ему, что, по его мнению, он может вывести его оттуда, но Кастер, конечно, отказался покинуть поле боя. Кроу изменил свой внешний вид, накинув на себя одеяло, чтобы как можно больше походило на су, и в суматохе сражения благополучно ушел.^[86] Он был единственным человеком, выжившим на поле боя.^[87] То, что произошло после, является предметом догадок, основанных на противоречивых и неполных показаниях самих индейцев.

Галл и Сумасшедший Конь решили положить конец этому делу. Собрав своих воинов в ущелье, они одновременно напали с обоих флангов, в то время как Король Воронов и Дождь-в-Лице возглавили прямую атаку на фронт истонченной и ослабленной линии. Они смели маленькую группу людей, у которых, вероятно, уже закончились патроны, красной волной разрушения. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка с использованием дубин, боевых палок и томагавков, и все было кончено. Около двадцати или тридцати человек, без своих офицеров, которые, вероятно, все были убиты на месте, поскольку их тела были найдены сгруппированными вокруг тела Кастера на самом высоком холме, пытались прорваться справа. Они были убиты до последнего, не дойдя до реки. Несколько разбросанных тел, здесь и там в разных частях поля, свидетельствовали о том, что отдельные люди предприняли тщетные попытки вырваться на свободу. Но большая часть отряда была найдена именно там, где она сражалась, *с солдатами в строю, а их офицерами на своих местах!* Они были разгромлены и убиты. Ни один офицер или солдат не остался в живых, чтобы рассказать об этом, но они не были опозорены.

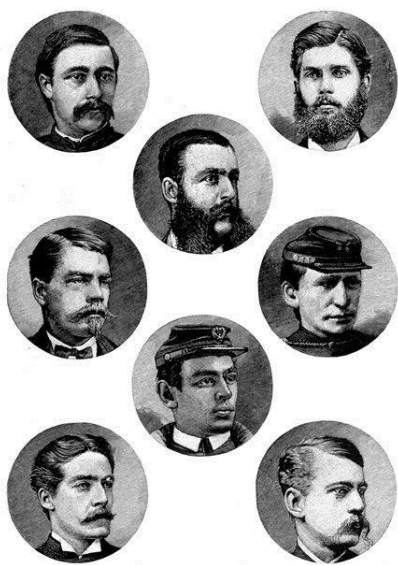
Там, на второй день после этого, Терри с Гиббоном, сменившие людей Рено, нашли их на холмах, которые они увековечили своей отчаянной доблестью. Они были раздеты, а большинство из них — изуродованы. Тело Кастера было прострелено в двух местах: в бок и в висок. Оно не было скальпировано и не было изуродовано. Полковник Додж, авторитет в области индейских обычаев, заявляет, что, если тело Кастера не было скальпировано и не было изуродовано, он убежден, что генерал покончил жизнь самоубийством. Ни один из офицеров, с которыми я общался и которые осматривали тело, не готов поддержать это заявление; напротив. Поэтому я уверен, что полковник Додж ошибается. Индейцы не дают никакой конкретной информации о смерти Кастера. Все, что известно, это то, что его тело было там, вместе с телами его храбрых солдат.

Вместе с Кастером в том сражении погибло много доблестных душ. Его брат, капитан Том Кастер, был единственным человеком в армии США, удостоенным двух медалей за захват двух флагов собственными руками во время Гражданской войны. Дождь-в-Лице осуществил свою страшную месть, поскольку после сражения он вскрыл грудь храброго молодого солдата и съел его сердце. Калхун из роты L был шурином Кастера. Вместе с ним был молодой Криттенден, лейтенант пехоты, который просил о назначении в отряд Кастера для участия в этой кампании. Смит был капитаном роты E, роты «Серые кони». Во время штурма форта Фишер, после того как были убиты два знаменосца, он возглавил свой полк в атаке, держа знамя в руках. В ходе этой атаки его плечо было разбито пулей из мушкета « ». После этого он не мог надевать пальто без посторонней помощи. Вместе с ним был молодой Стерджис. Йейтс, ветеран Гражданской войны, был капитаном роты F, «Bandbox Troop», а вместе с ним был Райли, самый молодой лейтенант в роте. Кеог из I роты, самый старый солдат из всех, но не менее храбрый, в молодости был офицером папских зуавов. Он также имел доблестную службу в Гражданской войне. С ним был Портер, а с остальными, кто выполнил свой долг, были Кук, адъютант, и Лорд, доктор.

На том роковом поле пали и другие достойные упоминания люди: Марк Келлог, газетный корреспондент; Чарли Рейнольдс, знаменитый разведчик; Бостон Кастер, брат генерала, который был гражданским интендантом полка, и Оти Рид, племянник генерала — просто мальчик, который хотел увидеть жизнь на Западе и с радостью приветствовал возможность принять участие в кампании. Ну, он увидел ее, бедняга! Действительно, семья Кастеров была почти полностью уничтожена в то роковое воскресенье.

В тот день в воздухе витали предчувствия беды, которые могут испытывать любящие женщины. Вернувшись в форт Авраам Линкольн, преданная жена рассказывает, как женщины гарнизона собрались в ее квартире в мучительном ожидании. Звучали молитвы.

Кто-то за фортепиано заиграл «Nearer My God to Thee», и женщины попытались спеть эту песню, но не смогли допеть до конца. Только 5 июля они получили известие о том, что в этот самый час их любимые гибли на холме.

Предоставлено The Century Co.

ЛЕЙТЕНАНТ Х. М. ХАРРИНГТОН^[89]

ПОМОЩНИК У. У. КУК^[89]

ЛЕЙТЕНАНТ ДЖ. ДЖ. КРИТТЕНДЕН^[89]

ЛЕЙТЕНАНТ ДЖ. Э. ПОРТЕР^[89]

ЛЕЙТЕНАНТ ДЖ. СТЕРДЖИС^[89]

ЛЕЙТЕНАНТ ДОНАЛЬД МАКИНТОШ^[90]

ЛЕЙТЕНАНТ В. В. РАЙЛИ^[89]

ЛЕЙТЕНАНТ БЕНДЖ. ХОДЖСОН^[90]

ОФИЦЕРЫ СЕДЬМОЙ КАВАЛЕРИИ

Все погибли в битве при Литл-Бигхорн

V. После битвы

Утром 27 июня Терри и Гиббон спасли Рено. На следующий день выжившие солдаты полка вместе с несколькими солдатами из другого подразделения « » отправились на место поражения Кастера, чтобы опознать и похоронить погибших. Тела, лежавшие на сухой траве, были полностью обнажены и оставлены на месте, белые и ужасающие, за исключением красных пятен от ран. Тела доктора Лорда, лейтенантов Портера, Харрингтона и Стерджиса, а также тела ряда солдат не были найдены. Что с ними стало, до сих пор неизвестно. Возможно, они были взяты в плен индейцами и отвезены в деревню, где их замучили до смерти, а тела утилизировали. Однако это маловероятно. Индейцы категорически отрицают, что брали пленных, и, вероятно, они действительно этого не делали. Рядом с руслом реки Литл-Биг-Хорн есть зыбучие пески, и, возможно, тела были поглощены ими. Но все это только догадки. Никто не может ничего сказать об этом, кроме того, что они, несомненно, были убиты. И мы можем быть уверены, что они умерли, как и положено храбрым людям.

На холме было похоронено двести двенадцать тел, а общие потери полка за два дня боев составили двести шестьдесят пять убитых и пятьдесят два раненых — более пятидесяти процентов. Потери индейцев так и не были установлены. Однако они не могли сравниться с потерями солдат. Крайне несправедливо называть эту битву «резней Кастера», как это часто

делают. Кастер напал на индейцев, и они сражались с ним, пока все белые не были убиты. Никакой резни не было.

Причина катастрофы, в первую очередь, заключается в неподчинении Кастером приказам. Несмотря на это, я считаю, что он мог бы выиграть сражение или, по крайней мере, успешно защищаться до прибытия подкрепления в лице Терри и Гиббона, хотя и понес бы тяжелые потери, если бы не три события. Первое — это значительно большее число индейцев на поле боя, чем ожидалось (). Следующее, и для меня это абсолютно решающее, — это то, что Рено не продолжил атаку. Если бы он пошел в атаку с той блестящей отвагой, которую от него ожидали, то, хотя он, безусловно, не смог бы в одиночку разгромить индейцев, он мог бы настолько дезорганизовать их, что без особых трудностей удержал бы свою позицию в долине посреди деревни, пока Кастер не смог бы напасть на тыл атакующих его индейцев, а Бентен с обозом не смог бы подкрепить их обоих. Индейцы говорят, что они были на время деморализованы внезапным появлением Рено и что индейские женщины собирались в путь, готовясь к бегству, когда слабость наступления Рено побудила их попытаться подавить его. Кастер имел право ожидать, что Рено выполнит свой долг солдата и пойдет на смелый шаг, который, как обычно, был единственным безопасным.

Полковник Годфри в своем отчете указывает еще на третью причину. Карабины солдат не работали должным образом. Когда они забивались и загрязнялись от быстрой стрельбы, выбрасыватели не выбрасывали гильзы, и солдатам часто приходилось останавливаться и вынимать гильзы ножом. В то время патронники карабинов были цилиндрическими, и легко накапливающаяся грязь на патронах забивала их, так что выбрасыватели не работали должным образом. Впоследствии патронники стали делать коническими, что дало хорошие результаты. У индейцев таких проблем не было. Их оружие было новее и лучше, чем у солдат. Если бы неэффективное оружие солдат подвело их, их уничтожение в любом случае было бы неизбежным.^[9]

В этой статье я довольно строго осудил Кастера, и мне приятно завершить ее цитатой из книги капитана Уиттакера о жизни его старого командира. В этой цитате Лоуренс Барретт, выдающийся актер, который был старым и близким другом Кастера, кратко и точно описал характер храброго капитана; и его словами я прощаюсь с доблестным солдатом, чьи ошибки были искуплены героической смертью на высоком поле боя:

«Его карьеру можно кратко описать так: Он родился в неизвестности; он поднялся до высокого положения; лишенный социальных преимуществ в молодости, он компенсировал их своим неутомимым трудом; препятствия на его пути стали ступеньками к его удаче; имея свободу выбора между добром и злом, он выбрал правильно; правдивость была его яркой чертой... его поступки находили своего строжайшего критика в его собственной груди; он был хорошим сыном, хорошим братом, хорошим и любящим мужем, христианским солдатом, верным другом. Вступив в армию кадетом в ранней юности, он стал генералом, еще не достигнув зрелого возраста; благодаря своим неоспоримым способностям и доблести, доказанной на многих полях сражений, он завоевал любовь нации; он погиб в бою в возрасте тридцати семи лет, умер так, как он хотел бы умереть, без длительной болезни, подтачивающей его железное здоровье. Во главе своего отряда его ждал вестник смерти; с поля битвы, где он так часто «руководил штурмом», его доблестный дух улетел. Лишенный помощи, брошенный в окружении невероятных препятствий... благородный Кастер пал, оставив нации свой меч, своим товарищам — пример, своим друзьям — память, а своей возлюбленной — имя героя».

ПРИМЕЧАНИЕ. Вопрос о поведении Кастера настолько важен (), что я включил в Приложение А мнения «за» и «против» нескольких офицеров, с которыми я переписывался (), а также указал некоторые другие источники информации, с помощью которых читатель может самостоятельно решить этот спорный вопрос.

[78.](#) Чарльз А. Истман, доктор медицины, чистокровный су, выпускник Дартмутского университета и Медицинской школы Бостонского университета, опубликовал интересный отчет о сражении, основанный на своих исследованиях среди су. См. *The Chautauquan*, т. XXXI, № 4, июль 1900 г.

[79.](#) Погиб вместе с Кастером в битве при Литл-Бигхорн

[80.](#) Генерал Г. А. Форсайт.

[81.](#) Единодушное свидетельство индейцев, которые впоследствии обсуждали сражение, заключается в том, что они были охвачены паникой из-за приближения Рено и бежали бы, если бы его атака была продолжена. Это единственное утверждение, с которым согласны все индейцы.

[82.](#) Это утверждение опровергается в других источниках.

[83.](#) ДеРудио и еще один человек присоединились к отряду в ночь на 26 июня; остальные успели переправиться через реку к позиции Рено поздно днем.

[84.](#) «Великолепные офицеры Седьмого полка, которые так верно следовали за Кастером, умоляли майора Рено позволить им попытаться присоединиться к генералу. Они плакали как женщины, ругались, выражали свое презрение к этому трусу, но дисциплина их солдатской жизни не позволяла им послушаться, пока не стало слишком поздно. Вы знаете, что полковник Уир и лейтенант Эджерли пытались». — Личное письмо, адресованное мне женой офицера, погибшего в сражении.

[85.](#) Не тот Рено-Крик, о котором говорилось выше, по которому Рено шел к Литл-Бигхорну. Этот Рено-Крик можно увидеть на самой большой карте между конечной позицией Рено и холмом Кастера, где батальон генерала был разгромлен.

[86](#)Считается, что этот человек, которого звали Карли, спрятался в ущелье до начала боя и ускользнул с наступлением темноты.

[87](#)Лошадь капитана Киога «Команч», тяжело раненая, была найдена на поле боя на второй день после сражения. Ее жизнь была спасена, и в течение многих лет она была любимцем полка.

[88](#)Погиб вместе с Кастером.

[89](#)20-й пехотный полк, приданный командованию Кастера. Погиб.

[90](#)Погиб вместе с Рено.

[91](#)Возможно, что если бы Кастер сохранил полк в строю, он бы выиграл сражение, но это ни в коем случае не является достоверным, и мнения экспертов расходятся. Я думаю, что в конечном итоге он был бы вынужден перейти в оборону.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Один из последних людей, видевших Кастера живым

Г-н Теодор В. Голдин из Джейнсвилля, штат Висконсин, бывший солдат 7-го кавалерийского полка, ныне председатель Республиканского центрального комитета штата Висконсин, был последним или, возможно, предпоследним человеком, который видел Кастера живым. Он подготовил отчет о своих личных впечатлениях от сражения, который является одним из самых интересных материалов, представленных в этом томе. Его описание смерти Ходжсона великолепно драматично, как и его рассказ о кратких разговорах между Кастером и Киохом, Рено и Уиrom, а также Бентеном и Уоллесом.

Какая великолепная картина — Ходжсон, решивший больше не отступать, развернувшийся, вытащивший револьвер и умерший в конце концов лицом к врагу, с оружием в руках! Г-н Голдин опровергает распространенное мнение, повторяемое полковником Годфри и другими, что Рено выбросил свои пистолеты во время «атаки».

Милуоки, Висконсин, 11 августа 1904 г.

Уважаемый сэр!

Я получил Ваши письма от 28 июля и 2 августа, в которых Вы просите меня поделиться воспоминаниями о личных переживаниях и рассказать о моем знакомстве с генералом Кастером и его последней битве.

Годы, прошедшие с тех пор, как произошло это волнующее событие, возможно, несколько затуманили мои воспоминания, а время, которым я располагаю в данный момент, настолько ограничено, что то, что я могу сказать, по необходимости будет несколько фрагментарным. Ваши статьи на эту тему, а также вся серия, были прочитаны с большим интересом, и я очень рад узнать, что они будут опубликованы в виде книги.

В ответ на ваш запрос я скажу, что я знал генерала Кастера с момента моего вступления в полк в 1873 году до момента его трагической смерти и участвовал в боевых действиях вместе с ним и полком, за исключением 1875 года, когда отряд, к которому я был приписан, был дислоцирован на юге.

В начале весны 1876 года мы получили известие о том, что организуется экспедиция против сиу, и что в поход выйдут три большие колонны, а через несколько недель пришел приказ о выходе, и наш батальон перебазировался из окрестностей Шривпорта, штат Луизиана, в Форт Линкольн, штат Дакота.

К моменту нашего прибытия генерал Кастер находился в Вашингтоне перед какой-то следственной комиссией и присоединился к полку всего за несколько дней до выхода нашей колонны в поле, поскольку по пути из Вашингтона он был арестован в Чикаго.

Я не буду тратить время и место на описание нашего марша от форта Линкольн до Йеллоустуна, который мы достигли устья реки Паудер. Здесь мы пробыли несколько дней, готовя наш обоз, так как было решено, что мы оставим здесь наши повозки и создадим лагерь снабжения. Майор Рено покинул нас за несколько дней до этого, отправившись на разведку, и должен был присоединиться к нам у устья реки Тонг 17 июня ().

После того как мы договорились оставить наш обоз, некоторых новобранцев без лошадей и полковой оркестр у реки Паудер, мы перенесли лагерь к устью реки Тонг, где и находились 17 июня, в день, когда генерал Крук вступил в большую битву с индейцами на Роузбаде. В течение дня мы наблюдали за каждым отдаленным облаком пыли, которое кружилось по дну реки, надеясь, что это означает приближение отряда майора Рено, но, поскольку от него не было никаких известий, утром 18-го мы сняли лагерь и двинулись вверх по долине, где вскоре после полудня соединились с Рено. В предыдущие дни мы не могли не заметить, что генерал Кастер казался мрачным и недовольным и, в отличие от своей обычной привычки, выглядел в некоторой степени нервным и возбужденным.

Когда Рено пришел со своим докладом, он стал другим человеком. Его прежняя энергия и решительность проявились в том, как он привел отряд в боевую готовность и выдвинулся по тропе к Роузбаду, где генерал Терри на нашем пароходе

«Дальний Запад» уже опередил нас в надежде настигнуть отряд генерала Гиббона, который, как было известно, находился где-то в тех краях. Наш марш затянулся до глубокой ночи, но в конце концов мы достигли Йеллоустоуна и разбили лагерь, будучи уверены, что если пароход находится ниже нас, мы обязательно его перехватим.

На следующее утро мы рано сели в седла, и вскоре после полудня мы увидели обоз генерала Гиббона, медленно движущийся вверх по реке, а через несколько минут появился пароход «Far West». Были отправлены курьеры, чтобы сообщить им о том, что Рено обнаружил следы значительного отряда индейцев из племени рокки-бэнд (), и вскоре мы разбили лагерь у устья реки Роузбад, где состоялось военное совещание, на котором, как мы поняли, подробно обсуждался доклад Рено.

На следующий день были приняты меры для проведения энергичной кампании. По моим воспоминаниям, в ночь на 21-е на пароходе было проведено последнее совещание, на котором генерал Кастер получил свои окончательные приказы, в основном такие, как вы их изложили. На этом совещании, и как раз в тот момент, когда оно заканчивалось, генералу Гиббону был задан вопрос, во сколько он сможет добраться до устья реки Литл-Бигхорн, и он ответил:

«Не раньше полудня 26-го».

На этой конференции было сообщено, что Кастеру предложили батальон Второй кавалерии и артиллерию, которые были доставлены на пароходе, но он отказался от обоих, заявив, что он так хорошо знает свое командование, что предпочитает довериться только себе, и что он опасается, что артиллерия может задержать его марш, когда он будет почти в непосредственной близости от врага. Многие офицеры и солдаты считали, что это было лишь частью заранее продуманного плана по обеспечению независимого командования, к которому он привык за долгие годы, но, как бы то ни было, его просьба была удовлетворена.

Во второй половине дня 22 июня мы прошли смотр перед генералами Терри и Гиббоном и вскоре вышли на тропу, описанную майором Рено. С того момента и до тех пор, пока Рено не наткнулся на индейскую деревню, мы не отклонялись от нее, за исключением случаев, когда необходимо было найти подходящее место для лагеря. Мы не пытались разведывать местность, как нам было приказано, и не пытались отправить курьера к генералу Гиббону, хотя человек по имени Херндон, разведчик, был прикомандирован к нашему командованию именно для этой цели.

Наши марши были длинными, а движения очень быстрыми до ночи 24-го, когда мы отошли от тропы на некоторое расстояние и, по-видимому, остановились на ночлег. Но это была лишь уловка, чтобы ввести индейцев в заблуждение, так как мы получили приказ не распаковывать седла и быть готовыми к ночному маршу.

С того момента, как мы покинули Роузбад, генерал Кастер во многих отношениях вел себя как другой человек, его прежняя неумная энергия вернулась, и он, казалось, не думал ни о чем, кроме как добраться до индейцев и нанести им удар. В этой связи стоит сказать, что тропа, по которой мы шли, вела из направления реки Миссури и, по оценке Кровавого Ножа и некоторых наших разведчиков из племени кроу, указывала на группу от тысячи до двенадцати сотен индейцев, которые, как мы позже узнали, прибыли из агентств реки Миссури и состояли почти исключительно из воинов.

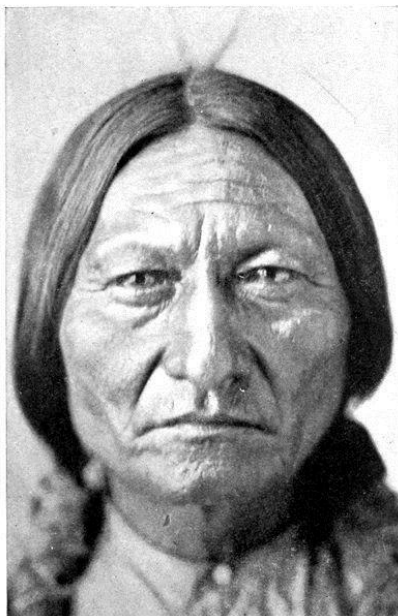
Около одиннадцати часов мы получили приказ седлать лошадей и выстроиться в линию. Тем временем разведывательная группа из кроу и ри, вместе с некоторыми из наших офицеров, лейтенантом Варнумом и, по-моему, лейтенантом Хэром, ушла вперед, чтобы разведать тропу через водораздел и, по возможности, найти индейцев. Покинув наш бивуак, мы снова вышли на тропу и продвигались вперед, стремясь пересечь водораздел и укрыться в предгорьях вдоль реки Литл-Биг-Хорн до рассвета следующего утра. Из-за пересеченности местности и сложности разведки тропы нам это не удалось, и на рассвете мы оказались в ущелье у подножия высоких утесов, не зная, как далеко мы находимся от реки.

В какой-то момент ночью, как говорили, генерал Кастер продвинулся вперед и присоединился к разведчикам, и сразу после рассвета они сообщили ему, что обнаружили деревню в долине Литл-Биг-Хорн, но генерал Кастер ответил, что не верит им. Между тем стало очевидно, что о нашем присутствии в этой местности стало известно, так как ночью была утеряна коробка с боеприпасами^[92], и отряд, отправленный на ее поиски, наткнулся на индейцев, пытавшихся открыть коробку. Когда об этом доложили генералу Кастеру, он, по-видимому, решил немедленно продвигаться вперед.

Во время разговора, как раз в тот момент, когда в командовании произошло разделение, Митч Боуер, полукровный переводчик из племени кроу, сказал генералу Кастеру, что в этой долине он найдет больше индейцев, чем сможет справиться со своим командованием. Кастер ответил, что если он (Боуер) боится идти, то может остаться. Боуер ответил,

что он не боится идти туда, куда идет Кастер, или что-то в этом роде, но что, если они пойдут туда, ни один из них не выйдет живым.

Незадолго до начала наступления лейтенант Макинтош поручил мне явиться к генералу Кастеру для выполнения обязанностей ординарца, и я немедленно выполнил это поручение. Генерал приказал мне ехать вместе с лейтенантом Куком, адъютантом нашего полка, и выполнять любые поручения, которые он мне даст.

Авторские права принадлежат Д. Ф. Барри

СИДЯЩИЙ БЫК

Главный шаман племени сиу

Во время нашей короткой остановки солдаты бросились на землю и почти все уснули, а лошади паслись среди полыни. Генерал Кастер приказал выдвигаться, сказав, что рота в каждом батальоне, которая будет готова первой, должна занять правое крыло, и через несколько минут мы все были в седлах. Во время остановки было приказано, чтобы Бентен с Эдвардом Уильямсом () и его батальоном двинулся влево, разведывая местность в этом направлении, прогоняя всех индейцев, которых он мог обнаружить, и сообщая командованию обо всем, что он мог найти. Рено должен был следовать по следу, а генерал Кастер с пятью подчиненными ему отрядами двинулся вправо, оставив Макдугалла с обозом, чтобы тот следовал за ними, как мог.

Мы немедленно вышли в поход в соответствии с этими приказами, и после примерно получаса напряженной езды непроходимость некоторых холмов и оврагов заставила колонну под командованием генерала Кастера свернуть влево, и вскоре мы догнали отряд майора Рено, который продвигался по следам так быстро, как позволяла неровность подъема. После тяжелого подъема мы достигли вершины хребта, где перед нами открылось холмистое плато, спускающееся к подножию холмов реки, которая находилась, вероятно, в пяти или шести милях от нас.

Когда наш отряд пересек водораздел, мы увидели Рено на некотором расстоянии перед нами, быстро продвигающегося по тропе, а в нескольких милях слева от нас был отряд полковника Бентена, который, согласно приказу, разведывал утесы. Некоторое время мы следовали за общим направлением продвижения Рено, но находились на некотором расстоянии позади него и справа от него.

Тем из нас, кто был рядом с ним, казалось, что Кастер раздражался из-за явной медлительности нашего продвижения, поскольку он то и дело мчался впереди колонны, а затем останавливался, дожидаясь нашего приближения и снова устремлялся вперед. Примерно в это время мы обнаружили огромное облако пыли, движущееся вниз по долине реки, но не

могли определить его природу. Как только это было обнаружено, Кастер поехал к реке в сопровождении только своего ординарца-трубача и на мгновение остановился на вершине высокого пика, где мы видели, как он махал шляпой, по-видимому, приветствуя кого-то вдаль, а затем помчался обратно к голове колонны, которую возглавляли капитан Киог и «I» рота, ветераны десятка сражений. С глазами, сверкающими от возбуждения, Кастер подъехал к Киогу и сказал, несколько взволнованно:

«Кио, эти индейцы бегут. Если мы сможем удержать их, то можем позволить себе пожертвовать половиной лошадей в отряде».

Спокойно, как на параде, Киог повернулся в седле, оглянулся на длинную линию рьяных, загорелых, бородатых лиц и обратился к Кастеру со словами:

«Генерал, мы сделаем все, что в силах человека и лошади».

Через мгновение трубы протрубили сигнал к атаке, первый сигнал, который мы слышали с тех пор, как покинули Роузбад, и мы помчались на север вниз по реке, два или три раза пытаясь найти место, где мы могли бы спуститься в долину под нами, но без успеха.

После, пожалуй, третьей неудачной попытки генерал Кастер быстро переговорил с капитаном Куком, и Кук достал свой блокнот, набросал пару строк, сложил его и одновременно позвал ординарца. Я оказался первым, кто подошел к нему, и он передал мне бумагу с приказом.

«Доставь это майору Рено, останься с ним, пока мы не соединимся, а затем немедленно доложи мне», — и он ушел.

Через мгновение задняя часть колонны пронеслась мимо меня и исчезла из виду в ущельях. Я на мгновение посмотрел им вслед, а затем, осознав, что нахожусь в опасной местности и в одиночестве, не теряя времени, направился в сторону отряда Рено, который я смог обнаружить по облаку пыли, висевшему над ним. К счастью, меня не беспокоили особо. В меня выстрелили несколько раз из дальнобойного оружия, что только ускорило мою скорость и еще больше усилило мое желание оказаться среди друзей.

Проехав пять или шесть миль, я догнал Рено как раз в тот момент, когда он спешил, чтобы сражаться пешком. Я передал ему депешу, содержание которой мне было неизвестно. Рено бегло пробежал глазами и сунул ее в карман. Примерно в это время разведчики из племени ри перепугались и, как мы позже узнали, не успокоились, пока не достигли реки Паудер и не укрылись в обозе. Вскоре стало очевидно, что индейцы обходят наш фланг и подходят сзади, и мы были вынуждены развернуться и попытаться отразить их наступление, пока не смогли увести лошадей в лес, при этом несколько лошадей были застрелены, а две или три впали в панику. Вскоре после этого мы отступили в лес, где у нас была лучшая защита, и возобновили бой. Укрывшись за деревьями и берегом реки, мы смогли в течение короткого времени гораздо лучше защищаться.

Вскоре после этого мы заметили, что капитан Мойлан собирает свой отряд, и лейтенант Уоллес, который стоял рядом со мной на передовой линии, позвал капитана Френча, командовавшего центральной ротой, и спросил, какие приказы были отданы. Френч ответил, что не получал никаких приказов, но постарается выяснить, и через несколько минут он позвал нас, сказав, что, насколько он понимает, они собираются атаковать, что он не получал никаких приказов, но мы можем сесть на лошадей и поддержать их.

Нам приказали сесть на лошадей, и пока мы это делали, мы обнаружили, что около пятнадцати наших людей были сброшены с лошадей либо из-за стрельбы, либо из-за паники лошадей. Лейтенант Макинтош потерял свою лошадь и взял лошадь, принадлежащую солдату по имени Маккормик, который отдал ее ему с замечанием, что мы все равно все умрем, и он может умереть как с лошади, так и без нее. Вскочив в седло, мы выехали из леса и к нашему удивлению обнаружили, что вместо «атаки на индейцев» Рено проводил мастерскую атаку на утесы на противоположной стороне реки.

Как только индейцы обнаружили это, они собрались на наших флангах и открыли сильный огонь по отступающей колонне. К счастью, они были плохими стрелками верхом, и наши потери на этом этапе панического бегства были сравнительно невелики, потому что именно этим оно и было.

Сообщается, что Рено так возбудился, что опустошил свой револьвер по индейцам, а затем выбросил оружие. Я случайно знаю, что это не так, поскольку револьвер сейчас находится в собственности генерала Бентена или его семьи, или, по крайней мере, находился там несколько лет назад.

Во время отступления я ехал слева от нашей колонны, рядом с лесом, и когда река была уже почти видна, моя лошадь упала, бросив меня в куст полыни, но не причинив мне серьезных травм, кроме внешних ссадин. Когда я поднялся на ноги, мимо меня промчался лейтенант Уоллес, крича, чтобы я бежал к лесу, так как моя лошадь была убита. Я не остановился, чтобы проверить его слова, а последовал его совету, преодолев всего одно или два возвышенных места между тем местом, где упала лошадь, и лесом, до которого я вскоре добрался.

Из своего укрытия я видел, как наши люди заставляли своих лошадей входить в реку и подгоняли их через усыпанный валунами поток. Я видел, как лошадь лейтенанта Ходжсона прыгнула в поток, и видел, как он боролся, как будто был ранен. Я видел, как лейтенант высвободился из стремена и схватился за стремяно проходящего мимо солдата, с помощью которого перебрался через поток. Как только он достиг берега, стало очевидно, что он ранен, но он мужественно держался, и солдат, казалось, пытался помочь ему сесть за собой на седло, но не смея останавливать свою лошадь. Через мгновение Ходжсон, казалось, был снова ранен, потому что он потерял равновесие, упал на землю, шатаясь, поднялся на ноги и попытался дойти до другого товарища, который остановился, чтобы помочь ему, и как раз когда казалось, что он спасен, я увидел, как второй солдат поднял руки, закачался в седле и тяжело упал на землю. Ходжсон начал пробираться к ущелью, в котором исчезал отряд, он шатаясь прошел несколько шагов, споткнулся, снова поднялся на ноги, но снова упал. По-видимому, он решил, что дальнейшие попытки отступить бесполезны, потому что я видел, как он повернулся лицом к индейцам, вытащил револьвер и открыл огонь. Через мгновение с моей стороны реки раздались три или четыре выстрела, и я увидел, как Ходжсон пошатнулся и упал, и понял, что все кончено.

Тем временем наши люди успели переправиться через реку и поднялись по соседнему ущелью, все, кроме тех, кто встретил свою судьбу на броде, который был одним из худших на протяжении многих миль вдоль реки. Оставшись один, я начал гадать, какова будет моя судьба, но меня никто не заметил и поэтому не тронул, так как индейцы были заняты раздеванием и осквернением тел наших погибших на берегах реки.

Примерно в это время я услышал звуки интенсивной стрельбы вниз по течению реки и решил, что Кастер вступил в бой с индейцами, и по тому, что я мельком видел в деревне, я почувствовал, что он, как и мы, был в значительном меньшинстве. Большинство индейцев, находившихся перед нами (), растаяли, и я видел, как они хлестали своих пони, спеша присоединиться к своим друзьям в нижней части деревни.

Примерно в это время я увидел разведчика Херндона, который находился на некотором расстоянии от меня и направлялся к реке, и позвал его, и вскоре мы были вместе. Он рассказал мне, что пятнадцать всадников из нашей группы добрались до места в лесу примерно в двухстах ярдах от того места, где мы находились, но чтобы приблизиться к реке, им нужно было пересечь открытое пространство, и каждый раз, когда они пытались это сделать, индейцы открывали по ним огонь. Перед тем как уйти, индейцы подожгли дно реки, очевидно с целью скрыть свои передвижения или выкурить или выжарить наших раненых. Этот дым оказался нашим спасением, так как под его прикрытием мы добрались до реки, с некоторым трудом перебрались через нее и наткнулись на одного из наших разведчиков из племени кроу, который указал нам местонахождение командования, к которому мы вскоре присоединились.

Мы обнаружили, что Бентен и его батальон уже прибыли туда, а о местонахождении Кастера и его отряда ничего не было известно. Мы доложили о том, что слышали и видели, и как раз в это время кто-то заметил белый флаг, развевающийся на берегу реки недалеко от того места, где прятались Херндон и я. Лейтенант Хэр, рискуя жизнью, подкрался к утесу, возвышающемуся над долиной, и после долгих сигналов убедил группу, что мы друзья, и они перебрались через реку и вскоре присоединились к нам, оказавшись всадниками, оставленными на произвол судьбы, когда Рено отступил.

Я забыл упомянуть, что когда мы начали отступление, лейтенант Макинтош, сидящий на лошади Маккормика, был на несколько шагов впереди меня, и я заметил, что каким-то образом его лассо ослабло и волочилось по земле, а колышек зацеплялся за полынь и другие препятствия, что делало его непосредственное окружение очень опасным. Несколько человек пытались обратить его внимание на это, но он явно их не слышал. Через мгновение я увидел, как его лошадь упала, но был ли он застрелен, я не знаю. Все, что я мог видеть, проходя мимо, было то, что лейтенант лежал там, где упал, и был

либо мертв, либо оглушен, вероятно мертв, так как мы нашли его на том же месте на следующий день после того, как индейцы покинули нас.

Когда мы стояли на утесе и смотрели в долину, я услышал громкий разговор рядом со мной и, повернувшись в ту сторону, услышал, как капитан Уир сказал:

«Черт возьми, если ты не пойдешь, я пойду, и если мы когда-нибудь выберемся отсюда живыми, кто-то понесет за это ответственность».

Он ушел, и через несколько мгновений я увидел, как отряд «D» сел на лошадей и двинулся вниз по долине в направлении отдаленных выстрелов. По-видимому, без приказа, все войско последовало за ними без какого-либо военного порядка, за исключением двух отрядов под командованием Бентена и Годфри. Таким образом, мы продвинулись вниз по долине на некоторое расстояние, когда обнаружили, что Уир и его отряд отступают перед значительно превосходящими силами индейцев.

Спешно сформировав линию, мы сдержали наступающую орду, пока Уир и его отряд не прошли наши линии и не сформировались на некотором расстоянии позади нас, где, при поддержке некоторых наших людей, которые были рядом с ними, они сформировали линию и открыли огонь, позволив нам отступить и вновь сформироваться позади них. Таким образом, мы отступили на некоторое расстояние, когда полковник Бентен, который, по-видимому, был лидером в нашей части поля боя, обратился к лейтенанту Уоллесу со словами:

«Уоллес, нет смысла отступать дальше. Сформируйте свой отряд, правый фланг останется здесь, и мы будем сопротивляться».

Уоллес ухмыльнулся и сказал:

«У меня нет отряда, только два человека».

Бентен мрачно рассмеялся и ответил:

«Сформируй себя и своих двух, а я расскажу тебе больше, когда сам все выясню».

Это было ядро нашей линии обороны. Вскоре к нам присоединились другие, и мы укрылись за кустами полыни, поспешно насыпали кучи земли и открыли огонь, удерживая индейцев на приличном расстоянии, пока нас не спасла темнота. Ночью мы немного изменили свою позицию, разместили загон для скота и госпиталь и провели ночь, укрепляя свои позиции, как могли. На рассвете сражение возобновилось и продолжалось без перерыва до трех часов дня, когда, к нашему удивлению, индейцы начали снимать свои вигвамы, упаковывать свои травы и через несколько часов двинулись вверх по долине реки, огромная масса пони, травоев и индейцев, к сожалению, как раз вне досягаемости винтовок.

Дважды в течение дня группы добровольцев отправлялись за водой, и каждый раз индейцы открывали по ним огонь, но только во время второго похода кто-то был ранен. Несчастливым оказался бедный Мэдден из роты «К», его нога была трижды раздроблена между лодыжкой и коленом. Мы отнесли его в госпиталь, где в ту ночь ему ампутировали ногу.

На следующий день генерал Терри и генерал Гиббон пришли нам на помощь, и через них мы получили первую достоверную информацию о судьбе наших товарищей из другого батальона. 28-го, после того как мы переправили наших раненых через реку, мы посетили место сражения и похоронили тех из людей Кастера, которых нашли. За исключением генерала Кастера, мы почти не нашли на поле сражения тел, которые не были бы каким-либо образом изуродованы, но, насколько я сейчас помню, на теле нашего погибшего командира мы не обнаружили следов изуродования.

В рамках имеющегося у меня места невозможно подробно описать все события сражения. На самом деле, все это уже хорошо освещено в вашей статье.

После сражения я обсуждал его со многими офицерами армии и другими людьми, имеющими опыт работы на границе, и общее мнение, по-видимому, сводилось к тому, что у этой катастрофы было две, возможно три, основные причины.

Во-первых: разделение командования практически на четыре отдельных колонны, когда до поля сражения оставалось еще около пятнадцати миль, и без точных сведений о точном местонахождении или приблизительной силе противника, а также разделение этих колонн таким образом, что в критический момент сражения ни одна из них не находилась на расстоянии, позволяющем оказать поддержку другой.

Во-вторых: тот факт, что Кастер обнаружил врага практически за сутки до этого.

В-третьих: потеря лошадей и вместе с ними большей части запаса боеприпасов командования Кастера.

Эта тема так часто обсуждалась людьми, гораздо более способными, чем я, что я не буду пытаться ее затронуть здесь.

Мой опыт общения с генералом Кастером всегда заставлял меня считать его несколько безрассудным смельчаком, склонным рисковать, не полностью оценивая шансы противника.

Я всегда считал, что одной из возможных причин его поведения, несмотря на полученные приказы, могло быть то, что он остро ощущал явное унижение со стороны президента и думал, что блестящей атакой и решительной победой, подобной его сражению при Вашита, он сможет реабилитироваться и вновь предстать перед народом как лидер и непревзойденный поборник индейцев. Какими бы ни были его мотивы, мы все должны признать, что он сражался с большим мужеством и отдал свою жизнь рядом с товарищами, которые вместе с ним одержали победу во многих предыдущих сражениях.

С искренним уважением,

Тео. В. Голдин.

[92](#) По словам полковника Годфри, воспоминания г-на Голдина неверны, поскольку он уверен, что в ящике был сухарь. Однако разница несущественна — в любом случае это был ящик! — С. Т. В.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Личная история Дождя-в-лице

АВТОР

У. Кента Томаса

ПРИМЕЧАНИЕ. — Действительно, редко можно встретить индейскую версию истории в столь ясной, связной и драматичной форме, как в следующем рассказе о битве при Литл-Бигхорн от человека, сыгравшего важную роль в ней и в событиях, которые к ней привели. Это уникальный документ в наших архивах, который мы публикуем здесь с любезного разрешения г-на Томаса. Первоначально он был опубликован в журнале *«Outdoor Life»*, том XI, № 3, за март 1903 года. Его точность и достоверность не вызывают никаких сомнений. — С. Т. В.

Автор видел многих «индейцев Кастера» на Всемирной выставке, а затем на Кони-Айленде, и имел хорошую возможность хорошо познакомиться с некоторыми из них. Следующие страницы из дневника, который велся в то время, показывают, как индейцы относились к сражению Кастера; они считали, что белые просто были переиграны Сидящим Быком:

Кони-Айленд, Нью-Йорк, 12 августа 1894 года.

Дождь-в-лице (Итиомагаджу) прихрамывая вошел в палатку сегодня вечером, когда Макфадден и я обсуждали события дня, и, сев без приглашения с истинным индейским стоицизмом, он пробурчал одно слово, столь дорогое лакотам: «Минневаукан!», что дословно переводится как «Вода Бога», но в обиходе интерпретируется как «огненная вода».

Поскольку все остальные индейцы были вдали от лагеря, навещая своих друзей, оглала из лагеря Буффало Билла, я решил на этот раз уступить часто повторяемому требованию Дождя, которое до сих пор регулярно отклонялось.

Он взял мою флягу и с гортанным «Ха!» опустошил ее одним глотком, не напрягая ни одного мускула на лице. «Ух! Хорошо! Как сердце Рейна», — заметил он, с самодовольным видом передавая пустую бутылку «Маку». Затем, после долгой паузы, он присоединился к нашему искреннему смеху и добавил: «Вечаса Чишина (Маленький Человек, как он всегда меня называет) хорош! Потошаша (Рыжая Борода, так он называет Макфаддена) хорош! Минневаукан хорош! Все очень хороши!»

«Что-то случилось со стариком», — рассмеялся Мак. «Сегодня у него хорошее настроение. Давайте воспользуемся этим, пока все парни в вигвамах оглала, и заставим Рейна раскрыть душу. Дайте мне мою шляпу, я пойду наполню фляжку и приведу с собой Гарри, чтобы он переводил». Он устремился прочь, оставив меня развлекать Рейна, как мог, с моим скудным знанием языка сиу и жестов.

Макфадден скоро вернулся, приведя с собой Гарри Маклофлина, нашего переводчика. Не потребовалось много времени, чтобы Райн заговорил; после того как он снова сделал глоток из фляжки, он сказал:

РЕЙН-В-ЛИЦЕ

Из наброска с натуры, сделанного в 1894 году Эдвардом Эсмондом

«Если вы хотите услышать историю, я расскажу вам правдивую. Она о мне самом. Я был плохим человеком и опасным соперником, пока не стал ходить на костылях. Сейчас у меня доброе сердце, но когда я был воином и охотником, оно было злым (). Девушки восхищались мной, а парни боялись. Я предпочитал сражаться, чем есть. Воины дрожали, когда узнавали, что я рядом, а индейцы племен ри и кроу каждое утро проверяли свои волосы, чтобы убедиться, что их скальпы на месте, когда Рэйн был поблизости».

Здесь Гарри прервал его, потому что индейцам свойственно хвастаться, и если кто-нибудь будет слушать, они будут воспевать свои собственные заслуги часами напролет.

«Да, мы знаем, что ты был плохим человеком и бойцом с давних времен, — сказал Гарри, — но мы хотим услышать о том времени, когда Том Кастер заставил тебя пить воду. Если ты был таким храбрым человеком, как же так получилось, что такой маленький человек, как Том Кастер, одолел тебя?»

Это произвело желаемый эффект, и Рейн поморщился от такого замечания о его храбрости, ведь его грудь была 117 см в обхвате, рост — 175 см, а вес — около 88 кг, в то время как капитан Том Кастер был ниже среднего роста и веса.

С большой осторожностью и много жестикулируя, Рейн рассказал свою версию данного инцидента, и, к нашему удивлению, он продолжил и рассказал свою версию «резни Кастера».

Теперь, поскольку почти все офицеры регулярной армии, а также все агенты Министерства внутренних дел не смогли заставить его даже говорить об этой битве (их попытки, уговоры и угрозы на протяжении многих лет были тщетными), и поскольку Рейн считается убийцей Кастера и был увековечен в стихах Лонгфелло, это неожиданное откровение стало приятным сюрпризом. Я записываю его так, как его интерпретировал МакЛафлин, насколько это возможно.

«За два года до великой битвы, — сказал он, — Галл и Сидящий Бык () разбили свой лагерь в Стэндинг-Рок. Все они были враждебно настроенными индейцами. Это были суи из племени Ункпапа и воины, которые не боялись врага больше, чем теленка буйвола. Янктонаи (дружественные индейцы) были трусами и боялись выходить из лагеря, который тогда находился в Линкольне (ныне Форт Авраам Линкольн на верхнем течении Миссури). Мы прекрасно проводили время в лагере враждебных индейцев, танцевали, устраивали бега, стреляли и играли в игры. Было много буйволов и оленей, и у нас было много пони. Я был очень популярен среди девушек. Они дразнили меня, чтобы вывести из себя — когда я злился, я терял голову и хотел драться. Однажды ночью одна девушка подговорила меня пойти в Форт Линкольн и убить белого человека. Я сказал ей, что это слишком рискованно, так как длинные мечи всегда начеку. Кроме того, у Ри (другого племени индейцев из племени « », нанятых правительством в качестве разведчиков) были свои хижины на холме за фортом. Дровосеки разбили лагерь между фортом и рекой. Она сказала:

«Храбрый человек ничего не боится. Если ты трус, не ходи. Я попрошу другого молодого человека, который не боится, если он не танцевал в Танце Солнца». (Это был танец пыток, в котором Рейн-ин-зе-Фейс впоследствии подвергся самым ужасным самоистязаниям, которые когда-либо применялись.^[23])

«Другие девушки смеялись, но молодые люди, которые это слышали, не смеялись. Они боялись меня. Я бы убила их за то, что они смеялись. Я пошла в свою хижину, накрамила сапа (черный цвет, который используется, когда они идут на войну), взяла свое ружье, лук и пони. Сидящий Бык запретил кому-либо покидать лагерь без его разрешения. Я ускользнул под покровом темноты и отправился в Линкольн (в сорока пяти милях к северу, напротив нынешнего места расположения Бисмарка, Северная Дакота). Я пробыл там два дня, выжидая возможность выстрелить из длинного меча. У меня было много возможностей убить индейскую женщину из племени ри, много возможностей убить дровосека, но я хотел принести медные пуговицы с длинного меча девушке, которая смеялась надо мной. Я так и сделал, и она пришила их к своему шали. Однажды утром я увидел, как лавочник (владелец магазина) и коневод (ветеринарный хирург США Хонцингер) вышли к источнику; Длинные Желтые Волосы (генерал Кастер) и его люди ехали обратно примерно в 100 ярдах. Я бросился вперед, застрелил лавочника и разбил голову ветеринару своим боевым топором, а затем пронзил их стрелами и отрезал несколько пуговиц. Длинные Желтые Волосы услышал выстрел, и его отряд бросился в атаку. У меня не было времени снимать скальпы с убитых. Я прыгнул на своего пони и крикнул им: « », чтобы они поймали меня. Они преследовали меня до Канонбола (небольшой реки в двадцати пяти милях к югу). Чарли Рейнольдс (разведчик) знал меня и рассказал Длинному Желтому Волосу, кто совершил этот смелый поступок.

«Следующей зимой я пошел в магазин агентства в Стэндинг-Рок. Я не получил продовольствие — я не подписал бумагу. (Все индейцы, которые подписали мирный договор и согласились жить в резервации по военному приказу, два раза в месяц получали продовольствие от правительства. Враждебные индейцы должны были жить за счет охоты.) Истокша (Однорукий, почтенный Х. С. Паркин) тогда управлял магазином. Я не боялся никого из них. Маленький Волос (капитан Том Кастер) имел там тридцать длинных мечей. Он подкрался ко мне сзади, как индианка, когда я был повернут спиной. Они все набросились на меня сразу; бросили меня в санитарную машину (скорую помощь) и держали, пока не доставили в караульную в Линкольне.

«Со мной обращались как с индианкой, а не как с вождем. Они посадили меня в комнату, заковали в цепи и дали только одно одеяло. Всю зиму снег дул сквозь щели и падал на меня. Было холодно. Однажды Маленький Волос выпустил меня, и длинные мечи сказали мне бежать. Я знал, что они хотели застрелить меня в спину. Я сказал Маленькому Волосу, что когда-нибудь сбегу; тогда я не был готов; когда я сбегу, я вырежу его сердце и съем его. Я был прикован к белому человеку. Однажды ночью мы сбежали. Они стреляли в нас, но мы бежали и спрятались на берегу реки Харт в кустах. Белый человек перерезал цепи ножом (пилкой). На следующий день его поймали.

Я присоединился к Сидящему Быку и Галлу. Они боялись прийти и забрать меня оттуда. Я послал Маленькому Волосу картинку на куске кожи буйвола с изображением окровавленного сердца. Он знал, что я не забыл свою клятву. В следующий раз, когда я увидел Маленького Волоса, уф! Я достал его сердце. Я все рассказал».

И, как и подобает индейцу, он замолчал.

Мы все знали, что большая часть этого была правдой, поскольку она совпадала с правительственным отчетом о смерти продавца и хирурга Хонцингер. Но мы хотели услышать, как он взял сердце Тома Кастера. Макфадден, который является не только известным актером, но и талантливым художником, нарисовал воображаемый эскиз «Последней атаки Кастера». Он взял его и передал Рейну, сказав:

«Это похоже на сражение?»

Рейн долго изучал его, а затем разразился смехом.

«Нет, — сказал он, — эта картина — ложь. У этих длинных мечей есть клинки — они никогда не сражались с нами мечами, а с ружьями и револьверами. Эти люди на пони — они сражались с нами пешком, и каждый четвертый держал лошадей остальных. Так они всегда сражаются. Мы привязываемся к нашим пони и сражаемся в кругу. Эти люди не одеты так, как мы одеваемся в бою. Они похожи на индейцев из агентства — мы раздеваемся догола и раскрашиваем себя и наших пони. На этой картинке у нас луки и стрелы. Мы были вооружены лучше, чем длинные мечи. Их ружья стреляли только один раз — из них не выбрасывались пустые гильзы. (В этом он был исторически прав, так как через два дня после битвы войска генерала Гиббона подобрали на поле боя десятки ружей с гильзами, все еще застрявшими в них, что свидетельствовало о неисправности выбрасывателя). Когда мы обнаружили, что они не могут стрелять, мы сэкономили наши пули, сбивая длинные мечи нашими боевыми дубинами — это было как убивать овец. Некоторые из них встали на колени и просили пощады, но мы никого не пощадили — фу! Эта картина, как и все картины белых людей об индейцах, — ложь. Я покажу вам, как это выглядело».

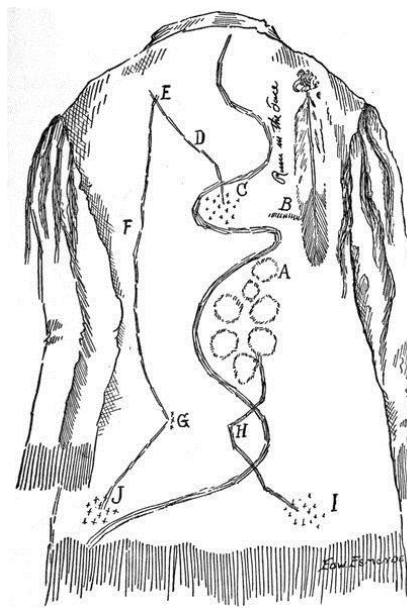
Затем он перевернул ее, вытащил из сумки обломок свинцового карандаша и нарисовал большую букву S, повернутую набок. ^{вч} «Здесь, — сказал он, — река Литл-Бигхорн; наши жилища были расположены вдоль берегов в форме изогнутого лука».

«Сколько у вас было хижин?» — спросил Гарри.

«О, много, много раз десять. Мы были как травинки. (По оценкам, там было от четырех до шести тысяч индейцев, следовательно, должно было быть не менее тысячи хижин).

«Сидящий Бык приготовил большое лекарство далеко на холме. Он принес его с собой; оно было в мешке на палке. Он произнес большую речь и сказал, что Вауконтонка (Великий Дух) прилетел к нему на орле. Вауконтонка сказал ему, что придут длинные мечи, но индейцы сотрут их с лица земли. Его речь обрадовала наши сердца. На следующий день прибежали наши гонцы и сообщили, что длинные мечи приближаются. Сидящий Бык велел женщинам поставить пустые хижины смерти вдоль изгиба реки, чтобы обмануть разведчиков, когда они поднимутся и посмотрят вниз с утесов. Кусты и изгиб скрывали наши хижины. Затем Сидящий Бык ушел, чтобы приготовить еще лекарства, и не вернулся, пока сражение не закончилось».

«Галл был главным вождем; Сумасшедший Конь возглавлял шайенов; Гусь — банноков. Я не был главным вождем — им был мой брат Железный Рог, — но у меня была группа самых жестоких ункапапов; все они убили больше врагов, чем у них было пальцев на руках и ногах. Когда пришли длинные мечи, мы знали, что их лошадки устали; мы знали, что их обманули смертельные хижины. Они думали, что нас всего лишь горстка».

Ключ к карте поля битвы при Кастере. Нарисован на спине дубленого пальто Райном-в-Лице для Эдварда Эсмонда. Считается единственной картой поля битвы, когда-либо созданной индейцем.

А — лагерь индейцев; В — линия боевого порядка Рено; С — лес, где находились лошади Рено; D — отступление Рено; Е — Рено присоединился к Бентену; F, Тропа Кастера; G, Первая позиция Кастера; H, Женщины и дети пересекли реку; I, Место, где женщины разбили лагерь после пересечения реки; J, Место, где была занята последняя позиция и был убит Кастер.

«Мы знали, что они совершили ошибку, когда разделились. Галл повел большую часть индейцев вверх по реке, чтобы встать между ними и отрезать их. Когда мы увидели, что разведчики из племени ри остались с Длинными Желтыми Волосами, мы обрадовались. Мы видели, как они бежали, и позволили им подняться на утесы. Некоторые из наших молодых людей поднялись по оврагу, который они пересекли, и отрезали их сзади.

Затем мы показали нашу линию впереди, и длинные мечи пошли в атаку. Они пошатнулись под нашим огнем и начали отступать. Наши молодые люди позади них открыли огонь. Затем мы увидели нескольких офицеров, которые разговаривали и показывали пальцами. Не знаю, кто они были, потому что все они выглядели одинаково. Я не видел Длинные Желтые Волосы ни тогда, ни после. Мы слышали, как рисы пели свою песню смерти — они знали, что мы их поймали. Все спешили, и каждый четвертый держал пони других. Затем мы окружили их со всех сторон. Мы бросились, как волна на песок (океанский пляж), застрелили держащих пони и спугнули пони, махая им перед мордами одеялами. Наши женщины поймали их, потому что они были измотаны.

«Я пел боевую песню, я чувствовал запах пороха. Мое сердце было зло — я был как человек без разума. Я бросился вперед и захватил их флаг; мой пони упал замертво, когда я его взял. Я перерезал ремень, который меня связывал. Я вскочил, разбил голову длинным мечом флагману своим боевым дубиной и побежал обратно к нашей линии с флагом.

Кровь и мозги длинного меча брызнули мне в лицо. Я почувствовал жар, и кровь потекла мне в рот. Я почувствовал ее вкус. Я был в ярости. Я взял свежего пони и бросился назад, стреляя, рубя и кося. Этого пони застрелили, и я взял другого.

На этот раз я увидел Маленького Волосатого. Я вспомнил свою клятву. Я был безумен, я ничего не боялся. Я знал, что ничто не сможет мне навредить (), потому что на мне был мой амулет из белого хорькового хвоста (¹⁹⁵¹). Я ношу этот амулет до сих пор (). Я не знаю, сколько я убил, пытаюсь добраться до него. Он узнал меня. Я смеялся над ним и кричал на него. Я видел, как двигались его губы, но было так шумно, что я не слышал его голоса. Он был напуган. Когда я подошел достаточно близко, я застрелил его из револьвера. Мой пистолет пропал, я не знаю, куда. Я спрыгнул с пони, вырезал ему сердце, откусил кусок и плюнул ему в лицо. Я снова сел на пони и уехал, трясая им. Я был удовлетворен и устал от сражений; я не снял с него скальп.

После этого я не возвращался на поле боя. Потом пришли индианки и убили раненых, отрезали им ноги, чтобы сделать подошвы для мокасин, и забрали их деньги, часы и кольца. Они отрезали им пальцы, чтобы быстрее достать их. Они искали Длинные Желтые Волосы, чтобы содрать с него скальп, но не смогли его найти. Он не носил свою фортскую одежду (униформу), его волосы были обрезаны, и индейцы не узнали его. (Это подтверждает слова миссис Кастер о том, что ее мужу обрезают его длинные желтые кудри в Сент-Поле за несколько недель до его гибели).

«В ту ночь мы устроили большое пиршество и танец скальпов. Затем подошел Сидящий Бык и произнес еще одну речь. Он сказал: «Я говорил вам, как все будет. Я сделал великое заклинание. Мое заклинание согрело ваши сердца и сделало вас храбрыми».

Он говорил долго. Все индейцы приписали ему победу в сражении, потому что его заклинания принесли победу. Но он не участвовал в сражении. В ту ночь Галл разозлился на Сидящего Быка. Галл сказал: «Мы сражались, а ты только произносил заклинания». В любом случае, все было бы так же. После этого их сердца навсегда остались враждебными друг к другу.

«После этой битвы мы могли бы убить всех остальных на холме (команду Рено), но из-за ссоры между Галлом и Сидящим Быком. Оба хотели быть главным вождем. Некоторые индейцы сказали, что Галл прав, и пошли с ним. Некоторые сказали, что прав Сидящий Бык. Мне было все равно, я был своим собственным вождем и у меня были мои плохие молодые люди; мы не подчинялись ни одному из них, если не хотели, и они боялись нас.

Я был сыт по горло сражениями — с меня хватило. Я хотел танцевать. Мы слышали, что приближаются еще более длинные мечи с колесными пушками (артиллерия, гатлинги). Мы перенесли лагерь на север. Они следовали за нами много дней, пока мы не пересекли границу. Я оставался там, пока Сидящий Бык не вернулся, и я вернулся с ним. Это все, что можно рассказать. Я никогда раньше не рассказывал об этом белым людям».

Когда он закончил, я спросил его: «Рэйн, если ты не убивал Длинные Желтые Волосы, то кто же?»

«Я не знаю. Никто не знает. Это было как бег в темноте».

«Ну, — спросил Мак, — почему Длинные Желтые Волосы не были скальпированы, когда все остальные были? Ты считал его слишком храбрым, чтобы его скальпировали?»

«Нет, никто не слишком храбр, чтобы его не скальпировали; это не имело бы никакого значения. Женщины потом удивлялись, почему они не могли его найти. Должно быть, он лежал под другими трупами. Я не знал, пока не услышал об этом много позже от белых, что его не скальпировали».

«Сколько индейцев было убито в бою?»

«Я не помню, но около десяти и четырех или десяти и шести».

«А как насчет Карли, разведчика из племени кроу, который утверждает, что сбежал?» — спросил Мак.

«Фу! Я знаю Керли. Он лжец. Он никогда не участвовал в сражении. Его пони споткнулся и сломал что-то. Он остался, чтобы починить его. Когда он услышал выстрелы, он убежал, как побитая собака. Однако один длинный меч сбежал; его пони убежал с ним и пробежал мимо наших хижин. Мне рассказали об этом в Чикаго. Я видел этого человека там и вспомнил, как индианки рассказывали об этом после сражения».

Рейн-ин-зе-Фейс (Итиомагаджу) сейчас около шестидесяти лет, и он единственный вождь, который выжил и может рассказать о битве с Кастером. Галл и Сидящий Бык уже давно ушли на охоту за белым буйволом. Рейн может писать свое имя по-английски. Я научил его этому на Всемирной выставке, чтобы продать стихотворение Лонгфелло под названием «Месть Дождя в Лице». Он не понимает значения написанного им слова. Его знание английского ограничивается примерно тридцатью словами, но он не может произнести их так, чтобы его поняли, хотя сам понимает почти все, что говорят по-английски. Как и все другие индейцы, он благодарен за будущие одолжения, а не за уже оказанные. Он совершенно бессердечен и беспринципен, физически храбр, но морально трус. Его положительная черта заключается в том, что на любое его обещание можно положиться, но чтобы заставить его что-либо пообещать, нужно огромное терпение. Даже в шестьдесят лет он все еще Геракл. По фигуре и лицу он является наиболее ярким представителем идеального индейца из романов Фенимора Купера, индейца из дешевых романов в Америке.

[93](#). Танец Солнца — это церемониальное представление, в ходе которого молодой аспирант из племени сиу дает окончательное доказательство своей выносливости и мужества, что дает ему право на *тогу вирилис* полноправного воина. Одной из особенностей этого ритуала является подвешивание кандидата в воздухе на веревке из сыромятной кожи, продетой через прорези, прорезанные в груди или в других местах, до тех пор, пока кожа не разорвется и он не упадет на землю. Если он теряет сознание, колеблется, терпит неудачу или даже на мгновение поддается мучениям во время подвешивания, он навсегда проклят и до конца своей жалкой жизни будет называться и обращаться с ним как с индианкой.

Дождь-в-лице повезло, когда его так связали. Сухожилия легко поддались, и его освободили после столь короткого подвешивания, что казалось, будто он не заслужил своих шпор. Сидящий Бык, главный знахарь, решил, что испытание было неудовлетворительным. Дождь-в-Лице бросил вызов Сидящему Быку, заявив, что нет испытания, которое могло бы вырвать из его уст стон боли.

Сидящий Бык оказался на высоте положения. Он сделал глубокие надрезы на спине над почками — оставшиеся углубления были достаточно большими, чтобы через несколько лет в них можно было засунуть кулак — и продел через них веревку из сыромятной кожи. Два дня молодой индеец висел в подвешенном состоянии, издеваясь над своими мучителями, насмехаясь над ними, бросая им вызов сделать все, что они могут, и при этом напевая свои боевые песни и хвастаясь своими подвигами. Крепкие мышцы и сухожилия не разрывались, хотя он яростно лягался и боролся, пытаясь освободиться. Наконец, Сидящий Бык, убедившись, что мужество и выносливость Дождя на Лице выше всяких сомнений, приказал привязать к его ногам черепа буйволов, и дополнительный вес в сочетании с более энергичными ляганиями позволил индейскому стоику освободиться. Это было одно из

самых замечательных проявлений стоицизма, выносливости и мужества, когда-либо наблюдавшихся среди сиу, где эти качества были не редкостью. Дождь-в-Лице прошел испытание. После этого никто не сомневался в его мужестве. Он был признанным воином. Именно когда он висел таким образом, он хвастался убийством доктора Хонцингер, и его подслушал разведчик Чарли Рейнольдс, который рассказал об этом Кастеру и полку.

Эдвард Эсмонд, спутник Томаса в течение сезона, когда он сопровождал Дождь-в-лице и его товарищей на Всемирной выставке в Чикаго, а затем на Кони-Айленде, предоставил мне информацию, содержащуюся в этой заметке. — С. Т. В.

[94.](#) Дождь-в-Лице впоследствии нарисовал картину или карту битвы при Литл-Бигхорн на спине красивой охотничьей рубашки из оленьей кожи. Фрагмент этой картины приведен на следующей странице. Считается, что это единственная карта битвы, нарисованная одним из индейских участников. — С. Т. В.

[95.](#) Несмотря на свой «оберег из белого хорькового хвоста», Дождь-в-лице был ранен в этой битве. Пуля прошла через его правую ногу выше колена. Среди добычи, которая досталась ему после окончания сражения, была бритва, взятая у какого-то погибшего солдата. С помощью этой бритвы раненый попытался провести самодельную операцию. Сначала он сделал глубокий разрез на передней части ноги, но не смог достать пулю. Затем он перешел к задней части ноги и безрассудно разрезал плоть с этой стороны. Он достал пулю, а также несколько сухожилий, и едва не перерезал артерию и не истек кровью. Он остался хромым и всю оставшуюся жизнь был вынужден ходить на костылях.

—Заявление г-на Эсмонда.

Полковник Годфри в своей статье в журнале *Century* рассказывает о подобном случае мужества и выносливости одного из своих солдат:

«Среди раненых был седларь «Майк Мэдден» из моего отряда, которого я за доблесть на поле боя повысил до сержанта. Мэдден очень любил выпить. Длительное воздержание от алкоголя вызвало у него сильную жажду. Ему пришлось ампутировать ногу, что было сделано без анестезии, но после ампутации хирург дал ему выпить крепкого бренди. Мэдден жадно выпил его, и его глаза заблестели, когда он чмокнул губами и сказал:

«Э-э, доктор, отрежьте мне другую ногу». — С. Т. В.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Два интересных дела

I. Сражение на Военном Капюшоне

Прежде чем приступить к подробному описанию крупных событий кампании после битвы при Роузбаде и Литл-Бигхорне, стоит упомянуть о двух менее значительных событиях. Одно из них, хотя и было всего лишь стычкой, имело большое значение для определения окончательного результата. Другое хорошо иллюстрирует приключенческую жизнь и опасную службу солдата в войне с индейцами.

В субботу, 15 июля 1876 года, 5-й кавалерийский полк под командованием генерала Уэсли Мерритта шел к форту Ларамы, получив приказ присоединиться к Круку. В полдень из агентства поступило сообщение, что отряд шайенов, насчитывающий, возможно, тысячу воинов, которые до сих пор оставались спокойными в резервации в агентстве Ред Клауд на реке Уайт в Южной Дакоте — агентстве Пайн Ридж — собирался отделиться и присоединиться к индейцам на поле боя. Их умы были возбуждены новостью о поражении Крука и рассказом о катастрофе, постигшей Седьмой кавалерийский полк. Они думали, что перед ними открываются безграничные возможности для грабежей, снятия скальпов и успешных сражений, поэтому решили без промедления выйти на тропу войны. Вблизи агентства не было достаточно войск, чтобы предотвратить это действие, которое в любом случае было совершенно неожиданным.

Приказ Мерритту присоединиться к Круку был обязательным, но, учитывая эту новость, генерал решил на время проигнорировать его. Он понял, что лучшего, чем перехватить эту группу шайенов и либо разгромить и рассеять их, либо, что еще лучше, заставить их вернуться в агентство, он сделать не сможет.

Путь, по которому они должны были идти, пересекал ручей в крайнем юго-восточном углу Южной Дакоты, называемый Уор Боннет,^[34] примерно в 85 милях по единственному проходимому маршруту от того места, где в то время находилась Пятая кавалерия. Индейцы находились гораздо ближе к нему. Мерритту пришлось бы обойти практически три стороны квадрата из-за конфигурации местности, чтобы добраться до этой точки, которая, по мнению его главного разведчика У. Ф. Коди (Буффало Билла), была лучшим местом в округе радиусом в несколько миль для перехвата бегущих шайенов.

Мерритт не колебался ни секунды, узнав эту новость. Он немедленно привел свой отряд в движение и, совершив форсированный марш в течение тридцати одного часа, добрался до переправы в нужное время. Не было никаких признаков того, что шайены прошли мимо. Солдаты скрылись в ущельях под утесами и стали ждать индейцев.

Ранним утром 17 июля дозорные под командованием лейтенанта Чарльза Кинга^[35] заметили приближение индейцев. Примерно в то же время обоз Мерритта под командованием лейтенанта Холла с двумя сотнями пехотинцев, жаждущих сражения, скрытых в повозках в качестве охраны, был замечен, продвигающийся с трудом примерно в четырех милях к юго-западу, пытаясь достичь места встречи на Уор Боннет. Полк оставался тщательно скрытым, и индейцы, в приподнятом настроении, думали, что обоз находится в их власти.

Как только он заметил шайенов, лейтенант Холл отправил двух солдат из своей небольшой кавалерийской охраны вперед к перекрестку, чтобы предупредить Мерритта о приближении индейцев. Передовой отряд шайенов, великолепно оседланных и возглавляемых великолепным молодым вождем, решил перехватить этих солдат, которые не подозревали о своей опасности. Два солдата спускались по одной тропе, которая вела через ущелье, а индейцы поднимались по другой, которая вела через другое ущелье. Солдаты и шайены были скрыты друг от друга, но оба были хорошо видны с холма. Две тропы соединялись у подножия холма. Ровная задняя часть обоза была черной — или, скорее, красной — от быстро приближающихся индейцев, хотя они еще не были достаточно близко, чтобы атаковать.

Мерритт и один или два других офицера, вместе с Буффало Биллом, несколькими его разведчиками и несколькими солдатами, присоединились к Кингу на холме. Основные силы индейцев были слишком далеко, чтобы атаковать, поэтому небольшая передовая группа решила подождать, пока шайены, которые пытались отрезать двух солдат, не подойдут ближе, а затем напасть на них. Все отошли от гребня холма, кроме лейтенанта Кинга,

который должен был дать сигнал, когда отряд внизу должен был выскочить из-за холма и напасть на шайенов.

Кинг, который мастерски описал эту ситуацию в своей книге «Campaigning with Crook» («В походе с Круком»), прижался к склону холма, так что было видно только его голову без шляпы и бинокль, и наблюдал, как солдаты быстро скакали по одной тропе, а индейцы еще быстрее мчались по другой (). Он ждал, пока индейцы почти не достигли перекрестка. Затем он дал сигнал. Эскорт Мерритта и разведчики Коди помчались вокруг подножия холма и врезались прямо в лица изумленных шайенов. Два индейских седла опустели в мгновение ока. Их атака была настолько стремительной, что индейцы едва успели придержать своих коней, как белые люди уже были на них.

Буффало Билл выстрелил в ногу лидеру воинского отряда, известному молодому вождю по имени Желтая Рука. Пуля также пронзила сердце пони, на котором ехал Желтый Рука. Оба рухнули на землю. Несмотря на боль, Желтый Рука поднялся на ноги и выстрелил в разведчика, убив его лошадь. Оба, находясь на расстоянии менее двадцати шагов друг от друга, обменялись выстрелами в следующее мгновение. Индеец промахнулся, но Буффало Билл пустил пулю в грудь Желтой Руки. Индеец пошатнулся, но прежде чем он упал, Коди прыгнул на него и вонзил нож в сердце своего доблестного врага. Желтый Рука был мертв, когда упал на землю. «Сдернув с него военный головной убор, — говорит он, — я научно снял с него скальп примерно за пять секунд».^[94]

Желтую Руку узнал Буффало Билл и фактически вызвал его на дуэль. «Первый скальп для Кастера!» — крикнул Коди, размахивая своим трофеем в воздухе.

Некоторые из других индейцев теперь оказались в пределах досягаемости. Они открыли огонь по небольшой группе; пули свистели вокруг них во всех направлениях, одна из них едва не задела генерала Мерритта. Они поранили лошадей здесь и там, но, как обычно, их меткость была ужасной.

Когда небольшая группа атаковала индейцев, Мерритт приказал Кингу () отдать приказ остальной части полка наступать. В разгар перестрелки великолепные войска Пятого полка вырвались из ущелий и перевалили через холмы, мчась галопом на шайенов. В то же время пехотинцы лейтенанта Холла выскочили из своих повозок и выпустили несколько залпов по шайенам с большого расстояния. Более удивленных индейцев, вероятно, никогда не было в Соединенных Штатах. Они и понятия не имели, что в радиусе пятисот миль есть солдаты, кроме тех, что были в обозе, который они надеялись захватить. Они не ожидали никаких проблем при присоединении к Сидящему Быку, а теперь внезапно оказались лицом к лицу с одним из лучших кавалерийских полков в армии. Что им было делать? У них не было много времени на раздумья, потому что кавалерия мчалась за ними на полном скаку. Они развернулись и бросились бежать. Они не стали выстраиваться в порядок, а сразу же побежали.

Если бы они смогли вернуться в резервацию, они были бы в безопасности от нападения. Они бежали на максимальной скорости своих лошадей, бросая все, что у них было, кроме оружия и патронов, в отчаянном желании уйти. Мерритт и его люди преследовали их на протяжении тридцати миль, изо всех сил пытаясь догнать, но лошади солдат были более или менее уставшими после долгого марша накануне, и индейцы, легко вооруженные и на свежих лошадях, в конце концов сумели сбежать. К наступлению ночи вся группа вернулась в резервацию. После этого были приняты меры, чтобы они не имели больше возможности выйти на тропу войны.

Сотрудничество этой великолепной группы индейцев с отрядом под командованием Сумасшедшего Коня, возможно, могло бы переломить ход некоторых горячо оспариваемых

сражений, и оперативность Мерритта была высоко оценена властями. Буффало Билл получил главную славу в этом небольшом приключении благодаря своей драматической дуэли с Желтой Рукой на глазах у солдат и индейцев.

II. Разведчик Сибли

Другое событие известно в армейских архивах как «Разведчик Сибли». Пока генерал Крук ждал подкрепления и дополнительных припасов в своем лагере на Гуз-Крик, недалеко от реки Тонг, он решил отправить разведывательный отряд, чтобы узнать, что стало с его другом Сумасшедшим Конем, который несколько недель назад так жестоко обошелся с ним в Роузбаде.

Лейтенант Фредерик У. Сибли из роты Е третьего кавалерийского полка, предприимчивый, но хладнокровный молодой офицер, получил командование над двадцатью пятью отборными солдатами из полка. Вместе с ним отправились разведчики Фрэнк Груард и Баптист Пурье, широко известный как «Большой Летучая мышь», чтобы отличать его от другого разведчика, Баптиста, более низкого роста. К отряду также присоединились Джон Беккер, вьючный мул, и неутомимый Финерти, военный корреспондент *Chicago Times*, в результате чего общее число людей составило тридцать.

Каждый из них нес при себе по сто патронов и несколько дневных пайков в седельных сумках. Они вышли 6 июля. 7-го числа они достигли Роузбада, примерно в пятидесяти милях от лагеря Крука. Там они наткнулись на индейцев. Груард и Пурье наблюдали за ними с вершины холма, за которым остановилась остальная часть экспедиции. Судя по всему, их были сотни, и разведчики немедленно сообщили об этом командиру (). Вернуться по прежней тропе было невозможно. Поэтому они направились на запад через горы, ведя лошадей за собой. Индейцы, медленно продвигаясь на юг, вскоре наткнулись на след отряда и стали следовать за ним на некотором расстоянии. Подгоняемые надвигающейся опасностью, мужчины, ведомые безошибочным Груардом, который хорошо знал все изгибы горного хребта Биг-Хорн, поскольку часто охотился там во время своего плена у сиу, быстро поднялись в горы и, наконец, решили, что им удалось уйти от преследователей, тем более что никто не мог подняться по тропе, по которой они поднялись, а индейцы были плохими следопытами, когда шли пешком. Пройдя около пяти миль по ужасным тропам, они остановились на небольшой поляне в тени деревьев, сняли седла с лошадей, сварили кофе и пообедали. Чувствуя себя в безопасности от преследования, они отдохнули несколько часов и только поздно днем снова продолжили свой путь.

Здесь идти было легче, чем раньше, и они снова смогли сесть на лошадей. Вскоре они въехали в ровную, густо заросшую лесом долину. Тропа вела по правой стороне горы, которая была изрезанной и неровной. Слева и впереди них были леса, а справа — высокие скалы и редкий лес. Джон Беккер, который шел последним, внезапно встревожил всех криком: «Индейцы, индейцы!».

В следующее мгновение лес и валуны справа ожили от появления воинственного отряда сиу и шайенов, находившегося не далее двухсот ярдов — кстати, не того же отряда, который они видели в долине. Как только индейцы появились, они открыли огонь. И снова их стрельба была неточной. Ни один солдат не был ранен, хотя несколько лошадей были поражены, некоторые из них серьезно. Сибли действовал быстро и решительно. После короткой беседы с Груардом он принял решение. Под обстрелом индейцев отряд повернул налево и помчался к густому лесу со всей возможной скоростью. Как только они достигли леса, они бросились на землю, выстроившись полукругом, привязали лошадей к деревьям позади себя и, используя поваленные бревна и валуны в качестве укрытия, открыли огонь по индейцам,

которые, со своей стороны, пытались укрыться и начали стрелять всерьез. Однако солдаты были хорошо защищены в лесу, и хотя индейцы убили многих лошадей, они не поразили ни одного из всадников.

Теперь отряд был в подавляющем меньшинстве. В бою участвовали уже несколько сотен индейцев. Их вождем был великолепный молодой вождь шайенов, одетый в костюм из белой оленьей кожи. Позже стало известно, что его звали Белая Антилопа. Груар был узнан индейцами, которые хотели взять его живым. После примерно получасовой перестрелки Белая Антилопа повел индейцев пешком в прямой атаке на лес.

Сибли приказал своим людям не стрелять, пока не будет гарантированный попадание. Они косили наступающих индейцев десятками. Белая Антилопа подпрыгнула в воздухе и упала. Как выяснилось позже, он был пронзен несколькими пулями и отправился на вечные охотничьи угодья. Атака была успешно отбита, и индейцы отступили в замешательстве, хотя и продолжали вести интенсивный огонь.

ВОЖДЬ ДВЕ ЛУНЫ СЕВЕРНЫХ ШЕЙЕНОВ

Союзники сиу в битве при Литл-Бигхорн

Нарисовано с натуры Ф. А. Бербанком

Всем было очевидно, что индейцы будут удерживать солдат, пока к ним не присоединятся другие воинственные отряды — и действительно, их число уже увеличилось — и тогда отряд Сибли будет окружен и уничтожен. Поэтому Груар предложил бросить лошадей — большинство из них все равно были убиты — и что весь отряд должен незаметно пробраться через лес и попытаться бежать пешком через горы. Выпустив две-три залпы, а затем в течение короткого времени ведя разрозненный огонь, чтобы индейцы думали, что они на чеку, солдаты, проявляя крайнюю осторожность, один за другим проползли через подлесок, пока не скрылись за деревьями леса. Затем все встали на ноги и побежали как сумасшедшие.

Груард, чьи инстинкты проводника были высочайшего порядка, повел их через величественные горы, мрачные каньоны, мимо нависающих утесов, по невозможным тропам на склонах огромных обрывов, один из которых простирался на несколько сотен футов ниже них и на триста футов выше, почти отвесно. Не будучи альпинистами, они были бы совершенно неспособны следовать за разведчиком, если бы не Красный Террор, который скрывался позади. Им удалось удалиться, возможно, на милю от долины и подняться на некоторую высоту над ней, когда они услышали несколько громких залпов, за которыми последовала серия диких криков, которые дали им понять, что индейцы наконец-то напали на их лагерь. Теперь они были настолько уверены в своем спасении, что фактически разразились хохотом при мысли о разочаровании индейцев, когда нападавшие обнаружат, что их жертвы скрылись. Эти индейцы не были привычны к охоте пешком. Индеец без лошади — это примерно то же самое, что моряк на лошади. Преследование вскоре было прекращено, и солдаты смогли продолжить свой путь без помех. Им повезло сбежать. Без Груара они все были бы убиты.

День был ужасно жарким. Быстрый темп, вызванный чрезвычайными обстоятельствами и отчаянным характером восхождения, усугублял их дискомфорт. Люди из « » выбросили все лишнее, что мешало им двигаться или утомляло их в спешке, кроме оружия и боеприпасов. В ту ночь они разбили лагерь, или, скорее, остановились, потому что не было ничего, чтобы разбить лагерь, на гребне хребта. Стало очень холодно, поднялась страшная буря, и они сильно страдали. У них не было ничего поесть; их провизия была в седельных сумках, и они не осмелились взять ее с собой, пытаясь бежать, чтобы не вызвать подозрений у индейцев.

На следующий день, 9 июля, они начали спуск с горы. Инстинкты Груара не подвели. Он привел их к подножию холмов, с которых виднелся главный лагерь Крука вдали. Чтобы добраться до равнины, им нужно было пересечь быстрый горный ручей, вода в котором доходила им почти до шеи. Двое мужчин, которые не умели плавать и были в очень нервном состоянии из-за своих захватывающих приключений, упорно отказывались попытаться перейти ручей, даже с помощью своих товарищей. Они предпочли спрятаться там, где были, и просили, чтобы им прислали помощь. Остальные члены группы сумели перебраться через ручей и направились к лагерю, который находился еще примерно в пятнадцати милях. Вечером их встретила разведывательная группа солдат, которая привела их обратно в лагерь.

Их одежда и обувь были разорваны в клочья, и они были сильно измотаны ужасными нагрузками и лишениями, которым были подвергнуты. То, что они вообще спаслись, было чудом, благодаря хладнокровию молодого Сибли и чудесному мастерству Груарда. Отряд вернулся за двумя оставшимися мужчинами и привел их в лагерь.

Лейтенант Сибли доложил генералу Круку, что он нашел индейцев, но верно ли это утверждение — вопрос. Возможно, было бы более правдиво сказать, что индейцы нашли его. Сибли и Груард получили высокую оценку от Крука, а мистер Финерти, проявивший большую храбрость, написал подробный отчет об этом, из которого был сокращен этот краткий очерк.

[96](#)Поселенцы перевели это название как «Хат-Крик», и так оно и называется до сих пор — к сожалению!

[97](#)Впоследствии бригадный генерал добровольцев в испано-американской войне и автор многих увлекательных романов о военной жизни.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первый успех

I. Крук и Миллс в Слим-Буттс

После поражения генерала Кастера и успешного отступления сиу и шайенов из Литл-Бигхорна правительство поспешило направить на поле боя подкрепление и приказало Крюку () и Терри (Terry) с максимальной энергией продолжать преследование индейцев. Однако только спустя почти год после катастрофы на Литл-Бигхорн война с сиу была завершена, и только после того, как индейцы потерпели несколько сокрушительных поражений и были преследованы до полного изнеможения, был объявлен мир.

Наибольший вклад в достижение этого столь желанного результата внес генерал Джордж Крук, прославившийся кавалеристом во время Гражданской войны и еще более прославившийся борцом с индейцами после ее окончания. С неустойчивой упорностью и энергией он преследовал дикарей, нанося им удары через своих подчиненных, когда и где бы они ни находились. Ужасающая настойчивость, с которой он подгонял своих изможденных, голодных, измученных болями в ногах и оборванных солдат, и его непоколебимая решимость и целеустремленность заслуживают уважения и восхищения со стороны его соотечественников — , кстати, это уважение и восхищение были в полной мере оказаны ему его доблестными и столь же отчаянными врагами.

После Крука, людьми, которые привели к этому результату, были, в первую очередь, Нельсон А. Майлз — что достаточно необычно, не кавалерист, а полковник Пятого пехотного полка; и, после него, полковник Рональд С. Маккензи из Четвертого кавалерийского полка и капитан Ансон Миллс из Третьего, о которых мы уже упоминали в связи с их доблестной службой в битве при Роузбад. Майлзу было приказано выйти на поле боя, чтобы подкрепить разбитую и истощенную колонну Терри.

После долгих маршей и разведок колонны Терри и Крука объединились, но войска Терри были в плохом состоянии, и его командование вскоре было отозвано с поля боя. Остатки Седьмой кавалерии были отправлены обратно в Форт Линкольн, откуда они несколько месяцев назад вышли с такими светлыми надеждами. Командование Гиббона вернулось в Монтану, где оно было сформировано, из-за угрожающей обстановки в этом районе, а Терри ушел из активной кампании, чтобы возобновить командование своим департаментом. Майлз, как мы увидим, был отправлен в Йеллоустоун.

Крук остался один в активном преследовании. Не хватает места и времени, чтобы описать подробности его удивительных походов по следам индейцев — то под палящим солнцем, которое высушивало землю до такой степени, что она становилась голой, как ладонь; то под проливными дождями, сменявшими сильную жару; и, наконец, через снега и холода зимы, которая была необычайно суровой. Летом не было корма для лошадей кавалерии и для очень небольшого обоза, а пайки для людей становились все меньше и меньше. Наконец, в начале сентября запасы провианта сократились до двух с половиной дневных пайков. Крук подсчитал, что на этом количестве они смогут пройти две недели.

Они дополняли рацион мясом лошадей и мулов и небольшим количеством дикого лука, который они могли собирать время от времени в местах, избежавших всеобщего выжигания летом. Наконец, командование буквально исчерпало все свои ресурсы. Индейцы тоже были в плохом состоянии, но их положение было далеко не таким безнадежным, как у Крука и его людей. Индейцы были измотаны и истощены энергичным и безжалостным преследованием, которое вел за ними неукротимый командир, но у них все еще было достаточно еды, и им удавалось опережать его и избегать различных разведывательных отрядов.

7 сентября 1876 года Крук понял, что его люди достигли предела своих сил и что необходимо добыть фураж и продовольствие, иначе они все умрут в пустыне. Индейцы полностью истребили дичь в этой местности, а солнце уничтожило корм для лошадей. Сто пятьдесят лучших людей, то есть тех, кто меньше всего страдал от перенесенных лишений, с лучшими лошадьми и последними мулами были сформированы в передовой отряд под командованием капитана Ансона Миллса из Третьей кавалерии. Миллс получил приказ продвигаться к Дедвуд-Сити, одному из новых городов в Блэк-Хилс, чтобы добыть провизию, «любую провизию, ради Бога!», которую он мог бы привезти остальной части армии, находившейся теперь в бедственном положении.

От Миллса не ожидали, что он будет охотиться на индейцев или сражаться с ними — по крайней мере, в первую очередь. Он должен был добывать продовольствие, чтобы армия не голодала, но когда он двинулся на юг, его разведчики обнаружили большую деревню из сорока или пятидесяти хижин в местечке под названием Слим-Бутс, в северо-западной части Южной Дакоты. Вигвамы были разбиты на небольшом возвышении на берегу небольшого ручья под названием Раббит-Крик. Место было окружено с трех сторон высокими скалами, чьи обрывистые склоны местами казались разрезанными на полусформированные террасы, что облегчало подъем. Небольшие овраги и каньоны пролегали через холмы, постепенно поднимаясь, пока не достигали плато на вершине.

Миллс сразу же решил атаковать лагерь — мудрое и солдатское решение с его стороны. Он тщательно подготовился к сражению. Достигнув окрестностей лагеря, он остановился в глубоком ущелье в ночь на 8 сентября и рано утром приготовился к сражению. Ночь была темной, холодной и очень дождливой, и уставшие люди сильно страдали. Выйдя на марш на рассвете, Миллс сумел застать лагерь врасплох, который оказался лагерем банды сиу, возглавляемой Американским Конем, одним из самых известных вождей. Оставив лейтенанта Бабба с обозом и лошадьми, Миллс приказал лейтенанту Шватке, впоследствии прославившемуся своими арктическими экспедициями, с 25 всадниками атаковать деревню. Остальную часть своих войск он рассадил на лошадей и разделил на две группы под командованием лейтенантов фон Люттвица и Кроуфорда с приказом атаковать лагерь с разных сторон.

Атака увенчалась полным успехом. Деревня была взята с небольшими потерями. Некоторые из сиу были убиты, другие взяты в плен, но большинство сбежало через ущелья на плато, окружающее долину. Одна героическая, но несчастная маленькая группа, состоящая из Американского Коня и четырех воинов, а также пятнадцати женщин и детей, была загнана в один из каньонов, который заканчивался пещерой. Один или два солдата были ранены во время атаки. Лейтенант фон Люттвиц (), который сражался на протяжении всей франко-австрийской войны в Италии и был ветераном Гражданской войны, был ранен в колено и получил настолько тяжелое ранение, что ему пришлось ампутировать ногу прямо на поле боя.

Теперь, когда деревня была полностью под контролем, был отдан приказ подготовить обоз и осмотреть захваченную деревню. К радости Миллса и его солдат, было обнаружено огромное количество провианта в виде мяса, фуража и других запасов.

Оставалось еще разобраться с небольшой группой дикарей в ущелье. Отряду было приказано вытеснить их. Индейцы были заняты рытьем окопов, и когда солдаты двинулись на штурм пещеры, они были встречены быстрым и метким огнем. Двое из них были убиты, а другие ранены.^[99] Позиции индейцев казались неприступными. Переводчик подкрался достаточно близко, чтобы его услышали, и предложил им сдаться. Они ответили на его приказ насмешками и издевательствами. Однако они неосторожно сообщили ему, что Сумасшедший Конь со своими воинами находится поблизости и, узнав об их положении от некоторых беглецов, несомненно придет им на помощь. Сумасшедший Конь мог бы быстро расправиться с Миллсом и его сто пятьдесятю. Тем временем выжившие жители деревни, в которой проживало сто воинов, выстроились в длинную линию на холмах и открыли огонь по солдатам.

Миллс действовал быстро. Он отправил курьера к Круку на лучшей лошади в отряде, чтобы сообщить о ситуации и попросить немедленного подкрепления. Между прочим, он упомянул, что было найдено большое количество провианта. Затем он приготовился удерживать позиции и одновременно продолжать атаку на пещеру, все время ведя ожесточенный бой с людьми на холмах. Как только Крук получил сообщение, он отправил вперед « », намереваясь взять с собой отборный отряд, но вся армия, жаждущая сражения и полноценной еды, настояла на том, чтобы пойти вместе. Они совершили форсированный марш и достигли Миллса около половины двенадцатого утра.

Крук немедленно приступил к изгнанию индейцев из пещеры. Солдаты продвигались под обстрелом, которому генерал, несмотря на мольбы своих подчиненных, подвергал себя с безразличием. Когда они заняли позицию, позволявшую контролировать пещеру, Крук, желая пощадить своих храбрых противников, снова предложил им сдаться. Его просьба была встречена решительным отказом. Солдаты открыли огонь и обстреляли каждую щель и углубление пещеры градом пуль. Груард, один из разведчиков, воспользовавшись укрытием, подкрался к самому входу в пещеру, остался там незамеченным, выждал подходящий момент, схватил индианку, которая неосторожно вышла из укрытия, и, используя ее в качестве живого щита, бросился вперед и застрелил одного из воинов, после чего сам благополучно скрылся.

II. Смерть Американского Коня

После двух часов перестрелки, песнопения индейских женщин о смерти побудили Крука приказать прекратить огонь для новых переговоров. На этот раз его просьба о сдаче индейцев встретила некоторый отклик: тринадцать индейских женщин и детей неохотно вышли из пещеры после его твердого заверения, что они будут защищены. Воины отказались сдаваться. Они были уверены, что Сумасшедший Конь придет им на помощь. Сражение сразу же возобновилось, но через некоторое время индейцы прекратили огонь.

В четвертый раз было предложено помилование. Молодой индеец вышел вперед и получил дополнительные заверения, что им не будет причинено никакого вреда, если они сдадутся. Он вернулся в пещеру и вскоре появился снова с другим молодым воином, поддерживая между собой высокую, величественную фигуру храброго старого Американского Коня. Он был ранен в живот, и его кишки выпирали из раны. Он испытывал ужасную агонию и сильно кусал кусок дерева, чтобы сдержаться. Он передал свое ружье Круку и сдался. Хирурги из командования сделали для него все, что могли, но его рана была неподвластна человеческим умениям. В ту ночь, окруженный своими женами и детьми, он умер так же стойчески и мужественно, как и жил.

Внутри пещеры каменные стены были изрезаны и изболтаны градом пуль, которые обрушились на нее, а на полу лежали тела двух индейских воинов, а также женщины и ребенка, которые были убиты. Солдаты не знали, пока не вышли индейские женщины, что там были женщины и дети. Небольшая группа дорого продала свои жизни. Даже женщины использовали оружие и проявили всю храбрость и мужество сиу.

Слишком поздно на место событий прибыл Сумасшедший Конь с шестьюстами воинами. Полагая, что ему предстоит сразиться лишь с небольшим отрядом Миллса, он около пяти часов дня смело поскакал вперед, чтобы атаковать. Он был очень удивлен количеством противников, которые оказались там. Он отступил на вершину холмов, и солдаты в доблестном стиле бросились за ним. Они взобрались на утесы и наконец вышли на ровное плато. Безумный Конь сделал одну или две попытки прорвать линию, но это было невозможно, и, видя, что его значительно превосходят по численности, он мудро отступил, понеся некоторые потери.

Эта битва была одной из самых живописных, когда-либо происходивших на Западе. Крук и его офицеры стояли в лагере, в центре огромного амфитеатра, окруженного огнем, по склонам которого солдаты неуклонно поднимались, чтобы добраться до индейцев, чьи силуэты в полном боевом снаряжении вырисовывались на фоне неба. Потери с обеих сторон были не велики, но захват деревни и запасов продовольствия, накопленных на зиму, был серьезным ударом.

В лагере было обнаружено много предметов, принадлежавших Седьмой кавалерии — знамя, деньги, одна из перчаток капитана Киога с его именем, журналы, седла и т. д. Среди прочего были письма, написанные офицерами и солдатами друзьям на Востоке, некоторые из них все еще запечатанные и готовые к отправке. Они, должно быть, были как голоса мертвых, когда дошли до тех, кому были адресованы.

[99](#)Один из разведчиков, погибших в этой битве, был большим поклонником Буффало Билла, чьи манеры, методы и внешний вид он подражал, как мог. Он радовался несчастному прозвищу, которое получил следующим образом: генерал Шеридан, однажды ища Буффало Билла, чтобы тот возглавил охотничью экспедицию, встретил этого хвастуна, который заметил, что Буффало Билл уехал, а когда Буффало Билл уехал, он сам стал Буффало Биллом. «Черт тебя дери!» — презрительно сказал Шеридан. «Ты имеешь в виду Буффало Чип!» Бедный хвастун так и не избавился от прозвища «Буффало Чип Чарли». Несмотря на всю свою тщеславность, он был храбрым человеком, и солдаты очень пожалели о своих насмешках, когда похоронили его в тот вечер у подножия холмов, где он пал во время штурма пещеры.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Решающий удар

I. Зимняя битва Маккензи

Крук теперь отказался от преследования и вернулся в форт Феттерман, чтобы организовать зимнюю кампанию. Эта экспедиция была одной из самых хорошо оснащенных из всех, когда-либо отправлявшихся на индейскую кампанию. В ней были представлены все виды вооружения, а также все необходимое для успеха. Следить за ее маршем к горному хребту Биг-Хорн было неинтересно, но в конце ноября от пленного шайена стало известно, что главная деревня шайенов находилась в каньоне, через который протекал один из основных истоков реки Паудер-Ривер, называемой Crazy Woman's Fork. Полковнику Рональду С. Маккензи было приказано с индейскими разведчиками и десятью взводами кавалерии из второго, четвертого и пятого полков найти и уничтожить деревню.

Шайены были не так многочисленны, как сиу, и большое количество их союзников иногда заставляло людей преуменьшать значение шайенов, но более храбрых и великолепных воинов, чем это племя, не было. Они обладали некоторыми гомеровскими качествами древних греков. Я полагаю, что в целом будет признано, что они были лучшими из индейцев равнин. Они были достойными противниками для Маккензи или любого другого воина. Последовавшая за этим битва в некоторых отношениях была одной из самых ужасных в истории Запада, и ее результаты, как немногие другие, продемонстрировали ужасный характер войны. Возможно, она внесла такой же большой вклад в падение сиу, как и любой другой отдельный инцидент.

Люди Маккензи покинули главный лагерь 23 ноября. Земля была покрыта снегом. Погода была суровой, как в Арктике. Разведчики и дружественные индейцы — пауни, кроу, шошоны, извечные враги шайенов, включая некоторых шайенов, которые также поступили на службу к Соединенным Штатам ^[100] — обнаружили лагерь в каньоне Уиллоу-Крик. Некоторые индейцы наблюдали за лагерем, пока Маккензи подводил свои войска. У него было семьсот пятьдесят кавалеристов и триста пятьдесят индейцев. Остановившись у входа в каньон, куда он прибыл в ночь на 24-е, он решил дожидаться тихих часов перед рассветом следующего утра, прежде чем наносить удар.

Каньон представлял собой мрачное ущелье в горах Биг-Хорн. Быстрая, покрытая льдом река неслась по камням между отвесными стенами, которые возвышались в небо, возможно, на тысячу футов с каждой стороны. Бесчисленные ледяные ручьи впадали в главный поток через боковые каньоны, которые выглядели почти так же устрашающе, как и главный, и которые делали следы ручья почти невозможными для обнаружения. Кое-где каньон расширялся, и в одном из этих открытых мест () шайены под руководством Тупого Ножа разбили свой лагерь. Они искренне верили, что это место неприступно — и действительно, при тщательной охране оно было бы таковым. Маккензи принял все меры предосторожности, чтобы его люди не шумели. Они стояли рядами у своих лошадей в снегу в полярном холоде, ожидая приказа о наступлении. Вскоре взошла луна, заливая углубления ущелья серебристым светом, который ослепительно сверкал на участках снега, разбросанных по темным стенам.

Маккензи, рассчитав, что день наступит примерно в то время, когда он достигнет лагеря из своего нынешнего положения, наконец отдал приказ выдвигаться. Какое облегчение испытали окоченевшие солдаты, вскакивая в седла и подгоняя дрожащих лошадей, трудно представить жителям мирных земель, сидящим у теплых каминов. Когда они с трудом поднимались по каньону, они слышали звуки танцев и веселья в индейском лагере, слабо доносившиеся до них ночным ветром. Позже они узнали, что шайены только что вернулись с успешного набега на шошонов и что танец был посвящен празднованию важной победы, которую они одержали. Поэтому они снова остановились, пока все не стихло, прежде чем снова двинуться вперед. Когда они достигли деревни, уже начинал светать день.

Спящие индейцы в лагере и не подозревали, что враг находится в ста милях от них. Войска, крича и ликуя, обрушились на них, как зимняя буря. Индейцы, когда не опасаются нападения, всегда спят голыми. Шайенны успели только схватить винтовки и патронташи, а женщины накинули на детей одеяла, когда солдаты нагрянули на них. Нападение было настолько быстрым и внезапным (), что некоторые воины не успели выбраться из вигвамов. Они разрезали вигвамы ножами и из этих отверстий стреляли по солдатам, мчавшимся по деревне. Многие были застрелены там, где еще несколько мгновений назад мирно спали.

Большая часть стада пони была захвачена, и вскоре деревня оказалась во владении Маккензи. Шайены, хотя и были разгромлены, не пали духом. Они отступили в каньон, но вскоре были собраны своими подчиненными вождями. Их лидер Тупой Нож был найден в деревне с шестью пулями в теле. Он до самой смерти сражался отважно на открытом месте.

Вскоре индейцы вернулись, роясь по склонам каньона. Они заняли выгодные позиции и, несмотря на то что были обнажены в ужасную погоду, когда температура во время этой кампании колебалась от десяти до двадцати градусов ниже нуля, открыли огонь по своим противникам. Если их не удалось бы вытеснить, положение Маккензи было бы невыносимым. Он послал своих разведчиков из племени шошонов и других индейцев, которые, воодушевленные жестокой ненавистью к шайенам, были готовы выполнить его приказы, на вершины утесов, чтобы очистить их от индейцев.

Тем временем он приказал лейтенанту Джону А. Маккини с его отрядом атаковать и вытеснить индейцев со скалистого возвышения, где они сосредоточились и откуда они обрушивали на солдат шквал огня. Атака Маккини была полностью успешной, поскольку он оттеснил шайенов назад, пока его не остановил овраг. Развернув своих людей, он попытался найти переход, когда на него открыли огонь индейцы, находившиеся на фланге, и он был мгновенно убит, получив не менее шести пуль. Шесть его солдат были ранены, а лошадей убиты. Отряд был введен в замешательство, и некоторые из солдат начали отступать. Маккензи, наблюдая за ситуацией, немедленно приказал капитану Джону М. Гамильтону и майору Г. А. Гордону атаковать на помощь. Атака была проведена отважно и встретила упорное сопротивление.

Бой был рукопашным, самым ожесточенным; и шайены, удерживая остальные силы Маккензи, начали концентрироваться на этих двух отрядах, к которым присоединился капитан Дэвис со своими людьми. Резерва не было; кавалерия была полностью задействована, и этот отряд мог быть уничтожен, если бы не успех шошонов и других индейцев, которые очистили ключевую позицию на вершине плато Каньон-де-Сен-Джун () над каньоном, а затем пришли на помощь солдатам, оказавшимся в тяжелом положении. Здесь было убито двадцать шайенов и несколько солдат.

В некоторой степени облегченный этими двумя действиями, хотя и не полностью, поскольку шайенны, благодаря своему превосходству в знании местности, не могли быть полностью вытеснены со своих позиций и весь день вели ожесточенный огонь по солдатам,

на который он не мог ответить, Маккензи сообщил Круку о своем успехе и тем временем приступил к уничтожению деревни. Там находились все зимние запасы для более чем тысячи индейцев. Шайены были предусмотрительным и процветающим племенем индейцев, как для индейцев, и уничтоженное имущество было огромным.

II. Страдания шайенов

Каким должно было быть отчаяние удивленных воинов, их женщин и детей, голых, дрожащих на холмах, когда они видели, как их имущество пожирают пламя! Им было просто невозможно удержать свои позиции в течение ночи. Им пришлось уйти или умереть от холода. В результате двенадцать маленьких индейских детей замерзли насмерть в ту ужасную ночь. Многие пожилые мужчины и женщины остались в живых только благодаря тому, что их руки и ноги, а в случае с детьми — все тело, были прижаты к теплым телам нескольких пони, не захваченных солдатами, которые были потрошены для этой цели.

Предоставлено The Century Co.

ЛЮДИ МАККЕНЗИ В ДЕРЕВНЕ ДУЛЛ НОЙФА

Рисунок Фредерика Ремингтона

26-го числа боев не было. Шайенны заняли укрепленную позицию в шести милях от каньона, откуда Маккензи не мог их вытеснить, и 27-го числа он начал возвращение в лагерь. Крук, который совершил форсированный марш днем и ночью, вместе с полковником Доджем и пехотой, которые продвигались с поразительной скоростью, несмотря на бурю и холод, встретил Маккензи, отступавшего сразу после того, как он покинул каньон, и вся армия вернулась в лагерь.

Последующие страдания индейцев были ужасными. Естественно, они обратились к Сумасшедшему Коню, ожидая, что он поможет им, накормит и оденет. Су и шайены были тесными друзьями и союзниками и сражались вместе на многих полях битв. Если бы они пришли в период своего процветания, Сумасшедший Конь тепло бы их принял. Но в действительности у него было мало средств, чтобы прокормить свою собственную группу в течение зимы из-за преследования Круком, и, руководствуясь недалёковидной, но

естественной — с точки зрения индейцев — политикой, он отказался принять этих шайенов или поделиться с ними чем-либо.

Невыносимо раздраженные отношением к ним со стороны сиу и поклявшись в вечной мести Сумасшедшему Коню, несчастные люди с трудом добрались до ближайшего агентства и сдались, а следующей весной выдвинулись вместе с солдатами против Сумасшедшего Коня и его людей.

Ужасно думать о той ночной атаке в такую ужасную погоду на спящий лагерь, читать о тех несчастных женщинах и детях, блуждающих голыми в лютом холоде, узнавать о тех малышах, замерзших насмерть, о стариках и старухах, брошенных у дороги умирать, — но есть и другая сторона этой картины, едва ли менее ужасная.

В этом индейском лагере также было найдено много реликвий битвы Кастера. Что касается этого вопроса, я могу сказать, что считаю эту битву честной и справедливой, в которой одна сторона была побеждена, а все ее члены погибли в бою.^[101] Естественно, индейцы ограбили убитых, чтобы получить трофеи. Белые солдаты поступали так же, когда ситуация менялась на противоположную, как отмечалось в предыдущих главах этой книги. Конечно, индейцы калечили мертвых и пытали живых, но некоторые примеры обоих видов практик встречаются и среди белых людей, и в любом случае мы не можем судить индейцев по нашим стандартам.

Но в лагере были и другие свидетельства дикой жестокости, от которых душа сжимается от ужаса и которые показывали, что эти индейцы были одними из самых жестоких и безжалостных на континенте и что они получили только то, что сами дали. Достаточно привести два примера. Солдаты сняли с тела мертвого воина уникальное ожерелье из человеческих указательных пальцев, которое он с гордостью носил на своей варварской груди;^[102] и была найдена сумка, в которой находились правые руки двенадцати маленьких детей и младенцев из племени шошонов, недавно отрезанные от маленьких рук, чтобы стать ужасным трофеем для безжалостного воина.

¹⁰⁰. Примечательно, насколько слабыми были узы, связывавшие членов различных племен. Часто мы видим, как отряды одного и того же племени сражаются за и против Соединенных Штатов на одном и том же поле. Одной из наиболее плодотворных причин успеха нашего оружия была готовность индейцев сражаться против своего собственного народа, чем правительство быстро воспользовалось.

¹⁰¹См. предисловие для обсуждения термина «массовое убийство».

¹⁰². Изображение подобного ожерелья можно увидеть в интересной книге капитана Дж. Ли Хамфревилля «Двадцать лет среди враждебных индейцев».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Великая кампания Майлза

I. Майлз и его пехотная кавалерия побеждают Сидящего Быка

Теперь перейдем к Майлзу и его людям.

Генералу Майлзу было приказано провести свои войска вверх по Йеллоустоуну до устья реки Тонг и создать там временный пост или лагерь на зиму. Он был офицером, которому доверяли и от которого многого ожидали. Он имел столь же блестящие заслуги в Гражданской войне, как и Кастер, и практически в одиночку провел одну решающую битву в заключительной кампании, добившись великолепных результатов. Он был прирожденным солдатом и никогда не проявлял свои таланты лучше, чем в последующих операциях. Его карьера до и после этого периода до сих пор жива в памяти благодарного народа.

В то время как Крук и его люди сражались в одной части поля, Майлз совершал блестящие подвиги в другой. Первоначально планировалось поставить под его командование около полутора тысяч человек, но на самом деле он получил только около пятисот. От него ожидали, что он будет просто удерживать свои позиции и собирать информацию, которая могла бы пригодиться при подготовке к весенней и летней кампании следующего года. С его точки зрения, это была неудовлетворительная программа.

Опытные бойцы с индейцами на Северо-Западе сообщили ему, что зимой бесполезно пытаться добраться до индейцев, но Майлз не был таким солдатом. Если индейцы могли жить в вигвамах в это время года, он не видел причин, по которым белые солдаты не могли бы действовать против них, несмотря на погоду. У него был один из лучших пехотных полков в армии — Пятый. Судя по отчетам военно-полевых судов, дисциплине и т. д., ни один полк не превосходил и даже не равнялся его показателям. Сам Майлз оказался самым успешным командиром в войне с индейцами, и его успех не был результатом того, что завистники называли удачей. Он был вполне заслужен и полностью заработан.

Правительство, по представлению Шеридана и Шермана, основанному на предыдущих успешных сражениях Майлза с индейцами юго-запада, предоставило молодому полковнику все, о чем он просил. Если его войска не были полностью оснащены для работы, которую их командир намеревался им поручить, это была бы его вина. Проявив мудрую предусмотрительность, он снарядил солдат, как для арктической экспедиции. Они разрезали одеяла на нижнее белье. Их снабдили меховыми сапогами, самыми тяжелыми гетрами и бахилами. У каждого был буйволиный плащ и шерстяная или меховая маска, которую можно было надеть на лицо под меховую шапку. Их руки защищали меховые перчатки. Им повезло, что они были так снаряжены, потому что зима 1876–1877 годов была одной из самых суровых, которые когда-либо бывали в этой части страны. Ртуть в термометре часто замерзала, и однажды спиртовой термометр зафиксировал температуру шестьдесят градусов ниже нуля.

Занимаясь в конце осени, которая фактически была зимой, возведением лагеря на реках Тонг и Йеллоустоун, они впервые столкнулись с индейцами 18 октября, когда подполковник Элвелл С. Отис, командующий батальоном из четырех рот 23-го пехотного полка, сопровождавший поезд с грузом провианта из Глендайва, штат Монтана, в лагерь, подвергся нападению большого отряда врагов. Сначала нападение не было особенно сильным, но постепенно оно усиливалось, пока войскам не пришлось окружить поезд. Солдатам пришлось тяжело сражаться, чтобы не дать животным впасть в панику и не допустить захвата поезда. Отбив индейцев, поезд продвигался, ведя бой, до тех пор, пока не достиг Клир-Крик. Во время временного прекращения атак индейцев « » из индейских лагерей выехал гонец, размахивая бумагой, которую он оставил на холме на пути следования поезда. Когда ее подобрали, полковник Отис обнаружил, что это было властное послание — вероятно, написанное каким-то метисом — от вождя, с которым он сражался. Оно гласило следующее:

«Йеллоустоун.

Я хочу знать, что вы делаете, путешествуя по этой дороге. Вы отпугиваете всех бизонов. Я хочу охотиться в этом месте. Я хочу, чтобы вы повернули назад. Если вы этого не сделаете, я снова буду сражаться с вами. Я хочу, чтобы вы оставили то, что у вас есть, и повернули назад.

Я твой друг,

Сидящий Бык.

Я имею в виду все ваши запасы продовольствия и порох. Надеюсь, вы ответите мне как можно скорее».

Я считаю этот документ уникальным в истории индейских войн, и он хорошо иллюстрирует не только дух, но и наивность великого вождя. Отис послал разведчика к Сидящему Быку с информацией, что он намерен провести поезд до военного городка, несмотря на всех индейцев на земле, и если Сидящий Бык хочет сражаться, он (Отис) будет рад удовлетворить его в любое время и на любых условиях. После этого поезд тронулся, и индейцы немедленно возобновили сражение. Но бой вскоре был прекращен благодаря белому флагу. Появился гонец, который заявил, что индейцы устали и проголодались и хотят заключить мир. Отис попросил Сидящего Быка прийти в его лагерь, но хитрый старый вождь отказался, хотя и послал трех вождей, чтобы представлять его.

Отис не имел полномочий заключать мир или что-либо еще, но он дал индейцам небольшое количество сухарей и пару кусков бекона и посоветовал им отправиться к реке Тонг и связаться с генералом Майлзом. Поезд продолжил свой путь, и, проследовав небольшое расстояние, индейцы с угрожающими движениями отступили.

В ту же ночь Отис встретил Майлза и все его войско. Майлз, обеспокоенный безопасностью Отиса, выступил ему навстречу. Поезд был отправлен в лагерь, и войска численностью триста девяносто восемь человек с одним орудием выступили в погоню за Сидящим Быком. Они догнали его 21 октября в Седар-Крик. Вместе с Сидящим Быком были Галл и другие известные вожди, а также тысяча воинов из племен миниконжу, сан-арк, брюле и ункапа, вместе с их женами и детьми, всего более трех тысяч индейцев. Сумасшедший Конь с оглалами и отрядом Двух Лун из северных шайенов не были с Сидящим Быком, а отряд Тупого Ножа, как мы уже видели, ушел на зиму в Вайоминг.

Причина этого разделения очевидна. Разбившись на более мелкие отряды, они могли лучше переносить суровые условия зимы, легче находили укрытие и с меньшими трудностями ускользали от преследующих солдат.

Сидящий Бык попросил Майлза о встрече, которая была организована. Его сопровождали заместитель вождя и шесть воинов, а Майлза — помощник и шесть солдат. Встреча состоялась между линиями, все участники были верхом на лошадях.

Сидящий Бык хотел мира на прежних условиях. Индейцы требовали разрешения сохранить свое оружие, свободу охотиться и свободно перемещаться по равнинам и горам, не неся ответственности ни перед кем, в то время как правительство требовало от них сдать оружие и явиться в агентства. Требования были несовместимы, поэтому встреча была интересной и, хотя началась достаточно спокойно, к концу стала напряженной.

Сидящий Бык, которого Майлз описывает как красивого, сильного, умного и решительного человека, был явно полон горькой и упорной вражды к белой расе. Он сказал, что ни один индеец, который когда-либо жил, не любил белого человека, и что ни один белый человек, который когда-либо жил, не любил индейцев; что Всемогущий Бог сделал его индейцем, но Он не сделал его индейцем из агентства, и он не намеревался им быть.

Поведение знаменитого вождя было холодным, но достойным и вежливым. По мере развития разговора он стал злиться — настолько, что, по словам Майлза, «в конце концов он продемонстрировал дикое безумие. Все его поведение больше походило на поведение

дикого зверя, чем на поведение человека. Его лицо приняло яростное выражение. Челюсти были крепко сжаты, губы сжаты, и в его глазах можно было увидеть огонь дикой ненависти.»^[103]

Нельзя не восхищаться картиной, представленной этим великолепным, хотя и свирепым дикарем. Я не сомневаюсь, что сам генерал Майлз восхищался им.

В разгар конференции молодой воин выскользнул из индейских рядов и подсунул карабин под одеяло Сидящего Быка. За ним последовали еще несколько индейцев, в общей сложности около дюжины, которые присоединились к группе, явно замышляя предательство. Майлз, который вместе со своим помощником был вооружен только револьвером, немедленно потребовал, чтобы эти новые помощники удалились, иначе конференция будет немедленно прекращена. Его требованию с неохотой подчинились. После дальнейших переговоров была назначена вторая встреча на следующий день, и конференция была закрыта.

Ночью Майлз переместил свои войска на позиции, с которых он мог перехватить движение индейцев на следующий день. Состоялась еще одна встреча с колоритным и властным дикарем, чьи условия мира оказались абсолютно неприемлемыми, поскольку они предполагали оставление всех военных постов, вывод всех поселенцев, гарнизонов и т. д. из страны. Он хотел всего и не давал ничего. Он говорил как завоеватель и выглядел как завоеватель, хотя его последующие действия не соответствовали этой роли. Майлз, видя бесполезность дальнейших обсуждений, категорически прервал конференцию. Он сказал Сидящему Быку, что не будет пользоваться флагом перемирия, но даст ему всего пятнадцать минут, чтобы вернуться к своему народу и подготовиться к бою. Крича вызов, вожди вернули на индейские позиции.

Безусловно, «в спешке» были сделаны приготовления к немедленному сражению с обеих сторон. С часами в руке Майлз отсчитывал минуты и ровно в назначенное время отдал приказ о наступлении. Индейцы подожгли сухую траву, которая еще не была покрыта снегом, и сражение началось среди облаков пламени и дыма. Несмотря на то, что солдаты были в численном меньшинстве почти три к одному, их атака была настолько безжалостной, что индейцы были вытеснены из своего лагеря, который перешел во владение Майлза.

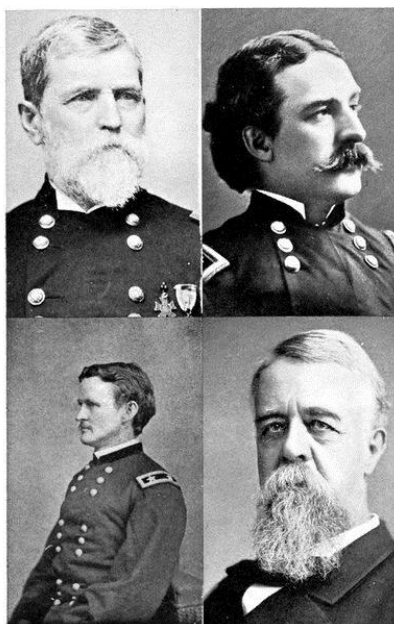
Однако су не были разгромлены, поскольку разбитые воины собрали силы, чтобы защитить своих бегущих женщин и детей, под руководством Галла и других, поскольку Сидящий Бык был скорее оратором, чем воином. Их бесстрашные вожди снова и снова вели их в атаку. В одном случае их отвага была настолько стремительной, что войска были вынуждены сформировать квадрат, чтобы отразить их яростные атаки. До окончания сражения, которое продолжалось до следующего дня, индейцы были оттеснены на более чем сорок миль.

Они понесли серьезные потери в воинах, но еще большие — в уничтожении своего лагерного снаряжения, зимних запасов и другого имущества. Две тысячи из них пришли на третий день и сдались, получив обещания хорошего обращения. Несколько сотен разбились на небольшие группы и рассеялись. Небольшой отряд Майлза был слишком мал, чтобы разделить и сформировать охрану для пленных индейцев из племен гаттауи (); кроме того, у него были другие дела, поэтому он задержал нескольких главных вождей в качестве заложников и вынудил остальных пообещать, что они сдадутся в агентстве Споттид Тейл (Spotted Tail) или Ред Клауд (Red Cloud) — обещание, которое, кстати, большинство из них сдержали. Сидящий Бык, Галл и около четырехсот других отказались сдаться и направились к границе, на время ускользнув от преследования.

Это было первое и самое серьезное отступничество от индейской конфедерации. За ним последовали другие. В ходе последующей кампании, в разгар зимы, батальон под командованием лейтенанта Болдуина дважды наносил удары по истощенному и голодающему лагерю Сидящего Быка, нанося дальнейшие потери этому неумолимому вождю.[\[104\]](#)

II. Сокрушительное поражение Маякого Лошади в Вольф-Маунтин

В конце декабря Майлз, практически устранив Сидящего Быка из игры, выступил против Сумасшедшего Коня. С ним было пять рот Пятого пехотного полка и две роты Двадцать второго, всего четыреста тридцать шесть офицеров и солдат и две пушки Наполеона. Эти пушки были оснащены брезентовыми крышками для повозок и были замаскированы так, что точно походили на повозки с припасами. Солдаты покинули лагерь 29 декабря 1876 года. Стало известно, что Сумасшедший Конь находился в долине реки Тонг, к югу от Йеллоустоуна. Первого и третьего января произошли ожесточенные стычки между передовыми отрядами и боевыми отрядами индейцев, которые постепенно продвигались вверх по Тонгу к горам. Вечером 7 января 1877 года были захвачены молодой воин и женщина, принадлежавшие к тем шайенам, которые все еще были с Сумасшедшим Конем и Ункапами и были родственниками некоторых из главных членов племени. От них было узнано многое о положении индейцев.

Из коллекции Дж. Роберта Костера

ГЕНЕРАЛ ДЖОН ГИББОН ГЕНЕРАЛ НЕЛСОН А. МАЙЛС

ГЕНЕРАЛ УЭСЛИ МЕРРИТ ГЕНЕРАЛ АЛЬФРЕД Х. ТЕРРИ

НЕКОТОРЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ БОРЦЫ С ИНДЕЙЦАМИ

На следующее утро, когда погода была очень холодной, солдаты выдвинулись, чтобы атаковать индейский лагерь. Воинов Безумного Коня было от восьми до девяти сотен. Он разместил своих людей на утесах, возвышающихся над долиной в горах Волка, отроге хребта Биг-Хорн, недалеко от поля битвы Крука на Роузбаде. Войска вошли в долину на глазах у индейцев, занимавших высоты. Место было выбрано удачно, поскольку для атаки солдатам пришлось бы подниматься по отвесным стенам, чтобы добраться до индейцев, которые благодаря рельефу местности и своему численному превосходству могли практически окружить солдат. Одной из причин, по которой Сумасшедший Конь был готов сражаться, было его сильное желание заполнить недавно захваченных индейцев.

Видя, что Сумасшедший Конь готов принять бой, Майлз тщательно подготовился. Войска, находясь вне досягаемости индейцев, спокойно позавтракали и укрепили свой лагерь. Сделав все без спешки, Майлз двинулся в атаку.

Су были хорошо видны на скалах. Их было видно, как они грозили кулаками и размахивали ружьями, пока солдаты медленно продвигались по глубокому снегу, покрывавшему землю. Индейцы казались абсолютно уверенными, что Майлз идет в засаду, что, когда он попадет в каньон, он не сможет взобраться на склоны, и они будут иметь его в своей власти. Это не была засада. Все происходило открыто и явно. Они выбрали позицию и пригласили солдат напасть на них. У Майлза действительно не было другого способа добраться до них, так как они хитро использовали рельеф местности, кроме пути, который лежал перед ними. По мере приближения войск жесты вызова и презрения сопровождались криками и насмешками. Среди всего, что они кричали, уверенные в успехе, были следующие значимые слова:

«Вы позавтракали в последний раз!»

Действительно, мрачное предсказание не казалось маловероятным.

Можно было предположить, что люди, обремененные тяжелой зимней одеждой, как солдаты, никогда не смогут взобраться на эти высоты, особенно в условиях такого сопротивления, которое окажут грозные воины Красного Коня. Если им не удастся очистить утесы от индейцев, они, вероятно, будут застрелены десятками в долине. Затем они будут вынуждены отступить к своему поезду, если кто-то из них останется в живых, и выдержать осаду; а поскольку они находились в трех-четыре сотнях миль от любых возможных подкреплений и в разгар дакотской зимы, это означало бы быстрое уничтожение. Это был серьезный риск, но ни одна битва не выигрывалась без риска, и искусство солдата заключается в том, чтобы знать, на какие риски идти и когда. Не последней причиной восхищения Майлзом как полководцем была его решимость при любых обстоятельствах сражаться здесь и сейчас.

Несмотря на угрожающие перспективы и не обращая внимания на дикие крики и насмешки, хотя некоторые разведчики, знавшие язык сиу, отвечали тем же, войска развернулись и, насколько быстро могли, двинулись к холмам. Артиллерия была выставлена и развернута, и снаряды, брошенные в индейские позиции, вызвали большое удивление и смтение. Ключом к позиции было высокое возвышение слева от « ». Индейцы, которые ее удерживали, были во главе с Большим Вороном, главным знахарем. Когда началась битва, он свободно передвигался между линиями, одетый в великолепную индейскую военную рубашку и шапку, бегая туда-сюда и крича как бешеный.

Майлз собрал небольшую колонну против Большого Ворона и воинов, защищавших возвышенность. Одновременно он приказал общее штурмовое восхождение на утес по всей линии. Под сильным огнем, который, однако, как и большинство наклонных залпов по склонам гор или холмов, наносил лишь небольшой ущерб, войска медленно поднимались по обледенелым, покрытым снегом обрывам.^[105] Под командованием майора Кейси и капитанов Макдональда и Болдуина атака была проведена с максимальной решимостью. Это не было стремительным рывком. Ни один человек, обремененный таким грузом, как эти солдаты, не мог быстро двигаться по обледенелым утесам, покрытым, где позволяла крутизна подъема, слоем снега от одного до трех футов. Это было скорее медленное, упорное, решительное ползание с остановками каждые несколько минут, чтобы стрелять по индейцам, вырисовывавшимся над ними на сером фоне зимнего утра.

Бой за высокий утес слева от линии был ожесточенным и отчаянным. В конце концов, солдаты вступили в рукопашную схватку. Индейцы упорно держались за пост, пока не был застрелен Большой Ворон, после чего солдатам удалось вытеснить их. Этот утес господствовал над линиями. Он был занят войсками, которые обрушили фланговый огонь на армию Сумасшедшего Коня. Таким образом, позиция индейцев стала невыносимой, и, сражаясь угрюмо и упорно, они отступили в хорошем порядке, хотя и были преследуемы войсками. В конце наступления пошел снег, и до окончания сражения бойцы сражались в ослепительной метели. Майлз говорит, что в тот момент, когда индейцы повернули спину и начали отступление, он почувствовал облегчение, которое трудно выразить словами, настолько отчаянным было сражение, настолько трудным был подъем и настолько неопределенным был исход.

Индейцев преследовали на некотором расстоянии, и большая часть их лагерного снаряжения с припасами была захвачена. В целом они потерпели самое удручающее и дезорганизующее поражение. Их боеприпасы были почти на исходе, их союзники из других племен были захвачены, основная часть грозных шайенов была разгромлена и голодала, а племена Unkrapas, Miniconjous, Sans Arcs и Brulés сдались. Игра была окончена.

Сумасшедшему Конне и измученным остаткам племени, которые остались верны ему, не оставалось ничего другого, как сдаться, что они и сделали в начале весны.

III. Захват деревни Ламе Дира

Таким образом, на поле боя осталась практически только одна группа из шестидесяти шатров, «[1106](#)» под командованием Ламе Дира и Айрон Стара, которые категорически отказывались сдаваться. Неустоимый и блестяще успешный Майлз преследовал эту группу, догнал ее, застал врасплох одним майским утром, захватил деревню, рассеял большую часть индейцев и сумел изолировать и окружить Ламе Дира и Айрон Стара с полудюжиной главных воинов. Майлз очень хотел взять их живыми. Он вместе с некоторыми из своих офицеров продвинулся вперед к отчаявшейся маленькой группе индейцев, которые были отрезаны от бегущей массы дикарей, делая знаки мира и выкрикивая слова мира.

Индейцы были чрезвычайно возбуждены и оставались на чеку, но не совершали никаких враждебных действий. Майлз подъехал, наклонился над седлом и протянул руку Хромому Оленю. Неустрашимый вождь, дрожащий от эмоций под маской индейского стоицизма, схватил руку генерала и крепко сжал ее. Железная Звезда взял руку Болдуина. Остальные индейцы неохотно подошли с протянутыми руками, и все шло хорошо.

В этот момент один из белых разведчиков, не зная, что происходит, подбежал к группе и, возможно, полагая, что жизни командующего офицера угрожает опасность, направил на Хромого Оленя свое ружье. Индеец, вероятно, думая, что его в любом случае убьют, решил умереть в бою. Майлз пытался удержать его и успокоить, но индеец сильным рывком вырвался, поднял винтовку и направил ее прямо на генерала.

Майлз участвовал во многих сражениях, но никогда не был так близок к смерти, как в тот момент. Его быстрота и находчивость не подвели его. Как только индеец нажал на курок, он вонзил шпоры в лошадь и резко повернул животное в сторону. Пуля Ламе Дира, пролетевшая мимо него на волосок, попала в одного из сопровождающих и мгновенно убила его. Железная Звезда также отскочил от Болдуина и поднял винтовку, как и другой индеец. Однако ни один из них не был так быстр, как Хромой Олень. Приблизившиеся солдаты заметили движение Хромого Оленя, и прежде чем индейцы успели нанести дальнейший ущерб, они были сражены быстрой стрельбой, которая разложила их всех мертвыми на земле. Сражение было коротким, но чрезвычайно ожесточенным. Войска потеряли четырех убитых и семерых раненых, а суи — четырнадцать убитых и большое количество раненых. Банда была полностью разбита, и большинство индейцев вскоре сдались.[1107](#)

Из всех индейцев, сыгравших заметную роль в этой величайшей из наших индейских войн с дикими племенами, на свободе остался только неукротимый Сидящий Бык, и он избежал плена, потому что с жалкой группой голодающих, но решительных последователей ему удалось пересечь границу Британской Колумбии.

Настойчивость Крука, смелый ход Миллса, отчаянный рывок Маккензи в каньон Уиллоу-Крик, великолепная кампания Майлза, его упорные бои в Седар-Крик и на Вольф-Маунтин, его преследование Ламе-Дира, его политика и умение справляться с возникшими критическими ситуациями, наконец, принесли мир на эту пропитанную кровью землю. Самая важная работа, когда-либо сделанная армией Соединенных Штатов за пределами крупных войн нации, была успешно и блестяще выполнена.

IV. Прощание с великим вождем и его надеждами

Завершить эту главу уместно будет рассказом о судьбе двух главных противников Соединенных Штатов. Сидящий Бык вернулся в Соединенные Штаты и через несколько лет сдался армии. Будучи вечным недовольным, он был одним из вдохновителей восстания «Призрачного танца», кульминацией которого стала битва при Раненом Колене в 1890 году, и был убит индейской полицией при сопротивлении аресту.^[108]

Конец Крейзи Хорса наступил раньше, в перестрелке в караульном домике 7 сентября 1877 года. Он был ранен ножом в живот и скончался от полученной раны. Несмотря на свою капитуляцию, он всегда был недоволен и замышлял вновь встать на путь войны. Полагая, что его намерения стали известны и что он будет подвергнут суровому наказанию из-за этого, он начал бесноваться, вооружившись ножом, который каким-то образом оказался у него в руках, в караульном домике. Когда беспорядки закончились, его нашли на земле с смертельной раной в живот. Невозможно установить, была ли рана нанесена штыком часового у двери или ударом одного из индейцев, которые набросились на него и с которыми он боролся. Как бы то ни было, рана была смертельной, и он скончался вскоре после этого.

Так закончилась печальная жизнь Сумасшедшего Коня, главного героя этих рассказов и одного из самых знаменитых индейцев, когда-либо живших на земле. Капитан Бёрк^[109] так описывает его:

«Я увидел перед собой человека, который выглядел довольно молодо, не старше тридцати лет, ростом пять футов восемь дюймов, гибкого и мускулистого, с шрамом на лице. Выражение его лица было спокойным и достойным, но угрюмым, упорным, целеустремленным и меланхоличным. Он вел себя невозмутимо, как человек, который осознавал, что должен подчиниться судьбе, но делал это как можно более угрюмо..... Все индейцы высоко ценили его за мужество и щедрость. При наступлении на врага ни один из его воинов не имел права пройти мимо него. Он завоевал сотни друзей своей благотворительностью по отношению к бедным, поскольку для него было делом чести никогда не оставлять ничего для себя, за исключением оружия. Я никогда не слышал, чтобы индейцы упоминали его имя без уважения. Во время резни Кастера нападение Рено сначала вызвало панику среди женщин, детей и некоторых воинов, которые начали бежать, но Сумасшедший Конь, бросив винтовку, разбил голову одному из приближающихся солдат своим каменным боевым дубиной и прыгнул на лошадь.

Сумасшедший Конь был прирожденным солдатом, чьи таланты в военном деле и лидерстве были высочайшего порядка. Он отразил Рейнольдса на реке Паудер, вырвав победу из явного поражения. Он бросился в атаку на колонны Крука на Роузбаде и Кастера на Литл-Бигхорне; и нужно признать, что он не только остановил, но и отбросил Крука, нанеся ему сокрушительный удар, а половину войск Кастера уничтожил. Он вел отчаянную и, с военной точки зрения, весьма достойную действие против значительно превосходящих сил Крука в Слим-Баттс. Единственным человеком, который честно и справедливо победил его, был Майлз в Вольф-Маунтин, и даже там Сумасшедший Конь сумел удержать свои силы под контролем, когда он отступал с поля боя.

Вероятно, он никогда бы не сдался, если бы не измены в его окружении, катастрофическое поражение шайенов от Маккензи и уничтожение большей части его лагерного снаряжения в Вольф-Маунтин. В действительности он мог бы продолжать сражение, если бы его воины не замерзли, не голодали и не остались почти без боеприпасов. Индейцам не оставалось ничего другого, как сдаться. Как сказал один из них Майлзу:

«Мы бедны по сравнению с вами и вашей армией. Мы не можем изготовить винтовку, патроны или нож. Фактически, мы находимся во власти тех, кто захватывает нашу страну. Ваши условия суровы и жестоки, но мы собираемся их принять и отдаться на вашу милость».

Это подытоживало ситуацию, хотя условия, предоставленные индейцам, были далеко не суровыми или жестокими.

Так ушел из истории великий вождь сиу, один из самых храбрых из храбрых и один из самых способных и мудрых вождей, несмотря на свое нелепое имя. Он имел многие пороки, возможно, все пороки своей расы, но он также обладал всеми их грубыми добродетелями и большими способностями, которых у большинства из них не было. Сидящий Бык, мудрый, хитрый, неукротимый, как он был, не мог сравниться с ним ни на минуту.

Как ни посмотри, это была трагедия. Невозможно не испытывать большого восхищения этими су и шайенами, какими бы жестокими и безжалостными они ни были. Я прощался с ними с некоторым сожалением.

Кто-то сказал, что так же, как Роузбад и Литл-Биг-Хорн ознаменовали расцвет индейского господства на Северо-Западе, так и забытая могила Сумасшедшего Коня ознаменовала отлив, после которого прилив так и не наступил.

Когда он уходит на счастливые охотничьи угодья в стране Великого Духа, я стою и салютую ему с чувством уважения, которое я испытываю не только благодаря изучению его биографии, но и благодаря высказываниям и записям людей, которые могли лучше всего судить о его качествах, — ведь это были солдаты, которые сражались с ним.

ЗАМЕТКИ О БОРЬБЕ С ЛАМЫМ ОЛЕНЕМ

Автор: полковник Д. Л. Брейнард, США^{[110](#)}

Командование, состоящее из четырех отрядов Второй кавалерии «F», «G», «H» и «L», двух рот Пятой пехоты, двух рот « » Двадцать второй пехоты и роты конных разведчиков, все под командованием полковника Нельсона А. Майлза, покинуло лагерь на реке Тонг 1 мая 1877 года и двинулась вверх по реке Тонг с целью перехватить отряд враждебных индейцев под командованием Ламе Дира, который, как было известно, находился в верховьях реки Роузбад или вблизи них. Транспорт состоял из упряжек быков, упряжек мулов и нескольких вьючных животных. Командование шло вверх по реке Тонг четыре дня, после чего поезд оставили под охраной небольшого отряда, а основные силы продолжили путь с вьючными повозками, кавалерия шла впереди, а пехота следовала за ней более медленно, пересекая местность в направлении реки Роузбад, маршируя днем и ночью, останавливаясь только настолько, чтобы сварить кофе для солдат, отдохнуть и напоить животных.

Вечером 6-го числа мы разбили лагерь в глубокой долине недалеко от реки Литл Мадди Крик, а около двух часов ночи следующего дня снова сели в седла и тихо и быстро двинулись по долине к индейскому лагерю, который накануне вечером обнаружили Уайт Булл, Брейв Вольф, Боб Джексон и другие разведчики. Разведчики сообщили, что лагерь находился всего в шести милях, но вскоре выяснилось, что он был гораздо дальше, и на рассвете мы все еще были на значительном расстоянии от него. Отряд двигался рысью, но сразу же перешел на галоп, и как только солнце появилось над горизонтом, мы обогнули изгиб долины и увидели индейский лагерь, который находился на правой стороне, близко к холмам.

Сначала мы не видели индейцев, кроме нескольких мальчиков, охранявших пони, которые паслись немного дальше лагеря, но они сразу же вышли, бросились в траву и начали стрелять в нашу сторону, хотя и безрезультатно. Когда мы атаковали лагерь, эти индейцы вместе с женщинами и детьми побежали к холмам, увозя с собой несколько лошадей, которые были рядом с вигвамами. Рота «H» под командованием лейтенанта Ловелла Х. Джерома прорвалась через лагерь и захватила стадо пони. Остальные роты, все под командованием капитана Болла, атаковали деревню, выстроились в линию справа, развернулись в засаду и преследовали индейцев в гору.

Холмы в этом месте были настолько крутыми, что пришлось спешиться и продвигаться пешком, а лошадей отправили более легким путем, чтобы они присоединились к нам позже, ближе к вершине холма. Линия была сформирована следующим образом: отряд «F» (Тайлер) справа, отряд «L» (Норвуд) в центре и отряд «G» (Уилан) слева. Индейцы были загнаны на холмы, где они разбежались, как перепела. Наши лошади были приведены, и, сев на них, мы промчались по местности две или три мили, а затем вернулись в деревню.

Насколько я помню, четыре солдата и четырнадцать индейцев были убиты, десять солдат получили ранения, в том числе и я. Было захвачено около четырехсот пони, которые впоследствии были использованы для оснащения батальона пехоты, который позже проделал большую работу на поле боя. Там было более шестидесяти вигвамов, в которых мы нашли тонны сушеного мяса буйвола, несколько единиц оружия, немного боеприпасов, а также большое количество буйволиных шкур, седел и различных предметов лагерного имущества, которые были сожжены в тот же день, что настолько ослабило банду, что ее остатки сдались через несколько недель.

В ту ночь мы разбили лагерь на поле боя, а на следующий день двинулись обратно в направлении нашего обоза.

Один из самых интересных эпизодов сражения произошел как раз в тот момент, когда отряд, к которому я принадлежал («L»), атаковал деревню. Я видел, как генерал Майлз ехал к первому вигваму, возле которого стояли два индейца, а за ним следовал его ординарец. Он что-то крикнул этим индейцам, чего я не понял, но позже я понял, что он призвал их сдаться. Один из них был, очевидно, вождь Ламе Дир, потому что он носил длинный головной убор из орлиных перьев, достигавший земли. Когда Майлз приблизился верхом, вождь быстро пошел ему навстречу, протянув руку, как будто для рукопожатия, но когда он подошел на расстояние десяти-двенадцати футов, индеец, который шел сзади и, как говорили, был Железной Звездой, сыном Хромого Оленя, а также шаманом племени, резко окликнул Хромого Оленя, вероятно, предупреждая его о приближении войск и призывая его последовать за другими индейцами в горы.

Хромой Олень остановился, обернулся, засомневался, затем отбежал на несколько шагов назад, поднял с земли заряженный карабин и выстрелил в упор в генерала Майлза, который, увидев это движение, резко развернул лошадь и наклонился вперед. Пуля пролетела над ним и попала в грудь его ординарцу, убив его на месте. Затем вождь побежал вверх по крутому холму в сопровождении другого индейца. Его головной убор был очень заметным, и в эту сторону сразу же прозвучало много выстрелов. По его шатким шагам мы поняли, что вождь был тяжело ранен, и в этот момент его спутник, вместо того чтобы бежать, как он мог бы сделать, обнял вождя за талию и поддержал его, поднимаясь по холму. Примерно в это время вождь вытащил револьвер и, не оборачиваясь, держа его за спиной, выстрелил в нашу сторону, пули ударились о землю всего в нескольких футах за ним. Мы предположили, что этот поступок () был актом неповиновения человека, который знал, что не сможет сбежать, но был готов сражаться до последнего. Айрон Стар поддерживал вождя, пока тот не упал, после чего он сбежал за холм, но был убит отрядом «G», который наступал с той стороны. После той преданности и храбрости, которые он проявил, поддерживая Ламе Диру на холме, нам было почти жаль, что он не смог спастись живым.

Через несколько дней Боб Джексон рассказал мне, что, осматривая тело Ламе Диры после боя, он обнаружил, что тот был ранен семнадцать раз.

Еще один случай, иллюстрирующий доблесть солдата Соединенных Штатов, произошел с рядовым Леонардом из отряда «L» Второй кавалерии, который отстал, чтобы поправить седло, в паре миль от индейского лагеря. Отряд быстро продвигался вперед, и индейцы проскользнули между тылом колонны и этим одиноким солдатом. Однако, увидев их, он поднялся на вершину холма, прилег за камнями и в течение нескольких часов сдерживал индейцев, пока к нему не пришла помощь. К счастью, помощь пришла, потому что он почти исчерпал боеприпасы, стреляя по индейцам, которые несколько раз атаковали его позицию.

[103](#) Личные воспоминания генерала Нельсона А. Майлза, США.

[104](#) В качестве примера способности Майлза управлять людьми Болдуин в частном письме, которое впоследствии было обнародовано, так описывает полученные им приказы: «Когда мне было поручено командование этим батальоном напротив устья Сква-Крик, а генерал принял командование меньшим количеством людей, встал вопрос, кто из нас найдет враждебных индейцев, и единственный приказ или предложение, которое он дал в своей характерной серьезной манере, было следующим: «Теперь, Болдуин, сделай все, что в твоих силах. Я несу ответственность за катастрофу, а успех будет твоей заслугой; ты знаешь, каковы мои планы и для чего мы здесь»». В этих словах есть что-то блестящее, мужественное, что я с радостью признаю. Великий солдат — это тот, кто сначала может выбрать своих подчиненных, а затем довериться им.

[105](#) В битве при Кингс-Маунтин во время Американской революции небольшие потери среди американцев были связаны с тем, что англичане, хотя и были обученными стрелками, стреляя по склонам горы, перестреливали своих противников, хотя те были полностью видны им на всем протяжении подъема по склону; и войска всегда склонны поступать так же. Войска, находящиеся на ровной местности, обычно стреляют слишком низко, и земля между наступающими линиями солдат часто вспахивается пулями из опущенных дул, которые должны были попасть в грудь приближающегося врага.

[106](#) В каждом жилище проживало от пяти до десяти человек.

[107](#) См. конец этой главы для другого описания сражения при Ламе Дир.

[108](#) Эти события будут подробно обсуждаться в следующем томе.

[109](#) «На границе с Круком», капитан Джон Г. Бёрк, США.

[110](#) Полковник Брейнард заслужил свое звание благодаря героическим действиям в арктической экспедиции Грили 1881–1884 годов. — С. Т. В.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Для чего они там **Набросок генерала Гая В. Генри, типичного американского солдата**

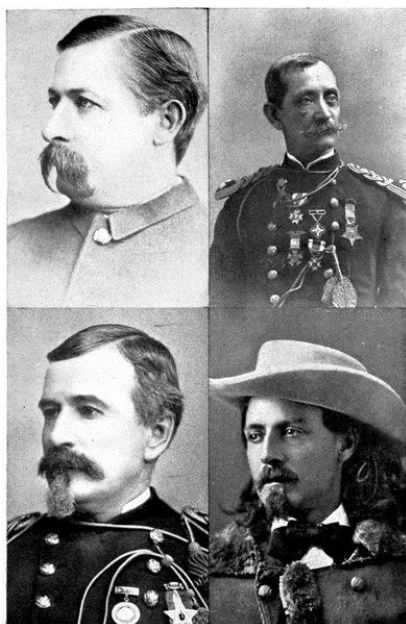
I. Жестокая война

Самая неблагоприятная задача, которую может взять на себя нация, — это война против диких или полудивилизованных народов. В ней обычно мало славы и нет никакой награды, кроме сознания хорошо выполненного неприятного долга. Риск для солдата выше, чем в обычной войне, поскольку дикари обычно пытаются раненых и пленных. Успех может быть достигнут только в результате трудного, упорного, изнурительного процесса, который дает мало возможностей для научного ведения боевых действий, но требует военных талантов высочайшего уровня.

Практически любой может понять стратегию или тактику сражения, в котором участвует большое количество людей, потери значительны, а результаты решающие; но очень немногие непрофессиональные критики ценят кампанию неустанного преследования небольшой армией еще меньшего отряда мобильных врагов, то и дело захватывая небольшие группы, время от времени убивая или выводя из строя нескольких человек, пока в конце концов враг, сократившийся, возможно, до менее чем двадцати человек, не сдается. В этом нет ничего впечатляющего, и все удивляются, почему это заняло так много времени.

А поскольку несправедливость и ошибки не были редкостью в предварительных переговорах между правительством и дикарями, солдат, который должен только выполнять приказы, подвергается незаслуженной критике со стороны тех, кто мыслит мрачно, хотя и говорит резко. Особенно его критикуют, если, обезумев от страданий, пыток какого-то товарища, солдат опускается до уровня дикаря в своем отношении к безжалостному врагу. Конечно, никто не оправдывает такой промах, но мало кто даже пытается его понять. Непрерывающаяся кампания на Филиппинах с ее скандалами является тому примером.

Однако задолго до испано-американской войны и ее филиппинского продолжения наша небольшая армия продемонстрировала свою способность вести самые тяжелые и отчаянные боевые действия против индейцев Запада — работу, столь же сложную и опасную, как и любая другая, которую когда-либо предпринимала армия. Этих событий было так много, и они были настолько богатыми на захватывающие инциденты, что о них можно было бы написать целые тома, не исчерпав их трагизма и романтики. Было мало солдат, служивших за пределами Миссисипи с 1865 по 1890 год, которые не участвовали бы в десятках сражений, чья жизнь не была бы не раз подвергнута опасности в ходе многих тяжелых, но теперь забытых кампаний.

Из коллекции Дж. Роберта Костера

ПОЛКОВНИК РАНАЛД С. МАККЕНЗИ

ГЕНЕРАЛ ГАЙ В. ГЕНРИ

КАПИТАН ЭНСОН МИЛЛС

У. Ф. КОДИ (БУФФАЛО БИЛЛ)

ГРУППА ВЫДАЮЩИХСЯ БОРЦОВ С ИНДЕЙЦАМИ

Все, кроме генерала Генри, с современных фотографий

Одним из самых храбрых наших индейских бойцов был Гай В. Генри. Лично он был типичным представителем рыцарского американского солдата. Официально ему посчастливилось проявить себя в по крайней мере трех экспедициях после Гражданской войны. Он был выпускником Вест-Пойнта и сыном другого выпускника, родившимся на службе в Форт-Смите на территории индейцев. Окончив академию в 1861 году, будучи еще мальчишкой, он участвовал в четырех годах самых тяжелых боев Гражданской войны, от Булл-Ран до Колд-Харбора. В возрасте двадцати трех лет его заслуги принесли ему звание полковника 40-го Массачусетского добровольческого полка, «полка, который никогда не был разгромлен». Высокие, мускулистые янки смеялись над безбородым юнцом, назначенным их командиром. «Последний смеется лучше всех», и Генри смеялся последним. Он подчинил их себе, и до сих пор они с любовью вспоминают его.

Он трижды упоминался в донесениях и пять раз награждался за выдающуюся доблесть в бою во время войны, из которой он вышел в звании бригадного генерала. За героические и успешные боевые действия в Старом Колд-Харборе он получил высшую награду, которую может получить солдат, — медаль чести. Когда во время атаки на линии Конфедерации под ним были застрелены две лошади, он отобрал третью у кавалериста, сел на нее под ураганным огнем и повел своих солдат вперед в последнюю атаку, в результате которой были захвачены укрепления противника; эта третья лошадь была застрелена под ним, когда он перепрыгивал через бруствер.

«Худой, как веревка, и смелый, как лев», он был мастером военной тактики и строгим дисциплинарием. «Я говорю вам, он тиран», — воскликнул один молодой офицер,

раздраженный заслуженным выговором. «Вы ошибаетесь», — ответил более мудрый офицер, который знал Генри лучше; «он пытается сделать вашу службу лучше, чем вы могли бы сделать это сами». Внезапный, как гром, и быстрый, как ястреб, когда он наносил удар краснокожим сиу, в семье и в общественных отношениях он был добрым, внимательным, христианским джентльменом. Он мог убивать индейцев — но никогда жестоко, безжалостно, только в открытой войне — и преподавать в воскресной школе. Я видел, как он делал последнее, и никто не делал это лучше него; мальчики из его класса просто боготворили его. И его солдаты в армии делали то же самое. Хладнокровный и тактичный, государственный деятель, несмотря на всю свою пламенную энергию, он был, пожалуй, лучшим из наших колониальных губернаторов. Когда он умер, жители Пуэрто-Рико оплакивали его как друга, а маленькие дети любили его как отца.

II. Марш в метель

В конце Гражданской войны его перевели в Третий кавалерийский полк, в котором ему суждено было завоевать вечную славу. Должно быть, было тяжело для людей, которые занимали высокие командные должности и доказали свою пригодность к ним, спуститься с генеральских должностей до подчиненных, но Генри принял эту ситуацию с радостью. Он был так же горд своим кавалерийским отрядом, как и своим полком и бригадой добровольцев. Его новое назначение привело его в Аризону, где в течение двух лет он командовал батальоном, занимавшимся сложной разведкой среди апачей. Зимой 1874 года он находился в форте Робинсон в Блэк-Хилс. Там он получил приказ отправиться в Бед-Лэндс, чтобы выдворить оттуда некоторых шахтеров, которые, как предполагалось, находились там в нарушение положений договора.

На следующий день после Рождества, со своим отрядом и пятнадцатью солдатами 9-го пехотного полка под командованием лейтенанта Карпентера, с повозками, провизией и фуражом на тридцать дней, солдаты выступили в поход. Экспедиция включала в себя марш длиной в триста миль по самой труднопроходимой местности на земном шаре и в условиях невообразимой суровости погоды, когда температура постоянно колебалась от двадцати до сорока градусов ниже нуля. Горняки не были найдены, и на обратном пути отряд, перенесший ужасные лишения, был застигнут метелью.

Когда в восточном городе термометр опускается до нуля, дует сильный ветер и идет сильный снег в течение суток, люди, не знакомые с настоящей метелью, называют такие незначительные погодные явления метелью. Представьте себе сильный ветер, дующий с севера, наполненный ледяными иглами, которые пронзают кожу до крови, прежде чем она замерзнет, термометр показывает сорок градусов ниже нуля, холмистая, безлесная местность, где нет никакого укрытия от слепящего снега и пронизывающего ветра, и вы получите картину ситуации, в которой оказалась эта экспедиция. Буря началась через час после того, как был сложен лагерь в тот день, который, как надеялись, должен был стать последним днем обратного пути. Вернуться в лагерь было невозможно. Единственное, что можно было сделать, — это продолжать движение. Холод был настолько сильным, что сначала было решено, что безопаснее идти пешком, чем ехать верхом. Солдаты спешили и с трудом продвигались вперед. Многие из них сдались и упали от изнеможения, но их подняли на седла и привязали к ним, Генри сам делал это своими руками. В конце концов, вся группа так ослабела, что продолжать путь стало невозможно. В отчаянии они сели на измученных лошадей и подгоняли их. Генри не знал, в каком направлении ехать, но доверился инстинктам своей лошади. Он вел отряд. Многих солдат приходилось бить, чтобы они не засыпали и оставались в живых — сон означал смерть.

Наконец, когда надежда и все остальное были потеряны, они пришли к одинокому ранчо под изгибом холма, где жили белый мужчина и его индейская жена. Они были спасены, то есть они спаслись живыми. Лошадей поместили в укрытие в загоне, мужчины сгрудились в доме, и начался мучительный процесс оттаивания (). Ранчо находилось в пятнадцати милях от форта Робинсон, и когда на следующий день метель утихла, туда отправили повозки и машины скорой помощи, и беспомощных солдат отвезли обратно в форт.

Большинство из них были в ужасном состоянии, и лишь немногим удалось спастись. Они были сломлены перенесенными испытаниями, особенно морозом, который, по словам тех, кто его пережил, вызывает истощение, от которого трудно оправиться. Когда Генри вошел в свою комнату, его жена не узнала его. Его лицо было черным и опухшим. Его люди перерезали поводья, чтобы освободить его руки, а затем разрезали его перчатки на полосы, каждая из которых срывала с него кусок плоти. Все его пальцы были обморожены до второго сустава; плоть отслоилась, обнажив кости. Один палец пришлось ампутировать, и до самой смерти его левая рука была настолько жесткой, что он не мог снова сжать пальцы. Поскольку он был худым, стройным человеком, без лишней плоти, он страдал больше остальных. Однако он не жаловался, и только благодаря его неукротимой настойчивости люди не замерзли насмерть в тот ужасный день. Зимний поход Генри до сих пор помнят те, кто служил в старом войске, как одно из героических достижений того периода.

III. Ужасный опыт

Однако героизм и страдания молодого солдата были ничто по сравнению с тем, что он проявил и пережил два года спустя. Незадолго до резни Кастера генерал Крук с примерно 1100 человек выдвинулся из форта Феттерман в Вайоминге в экспедицию, которая завершилась битвой при Роузбаде. Полковник У. Б. Ройалл командовал кавалерией небольшой армии Крука « ». Однажды утром в июне су и шайены под командованием Сумасшедшего Коня, который как воин и полководец, вероятно, не имел себе равных среди индейцев, напали на людей Крука. Левое крыло под командованием Ройала оказалось в изоляции в ущелье и практически окружено врагом, превосходившим их по численности в пять раз. Остальная часть армии, занятая тяжелыми боями, не могла прийти им на помощь. Индейцы наносили удар за ударом по войскам, которые все, кроме полевых офицеров, спешились. Генри командовал левым батальоном войск Ройала. Хладнокровный, как айсберг, он ездил вдоль тонкой линии, успокаивая и поддерживая своих людей. Однажды, смелой атакой, он спас находящуюся в опасности роту под командованием своего сослуживца.

Наконец, во время одной из яростных атак сиу, он был ранен в лицо. Пуля из винтовки попала ему под левый глаз, прошла через верхнюю часть рта под носом и вышла под правым глазом. Удар был ужасающим. Его лицо мгновенно покрылось кровью, рот наполнился ею. Однако он остался в седле и пытался подгонять войска. В тот самый момент, когда он подгонял лошадь, чтобы возглавить атаку, он потерял сознание и упал на землю.

В этот момент индейцы в военных головных уборах, великолепно оседланные, нанесли сокрушительный удар по левому флангу линии. Лишившись своего лидера, солдаты на время отступили. Индейцы фактически проскакали по лежащему на земле телу храброго солдата. К счастью, он не был задет копытами лошадей. Решительная позиция вождя Вашаки из дружественного племени шошонов, наших индейских союзников в этой битве, который вместе с двумя или тремя своими воинами отчаянно сражался над телом Генри, не дала индейцам содрать с него скальп и убить его.

Офицеры Третьего полка быстро собрали своих людей, оттеснили индейцев и вновь заняли позиции, где лежал Генри. Его помогли поднять на лошадь и отвезли в тыл, где находились хирурги. Рана была настолько тяжелой, что он мог говорить только шепотом, ничего не видел, почти не слышал и с большим трудом дышал. Когда доктор наклонился над ним, он услышал, как раненый пробормотал: «Вылечите меня, чтобы я мог вернуться!»

В тот день ему не удалось вернуться. В течение всего длинного дня он лежал на земле, пока вокруг него бушевала битва. Воды было мало, укрытия не было; в армии не было ни одной палатки. Хотя в это время года ночи в той стране были очень холодными, в полдень было ужасно жарко. Его мучила жажда. Его ординарец сумел создать ему немного тени, держа лошадь так, чтобы тень от тела животного падала на раненого. Его рану завязали как можно лучше, а затем его практически оставили умирать.

Один из товарищей полковника вернулся к нему во время затишья в бою. Он лежал беспомощно на голой земле, в тени беспокойной лошади, с которой ординарец делал все, что мог. Никто другой не мог быть отвлечен от линии фронта, чтобы позаботиться о потребностях Генри, хотя, по сути, он не выражал никаких потребностей. Мухи густо осели на его забинтованном лице. Офицер наклонился над ним с выражением сочувствия.

«Все в порядке, Джек», — пробормотал он кровавыми губами, — «мы здесь для этого».^{шш}

Войска Роялла наконец смогли соединиться с основными силами, отступив в бою, и Генри был унесен в спешке. Индейцы наконец отступили с поля боя (сражение можно считать ничейным), и тогда появилось время подумать, что делать с ранеными. Возможности для лечения были крайне ограниченными. Колонна была лишена багажа, чтобы увеличить свою мобильность и иметь возможность противостоять индейцам. Все, что у них было, они несли с собой, и это включало в себя лишь самое необходимое.

Никто не ожидал, что Генри переживет эту ночь. Он сам не надеялся выжить, лежа там долгие часы, слушая, как люди копают могилы для павших, и гадая, будет ли он одним из тех, кто окажется в них. На следующий день его отправили в тыл. Его перевозили на так называемом травoise. С берега реки срубили два молодых дерева; между ними, перекинутыми через спины животных, поместили двух армейских мулов, по одному с каждой стороны. Затем к шестам привязали армейское одеяло или кусок брезента, на который и положили раненого. Было несколько раненых, но ни один из них не был так серьезно ранен, как Генри. До форта Феттерман было около двухсот миль, и они пронесли его все это расстояние таким образом.

Ночью была сильная холодная погода. Днем было жарко. Травой был настолько коротким — они, конечно, взяли те шесты, которые смогли найти, — что несколько раз голова задней мулы ударялась о голову раненого офицера, так что в конце концов они повернули его, поместив его голову за пятками переднего животного, где он мог быть забит до смерти в любой момент.

Однажды одна из мулов споткнулась, упала и выбросила Генри на голову. Офицеры небольшого эскорта замерли в ужасе, увидев, как он упал, но есть официально подтвержденные свидетельства того, что Генри обладал таким железным самообладанием, что не издал ни звука, хотя боль была невыносимой. Фактически, на протяжении всего путешествия он не жаловался ни на что. Его единственной пищей был бульон, приготовленный из птиц, которых солдаты стреляли по мере их появления, и он получал его очень редко.

Наконец, небольшой кортеж достиг форта Феттерман. Там их ждала последняя беда. Реку пересекали на пароме, который тянули от берега к берегу с помощью веревок и талей. Река была очень полноводной, а течение быстрым, и когда они готовились перевезти раненого

офицера, веревки порвались, и все пошло наперекосяк, оставив его в пределах видимости, но вне досягаемости чистых постелей, удобств и медицинской помощи, на которые он надеялся. Некоторые из сопровождающих, хотя и были грубыми солдатами, разрыдались, увидев бедственное положение своего любимого офицера. Он же, верный своему девизу « », ничего не сказал. Наконец, они предложили перевезти его через бурный поток на маленькой лодке — единственной доступной лодке — если он готов рискнуть. Конечно, если бы лодка перевернулась, он утонул бы. Он рискнул, и с двумя мужчинами, гребущими веслами, и офицером, держащим его на руках, переправа была совершена.

IV. Жена военного

В трехстах милях от него, в форте Д. А. Рассел, его ждала жена. Задолго до того, как он достиг форта Феттерман (), она узнала от курьеров о его ранении, которое, как ей сообщили, было смертельным, хотя он позаботился о том, чтобы первому курьеру передать ей успокаивающее сообщение. Проявив героизм армейской жены, она, несмотря на слабое здоровье, немедленно приготовилась к встрече с ним. В то время железная дорога доходила только до Медисин-Боу. Дальше до форта Феттерман было еще сто миль. Все войска были в поле, и никого из номинального гарнизона нельзя было откомандировать для сопровождения. Миссис Генри снова и снова готовилась к отправке, несколько раз даже выезжала, но каждый раз ей запрещали это делать офицеры, командовавшие на различных постах. Было небезопасно отправлять женщину через всю страну с несколькими солдатами; индейцы были начеку и разбегались во всех направлениях. Нигде, кроме фортов и крупных городов, не было безопасности; ей приходилось оставаться дома и ждать. Иногда преданная жена получала вести от мужа, иногда — нет. Дикари постоянно перерезали провода. Ее ожидание было мучительным.

Наконец, прибытие войск в форт Феттерман позволило сформировать более сильный эскорт, и Генри отправили в форт Д. А. Рассел. Войска прибыли в Медисин-Боу третьего июля. Поезд отправлялся только на следующий день. Им пришлось разбить лагерь. Ковбои и горожане отмечали Четвертое июля по обыкновению. В ту ночь измученный болью мужчина едва не погиб от безрассудных выстрелов празднующих. Две пули пролетели через палатку, в которой он лежал, чуть выше его головы. На следующее утро он оказался в поезде. Его сердце было настолько ослаблено хлоралом и другими лекарствами, которые ему дали, что в Шермане, самой высокой точке пути, он был в шаге от смерти.

Все его мысли были о жене. Когда он прибыл на станцию, он отказался садиться в машину скорой помощи, чтобы избавить ее от вида, как его везут домой таким образом. Была найдена карета, и, поддерживаемый врачом и его товарищами, он был отвезен обратно в форт. С сверхчеловеческой решимостью, чтобы убедить жену, что он не серьезно ранен, он решил пройти от кареты до двери. Миссис Генри получила от врача указание сдерживать свои эмоции и тихо ждала у входа.

«Ну, — прошептал потрясенный мужчина, когда она нежно взяла его за руку, намекая на то, что сегодня четвертое июля, — вот это да, отличный способ отпраздновать, не правда ли?»

После самого тихого приветствия — представьте себе, что чувствовала эта женщина! — его отнесли в дом и уложили на диван. Врач сказал, что он может один раз посмотреть на свою жену. Повязки были осторожно сняты с его лица, чтобы он мог бросить этот единственный взгляд; затем их снова наложили, и жена, не в силах больше этого выносить, выбежала из комнаты. Жена капеллана ждала ее за дверью, и когда она оказалась в объятиях этой доброй женщины, она не выдержала и полностью сломалась.

«Вы знаете, — сказала жена капеллана, намекая на их многочисленные разговоры, — что вы просили у Бога только одного — чтобы Он вернул его вам, и Бог услышал эту молитву».

Все ожидали, что Генри умрет, но он не умер; возможно, было бы правильнее сказать, что он не мог умереть. У него не было физической силы, чтобы поддержать его усилия, только неукротимая воля. Он так и не оправился от того опыта. Он навсегда потерял зрение на один глаз и до самой смерти был подвержен кровоизлияниям, которые в любой момент могли привести к смертельному исходу.

Он взял годичный отпуск, а затем вернулся к службе. В 1877 году, когда его отряд получил приказ выдвинуться на фронт в очередную кампанию под командованием Крука против грозных сиу, он настоял на том, чтобы сопровождать их. Он был в пути около часа, когда упал в обморок с седла. Вернули ли его обратно? О, нет! Он попросил их положить его под деревом, оставить с ним двух или трех человек, чтобы присматривали за ним, и ехать дальше. Он присоединится к ним вечером, когда станет прохладнее и он сможет путешествовать с большим комфортом! Он сделал то, что сказал. Один солдат вернулся на пост по собственной инициативе и рассказал о его состоянии. Командир поста прислал ему приказ вернуться. Генри спокойно ответил, что будет подчиняться первому приказу и продолжит путь. Он оставался с отрядом шесть недель, пока его наконец не подняли на руки и не отнесли домой, несмотря на его тщетные протесты, поскольку врач отказался ручаться за его зрение или жизнь, если он останется в поле еще надолго.

V. Буйволы и их знаменитая поездка

Через тринадцать лет после этого Генри командовал Девятым кавалерийским полком, штаб которого находился в форте Маккини. Девятый кавалерийский полк был полком негров. Из-за пальто, которые они носили зимой в Вайоминге, их называли «Буйволами», а иногда в шутку называли «Брюнетками Генри» (). Как бы их ни называли, это был полк, которым можно было гордиться.

В 1890 году произошло последнее восстание сиу под вдохновением «танцоров с призраками», которое завершилось битвой при Раненом Колене. Когда начались беспорядки, войска со всех концов Соединенных Штатов были срочно отправлены в агентство Пайн-Ридж. 24 декабря Генри и «Брюнетки» получили приказ отправиться на разведывательную экспедицию в Блэк-Хиллс, на прежнюю территорию Генри. В канун Рождества был сильный мороз, но, слава Богу, не было метели. Им предстояло проделать пятьдесят миль на скачущей лошади. В четыре часа утра в день Рождества они остановились на отдых. Некоторая одежда солдат замерзла до твердости камня. Переправляясь через реку Уайт-Ривер, они проломили лед. Можно себе представить, как чувствовали себя солдаты в замерзшей одежде. Через восемь миль они разбили лагерь. Они не особо праздновали Рождество, потому что, как только они обосновались в Харни-Спрингс, сразу же отправились на разведку. Они усердно охотились в течение нескольких дней, но не нашли индейцев. Те ушли на юг, чтобы присоединиться к своим братьям, сосредоточившимся вокруг агентства. Однажды они проехали сорок две мили в тщетных поисках. Они вернулись в лагерь около семи часов. В девять часов курьер из агентства, расположенного в пятидесяти милях от них, сообщил им о сражении при Раненом Колене и о том, что пять тысяч оглала-сиу собираются атаковать агентство.

«В седла!» — раздался приказ, и уставшие солдаты снова сели на своих изможденных лошадей. На этот раз лагерь был окончательно снят, палатки сложены, повозки загружены, чтобы покинуть его. Ночь была очень холодной. По долине пронесся сильный ветер, засыпая снегом лица мужчин, укутанных до глаз в свои буйволиные шубы и меховые

шапки. Несмотря на это, они продолжали идти, так как Генри намеревался добраться до агентства в темноте, чтобы избежать нападения индейцев.

Поэтому было решено оставить обоз под охраной одной роты и продолжить путь с остальными. Мужчины прибыли в агентство на рассвете, преодолев более девяноста миль менее чем за двадцать часов. Были разведены костры, привязаны лошади, и измученные люди буквально бросились на землю, чтобы отдохнуть. Они пробыли там недолго, когда один из сопровождающих прискакал с новостью, что обоз подвергся сильному нападению и необходимо немедленно отправить помощь. Не дожидаясь приказа, даже не останавливаясь, чтобы оседлать лошадей, Генри и его люди помчались обратно по дороге на расстояние в две мили, где эскорт доблестно прикрывал обоз. Короткая, ожесточенная перестрелка, в которой один человек был убит и несколько ранены, отбросила индейцев, и полк привел обоз.

Было уже десять часов, и когда негритянские войска прибыли в агентство, принесли весть, что миссия Дрексел, расположенная в семи милях вверх по долине, подверглась нападению и необходимо немедленно отправить помощь. В распоряжении были два кавалерийских полка, Седьмой и Девятый. По какой-то необъяснимой причине приказ был отдан Девятому полку. От имени своих людей Генри выразил протест. Им нужно было немного отдохнуть, поэтому был отправлен Седьмой полк, который вскоре вступил в ожесточенный бой. Через два часа гонец сообщил, что Седьмой полк, находившийся в долине, где располагалась миссия, подвергся сильному нападению индейцев, которые заняли выгодные позиции на окружающих холмах. Если им не окажут помощь, они, вероятно, будут разгромлены. Снова прозвучал сигнал трубы, и уставшие черные солдаты вновь взобрались в седла и вонзили шпоры в своих еще более уставших лошадей, мчась на помощь своим бедствующим белым товарищам. Хребты были взяты с большим мужеством, и после ожесточенных боев индейцы были отброшены назад. Седьмой полк был спасен, и день был спасен.

За тридцать четыре часа Девятый кавалерийский полк проскакал сто восемь миль, из которых двадцать два часа они провели в седле. Они участвовали в двух сражениях и отдыхали всего два часа. Удивительно, но ни у одной лошади в полку не было болей в спине. Одна лошадь погибла под нагрузкой, но, за исключением этого и усталости, лошади и люди были в отличном состоянии.

Это был, вероятно, самый знаменитый переезд, когда-либо совершенный войсками в Соединенных Штатах. За это Генри был рекомендован к очередному званию генерал-майора — шестому, которое он получил.

Испано-американская война была слишком короткой, чтобы дать Генри возможность проявить себя на поле боя, но в Пуэрто-Рико он показал, что его таланты не ограничиваются только военным делом. За короткий период, когда его здоровье позволяло ему оставаться там, он совершил чудеса и сделал все так, чтобы завоевать уважение — нет, любовь — людей, которыми он управлял с беспристрастной преданностью и выдающимися способностями. Он оставался там, пока не сломался. Я, больной брюшным тифом, находился на транспорте в Понсе и видел его незадолго до того, как он потерял сознание. Мы были старыми друзьями, и он пришел на корабль, чтобы навестить меня. Я был не слишком болен, чтобы понять, что его время подходит к концу. Он не просил об освобождении от обязанностей.

«Меня послали сюда, — сказал он, — и я останусь здесь, пока не выполню свой долг».

Он был самым рыцарственным солдатом, которого я когда-либо встречал, а я встречал многих. Он был одним из самых скромных христиан, которых я когда-либо знал, а я знал немало. Именно его опыт в Пуэрто-Рико в конечном итоге привел к его смерти, потому что

буквально верно, что он умер, как и положено солдату, в полном снаряжении. В те тяжелые времена в Понсе, когда жизнь и здоровье были на низком уровне, он написал в священной уверенности своего последнего письма своей верной жене слова, которые он не привык произносить, но которые, по мнению тех из нас, кто его знал, выражали его постоянные мысли:

«Я здесь один. Один за другим мои штабные офицеры заболели и уехали домой. Домой! — давайте не будем об этом говорить. Иисус здесь со мной и делает даже это опустошение домом, пока не появится возможность для более светлого».

Итак, его память, запечатлевшаяся в сердцах тех, кто его любил, его героические поступки, вдохновлявшие его сослуживцев, перешли в его более светлый дом. Гай В. Генри, капитан сильных.

[111](#) Джон Ф. Финерти, который присутствовал там в качестве корреспондента *Chicago Times* и который рассказывает об этом случае, говорит, что Генри сразу после этой фразы посоветовал Финерти вступить в армию. Обнадеживающие обстоятельства, подтверждающие такую рекомендацию!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Дальнейшее обсуждение действий генерала Кастера в кампании при Литл-Бигхорн.¹¹²¹

I.

Соблюдал ли генерал Кастер приказы генерала Терри или нет; были ли эти приказы хорошо обдуманы и выполнимы; если генерал Кастер действительно не подчинился приказам генерала Терри, то были ли на то основания, учитывая обстоятельства, в которых он оказался, — все эти вопросы представляют глубокий интерес для исследователей военного дела и историков. Я полагаю, что эта проблема никогда не будет окончательно решена, и люди будут спорить по поводу этих вопросов до конца времен.

Этот вопрос многократно обсуждался со всеми «за» и «против». Было написано множество книг и журнальных статей, посвященных различным аспектам этой ситуации. Я пришел к выводу, изложенному в моей статье, как я уже сказал, вопреки своему желанию. Учитывая его героическую смерть на высотах поля сражения, я хотел бы считать генерала Кастера, к которому я давно питаю и до сих пор сохраняю восхищение, полностью невиновным. Я пришел к этому выводу только после тщательного расследования, включая тщательное взвешивание всех доказательств, которые я смог собрать по каждому из рассматриваемых вопросов.

Эти доказательства состоят, во-первых, из большого количества печатных материалов; во-вторых, из личных бесед с солдатами и военными критиками, которые, поскольку любые записи об этом были бы неизбежно слухами и информацией из вторых рук, я не привожу ниже, за исключением одного случая; в-третьих, из писем, которые были написаны мне офицерами, которые благодаря своему участию в кампании или необычным возможностям получить информацию о ней, которыми они обладали, располагали сведениями, которые они были готовы предоставить мне.

Цель этого приложения — зафиксировать, чтобы оно могло быть сохранено здесь в постоянной и доступной форме для будущего использования, те свидетельства из этих писем, которые могут быть уместными и полезными; а также направить студента, желающего углубиться в эту тему, к некоторым из наиболее ценных печатных источников, которые легко доступны.

Я рад, что некоторые из полученных мной сообщений, в частности от полковника Годфри, содержат решительную защиту генерала Кастера. Возможно, после рассмотрения доводов и

аргументов полковника Годфри, которые не только сильны и хорошо обоснованы, но и замечательно изложены, критик будет склонен не согласиться с моим выводом. Ради славы генерала Кастера я искренне надеюсь на это. Я был бы рад, если бы доказали, что я ошибался.

Не вдаваясь в подробности различных описаний кампании и сражения, которые интересны, но не имеют отношения к моей цели,^[13] поведение Кастера было подвергнуто критическому рассмотрению в нескольких публикациях, которые я привожу в том порядке, который лучше всего соответствует цели данного обсуждения, не обращая внимания на порядок их появления.

Полковник Эдвард С. Годфри,^[14] U. S. A., ныне командующий 9-й кавалерийской дивизией, который в звании лейтенанта командовал ротой К в батальоне Бентена, присоединившемся к батальону Рено в сражении 26 июня 1876 года, написал весьма интересный отчет о сражении, содержащий некоторые ценные размышления по поводу некоторых спорных моментов, который был опубликован в журнале *Century Magazine*, т. XLIII, № 3, январь 1892 года. К этой статье в том же номере были добавлены некоторые комментарии генерал-майора Джеймса Б. Фрая, США, ныне покойного.

Эта статья и эти комментарии привлекли внимание генерал-майора Роберта П. Хьюза, США (в отставке), тогда полковника и генерального инспектора. Генерал Хьюз был адъютантом генерала Терри во время кампании при Литл-Бигхорн. Он написал исчерпывающую критику комментариев Фрая к статье Годфри, которая фактически представляла собой обсуждение основного тезиса о том, что Кастер не подчинился приказам и тем самым ускорил катастрофу, за которую он, следовательно, был ответственен. Эта кампания также была рассмотрена в статье доктора Э. Бенджамина Эндрюса, президента Университета Небраски, который в то время был президентом Университета Брауна в Провиденсе, Род-Айленд, и которая была опубликована в журнале *Scribner's Magazine* за июнь 1895 года. Более полная ссылка на позицию доктора Эндрюса будет приведена позднее.

Статья генерала Хьюза была предложена журналу *Century*, но не была принята и в конечном итоге была опубликована в *Journal of the Military Service Institution*, т. XVIII, № 79, январь 1896 года.

Среди множества книг, в которых обсуждается этот вопрос, внимания заслуживают только три.

В книге «История солдата» бригадного генерала Джорджа А. Форсайта, США (в отставке), встречается следующий комментарий:

«В сложившихся особых условиях, учитывая единственную информацию, которой он мог располагать о силах Сидящего Быка, был ли Кастер оправдан, с военной точки зрения и в рамках своих приказов, в том, что он предпринял атаку?

По мнению автора, он действовал в рамках своих приказов и с военной точки зрения был полностью оправдан».

Генерал Форсайт не приводит причин своего решения, но можно предположить, что он не принял его поспешно и необдуманно, а поскольку он является очень способным и выдающимся офицером и военным критиком, его мнению следует уделить должное внимание.

В книге «Соединенные Штаты в наше время» доктора Э. Бенджамина Эндрюса, изданной Chas. Scribner's Sons в 1903 году, на страницах 190–1–2–3, приводится краткое обсуждение этого вопроса на основе статьи в журнале *Scribner's Magazine*, упомянутой выше, с некоторыми дополнительными размышлениями о статье генерала Хьюза.

В книге «Личные воспоминания генерала Нельсона А. Майлза, США» (PERSONAL RECOLLECTIONS OF GENERAL NELSON A. MILES, U. S. A.), глава XV, страницы 198–210, содержится дальнейшее обсуждение этого вопроса генерал-лейтенантом, недавно командовавшим армией США.

Чтобы ясно понять то, что следует далее, студент должен обратиться к каждому из упомянутых источников и внимательно изучить то, что в них изложено. Невозможно процитировать всех этих авторов в полном объеме. Я переписывался со всеми упомянутыми авторами, за исключением генерала Фрая. Я печатаю их письма ко мне, не внося никаких изменений, за исключением, время от времени разбивая страницу на абзацы, и, добавляя то тут, то там пропущенные слова, которые не имели особого отношения к обсуждаемому вопросу. Некоторые из писем были написаны карандашом в условиях напряженной работы. Большинство этих документов я печатаю без комментариев. Однако необходимо обратить внимание на некоторые особенности, выявленные в переписке.

Президент Эндрюс в упомянутой книге говорит:

«Многое зависит от силы письменных приказов Кастера, которые, судя по обычным военным документам такого рода, безусловно давали Кастеру гораздо большую свободу, чем предполагал полковник Хьюз. Есть показания свидетеля, который слышал последний разговор Терри и Кастера у устья Роузбада, непосредственно перед тем, как Кастер начал свою роковую поездку. Терри сказал: «Пользуйтесь своим собственным суждением и делайте то, что считаете лучшим, если вы выйдете на тропу; и что бы вы ни делали, Кастер, держитесь за своих раненых».

Генерал Майлз в своей книге пишет:

«Но у нас есть убедительные доказательства в виде показаний под присягой последнего свидетеля, который слышал разговор двух офицеров в ночь перед тем, как их отряды разделились, и они являются окончательными в данном вопросе. Эти доказательства заключаются в том, что генерал Терри вернулся в палатку генерала Кастера, ^[113] после того, как отдал ему окончательный приказ, чтобы сказать ему, что, подойдя к индейцам, он должен будет поступать по своему усмотрению и делать то, что считает лучшим. Этот разговор произошел у устья реки Роузбад, и точные слова генерала Терри, как их процитировал свидетель, были следующими:

«Кастер, я не знаю, что сказать в заключение».

Кастер ответил: «Скажите, что хотите сказать».

Терри тогда сказал: «Полагайтесь на свое собственное суждение и делайте то, что считаете лучшим, если вы выйдете на тропу; и что бы вы ни делали, Кастер, держитесь за своих раненых».

«В данных обстоятельствах это был самый разумный разговор для обоих офицеров. Один из них прославился как генерал в Гражданской войне (), был способным юристом и командиром подразделения, но не имел никакого опыта в индейских кампаниях. Другой прославился как один из самых доблестных и умелых командиров кавалерийских дивизий во время войны, командуя одной из самых успешных дивизий конных войск; он имел многолетний опыт на равнинах и в управлении войсками в этой отдаленной стране, а также участвовал в нескольких ожесточенных сражениях с враждебными индейцами».

Если генерал Терри произнес такие слова генералу Кастеру перед его отъездом, то эти замечания имеют очень важное, почти решающее значение для рассматриваемого вопроса. Единственный вопрос, который тогда возник бы, заключался бы в том, насколько устный приказ следует считать имеющим преимущественную силу перед письменным. *По моему мнению, обвинение в том, что Кастер не подчинился приказу, было бы снято, если бы правда о предполагаемых замечаниях была установлена.* Давая ему этот устный приказ, Терри сделал бы Кастера абсолютно свободным агентом. Поэтому очевидна жизненная важность установления этого аффидевита.

Я обращаю внимание на тот факт, что Терри нигде не упоминает об этом разговоре, о котором джентльмен должен был бы немедленно заявить, когда Кастер был обвинен в неподчинении письменному приказу Терри, и что Терри в той части своего отчета, которую

я цитирую на странице [225](#), фактически не только не оправдывает Кастера, но и фактически обвиняет его в неподчинении своему приказу, говоря, что он сделал именно то, чего от него не ожидали.

Чтобы подтвердить эту аффидевит, я написал президенту Эндрюсу, попросив его подтвердить существование такой аффидевита и предоставить мне ее копию. Вот его ответ. Я привожу его без комментариев.

Университет Небраски, канцелярия ректора,

Линкольн, 22 ноября 2003 г.

Уважаемый господин!

В ответ на Ваше уважаемое письмо от 11-го числа. К сожалению, я не могу с уверенностью вспомнить источник моей информации, касающейся аффидевита Кастера. Однако у меня сложилось впечатление, что моим информатором был генерал Майлз, с которым я общался по этому вопросу, когда писал свой отчет. Я также лично беседовал с Хьюзом и с очень близким другом генерала Терри, который сейчас уже умер.

Буду чрезвычайно рад ознакомиться с Вашим мнением по этому вопросу.

С уважением,

Э. Бенджамин Эндрюс.

Я также написал генералу Майлзу и получил от него следующий ответ:

1736 N Street, N. W.,

Вашингтон, округ Колумбия, 20 ноября 1903 г.

Уважаемый сэр!

В ответ на ваши два письма вы найдете в моей книге «Личные воспоминания, или от Новой Англии до Золотых Ворот», изданной Werner & Co., Акрон, Огайо, возможно, всю необходимую вам информацию. Сейчас я не могу уделить время подробному рассмотрению этой кампании. Полагаю, что эту книгу можно найти в большинстве библиотек.[\[16\]](#) В ней вы найдете главу, посвященную кампании Кастера. Генерал Кастер не нарушал приказы. Когда генерал Терри разделил свои войска, взяв одну часть с собой в Йеллоустоун, а другую часть отправив с генералом Кастером далеко в индейские земли, между двумя частями войск образовалось расстояние от 75 до 100 миль, и поэтому на генерала Кастера была возложена ответственность за принятие решения о наступлении или обороне, поскольку он мог подвергнуться нападению со стороны всех объединенных племен, а с другой стороны, если бы он позволил им уйти, не атаковав их, он подвергся бы суровому осуждению. Было бы глупо предполагать, что индейские вожди, такие как Сидящий Бык и Сумасшедший Конь, позволили бы двум колоннам с пехотой, кавалерией, обозами и т. д.[\[17\]](#) маршировать по стране и ждать, пока они подойдут с обеих сторон одновременно, и нужно считать американский народ очень легковым, если он считает, что такое предположение имеет военное значение.

С уважением,

Нельсон А. Майлз.

Я немедленно написал генералу Майлзу второе письмо, в котором попросил его назвать имя заявителя и предоставить любые заявления, которые он мог бы сделать по поводу аффидевита. Я указал ему на то, о чем он прекрасно знал — об этом свидетельствует то, что этой истории уделено особое внимание в его собственной книге, — на важность аффидевита для установления позиции генерала Кастера и защиты его от обвинения в неподчинении. Я не получил ответа на это письмо.

Между тем вопрос о заявлении был поднят генералом Хьюзом в нескольких письмах, которые он мне направил и которые приводятся ниже.

Чтобы не прерывать ход повествования, я опережу события и вставлю здесь третье письмо, которое я написал генералу Майлзу после тщательного рассмотрения замечаний генерала Хьюза. Письмо было отправлено генералу Майлзу заказным письмом. У меня есть квитанция о регистрации, подтверждающая, что он его получил. На этот запрос я пока не получил ответа.

455 East 17th Street, Flatbush,

Бруклин, Нью-Йорк, 30 марта 1904 г.

Генерал-лейтенант Нельсон А. Майлз, США,

1736 N Street, N. W., Вашингтон, округ Колумбия

Дорогой генерал Майлз!

Несколько месяцев назад я направил Вам письмо с просьбой сообщить мне имя человека, упомянутого в Вашей книге, который дал письменные показания под присягой о последних словах генерала Терри, обращенных к генералу Кастеру. Вероятно, это письмо так и не дошло до Вас, поскольку я так и не получил на него ответа.

Это заявление вызывает сомнения у ряда офицеров, и в интересах исторической точности, а также с целью представить все доказательства, которые могут оправдать генерала Кастера от обвинений, выдвинутых против него в ходе той кампании, я с глубоким уважением прошу Вас сообщить мне имя лица, давшего показания под присягой, а также предоставить другие заявления, касающиеся этих показаний, которые могут иметь решающее значение. Например, как Вы получили эти показания под присягой? Вы его видели? Вы знали заявителя? Был ли он человеком, на чьи показания можно было безоговорочно полагаться? Он сейчас жив? Одним словом, любая информация по этому поводу будет весьма приемлема и полезна.

С искренним уважением,

Сайрус Таунсенд Брэди.

Я не желаю комментировать отказ генерала Майлза, кроме как сказать, что, если он имеет в своем распоряжении аффидевит, он должен либо представить его на рассмотрение беспристрастных наблюдателей, либо передать его историкам, либо указать, кто его составил и где он был составлен, либо предоставить его заверенную копию общественности, либо иным образом подтвердить его подлинность. Если он не желает этого делать, он должен по крайней мере объяснить, почему он не желает. Я считаю, что ни один человек, независимо от его звания или положения, не должен делать заявлений, которые затрагивают славу и репутацию другого человека, *не раскрывая полностью свои источники информации или не объясняя, почему общественность должна довольствоваться простой ссылкой на них.*

Пока я затронул тему аффидевита, я обращаю внимание студентов на возможное предложение в втором сообщении полковника Годфри ниже.

Прошло двадцать восемь лет с момента битвы при Литл-Бигхорн. Если предполагаемый заявитель сейчас жив, то какая причина может помешать ему выступить и подтвердить свое аффидевит? Если он мертв, то почему по-прежнему сохраняется секретность? Почему генерал Майлз не нарушает молчание? *Все дело сводится к представлению этого аффидевита с удовлетворительными доказательствами характера заявителя.*

Другая позиция, изложенная в письме генерала Майлза выше, которое, конечно, является кратким изложением его взглядов, изложенных в его книге, обсуждается далее генералом Вудраффом.

II.

Теперь я обращаю внимание студента на следующее письмо в ответ на мое письмо с просьбой предоставить информацию и обратить внимание генерала Хьюза на книгу президента Эндрюса, которая только что была переиздана в новом и дополненном издании:

Нью-Хейвен, Коннектикут,

18 ноября 1903 г.

Уважаемый сэр!

Ваше письмо от 13-го числа было должным образом получено. До получения вашего письма я не слышал о книге доктора Э. Бенджамина Эндрюса, но после этого ознакомился с ней.

После тщательного изучения того, что он говорит о кампании против сиу в 1876 году, я не нахожу никаких веских и достаточных причин для изменения того, что было сказано в статье, опубликованной в *«Журнале военно-служебного учреждения»* в январе 1896 года. Однако я считаю, что к изложению дела можно было бы добавить кое-что в ответ на новые сведения, которые он внес в свою книгу. Этих пунктов три, а именно:

1. Генерал Майлз не согласен с высказанными в ней мнениями.
2. Новые доказательства в форме аффидевита, составленного неким лицом, имя которого не указано.
3. Автор книги не согласен с моим мнением по этому делу.

Рассмотрим эти пункты по отдельности:

Во-первых: «Генерал Майлз твердо убежден, что Кастер не был виновен в неподчинении каким-либо приказам».

То, что мнения генерала Майлза и мои расходятся, не является чем-то новым. Более того, они редко совпадают. Но в данном случае мою точку зрения поддерживает покойный генерал П. Х. Шеридан, который заявляет следующее:

«Генерал Терри, теперь достаточно хорошо осведомленный о местонахождении индейцев, приказал подполковнику Джорджу А. Кастеру продвигаться с 7-м кавалерийским полком вверх по Роузбаду, пока он не наткнется на след, обнаруженный майором Рено, с указанием, *что он не должен следовать по нему прямо к Литл-Бигхорну, а должен послать разведчиков и держать свои основные силы дальше на юге*».^[118]

Генерал Гиббон в письме генералу Терри, написанном после прибытия на свой пост в Форт-Шоу, штат Монтана, и датированном 5 ноября 1876 года, пишет следующее, говоря о «конференции»:

«Мы оба убедили его (Кастера), что он должен постоянно держать руку на пульсе слева от себя, и даже если тропа повернет к Литл-Бигхорну, он должен продолжать свой марш на юг вдоль верховьев Тонга и направить удар на запад, к Литл-Бигхорну. Настолько сильное впечатление произвело на меня и настолько велик был мой страх, что рвение Кастера заставит его двигаться слишком быстро, что последнее, что я сказал ему, прощаясь с ним, после того как его полк прошел мимо вас, отправляясь в поход, было: «Кастер, не будьте жадным, подождите нас». Бедный парень! Зная то, что мы знаем сейчас, и какое влияние, по-видимому, оказал на него свежий след индейцев, возможно, мы слишком много ожидали от него сдержанности, которая сделала бы сотрудничество между двумя колоннами возможным».

Из вышесказанного ясно следует, что у командиров дивизий и третьей стороны, присутствовавшей на совещании, не было никаких сомнений относительно того, что требовали инструкции, и что эти инструкции не были выполнены.

Во-вторых: доктор Эндрюс утверждает, что во время последнего разговора между Терри и Кастером у устья Роузбада, непосредственно перед тем, как Кастер начал свою роковую поездку, был слушатель, и что в его аффидевите указано следующее:

«Терри сказал: «Пользуйтесь своим собственным суждением и делайте то, что считаете лучшим, если вы выйдете на тропу, и, что бы вы ни делали, Кастер, держитесь за своих раненых»».

Совершенно очевидно, что это тот же аффидевит, на который ссылается генерал Майлз в своей книге. Мое внимание было обращено на эту ссылку зимой 1896 года, и от имени семьи и друзей генерала Терри я попросил показать мне аффидевит, сказав, что я, возможно, захочу сделать его копию. Моя просьба была отклонена генералом Майлзом с дополнительной информацией о том, что оно находилось в его владении в течение девятнадцати лет, что относит его к тому времени, когда

полковник Майлз командовал постом в департаменте генерала Терри. Ценность этого документа могла быть очень легко определена в то время самим генералом Терри, и я благодарен за то, что его бесполезность все еще может быть доказана.

Одних только цитат, приведенных доктором Эндрюсом, достаточно, чтобы осудить этот документ любому, кто знаком с генералом Терри и ситуацией.

Обратите внимание, что он представлен как говорящий: «Если вы выйдете на след». Терри отправлял с Кастером, Рено и шестью отрядами кавалерии, которые следовали по следу в течение многих утомительных миль всего за три дня до этого, и в этом случае не было никакого «если».

Другая цитата столь же невероятна. Генерал Терри пользовался завидной репутацией во всей армии за свою исключительную вежливость во всех случаях и при любых обстоятельствах по отношению ко всем, кто служил под его командованием. Сделать приведенное замечание: «Что бы вы ни делали, держитесь за своих раненых», было бы равносильно тому, чтобы сказать одному из своих подполковников, которому он доверял лучшее командование в своем подразделении, что он считает необходимым предупредить его об элементарном принципе назначенной ему должности. Для офицера с опытом и доблестью генерала Кастера такое предупреждение было бы далеко не приятным, и такое поведение было бы совершенно чуждо поведению генерала Терри на протяжении всей его жизни.

Но, к счастью, в данном случае мы не зависим от дедуктивных доказательств. Еще живы многие люди, которые были свидетелями того «парада» и прощания генералов Терри и Кастера. По личным наблюдениям я точно знаю, что любой, за исключением генерала Гиббона, кто дает показания под присягой о том, что во время упомянутого прощания в Роузбаде между Терри и Кастером состоялся разговор, единственным слушателем которого он был, виновен в лжесвидетельстве.

Когда пришло известие, что войска готовы к выходу, я сидел с Терри и Гиббоном. Генерал Терри пригласил генерала Гиббона пойти с ним и посмотреть. Они отошли на несколько ярдов от берега ручья и стояли вместе, когда к ним присоединился Кастер. Трое оставались вместе, пока войска не прошли мимо и не было сказано последнее «до свидания». Кастер сел на лошадь и уехал, а Терри и Гиббон вернулись туда, где я оставался. Последнее замечание Кастеру сделал Гиббон. Если в тот момент в приказы Кастера были внесены какие-либо изменения, то об этом обязательно знал Гиббон, который находился рядом с Терри и был единственным, кто был с ним и Кастером. Давайте посмотрим, что Гиббон написал в письме генералу Терри двадцать семь лет назад, когда он не мог предвидеть, для какой цели будут процитированы его слова:

«За исключением извлечения уроков из прошлого опыта, возможно, бесполезно спекулировать на том, каким был бы результат, если бы *ваш план* был осуществлен. Но я не могу не думать о том, что в таком случае моя колонна, предполагая, что индейский лагерь остался на том же месте, где он был, когда Кастер на него напал, была бы первой, кто бы его достиг; что с нашей пехотой и пушками Гэтлинга мы смогли бы позаботиться о себе, даже несмотря на то, что нас было только две трети от сил Кастера».

Единственным человеком, который действительно присутствовал при последней встрече Терри и Кастера, был третий участник конференции, знавший о «плане», и 5 ноября того же года он написал вышеуказанное о том, каким был бы результат, если бы «ваш план» (план конференции Терри) был осуществлен.

Так случилось, что я обсуждал всю эту тему с генералом Гиббоном лично незадолго до его смерти. Он, безусловно, ничего не знал о каких-либо изменениях в «плане конференции» в то время. Любой историк, который использует аффидевит генерала Майлза, сделанный несколько лет назад, должен внимательно изучить факты.

В-третьих: Эндрюс заявляет: «Он (Хьюз) привел много интересных соображений, но, по мнению автора, они никоим образом не оправдывали его точку зрения».

Я ни в коем случае не уверен, что это несогласие беспокоило бы меня, если бы я полагался только на свое собственное суждение при подаче статьи [«\[119\]»](#) для публикации, но так случилось, что я этого не сделал. Трагедия, о которой шла речь, носила чрезвычайно серьезный характер, и поскольку оба ответственных руководителя скончались, было чрезвычайно важно принять все возможные меры предосторожности, чтобы избежать ошибок. По этой причине, после того как «многие интересные соображения» были подготовлены к публикации, я представил статью различным *компетентным военным* с простым вопросом: «Является ли она окончательной?»

Окончательную рецензию написал генерал Генри Л. Эбботт из армии США, который пользуется всемирной репутацией благодаря своим военным способностям и научным достижениям. Господа, которые рецензировали статью, единодушно пришли к мнению, что заявление является *абсолютно убедительным*, и при поддержке таких людей я не испытываю особого беспокойства по поводу высказанной критики.

С уважением,

Р. П. Хьюз.

После этого я снова написал генералу Хьюзу по поводу некоторых вопросов, которые мне повторил в разговоре генерал Кэррингтон, который рассказал мне, что Кастер фактически преклонил колени перед Терри и умолял его, ради чести и славы Кастера как солдата, отменить приказ о его задержании в Форт-Линкольне, чтобы он мог избежать позора видеть, как его полк уходит на фронт, оставив его позади. По воспоминаниям Кэррингтона, эта сцена произошла в спальне Терри.

Вот письмо генерала Хьюза по этому поводу:

Нью-Хейвен, Коннектикут,

27 ноября 1903 г.

Уважаемый сэр!

Получил Ваше письмо от 27-го числа. Каррингтон прав во всем, кроме места происшествия — инцидент произошел в офисе генерала Терри в Сент-Поле, на углу Четвертой улицы и Вабашоу-стрит. Это побудило Терри обратиться к президенту с просьбой разрешить Кастеру поехать с ним, и ответ был дан через Шермана: «Если Терри хочет, чтобы Кастер поехал с ним, пусть берет его с собой». Сразу после того, как Кастеру сообщили об ответе и сказали, что он поедет с ним, Кастер встретил на улице Ладлоу и сделал замечание «свинг клир», о котором говорится в истории Эндрюса и упоминается в моей статье в журнале. Мне придется запросить копию отчета министра войны за 1876 год, в котором содержатся отчеты Шеридана, Крука, Терри, Гиббона, Рено и др. на страницах 439–487.^[120]

С уважением,

Р. П. Хьюз.

III.

Тем временем я связался с полковником Годфри, который уже предоставил мне много данных в дополнение к тем, что содержатся в его ценной и интересной статье, обратив особое внимание на некоторые заявления генерала Хьюза в его статье в *журнале «Военного института»*. От полковника Годфри я получил следующую статью:

Записки для преподобного К. Т. Брэди

Полуофициальный отчет под названием «Хроника столкновений с враждебными индейцами в дивизии Миссури с 1868 по 1882 год» был опубликован дивизией Миссури. В настоящее время эта статья перепечатывается в *журнале «United States Cavalry Journal»*, Форт-Ливенворт, Канзас. Часть, касающаяся Литл-Бигхорна, находится в номере за октябрь 1903 года. В этом отчете говорится:

«Около двух часов ночи 25 июля колонна остановилась на три часа, сварила кофе, а затем возобновила марш, пересекла водораздел и к *восемью часам* находилась в долине одного из притоков Литл-Биг-Хорн».

Это вводит в заблуждение и не совсем соответствует действительности. Мы остановились около двух часов ночи, простояли до восьми утра, затем шли до десяти утра, остановились и только ближе к полудню пересекли водораздел. Мы находились в узкой долине. Марш правильно описан в моей статье. Вывод заключается в том, что Кастер был настолько нетерпелив, что пересек водораздел и вошел в долину Литл-Бигхорн, где его могли обнаружить. Статья генерала Хьюза — это *особый*

призыв оправдать генерала Терри от позора, который, по мнению его и его семьи, был на него навешен за то, что он не продвинулся вперед, имея информацию, которой они располагали 25 и 26 июня, и что семья и друзья генерала Кастера должны были в какой-то мере считать его (Терри) ответственным за катастрофу. Я не помню, чтобы в ходе этой кампании когда-либо выдвигалось обвинение в неподчинении; с другой стороны, я не помню, чтобы много говорилось о том, что Терри и Гиббон не поступили так, как считали лучшим 25 и 26 июня.

Расстояние от Йеллоустоуна, где пересекался отряд Гиббона, до Литл-Бигхорна составляло около сорока шести миль. К востоку от Биг-Хорна местность, по которой шли войска Гиббона, была пересеченной — плохой землей. Вторая кавалерия во время марша 25 июня увидела «большой дым» (от пожара в долине во время атаки Рено) и сразу же сообщила генералу Гиббону (и Терри), что, по их мнению, идет сражение или что-то в этом роде. Я не знаю, когда они увидели этот «большой дым», но, насколько я помню, это вполне соответствовало времени атаки Рено. Вторая кавалерия прибыла к Литл-Бигхорну, в четырех или пяти милях выше устья, около девяти тридцати 26 июня. Тогда они находились на расстоянии от поля сражения примерно в восьми или десяти милях — один пехотный офицер говорит, что в шести милях. Они прибыли в окрестности нашей позиции около одиннадцати утра 27 июня, почти через два дня после того, как были сообщены «признаки», «большой дым» сражения.

Мы все знаем, что местность между Йеллоустоуном и Литл-Бигхорном была труднопроходимой, что 25 июня было жарко, что воды было мало, но нам показалось странным, что после того, как они узнали от разведчиков из племени кроу — примерно в 10:30 26 июня на Литл-Бигхорне — о произошедшей катастрофе, им потребовалось так много времени, чтобы приступить к действиям. Однако никто из нас не винил их за осторожность в тот момент.

^[121] Генерал Терри не был индейским воином и никогда бы не добился успеха в борьбе с индейцами на равнинах. Идея о том, что войска могут пройти через открытую местность (такую огромную, как у нас), мимо индейцев, находящихся в пятидесяти или шестидесяти милях к югу, а затем развернуться и найти их в том же месте, чтобы раздавить между собой и другими войсками, идущими с противоположной стороны, просто нелепа. Они не задерживаются на одном месте. Наш марш, начавшийся в 23:00 24 июня, проходил по закрытой местности и не был открытым — в узкой долине, ответвлении Роузбада. Индейцы, которые обнаружили нас и сообщили об этом в деревню, обнаружили бы наш след и, следовательно, проинформировали бы их о наших передвижениях.

Генерал Кастер не намеревался нападать до 26 июня, когда Терри должен был прибыть в Литл-Биг-Хорн.^[122] Херандин был разведчиком, который должен был передать информацию Терри, но, по мнению генерала Кастера, развитие событий сделало необходимым, если мы вообще собирались нападать на индейцев, сделать это немедленно. Даже тогда он ожидал только беглого боя. Их сопротивление и концентрация были неожиданными, потому что шанс «сюрприза» исчез, и он, вероятно, не послал Херандина, как планировалось, для связи с Терри по той причине, что не думал, что тот сможет пройти.

Теперь предположим, что индейцы находились в верховьях рек Роузбад, Тонг или Паудер, а не на реке Литл-Бигхорн, и мы наткнулись на них с севера. Должен ли был Кастер отступить, послать разведчика к Терри и сделать обход, чтобы выйти к южной стороне рек Литл-Бигхорн и Паудер? Инструкции Терри довольно точно определили местонахождение индейцев, но это было всего лишь *предположение*.^[123] 17-го числа они заставили Крука отступить, а затем сосредоточились на Литл-Бигхорне.

По моему мнению, если бы наша атака задержалась хотя бы на несколько часов, мы бы не застали индейцев в деревне. Когда мы добрались до водораздела, их стада пони все еще паслись; когда началась атака, все стада были загнаны в деревню; у них не было времени снимать свои вигвамы и скрываться. Я не верю, что они заранее знали о нашем наступлении. Индейские бегуны должны были преодолеть такое же или даже большее расстояние, чем мы, чтобы вернуться. Их явной целью было скрыться от наших разведчиков, которые заняли позиции для наблюдения еще до рассвета и не видели, как они спускались по долине по тропе. Поэтому они, должно быть, сделали большой обход.

Опять же, когда они обнаружили нас, мы, вероятно, были в биваке и, в любом случае, находились на расстоянии обычного дневного марша от деревни. Время предупреждения, я думаю, можно с уверенностью предположить как время прибытия нескольких воинов, которые вышли навстречу авангарду и атаковали Рено. Все воины, у которых были под рукой пони, я полагаю, были немедленно собраны, чтобы выйти навстречу войскам. Быстрое продвижение не дало индейцам возможности собрать свои вещи и обдумать планы побега; в противном случае, я полагаю, произошло бы ожидаемое «рассеяние». И именно в этом заключалась «неожиданность» нападения.

Я не верю, что генерал Кастер намеренно не подчинился приказу Терри. Кастер был очень серьезен и полностью решил найти индейцев и, когда найдет, атаковать их, даже если это приведет его обратно в агентства. Предположим, Кастер спросил бы Терри: «Если я найду этих индейцев, мне атаковать или ждать вас?» Несомненно, Терри ответил бы: «Атакуй!» Он был слишком хорошим солдатом, чтобы не ценить возможности, но он не был достаточно хорошим кавалеристом или борцом с индейцами, чтобы ценить мимолетные возможности для нанесения удара по индейцам на широких прериях.

Кастер был тем, кого в наши дни называют «энергичным» человеком. Терри же был не таким. Он был воплощением мягкости и обдуманности. Кроме того, инструкции Терри *давали необходимую свободу действий*. Он сказал Кастеру, что, по его мнению, следует сделать, но, в конце концов, оставил решение на усмотрение Кастера, когда тот оказался так близко от врага ().^[124] Если бы Кастер прошел дальше на юг, а индейцы сбежали или пошли в атаку, как они поступили с Круком, и разгромили его, защитили бы его эти инструкции? Вряд ли. Он был бы так же осужден за провал экспедиции, как и сейчас, теми же людьми, за то, что навлек на себя беду. Я не сомневаюсь, что если бы Кастер прошел на юг хотя бы на один день позже, индейцы напали бы на нас, как они напали на генерала Крука, и почти на том же месте, всего за неделю до этого.^[125]

Терри в своих инструкциях говорит: «Он укажет вам свое собственное мнение о том, как вам следует действовать, и он желает, чтобы вы следовали ему, если только у вас не будет достаточных оснований для отступления от него».^[126] Кастер был опытным военным, прекрасным кавалеристом и опытным участком кампаний против индейцев. Так почему бы не дать ему «достаточные основания»? Были ли инструкции Терри «четкими и ясными»? Сам Терри в своем приказе говорит, что «четкие инструкции» были «невозможны».

Не было ни одного офицера или солдата Седьмой кавалерии, который не ожидал сражения, когда мы готовились покинуть устье Роузбада. Где будет происходить сражение, мы не знали, но я осмелюсь сказать, что ни у кого не было мысли, что индейцы займут позицию и будут ждать, пока мы пройдем через множество маневров. Разведчик Рено не принес никакой определенной информации. В своих заметках (от 20 июня) я нашел, что, по общему мнению, след, когда они его оставили, был примерно *трехнедельной давности*, и по признакам можно было судить о наличии, возможно, трехсот пятидесяти жилищ. Я не думаю, что генерал Терри располагал более поздней информацией, чем разведчик Рено, на основании которой можно было бы предположить местонахождение индейцев на Литл-Бигхорн. Заявление генерала Кастера о том, что он будет следовать по следам, пока не найдет индейцев, даже если это приведет нас к агентствам в Миссури или Небраске, не указывает на то, что он ожидал, что они будут ждать в позиции на Литл-Бигхорн или где-либо еще. Это заявление было сделано после того, как было решено, что мы должны пройти по следам, 21 июня, но, вероятно, до того, как были составлены общие инструкции.

Как оказалось, я думаю, что Кастер действительно совершил ошибку, отправившись с разделенными силами, не потому, что само по себе разделение было бы фатальным, а потому, что Рено не смог удержать фланг, даже если он не мог атаковать.

Если бы Кастер последовал за Рено, то, по моему мнению, последний никогда бы не осмелился остановиться или даже засомневаться в своей атаке. Если бы Рено удержал позицию, то превосходящие силы были бы разделены. В прошлом Рено не было ничего, что указывало бы на то, что его мужеству нельзя доверять. Кастер не мог предвидеть слабодушную атаку или то, что Рено поддастся панике.

Я полагаю, что Рено был потрясен, увидев то, что происходило перед ним, и когда он не увидел обещанной «поддержки», он, по-моему, потерял самообладание, а затем, когда его разведчики из племени ри в панике бежали и он обнаружил, что его силы окружены в низине, он, по-моему, поддался своим страхам, бросился в панике на холмы и потерял рассудок, выбросив свои пистолеты с рукоятками из слоновой кости. Если бы Рено удержался внизу, левый фланг Кастера (Кеог и Калхун) не был бы так быстро разгромлен (поскольку индейцы, покинувшие Рено, осуществили это окружение), и можно предположить, что Кастер имел бы больше шансов отступить и присоединиться к другим войскам.

Если бы Кастер последовал за Рено, он взял бы дело в свои руки, удержал и сконцентрировал своих людей таким образом, чтобы контролировать ситуацию до тех пор, пока не подошли Бентен и вьючные животные. Индейцы, как правило, не выдерживают наказания, если их не загнали в угол. Я осмотрел местность внизу, где находился Рено, когда он решил уйти в горы, и я считаю, что он мог бы удержать позицию. Я обсудил этот вопрос с генералом Гиббоном, и он практически согласился со мной. Я знаю, что многие другие думают иначе, в том числе некоторые из тех, кто участвовал в этой части сражения.

Я сомневаюсь, что Рено смог бы спасти Кастера, если бы он продвинулся вперед после того, как к нам присоединились выючные лошади, потому что, по-моему, к тому моменту сражение было практически закончено. Продвижение вперед до этого момента, возможно, могло бы помочь Кастеру, но, скорее всего, нет. Я считаю, что часть сражения была решена быстро. Батальон Кастера практически не имел укрытия и времени, чтобы его соорудить. Хотя было убито немало лошадей, я боюсь, что большинство из тех, кто ушел, унесли с собой запасные патроны, а в бою с пятьюдесятью патронами можно было быстро уйти. С другим командиром, не Рено, мы могли бы создать отвлекающий маневр, продвинувшись вперед, как только появились патроны, что произошло за некоторое время до прибытия Макдугалла со всеми патронами. Рено, по-видимому, был слишком занят ожиданием дальнейших приказов от Кастера, чтобы проявить какую-либо инициативу. Уир попросил разрешения отвести свой отряд на разведку в направлении обстрела Кастера, но Рено не дал ему этого разрешения. Уир отправился самостоятельно, а Эджерли (лейтенант Уира), полагая, что разрешение для отряда было дано, последовал за Уиром с отрядом. Я думаю, что Рено впоследствии пытался создать впечатление, что это продвижение Уира было санкционировано. Я не думаю, что Рено был пьян, потому что не верю, что в командовании было достаточно виски, чтобы «напиться».¹²⁷

На суде по делу Рено меня спросили, считаю ли я, что Рено сделал все, что мог, как командующий, и я ответил «нет». Это было примерно содержание вопроса и ответа. Показания и ход судебного разбирательства были полностью опубликованы в *Chicago Times*. У *New York Herald* был способный корреспондент, мистер Келли, который присоединился к нашим войскам на Йеллоустоуне в июле или августе и писал, предоставляя всю информацию, которую он мог собрать из всех источников, доступных ему в командовании. После сражения на поле боя было «очень много» корреспондентов, но г-н Келли считался одним из самых способных. Находясь на поле боя до 26 сентября, мы видели лишь несколько газет с востока.

Э. С. Годфри.

Получив эту записку, я отправил полковнику Годфри все вышеуказанные документы и попросил его дополнительно обсудить их. Они были возвращены мне со следующим письмом, сопровождаемым следующими дополнительными примечаниями:

Штаб 9-й кавалерийской дивизии США,

Форт Уолла Уолла, Вашингтон,

12 февраля 1904 г.

Дорогой доктор!

Сегодня я возвращаю вам письма, отправленные мне заказным письмом. Мне очень жаль, что я так долго их удерживал, но я страдал от растяжения колена, которое вывело меня из строя, и кроме того, я был не в лучшей форме.

Я чувствую, что в своих записках я не отнесся к этому вопросу должным образом. В основном это вопрос чувства, и лучшее правило — поставить себя на его место и действовать в свете тех обстоятельств, которые тогда были известны. Я не сомневаюсь, что Кастером могли двигать и другие мотивы. Главный вопрос для меня заключался в том, было ли его поведение в походе и сражении оправдано с военной точки зрения в кампании против индейцев.

Если бы мы могли предвидеть, как мы сейчас оглядываемся назад и видим!

С уважением,

Э. С. Годфри.

Дополнительные примечания полковника Годфри.

Заявление генерала Шеридана, процитированное Хьюзом, было сделано в его годовом отчете за 1876 год и, конечно же, основано на данных, предоставленных генералом Терри. Вполне естественно, что оно в той или иной степени отражает точку зрения Терри. У него могли быть только газетные и другие неофициальные сообщения. Конечно, я признаю, что «неофициальные сообщения» очень часто дают больше *внутренней* информации, чем официальные отчеты.

Несколько слов об этой аффидевите. Я ничего не знаю об этом и готов поверить Хьюзу на слово в том, какие *офицеры* были присутствующими, но я предлагаю возможное решение: Когда Кастер спешил, с ним были его ординарец и, как правило, его флаги; естественно, ординарец находился несколько в стороне, и когда Кастер сел на лошадь, Терри, возможно, отошел в сторону, чтобы сопровождать его, и сказал ему предостережение тихим голосом, чтобы Гиббон не услышал, но ординарец мог услышать.^{[1281](#)}

Просматривая множество писем, относящихся к кампании и т. д., я нашел одно от генерала Дж. С. Брисбина (ныне покойного), тогда майора, командующего Вторым кавалерийским батальоном. Оно датировано 1 января 1892 года, всего за две недели до его смерти. В нем он очень резко высказывается против Кастера. Он говорит, что Кастер не подчинился:

«Если не букве, то духу, и я думаю и всегда думал, что и букве, и духу. Терри намеревался, если он вообще что-то намеревался, чтобы мы сражались вместе с вами. Я был на корабле, пароходе «Far West», капитан Грант Марш, в ночь 21-го, когда состоялась встреча между Гиббоном, Кастером и Терри, о которой вы упоминаете, и я слышал, что происходило. У Терри была карта, и маршрут Кастера вверх по Роузбаду был отмечен на ней булавками, воткнутыми в стол через бумагу. Терри показал Кастеру его маршрут и, будучи, как вы

знаете, несколько близоруким, попросил меня отметить линию, что я и сделал синим карандашом. Кастер отклонился от этого маршрута от Роузбада всего на двадцать миль до конца булавки и синей линии».

Насколько можно доверять заявлениям Брисбина, я не знаю. Возможно, он присутствовал на этой конференции, но Хьюз в своей книге « » о нем не упоминает; более того, он полностью игнорирует его и, возможно, забыл о нем. Приведу еще одну цитату из Брисбина:

«Я прочитал приказ, который вы напечатали, как приказ, отданный Терри Кастеру для этого похода. Если это тот приказ, который получил Кастер, то он не совпадает с приказом, скопированным в книгах Терри в штабе департамента. Вы помните, что после гибели Кастера Терри назначил меня начальником кавалерии. Я просмотрел все документы, касающиеся похода и сражения при Литл-Бигхорн, и взял копию приказа, отправляющего вас в Роузбад. Приказ сейчас лежит передо мной, и в нем говорится: «Вы должны продвигаться вверх по Роузбаду, пока не установите точно, в каком направлении ведет упомянутая тропа (Терри уже упоминал тропу, по которой следовал Рено). Если окажется, что она ведет к Литл-Бигхорну, что, по всей вероятности, и будет, он считает (то есть командующий департаментом считает), что вы должны продолжать движение на юг, возможно, до истоков реки Тонг, а *затем* («затем» подчеркнуто в приказе) повернуть к Литл-Бигхорну, постоянно следя однако слева, чтобы исключить возможность побега индейцев на юг или юго-восток, обойдя ваш левый фланг. Желательно, чтобы вы как можно точнее следовали этим инструкциям и не отклонялись от них, если только не увидите в этом абсолютную необходимость».

Часть цитаты от «Желательно» до «необходимости» опущена в приказе, напечатанном в отчете генерала Терри. Не видя оригинала приказа, я не могу гарантировать, что обе копии являются подлинными, но это опущение, если оно действительно имело место, выглядит, по меньшей мере, странным.^[129]

Не знаю, что я могу добавить к тому, что я уже отправил вам по вопросу неподчинения. Перед нами командир, имеющий опыт ведения войны, как гражданской, так и с индейцами, отправленный с его полком на борьбу с бесчисленным врагом, местонахождение которого нам неизвестно (хотя, как оказалось, в инструкциях оно было хорошо предположено); получивший инструкции *не дать врагу* уйти; сотрудничать с другой колонной, находящейся на расстоянии от пятидесяти до ста миль, имеющей пехоту и артиллерию, марширующей по труднопроходимой, неизведанной местности. Теперь, если этот командир считал, что продвигаться дальше на юг, не обнаружив противника (когда он был на его следе), означало бы оставить лазейку и почти гарантировать его побег, если бы он захотел этого, разумно ли ожидать, что он оставит след и пойдет «в воздухе»? С командиром, который дает ему инструкции, нет связи. Разве этот изолированный командир не имеет права действовать по собственной ответственности, если он считает, что не может *предотвратить* побег, покинув тот самый след, который приведет к обнаружению врага?

Хьюз в своей статье и официальных отчетах создает впечатление, что мы были в «Вороньем гнезде» или рядом с ним на рассвете и пересекли водораздел в восемь утра. Разведчики были в «Вороньем гнезде», но в восемь утра мы вышли в поход к водоразделу и «Вороньему гнезду», куда прибыли в десять часов утра; то есть мы были в долине Роузбад, в одной миле от водораздела. Мы пересекли водораздел только ближе к полудню. Хьюз, похоже, отвергает идею о том, что мы не должны были атаковать до утра 26-го. У нас было собственное

заявление Кастера по этому поводу. Он сам сказал об этом, когда созвал офицеров вечером 24 июня, и повторил это заявление перед пересечением водораздела.

Во второй или третий день (23 или 24 июня) вверх по Роузбаду мы несколько раз думали (я имею в виду некоторых из нас), что видели дым в направлении Туллока, и наконец мы сказали об этом генералу (Кастеру) во время одной из остановок. Он сказал, что это невозможно, что у него есть разведчики на той стороне, и они наверняка заметили бы такие «признаки» и доложили бы ему, и он повторил, что разведчики наблюдают за долиной Таллок. После этого заверения мы решили внимательно наблюдать за этим «дымом» и обнаружили, что иллюзия была вызвана пушистыми облаками на горизонте и миражом, или нагретым воздухом, поднимающимся с холмов на той стороне. Воздух был полон пыли от наших марширующих колонн, что усилило иллюзию.

Что касается моей оплошности, что «около 1800 человек ушли только из одного агентства», я взял эту информацию из своего дневника, поскольку мне сообщил об этом кто-то, кто получил эту информацию из штаба департамента. Я никогда не видел эту депешу и записал эту информацию так, как она дошла до меня. Это было общеизвестным фактом в лагере.

Мне приходит в голову еще один момент: «Для Кастера было важно находиться на расстоянии, позволяющем ему оказать содействие, на единственной линии отступления, если индейцы побегут» (статья Хьюза в журнале, стр. 36). Хьюз дает понять, что была только одна линия отступления, предположительно вверх по долине Литл-Бигхорн. Индейцы, конечно, могли отступить по пройденному маршруту или пересечь верховья Туллока, чтобы добраться до Йеллоустоуна, если бы Кастер направился на юг. Хьюз, похоже, забывает, что между Кастером и этими линиями отступления лежала почти непроходимая местность — горы Волка (). Тем не менее он настаивает, что было хорошим полководческим решением оставить эти маршруты открытыми, чтобы перекрыть друг друга. Индейцы были в легком походном снаряжении и могли двигаться быстрее Гиббона по водоразделу Туллока, и Кастеру пришлось бы вести длительную погоню, когда он спустился с Литл-Бигхорна (следуя «плану») и обнаружил, что враг сбежал по тому же пути, который он оставил позади, или направился к Йеллоустоуну, минуя левый фланг Гиббона.

Практически с самого начала войн с индейцами критикуют то, что командиры были слишком склонны следовать какой-то стратегической теории и не могли заставить индейцев вступить в бой, давая им возможность сбежать. Кастер обычно выбирал тропу и следовал по ней, находил врага, а затем наносил удар, совершая внезапное нападение. Кастер знал, каким насмешкам и презрению подвергались командиры, которые не наносили удар, когда находились рядом с врагом, или давали врагу возможность бежать, когда были почти в контакте с ним. Какими бы ни были академические дискуссии о его неподчинении, я считаю, что он был оправдан здравым военным суждением, когда выбрал маршрут следования по тропе.¹³⁰¹

IV.

Генерал Хьюз и полковник Годфри могут быть справедливо считаться представителями противоположных точек зрения по этому вопросу. Я подумал, что было бы хорошо, чтобы эти документы обсудил офицер, который мог бы считаться беспристрастным в этом вопросе. Поэтому я отправил их бригадному генералу Чарльзу А. Вудраффу, США (в отставке), и его обзор всего вопроса выглядит следующим образом:

103 Market Street,

Сан-Франциско, 3 мая 1904 г.

Дорогой доктор Брэди!

Я с большим удовольствием прочитал ваши три статьи о «Войне с сиу» и позволил себе сделать несколько пометок и исправлений на полях рукописи. Я также прочитал письма генерала Майлза, профессора Эндрюса, генерала Хьюза и полковника Годфри.

Генерал Майлз в своем письме от 20 ноября 1903 года очень лаконично отмахивается от этого вопроса. Он говорит: «Кастер не нарушил приказы», и он заявляет в качестве военного диктата, что, отправляя генерала Кастера на расстояние семидесяти пяти или ста миль, Терри не мог указать, что Кастер должен делать, и что, практически, Кастер не был обязан выполнять приказы Терри, даже когда он обнаружил условия, которые Терри ожидал и указал.^[131]

В приказе прямо указано: «Если окажется (а это почти наверняка так и будет), что тропа, ведущая к Роузбаду, поворачивает к Литл-Бигхорну, то вы все равно должны продолжать движение на юг». Теперь, когда он обнаружил, что она поворачивает в сторону Литл-Бигхорна, вместо того, чтобы направиться на юг или остановиться на месте и разведать юг, юго-запад и запад, чтобы попытаться найти деревню, или осмотреть Туллок-Крик, или отправить разведчиков к Гиббону, он предпринял тот роковой ночной марш с намеренным намерением найти и атаковать деревню, прежде чем Гиббон сможет подняться.

Гиббон говорит (стр. 473, т. I, Отчет министра войны за 1876 г.): «Командующий департаментом (Терри) настоятельно рекомендовал ему (Кастеру) не торопиться с маршем». Независимо от того, были ли письменные инструкции Кастера основаны на «предположении» о фактическом положении дел, как предполагает полковник Годфри, или не имели «военной ценности», как утверждает генерал Майлз, факты остаются фактами: Во-первых: они были основаны на «предвидении», столь же хорошем, как и нынешнее «заднее видение», что часто бывает не так. Во-вторых: Кастер принял их без возражений. В-третьих: не было получено никакой дополнительной информации, которая бы предполагала необходимость изменения, или, говоря словами письма: «если вы не видите достаточных причин для отступления от них». Напротив, предполагаемый поворот тропы оказался фактическим.

Таким образом, Кастер не выполнил письменные инструкции ни по букве, ни по духу и не имел надлежащего военного оправдания для этого, если только генерал Терри впоследствии не сказал ему: «Полагайтесь на свое собственное суждение и делайте то, что считаете лучшим», что, по моему мнению, сделало бы инструкции рекомендательными, а не обязательными приказами. Если эти факты (я игнорирую непредставленную письменную показания под присягой) не составляют неподчинение приказам, то я не вижу, как обвинение в неподчинении приказам может быть предъявлено кому-либо, при любых обстоятельствах, когда он находится вдали от своего начальника.

Вот небольшая побочная деталь по этому вопросу. В ночь на 23 июня генерал Гиббон, отвечая на мое оптимистичное замечание, сказал мне, по сути: «Я уверен, что если Кастер сможет это предотвратить, мы не вступим в бой». Я понял, что Гиббон считал, что Кастер был настолько заинтересован в том, чтобы вернуть себе хорошую репутацию, которую он, возможно, потерял из-за спора о торговых постах, что он будет наносить удары, когда и где сможет.

В то время как Терри с командованием Гиббона расположился лагерем у Туллок-Крик в субботу вечером и воскресенье утром, 24 и 25 июня, он с большим нетерпением ждал сообщения от Кастера, как мне тогда сказали.

Полковник Годфри говорит о ненависти, которая, по мнению семьи Терри, «обрушилась на него за то, что он не воспользовался информацией, полученной 25 и 26 июня». Позвольте мне сказать несколько слов по этому поводу.

Дым, о котором говорится, что его видели подчиненные Терри — и я сам его видел — был замечен во второй половине дня 25 июня. Насколько я понимаю, он был вызван попытками выгнать из кустарника некоторых отставших солдат Рено и, должно быть, был замечен где-то между двумя и четырьмя часами дня. Позвольте мне процитировать телеграмму генерала Терри от 27 июня, которая находится на странице 463, том I, Отчет министра войны 1876 года, чтобы показать, что командование Гиббона не задерживалось на пути:

«Выйдя в путь вскоре после пяти часов утра 25-го числа, пехота прошла двадцать две мили по самой труднопроходимой местности, которую я когда-либо видел. Чтобы разведчики могли быть отправлены в долину Литл-Бигхорн, кавалерия с батареей была продвинута еще на тринадцать или четырнадцать миль дальше и достигла лагеря в полночь. Разведчики были отправлены в полпятого утра 26-го числа. Вскоре они обнаружили трех индейцев, которых сначала приняли за су, но когда догнали, оказалось, что это были кроу, которые были с генералом Кастером. Они принесли первые известия о

сражении. Их рассказу не поверили. Предполагалось, что произошло какое-то сражение, возможно, тяжелое, но не верили, что беда могла постигнуть столь крупные силы, как двенадцать рот кавалерии. Пехота, которая очень рано сломала лагерь, вскоре подошла, и вся колонна вошла в долину Литл-Бигхорн и двинулась вперед».

Хочу сказать, что пехота сломала лагерь около четырех часов утра 26-го числа. Предыдущей ночью шел дождь, и веревки, связывающие вьюки, были пропитаны водой, и, когда мы двигались, они постоянно растягивались, и мы постоянно останавливались, чтобы заново завязывать вьюки, и, кроме того, заметьте, путешествие по глинистой грязи было очень утомительным. Продолжаю цитату следующим образом:

«Во второй половине дня были предприняты попытки отправить разведчиков через реку Биг-Хорн () к предполагаемому местонахождению генерала Кастера, чтобы получить информацию о положении дел, но те, кто был отправлен, были отброшены назад группами индейцев, которые в растущем количестве были замечены впереди генерала Гиббона. За двадцать минут до девяти часов вечера пехота прошла от двадцати девяти до тридцати миль. Солдаты были очень уставшими, а день клонился к закату. Поэтому колонна остановилась на ночлег в месте, расположенном примерно в одиннадцати милях по прямой от устья реки. Утром движение возобновилось, и после девятимильного марша была достигнута укрепленная позиция майора Рено».

По признакам, обнаруженным на следующий день чуть дальше места, где мы остановились на ночь, все сошлось во мнении, что, если бы мы прошли еще пятьсот ярдов, то оказались бы в эпицентре ночного нападения индейцев сию, которые вышли нам навстречу, чтобы защитить свою покидаемую деревню.

Что касается числа индейцев, в той же телеграмме генерала Терри говорится: «Майор Рено и капитан Бентен, оба из которых являются офицерами с большим опытом, привыкшими видеть большие массы всадников, оценивают число участвовавших в сражении индейцев не менее чем в две тысячи четыреста. Другие офицеры считают, что их число было больше. Деревня в долине имела длину около трех миль и ширину около мили. Помимо собственно хижин, в ней было обнаружено большое количество временных укрытий из хвороста, что указывает на то, что помимо ее постоянных жителей там собралось много людей».

Сейчас у меня сложилось впечатление, что мы насчитали двенадцать сотен хижин.

Я согласен с вашим мнением, что если бы Рено продолжил атаку с той смелостью, которая должна быть присуща кавалерийской атаке и обычно ей присуща, история сложилась бы иначе; возможно, было бы убито столько же людей, но они были бы распределены по крайней мере по восьми, если не по одиннадцати кавалерийским отрядам, а не сосредоточены в пяти, что означало их полное уничтожение.

Мне сказали, или сказали в то время, что, как полагали, около шестидесяти палаток находились в нескольких милях вверх по Литл-Биг-Хорн, выше главной деревни, и что ранним утром, когда обнаружили приближение Кастера, жители этой маленькой деревни, зная, что они являются легкой добычей для отряда Кастера, поспешно собрались и бросились вниз по долине. Легко понять, что шестьдесят хижин с лошадьми и снаряжением, быстро движущиеся вниз по долине, могли создать впечатление, что отступает очень большая армия.

Теперь, если индейская деревня отступала, разделение сил Кастера не было совсем плохим. Одно командование, чтобы поторопить их и продолжить бегство, его основные силы, чтобы атаковать их с правого фланга, если они повернут в эту сторону, что было наиболее вероятно, а Бентен — чтобы атаковать их, если они повернут налево, что было возможно, но не так вероятно.

К несчастью для Кастера, они не бежали. Полковник Годфри довольно подробно останавливается на том факте, что Кастер должен был атаковать этих индейцев, иначе они бы ушли от него. Дело в том, что, как я уже упоминал выше, когда он покинул Роузбад, он не знал, где они находятся, не обнаружил их, не видел их, и один взгляд на карту покажет, что, находясь в Роузбаде, где тропа уходила к Литл-Бигхорну, Кастер был в наилучшем положении для перехвата этих индейцев на трех из четырех линий отступления. Поскольку они прошли в долину Литл-Бигхорн, у индейцев было только четыре возможных маршрута отступления: на север, в сторону Гиббона, или на восток, северо-восток или юго-восток. Из точки, где он покинул Роузбад, Кастер мог атаковать любую из трех последних линий отступления, тогда как, если бы после принудительного ночного марша с его уставшими животными он атаковал Литл-Биг-Хорн, а разведка показала, что деревня покинула Литл-Биг-Хорн, направляясь на северо-восток, 24 июня, он отстал бы от них на два дня марша.

Если бы он в ночь на 24-е послал разведчика к Гиббону, чье точное местонахождение было ему почти известно, этот разведчик достиг бы Терри или Гиббона в Туллок-Форк, в нескольких милях от Йеллоустоуна, утром в воскресенье, и к воскресенью вечером отряд Гиббона оказался бы менее чем в десяти милях от того места, которое называется пиком Кастера, холма, на котором погиб Кастер. Затем, когда Кастер двинулся вперед утром 26-го, пехота Гиббона и пулеметы Гэтлинга могли бы вытеснить этих су из деревни на открытую местность, простирающуюся от Литл-Бигхорна до Бигхорна, и двенадцать взводов кавалерии Кастера и четыре взвода Гиббона, всего шестнадцать взводов, вместе взятые, совершили бы самое крупное убийство индейцев, которое когда-либо совершалось на американском континенте со времени вторжения Кортеса в Мексику. Хотя это всего лишь догадка, и довольно бесполезная, на мой взгляд, она довольно интересная.

Я считаю, что генерал Хьюз обосновывает свою точку зрения, ссылаясь на то affidavit, которое генерал Майлз так тщательно хранил в течение многих лет. Это был бы очень интересный исторический документ, но было бы лучше, если бы он был представлен при жизни Терри или генерала Гиббона, или обоих. Я очень сомневаюсь, что предполагаемая копия книги приказов в штабе Терри, сделанная майором Брисбином (), была сопоставлена с оригиналом после того, как Брисбин ее сделал.

К сожалению, моя статья об этой кампании была утеряна, и у меня даже нет заметок, на основе которых она была написана. Я нашел одну короткую страницу, которую цитирую лишь для того, чтобы обосновать свои причины полагать, что в сражении 25 июня участвовало более двух тысяч индейских воинов: «До 10 мая 1877 года более тысячи воинов пришли и сдались, не считая воинов, убитых в том сражении или в полудюжине других боев, а также сотен отдельных воинов, которые тайком вернулись в агентства, и тех, кто ушел в Британскую Америку под командованием Сидящего Быка, число которых, как было известно, превышало две тысячи воинов».

Я не думаю, что вы слишком строги к майору Рено. Я беседовал с большинством офицеров этого командования в то или иное время, находясь в поле, и почти все они очень резко критиковали Рено. Показания на суде по делу Рено были менее суровыми, чем мнения, высказанные в течение нескольких дней, недель и месяцев после происшествия. Возможно, это было естественно. Вполне возможно, что отчасти это было связано с тем, что капитан Уир, один из самых ярых друзей генерала Кастера и один из самых ярых критиков майора Рено, умер до начала судебного разбирательства.

Я не думаю, что Стерджис, Портер и другие были захвачены и подвергнуты пыткам. Я нашел большую часть подкладки пальто Портера в лагере, что свидетельствовало о том, что пуля, которая попала в него, должна была сломать позвоночник и пройти через пупок. Моя теория относительно тех, чьи тела не были найдены, заключается в том, что большинство из них бросились в Бесплодные земли в направлении устья Роузбада, где они в последний раз видели отряд генерала Гиббона. В том состоянии, в котором они находились, им было легко погибнуть от жажды (), а если они дошли до Йеллоустоуна и попытались переплыть его, шансы на успех были явно против них.

С уважением,

К. А. Вудрафф,

бригадный генерал, армия США, в отставке.

V.

Как только вышеуказанное приложение было набрано, я отправил его отпечатанные корректуры генералам Хьюзу, Вудраффу и Кэррингтону, а также полковнику Годфри для окончательной проверки и исправления перед отправкой в печать. Вернув корректуру, генерал Кэррингтон и полковник Годфри добавили дополнительные комментарии, которые я привожу ниже.

Я также отправил те же корректуры миссис Элизабет Б. Кастер, вдове генерала Кастера, и миссис Джон Х. Могам, его сестре, с выражением моей готовности — нет, моего искреннего желания — напечатать любые комментарии, которые они или любая из них пожелают сделать по обсуждаемому вопросу.

По просьбе миссис Кастер я отправил приложение подполковнику Джейкобу Л. Грину, U. S. V., ныне президенту Connecticut Mutual Life Insurance Company, который был адъютантом генерала Кастера во время войны и его другом на всю жизнь после нее. Его умелая защита своего старого командира напечатана в конце этой интересной серии исторических документов.

Желая, чтобы Кастер через своих друзей сказал последнее слово, я печатаю его без комментариев, за исключением того, что я полностью разделяю восхищение полковника Грина многими блестящими качествами и достижениями своего старого командира.

Письмо генерала Каррингтона

Хайд-Парк, Массачусетс, 25 сентября 1904 г.

Уважаемый доктор Брэди!

Я благодарен Вам за то, что Вы прочитали корректуру приложения к Вашей статье о массовом убийстве Кастера. Когда это произошло, я был сильно потрясен событием, столь похожим по своей ужасающей сути на резню Филадельфии в 1866 году. Мне вспомнилось предыдущее интервью с генералом Кастером, и я посетил заседания следственного суда в Чикаго, взяв с собой для справки карту, которую я тщательно подготовил с помощью Джеймса Бриджера, моего главного гида, и его коллег.

Свидетельства указывали на то, что когда Кастер достиг «Литл-Биг-Хорн» (так обозначенного на карте) и послал Бенсона вверх по течению с приказом «если он увидит индейцев, то даст им почувствовать ад», приказав Рено следовать по тропе через реку и двигаться вниз к индейским лагерям, в то время как он сам двигался по правому берегу, отделившись от других подразделений, он фактически отрезал индейцам путь отступления в горы, что было частью его специальной миссии; но в пылу сражения забыл о совместном наступлении с Биг-Хорна, целью которого было уничтожение всех индейских сил с помощью превосходящих сил и сосредоточения войск.

В действительности, суд не столько дискредитировал поведение Рено (), сколько раскрыл тот факт, что он столкнулся с значительно превосходящими силами, не имея уверенности в том, что сможет получить немедленную поддержку от других батальонов, столь важную в случае внезапного столкновения с отчаянными и находящимися в тяжелом положении врагами. Последующий бой, который был оборонительным и затянувшимся, без информации о положении Кастера или возможной поддержки с его стороны, стал серьезным комментарием ко всему происшествию.

Упомянутое интервью с генералом Кастером состоялось в 1876 году, когда, покидая лекционную площадку Исторического общества в Нью-Йорке, он по дороге в отель заметил: «Потребуется еще одна резня Филадельфии, чтобы Конгресс оказал щедрую поддержку армии». Мы провели вместе несколько часов, пока он обсуждал свои проблемы с властями в Вашингтоне. Он вспомнил события 1867 года и считал, что генерал Шерман строго осудил его действия в отношении республиканцев, но что скоро наступит время, когда у него появится возможность оправдаться, и что «если у него снова будет шанс, он достигнет своей цели или умрет, пытаясь это сделать». Он был практически в отпуске, и его продление не было его выбором. Полковник Смит был болен, и он требовал права командовать своим полком, поскольку тот получил приказ подчиняться генералу Терри.

Был подробно обсужден знаменитый скандал с сутлерами, и здесь возникла путаница относительно позиции Кастера. Он не имел никакого отношения к распространенной жалобе на то, что Белкнап сдавал в аренду сутлерские права для личной выгоды. Технически неверно и то, что министр войны мог назначать таких сутлеров, на которых жаловались. Командиры постов вместе со своими советами офицеров выбирали сутлеров и устанавливали цены на продаваемые товары. Министр просто издавал назначение, обозначенное таким образом, если только оно не отклонялось по уважительным причинам, что требовало повторного выбора офицерами. В случаях, когда войска находились в походе, были откомандированы или несли службу вдали, командующий генерал подтверждал выбор офицера. Позиция Кастера была мужественной, законной и справедливой, но его утверждение этого права, насколько оно было сделано, обидело Белкнапа, в ущерб офицерам, права которых были отвергнуты под влиянием невоенных факторов.

Кастер *не* был обвинен в чем-либо, что могло бы помешать его назначению на законную должность командира полка, когда он был отправлен на полевые учения. Я без колебаний призвал его отстаивать свои права, но не мог представить, что он поедет в Бисмарк или каким-либо иным образом будет отстаивать свои права лично, кроме как через штаб в Вашингтоне.

Если когда-либо у кого-то и был стимул рискнуть своим полком, то этот бесстрашный боец и всадник, чей дух в бою достигал грани безумия, был именно тем человеком, который мог это сделать.

Во всех цитируемых вами документах прослеживается одно и то же тонкое предположение, что тот, кто, как независимый командир агрессивной кавалерии в Гражданской войне, должен был, как ожидалось, проявлять большую свободу действий на поле боя (благодаря чему он ранее добился успеха), когда столкнулся с врагом на расстоянии выстрела в долине Литл-Бигхорн, потерял всякое чувство опасности и всякую мысль о предписанных деталях действий, будучи уверенным, что каким-то образом старая Седьмая не могла быть разгромлена никакой дикой силой!

Я всегда считал общий план Терри хорошо продуманным, поскольку предварительная разведка Рено почти гарантировала неизбежное направление индейского следа на запад, и события подтвердили суждение Терри. Генерал Хьюз с честью служил в штабе Терри во время Гражданской войны, а также капитаном 18-го пехотного полка на границе, и его заверения в том, что генерал Терри полностью объяснил Кастеру причины, по которым власти Вашингтона не доверяли его усмотрению и были более точны в предоставлении ему этого отдельного командования, не могут быть опровергнуты утверждаемым аффидевитом, который шептал намеки, не услышанные офицерами, находившимися рядом с ним, позволили ему быть своим собственным хозяином в вопросе, где совместное движение трех команд было главным фактором полного успеха.

Также нет никаких сомнений в том, что искренняя просьба Кастера о том, чтобы ему доверили выполнение точных обязанностей, возложенных на его командование, обеспечила ему не только симпатию и доверие Терри, но и что только при этом условии власти Вашингтона уполномочили генерала Терри отменить приказ о его аресте за то, что он отправился к своему командованию без приказа.

Как уже было сказано, доверие Кастера к Седьмой кавалерии было вполне заслуженным. Вместе с ним она была настоящей грозой в бою, но не была всемогущей. Чрезмерная уверенность, которая разрушила ее единство в самый критический момент, оказалась фатальной. Даже тогда успех, в котором Кастер не сомневался, сгладил бы опрометчивость его порыва и в значительной степени оправдал бы его ошибку.

С уважением,

Генри Б. Каррингтон.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПОЛКОВНИКА ГОДФРИ

Я не желаю выставлять себя особым защитником генерала Кастера, и тем более не желаю выставлять себя врагом генерала Терри. Моя единственная цель — показать правду, не только для этой дискуссии, но и для истории.

Эта тема, безусловно, достигла стадии академической дискуссии. Я не готов признать, что фраза «он желает, чтобы вы подчинились им (его взглядам), если только» и т. д. передает прямой, положительный приказ, который не может быть более явным. Я также не признаю, что приказы, отданные командиром, в которых он использует слова «желает», «хочет» и их эквиваленты, передают *положительные* приказы при любых обстоятельствах. В личных или социальных вопросах такие слова передают идею о том, что желается и что ожидается; и в таких вопросах выраженные пожелания и желания обычно передаются личным друзьям, которые лояльно следуют им, если не буквально, то духом и результатами. В таких отношениях командир не хочет использовать язык, который мог бы показаться догматичным. Я также признаю, что, отдавая приказы лично, командир может подчеркнуть выражение своих желаний, пожеланий и т. д., чтобы не оставить никаких сомнений в своих намерениях и передать таким образом выраженную позитивность своим подчиненным.

Когда командир отдает письменные приказы по официальным каналам, слова «приказывает», «распоряжается» и «направляет» или использование повелительного наклонения оставляют мало места для двусмысленности или сомнений относительно того, что приказано или намечено.

События, последовавшие за кампанией или сражением, не оставляют сомнений в том, что у генерала Терри были люди или влияния, которые были подозрительными, враждебными или недружественными по отношению к генералу Кастеру. Я искренне верю, что генерал Терри был слишком благородным, чтобы сознательно позволить себе поддаться влиянию каких-либо зловещих мотивов.

То, что «инструкции» вызвали эту дискуссию, свидетельствует о их неопределенности. Была ли эта неопределенность преднамеренной? Генерал Терри был юристом. Он был солдатом. Как юрист и солдат, его обученный ум должен был взвесить слова, содержащиеся в этих инструкциях. Теперь прочтите их: «Конечно, *невозможно*^[132] дать вам какие-либо *четкие инструкции* в отношении этого движения, и даже если бы это было *возможно*, командующий департаментом слишком доверяет вашему рвению, энергии и способностям, *чтобы навязывать вам точные приказы*, которые могут помешать вашим действиям, когда вы окажетесь почти в контакте с врагом», а затем указывает, что, по его мнению, следует делать; или, другими словами, указывает, что он (Терри) сам сделал бы, если бы оказался в описанных условиях. Кастер, очевидно, увидел «достаточные причины для отступления от них» и сделал то, что предполагала разумная интерпретация инструкций, *составив свои собственные планы*. ^[132] Я интерпретирую фразу «когда вы находитесь почти в непосредственном контакте с врагом» как относящуюся к непосредственному времени или месту (21 июня, устье Роузбад) написания.^[133]

Что касается местонахождения индейцев, Терри полагал, что они находятся на реке Литл-Биг-Хорн; мы обнаружили их на этой реке примерно в 15 милях выше ее слияния с рекой Биг-Хорн. Если бы деревня находилась на слиянии, атака была бы осуществлена 25 июня, так как Кастер не смог бы обнаружить деревню с водораздела. Возможно, две колонны объединились бы для атаки. Теперь предположим, что деревня находилась на 50 или 60 миль южнее, она все равно была бы в пределах догадки Терри, но это было бы далеко от колонны Гиббонса, которая, согласно инструкциям, осталась бы на слиянии. Необходимо помнить, что Кастер оказался бы между Вольфскими горами (на более поздних картах — горы Роузбад) и Литл-Бигхорном, если бы он проигнорировал тропу и пошел на юг вверх по Роузбаду, как хотели бы нас убедить критики Кастера, что именно и было целью инструкций.

Генерал Вудрафф хотел, чтобы он остановился в лагере 24 июня и разведал местонахождение деревни и т. д. Соответствовало ли бы это интерпретации инструкций Вудраффом? И с этой позиции он говорит: «Кастер был в состоянии атаковать любую из трех последних линий отступления (восточную, северо-восточную или юго-восточную), тогда как если бы, после *принудительного* ночного марша в^[134] с его уставшими животными, он атаковал Литл-Биг-Хорн, и разведка показала, что деревня покинула Литл-Биг-Хорн, направляясь на северо-восток, 24 июня он отстал бы от них на два дня марша». Этот «вынужденный» ночной марш составлял около восьми миль, и каждая пройденная миля приближала нас к наилучшей позиции для перехвата любого бегства на северо-восток и восток. Вместо того, чтобы отставать от них на два дня, мы встретили бы их почти «лоб в лоб».

Какой практический смысл было отправлять разведчиков к Гиббону 24 июня?

Не было никакой свежей или новой достоверной информации, которую можно было бы ему передать; Терри все «догадался».

Теперь давайте повторим пройденные марши: 22 июня — двенадцать миль; 23 июня — тридцать три мили; 24 июня — двадцать восемь миль; 25 июня — восемь миль до бивуака и десять миль до водораздела, а затем, скажем, пятнадцать миль до деревни. То есть девяносто одна миля до полудня 25 июня, когда было решено атаковать, и сто шесть миль за все четыре дня. Это не означает, что мы совершали *форсированные* марши.

Вудрафф далее заявляет, что «он совершил этот роковой ночной марш с *намеренным* (?) намерением найти и атаковать деревню до того, как Гиббон сможет подняться». Я считаю, что это заявление является преднамеренно несправедливым и противоречит дважды повторенному заявлению Кастера о том, что он не намеревался атаковать деревню до 26-го числа, сначала, когда он узнал о ее местонахождении в ночь на 24-е, а затем, когда он созвал офицеров после обнаружения водораздела.

Позиция Рено внизу, в старом русле реки, была защищена от огня с холмов густым лесом и находилась почти в миле от холмов. Я никогда раньше не слышал, что по нему стреляли с этих холмов, но по нему стреляли из леса на противоположной стороне реки. Генерал Гиббон и я оба считали, что холмы были слишком далеко, чтобы вести эффективный огонь. Необходимо помнить, что дно реки было густо засажено деревьями на расстоянии около выше и ниже этой позиции. Впоследствии эти деревья были срублены для строительства форта Кастера.

ЗАЩИТА КАСТЕРА ПОДПОЛКОВНИКОМ ГРИНОМ

Хартфорд, Коннектикут, 1 сентября 1904 г.

Уважаемый господин!

Я с большим интересом прочитал Ваше обсуждение вопроса о предполагаемом неподчинении генерала Кастера приказам, как в повествовании о битве при Литл-Бигхорн, так и в приложении к тому, и по поводу которого Вы попросили меня высказать свое мнение.

Независимо от того, какое значение это может иметь для уместности моего комментария, позвольте мне сказать, что генерал Кастер был моим близким другом, и что его первым действием после получения назначения в Гражданской войне в звании бригадного генерала было обеспечить мое назначение и прикомандирование к нему в качестве генерал-адъютанта, должность, которую я занимал до его увольнения из добровольческой службы в 1866 году. Я думаю, что никто не знает лучше его качества как солдата и как человека. Я знаю его достоинства и недостатки, которые были недостатками его достоинств. Он был прирожденным солдатом, а именно прирожденным кавалеристом. Истинная цель войны была для него не только профессиональной теорией — она была инстинктом. Когда он был настроен уничтожить врага, он как можно скорее наносил ему удар и никогда не отступал. Он знал все искусство войны. Но искусство, инструменты и их правильное профессиональное использование не были в его глазах конечной целью карьеры солдата, которой можно было бы удовлетвориться техническим исполнением. Они были средствами и инструментами, с помощью которых его выдающийся военный гений понимал и решал практические и судьбоносные проблемы. Когда он брался за задачу, его целью было ее выполнение, а не правильное выполнение необходимых действий до их технического предела, а затем считать себя оправданным.

Он отличался остротой и точностью наблюдения, быстрым пониманием военного значения каждого элемента ситуации, способностью принимать мгновенные и взвешенные решения, а затем — мгновенной, неиссякаемой энергией, с которой он неустанно вел свою атаку. И быстрота и неумолимая сила его удара были важными элементами правильности его решений, а также успеха его операций. Он был мудр и осторожен в том, что человек, более медленный в наблюдениях, проникновении и принятии решений, а также более медленный и менее настойчивый в действиях, оценил бы неправильно и потерпел бы неудачу.

Я знал Кастера как солдата, когда он был командиром бригады и дивизии под командованием Плезантона и Шеридана, сменивших друг друга на посту командующих кавалерийским корпусом армии Потомака. Те, кто знал, как высоко его ценили эти великие полководцы, какие задачи они поручали его солдатскому уму и пониманию, его верности и мастерству, не нуждаются в напоминании о том, что ни в чем из всего, на что они полагались и чем доверяли ему, он никогда не подводил ни по букве, ни по духу. Я знаю, насколько он был абсолютно лоялен в противоречивых условиях, с которыми иногда сталкивается каждый подчиненный, на которого возложена серьезная ответственность, и которые подвергают испытанию чувство долга до предела. Он был верным, как сталь. На него полагались в важных делах, потому что он был надежным.

По характеру он был оптимистичным и горячим. Он любил своих друзей; он не терпел никакой неэффективности и притворства; он не высоко ценил простой профессионализм; он был импульсивным и иногда резким в манерах, но добрым сердцем; он был чувствителен только к несправедливой критике; он презирал интриги, уловки и всякую подлость; он был независим в своих мнениях и суждениях и откровенен в их выражении; он был открыт в оппозиции и справедлив к врагу.

И само собой разумеется, что у такого человека были враги — люди, которые завидовали его способностям, его достижениям и его славе; люди, которых он никогда не пытался умиловить и которые искали утешения от зависти в клевете и ненависти; люди, которые не могли оценить его по достоинству или быть справедливыми по отношению к нему, но которые в случае необходимости обратились бы к нему с беззаветным доверием, будь то к его способностям или к его солдатской вере.

Этот человек, этот солдат, чья служба на протяжении всей Гражданской войны и долгая карьера в пограничных войсках на протяжении восемнадцати лет не имела себе равных по эффективности и блеску в рамках своих возможностей и обязанностей, который никогда не подводил своих командиров, никогда не ослушался приказа и не разочаровал ожиданий, ни обманывал друзей, — этот человек в конце концов отрекся от всей своей жизни, от всех своих умственных и нравственных привычек, от всего своего характера и умышленно не подчинился понятному приказу или не выполнил его должным образом, согласно своему лучшему суждению, в пределах своих возможностей в условиях того события; и, что еще хуже — и именно в этом его обвиняют его недоброжелатели — не только ли он не подчинился, но и с самого начала предприятия планировал не подчиниться — обмануть своего командира, который ему доверял, чтобы получить возможность не подчиниться?

Для любого человека, знавшего Кастера, за исключением тех, кто по какой-либо причине выступает против него, обвинение в преднамеренном, умышленном неподчинении не только абсурдно, но и является гнусным оскорблением памяти человека, который всегда будет вдохновлять американскую армию, пока она несет и защищает американский флаг.

В одном из писем, которые миссис Кастер написала мне, рассказывая о том, что происходило в дни подготовки к отъезду генерала, она писала:

«За день до начала экспедиции генерал Терри был в нашем доме наедине с Оти (ласковое прозвище генерала). Мысли А. были спокойными, обдуманними и торжественными. Он был ужасно ранен в Вашингтоне. Генерал Терри подал заявку, чтобы он командовал экспедицией. Он был возвращен в свой полк, потому что генерал Терри подал заявку за него. Я знаю, что он (Кастер) испытывал к нему нежные и теплые чувства. В тот день он разыскал меня в доме и привел в гостиную, не сказав, зачем. Он закрыл дверь и очень серьезно и впечатляюще сказал: «Генерал Терри, человек обычно имеет в виду то, что говорит, когда приводит свою жену, чтобы она выслушала его заявления. Я хочу сказать, что ходят слухи, что я не хочу участвовать в кампании под вашим командованием». (Я предположил, что он имел в виду, что, поскольку ему ранее было поручено командование, он не хотел быть подчиненным). «Но я хочу, чтобы вы знали, что я действительно хочу служить под вашим командованием, не только потому, что я ценю вас как солдата, но и как друга и человека». Эти точные слова были самым сильным заявлением о том, что он хотел, чтобы он знал, что он хочет служить под его командованием».

Это был типичный Кастер. И для любого, кто его знал — для любого, кто может составить разумное представление о том, каким человеком он должен был быть, чтобы в течение восемнадцати лет делать то, что он делал, и делать это так, как он делал, и завоевать то место и ту славу, которые он завоевал, — это заявление положит конец спорам. Какое бы разочарование, досаду или раздражение он ни испытывал раньше, как бы неосмотрительно ни высказался этот обиженный, высокомерный человек, когда все еще было неопределенно, а его роль и ответственность еще не были определены, этот настоящий солдат, зная о слухах в лагере, осознавая, что, возможно, они не были полностью

беспочвенными, как бы преувеличенными они ни были, но сталкиваясь теперь со своим известным долгом и тронутый доверием своего начальника, как Кастер никогда не переставал быть тронутым, не мог расстаться со своим командиром, когда между ними висела тень недоразумения. Он знал, что речи людей могли внушить Терри сомнения. И все же Терри доверял ему. Он не мог уйти, не дав генералу Терри понять, что тот был прав, доверившись ему. Это заявление Терри было признанием любой глупости, которую он мог сказать в своем горе и гневе; это было открытое очищение души честного солдата, как почетный поступок, должный как начальнику, так и подчиненному; в данных обстоятельствах это было инстинктивной реакцией настоящего мужчины на доверие того, кто возложил на него ответственность, связанную с честью и славой обоих. Неповиновение, будь то подлое преднамеренное или столь же подлое, предпринятое после обдумывания, немыслимо, если только не приписывать Кастеру характер, лишенный всяких солдатских и мужских качеств. С таким человеком обсуждение было бы бесполезным.

О самой дискуссии, представленной в повествовании и в приложении, мне нечего сказать. В первом абзаце приложения вы говорите: «Я полагаю, что проблема... никогда не будет окончательно решена, и что люди будут продолжать расходиться во мнениях по этим вопросам до конца времен».

Другими словами, обвинение в неподчинении никогда не может быть доказано. Доказательств не существует. В деле навсегда отсутствует главный свидетель, единственным и определенным приказом которого было взять свой полк и отправиться «в погоню за индейцами, след которых был обнаружен майором Рено несколько дней назад». Они были целью; их нужно было найти и не дать им сбежать. Это была задача Кастера. Все детали были оставлены, и обязательно оставлены, на его усмотрение. Все остальное в приказе от 22 июня передает лишь «мнение» командира, которому следует следовать, «если только вы не увидите достаточных причин для отступления от него». Аргумент о том, что Кастер не подчинился этому приказу, кажется, сводится к двум основным формам. Одна из них пытается увидеть в приказе точность и императивный характер, которых там нет и которые никакая изобретательность не может туда внести, и лишить его свободы усмотрения, которая там есть и является абсолютной; другая заключается в предположении или утверждении, что Кастер отклонился от взглядов генерала Терри без «достаточных причин». Эта линия аргументации частично основана на приписывании Кастеру мотива и намерения, которые были полностью злыми (), а частично — на том, что его критик, в свете более поздних знаний и тщетных сожалений задним числом, считает, что он должен был сделать, и все это в полном неведении о собственном мнении Кастера о условиях, в которых, когда он столкнулся с ними, он должен был найти свои собственные причины для того, что он сделал или не сделал. В соответствии с этим приказом, именно взгляды Кастера на условия, с которыми он столкнулся, должны были определять его действия, независимо от того, противоречили ли они взглядам генерала Терри или нет. Если в присутствии реальных условий, в свете его большого опыта и знаний в обращении с индейцами, он счел разумным следовать по следу, зная, что он приведет к ним, и полагая, что таким образом найти их будет лучшим способом предотвратить их побег, то он подчинился этому приказу так же точно, как если бы, думая иначе, он отправился на разведку на юг, где их не было и где ни Терри, ни он не ожидали их найти.

Обвинить его в неподчинении — значит сказать, что он умышленно и с неверными мотивами и намерениями сделал то, что запрещал его собственный военный разум; ведь именно его собственный военный разум, правильный или неправильный, должен был руководить его действиями в соответствии с условиями этого приказа. Качество его суждения не затрагивает вопрос о повиновении. Если он не подчинился этому приказу, то это было вопреки его собственному суждению. Это был единственный способ, которым он мог не подчиниться. Если люди расходятся во мнениях о том, сделал ли он это, то они будут расходиться.

VI.

Подводя итог, я предлагаю следующую возможную линию расследования, с помощью которой студент может самостоятельно определить ответ на этот вопрос:

Во-первых. Были ли письменные приказы Терри четкими и ясными?

Во-вторых. Были ли это разумные приказы, поддающиеся исполнению?

В-третьих. Могли ли эти приказы иметь более одного значения?

Четвертое. Каковы различные значения, если их было более одного?

Пятое. Выполнил ли Кастер их в каком-либо из этих значений?

Шестое. Отклонился ли Кастер от них?

Седьмое. Если да, то насколько?

Восьмое. Если да, то было ли такое отклонение оправдано чрезвычайными обстоятельствами?

Девятое. Были ли серьезными последствия такого отступления?

Десятое. Получил ли Кастер в последний момент устные приказы от Терри?

Одиннадцатый. Если да, то когда?

Двенадцатый. Заменили ли эти устные приказы письменные приказы?

В заключение я повторяю, что был бы рад убедиться в том, что я ошибся в своих выводах, и что, если кто-нибудь сможет убедить меня в том, что Кастер не ослушался приказа или что его неподчинение было оправданным, я публично принесу свои извинения за то, что высказал мнение о том, что он ослушался и что его неподчинение было неоправданным.¹¹³¹ Если это приложение прольет свет на так часто упоминаемую аффидевит, оно послужит отличной цели; ибо, повторяю, я буду считать, что установление этой аффидевит решает вопрос.

Теперь этот вопрос остается на усмотрение студентов. Возможно, я не могу более подходящим образом завершить обсуждение, чем этой цитатой из конфиденциального доклада генерала Терри генералу Шеридану от 2 июля 1875 года:

«Я говорю вам это не для того, чтобы бросить тень на Кастера, потому что за любые ошибки, которые он мог совершить, он понес наказание, и вы не можете сожалеть о его потере больше, чем я; но я чувствовал, что наш план должен был быть успешным, если бы он был осуществлен, и я хочу, чтобы вы знали факты».

¹¹²Все примечания в этом приложении подписаны инициалами их авторов для их идентификации. — С. Т. В.

¹¹³. Например, подробный отчет конгрессмена Финерти в его книге «War-path and Bivouac» («Военный путь и бивуак»); статья доктора Чарльза С. Истмана в журнале *Chautauqua Magazine*, т. XXXI, № 4, 1900 г.; и отчет г-на Хэмлина Гарланда о рассказе Ту Муна о сражении в журнале *McClure's Magazine*, т. XI, № 5, сентябрь 1898 г. — С. Т. В.

[114](#) Генерал Г. А. Форсайт пишет мне, что он считает полковника Годфри одним из самых способных офицеров армии Соединенных Штатов — и я согласен с этим мнением. — С. Т. В.

[115](#). Эти два авторитетных источника, похоже, расходятся во мнениях относительно того, когда именно состоялся этот разговор. Эндрюс, по-видимому, цитируя Майлза, говорит: «Незадолго до того, как Кастер начал свою роковую поездку». Майлз, цитируя таинственного и неизвестного свидетеля, говорит, что разговор состоялся накануне вечером в палатке Кастера. Разница радикальна и, с учетом предложения полковника Годфри ниже, существенна. Кроме того, полк выступил в поход в полдень 22-го числа, и именно на эту дату датирован приказ; следовательно, накануне вечером Кастер не получал никаких приказов. Покидая лагерь, полк прошел мимо генералов Терри, Гиббона и Кастера. Когда же, тогда, точно произошел этот предполагаемый разговор? — С. Т. В.

[116](#). Конечно, она есть в моей библиотеке, и я часто обращаюсь к ней. — С. Т. В.

[117](#) Это преувеличение. У Кастера не было ни пехоты, ни артиллерии, ни повозок; у Гиббона была кавалерия, пехота и артиллерия, но не было повозок, об этом следует помнить. — С.Т.В.

[118](#). Отчет министра войны, т. I, 1876, стр. 443. Курсив в приведенной выше цитате мой. — С. Т. В.

[119](#). Ссылка на статью в вышеупомянутом *Журнале военнослужащих*. — С. Т. В.

[120](#). В течение последних шести месяцев я постоянно имел их перед глазами и снова и снова тщательно изучал их, проверяя цитаты и т. д. — С. Т. В.

[121](#). Если приказы были нелепыми или предполагали бесполезные и абсурдные действия, почему Кастер не указал на эти явные нелепости Терри и Гиббону *перед тем, как выступить*? Условия не изменились; тропа, положение индейцев и все остальное были точно такими, как и предсказывали приказы. — С. Т. В.

[122](#). Время прибытия Терри в Литл-Бигхорн предполагается 26 июня. На каком основании сделано это предположение, я сейчас не помню. Оно не отражено в «инструкциях». Мы, участники командования, ничего об этом не знали до окончания сражения, то есть до прибытия Терри. — Э. С. Годфри.

[123](#). Найдя их, угадав или нет, условия были точно такими, как и предполагалось в приказах. — С. Т. В.

[124](#) Но если бы Кастер выполнил приказ, он не оказался бы в непосредственной близости от врага — в этом-то и загвоздка! — К. Т. Б.

[125](#) Я считаю это хорошим моментом в пользу Кастера. — К. Т. Б.

[126](#) Курсив мой. — Э. С. Годфри.

[127](#). Полковник Годфри сделал это заявление в ответ на мой вопрос. По этому поводу см. Приложение В.—С. Т. В.

[128](#). Я снова спрашиваю генерала Майлза, является ли это объяснением аффидевита? Если да, то как это согласуется с утверждением, что разговор произошел в ночь перед тем, как

командование разделилось? Или генерал Майлз небрежно написал «накануне вечером» и имел в виду непосредственно перед последним маршем? — С. Т. В.

[129.](#) Лично я не верю, что данное предложение было в приказе, отданном Кастеру. Ведь если бы это было так, зачем Терри его скрывал, разве что оно подтверждает его собственные утверждения? Кроме того, я не хочу верить, что Терри что-то скрывал. Это предложение могло быть в черновом варианте приказа, а не в окончательной копии. — С. Т. В.

[130.](#) Это тоже очень интересно и, похоже, указывает на то, что приказ был «нелепым» в данных обстоятельствах. Возможно, это так, но если это так, я бы хотел, чтобы Кастер указал на это Терри, прежде чем тот начал. — С. Т. В.

[131.](#) Простил бы генерал Майлз подчиненных за такое повиновение (?) его приказам о совместном движении? — С. А. Вудрафф.

[132.](#) В оригинале нет курсива.—Э. С. Годфри.

[133.](#) Это интересно, и это первое предположение, с которым я столкнулся, что эта фраза относится к положению Терри и Кастера, когда приказы были подготовлены или доставлены, а не к предполагаемому времени, когда Кастер должен был встретиться с сиу. К сожалению, я не могу согласиться с этой интерпретацией. Тем не менее, возможно, что такая интерпретация, безусловно, является аргументом в пользу Кастера. — С. Т. В.

[134](#)Курсив мой. — Э. С. Годфри.

[135.](#) Рискую утомлять читателя, но поскольку я чувствителен к этому вопросу и не хочу быть неправильно понятым, я прикладываю здесь письмо, написанное мной сестре генерала Кастера, которая выразила надежду, что я не буду считать, что он не подчинился приказам

13 июля 1904 года.

Уважаемая госпожа!

Я получил, прочитал и перечитал Ваше письмо от 12-го числа. Это письмо и мнение миссис Кастера, чью личность, как и всех американцев, я уважаю и восхищаюсь, в совокупности с позицией, которую моя совесть, вопреки моей воле, заставила меня занять, наполнили меня глубоким сожалением.

Прочитав до этого места, вы, несомненно, догадаетесь, что я вынужден сказать, что, по моему мнению, генерал Кастер действительно не подчинился приказам. Я нигде не заявлял, что считаю его виновным в опрометчивости. Я также, как мне кажется, ясно дал понять, что даже если он и не подчинился приказам, окончательное уничтожение его батальона было вызвано трусостью или неспособностью майора Рено.

Я помню, как видел генерала Кастера, когда был мальчиком в Канзасе. Мой отец, ветеран Гражданской войны, очень его уважал. Я был присутствовал, когда тела офицеров Седьмой кавалерии были доставлены для перезахоронения в Форт-Ливенворт. Моя жена, уроженка Юга, является двоюродной сестрой покойного генерала Дода Рамсера, который был близким другом генерала Кастера. Семья никогда не забывала доброту генерала Кастера, проявленную им после гибели Рамсера.

Я испытывал и до сих пор испытываю теплое восхищение блестящими и солдатскими качествами генерала Кастера. Он был и остается моим идеалом кавалериста. Когда я начал писать эти статьи, я не хотел слышать обвинения в том, что он не подчинился приказам. Но мои исследования заставили меня занять эту позицию. Я не могу передать, как больно мне было и до сих пор больно прийти к этому выводу. Я долго и глубоко размышлял над этим вопросом.

Конечно, я прочитал теперь уже знаменитую статью генерала Хьюза. Однако я не позволил этой статье одной определить мое мнение, а тщательно рассмотрел все свидетельства. Я изучил все дискуссии, которые смог найти. Более того, я

переписывался с рядом офицеров, среди которых были генерал-лейтенант Майлз, генерал-майор Хьюз, бригадный генерал К. А. Вудрафф, бригадный генерал Каррингтон и полковник Годфри. Замечания этих офицеров были представлены друг другу. Я с максимальной тщательностью взвесил и проанализировал их заявления. Я не мог прийти к иному выводу, кроме того, к которому я пришел.

В качестве приложения я включил полную переписку с различными офицерами по этому вопросу. Я с удовольствием напечатал все, что написал полковник Годфри, который действительно был ярким противником моих взглядов. Я обратил внимание на один важный факт, который, по моему мнению, полностью оправдывает генерала Кастера от обвинения в неподчинении. Это показания под присягой предполагаемого свидетеля последнего разговора между Терри и генералом Кастером.

Генерал Майлз упоминает это affidavit в своей книге «Личные воспоминания генерала Нельсона А. Майлза». Президент Э. Бенджамин Эндрюс также упоминает его в своей книге «Соединенные Штаты в наше время». Я написал президенту Эндрюсу, который сослался на Майлза как на свой авторитетный источник. Я *трижды* писал генералу Майлзу, зарегистрировав последнее письмо, с просьбой подтвердить affidavit, существование которого вызывало сомнения у многих офицеров армии. Генерал Майлз не ответил. Поэтому я считаю само собой разумеющимся, что *он не может подтвердить affidavit*.

Я честно сказал, что если он сможет доказать подлинность этого заявления и подтвердить достоверность свидетеля, я публично извинюсь самым широким образом за то, что сказал, что генерал Кастер не подчинился его приказам. Я сказал, что если *кто-нибудь* сможет убедить меня в том, что я был неправ в своем заключении, если будут представлены какие-либо доказательства, подтверждающие обратное, я с большим удовольствием отзову свои слова любым возможным способом, который мне предложат.

Прошу вас поверить, что я написал это письмо без всякой враждебности по отношению к генералу Кастеру. Мои истинные чувства к генералу Кастеру легко увидеть в моей статье о битве при Вашита, на которую вы сослались. Я был бы очень признателен, если бы вы переслали это письмо миссис Кастер.

Еще раз сожалее о том, к какому неудачному выводу я был вынужден прийти, и выражая свое безграничное сожаление о том, что я причиняю боль миссис Кастер, вам и друзьям генерала Кастера, я остаюсь

С уважением,

Сайрус Таунсенд Брэди.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Дополнительная информация о поведении майора Рено

После публикации статьи Кастера, осуждающей Рено, мое внимание привлекла следующая редакционная статья, появившаяся в *Northwestern Christian Advocate* от 7 сентября 1904 года:

ПОЧЕМУ ПОГИБ ГЕНЕРАЛ КАСТЕР

Генерал Джордж А. Кастер был и всегда будет считаться одним из самых блестящих офицеров армии Соединенных Штатов. Его карьера полна романтических моментов, а его смерть, наряду со смертью всех офицеров и солдат, сражавшихся вместе с ним, была одним из самых трагических и запоминающихся событий в войне с индейцами. История последнего сражения Кастера с индейцами, которое произошло на реке Литл-Биг-Хорн

летом 1876 года, живо описана Сайрусом Таунсендом Брэди. Наша цель не в том, чтобы пересказать историю сражения, а в том, чтобы обратить внимание на истинную причину поведения майора Рено, которое привело к поражению и смерти Кастера.

Описав действия Кастера по распределению своих сил и задачу, порученную майору Рено, который проявил замечательную нерешительность и ошибки в суждениях, которые были бы непростительны даже для неопытного молодого офицера, и заставили Рено отступить вместо того, чтобы энергично атаковать индейцев, г-н Брэди говорит:

«Его [Рено] вторая позиция была прекрасна для обороны. Укрытый деревьями, с флангами и тылом, защищенными рекой, он мог бы удерживать это место бесконечно. Однако он не был назначен для защиты или удержания какой-либо позиции, а для быстрого, стремительного нападения; и после нескольких мгновений самого слабого наступления он оказался вынужденным перейти в оборону. Такой результат разрушил бы самый многообещающий план. Он определенно разрушил план Кастера.

«Больно обвинять армейского офицера в неправомерных действиях, но я ознакомился с мнением ряда армейских офицеров по этому вопросу, и каждый из них считает Рено в высшей степени виновным. По крайней мере, один из них не постеснялся высказать свое мнение самым публичным образом. Я не хочу верить, что майор Рено был трусом, *но он определенно потерял голову, а когда он потерял голову, он потерял Кастера*. Его нерешительность была жалка. Хотя он практически не понес потерь и не имел причин для беспокойства, он находился в состоянии мучительной неопределенности относительно того, что ему делать дальше. Солдат, как и женщина, который колеблется в чрезвычайной ситуации, требующей мгновенного решения, обречен...

«До сих пор не было паники, и под командованием другого офицера ее бы и не было, но в протоколе зафиксировано, что Рено отдал приказ солдатам сесть на лошадей и отступить к утесам. Прежде чем приказ был выполнен, он отменил его. Затем приказ был отдан снова, но так, что никто, кроме тех, кто находился непосредственно рядом с ним, не услышал его из-за шума сражения, которое в тот момент бушевало без определенной цели по всей линии, и никто не попытался его выполнить. Затем приказ был повторен в третий раз. Наконец, когда те, кто находился дальше всего, увидели, что ближайшие к растерянному командиру всадники садятся на лошадей и явно готовятся уходить, приказ постепенно дошел до всего батальона, и почти все солдаты приготовились к отступлению. В конце концов они вырвались из леса в беспорядочной колонне по четыре человека, стремясь вернуться к броду, который они пересекли, когда входили в долину.

«Рено называет это атакой, и он возглавил ее! Он был так возбужден, что, выстрелив из пистолетов в индейцев, которые отважно преследовали бегущих солдат, он бросил их. Давление индейцев на правом фланге заставило солдат склониться влево, подальше от брода. Фактически, они были сметены в беспорядочную толпу и оттеснены к реке. В безумной погоне за спасением всякая видимость организации была утрачена. Войска превратились в толпу».

Майор Рено не был трусом, как многие полагают. Его карьера в армии во время Гражданской войны и его повышение в звании за доблестную и заслуженную службу в Келлис-Форде 17 марта 1863 года и в битве при Седар-Крик 19 октября 1864 года свидетельствуют о его мужестве. Как же тогда объяснить его поведение в битве при Литл-Бигхорн? Доктор Брэди не дает объяснения. Возможно, он его не знает. Но сам майор Рено рассказал покойному преподобному доктору Артуру Эдвардсу, тогдашнему редактору газеты «*Northwestern*», что его странные действия были вызваны тем, что ОН БЫЛ ПЬЯН. Поведение Рено в той битве стоило ему многих друзей-военных. Артуру Эдвардсу, который хорошо его знал и оставался его верным другом, майор Рено часто изливал душу, и однажды в глубокой печали сказал, что его странные действия были вызваны алкоголем, и что алкоголь в конечном итоге привел к его падению. Его действия в битве при Литл-Бигхорн были приведены в качестве одного из примеров результата его употребления спиртных напитков. Алкоголь в конечном итоге привел к его изгнанию из армии с позором. В 1880 году он был признан виновным военным трибуналом в поведении, несоответствующем офицеру и джентльмену. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, он устроил драку в общественном бильярдном салоне, в ходе которой напал на другого офицера, уничтожил имущество и иным образом вел себя позорно. За это правонарушение суд приговорил его к увольнению из армии.

Мне пришло в голову, что, вероятно, объяснение поведения Рено заключалось в том, что он, возможно, был в состоянии алкогольного опьянения. Я спросил полковника Годфри, согласен ли он с этим, и его ответ приведен выше в Приложении А.

Прочитав статью в *Advocate*, я написал редактору, доктору Дэвиду Д. Томпсону, с просьбой предоставить дополнительные доказательства цитируемого заявления. Ниже приводится его письмо:

Чикаго, 30 сентября 1904 г.

Уважаемый сэр!

Доктор Артур Эдвардс, бывший редактор *Northwestern Christian Advocate*, был капелланом в армии во время Гражданской войны. Он был солдатом по натуре и всю свою жизнь интересовался военными и морскими делами, поддерживая знакомства с офицерами армии и флота. В армии он завоевал доверие своих сослуживцев своим характером и моральным мужеством.

Ряд офицеров попросили его поговорить с генералом Хукером, который тогда командовал армией, и выразить ему большую обеспокоенность офицеров по поводу его нетрезвых привычек. Доктор Эдвардс поговорил с генералом Хукером и передал ему просьбу офицеров. Он сделал это так мужественно и тактично, что генерал Хукер поблагодарил его и сказал, что армия больше не будет опасаться плохих последствий из-за его привычек.

Об этом случае узнал г-н Х. И. Кливленд, редактор газеты «*Чикаго Геральд*», который несколько лет назад опубликовал его под своим именем в этой газете. Я никогда раньше не слышал эту историю от доктора Эдвардса, и когда я увидел статью г-на Кливленда, я спросил доктора Эдвардса об этом. Он рассказал мне эту историю, а после этого рассказал историю о Рено, которую я кратко изложил в «*Нортвестерн*».

Из всего, что я знаю о Рено, неприязнь к нему в армии была вызвана не его пристрастием к алкоголю, а его поведением в отношениях с другими. Доктор Эдвардс рассказал мне, что Рено сказал ему, что все его проблемы в отношениях с сослуживцами были вызваны, в первую очередь, его пристрастием к алкоголю, которое подорвало его моральный облик. Доктор Эдвардс очень хорошо знал Рено и сказал мне, что, по его мнению, алкоголизм был, как утверждал сам Рено, причиной всех его проблем. Он знал его в армии во время Гражданской войны и высоко отзывался о его характере как о солдате в то время.

С уважением,

Д. Д. Томпсон.

P. S. — Доктор Эдвардс намеревался когда-нибудь опубликовать эту историю, но умер в апреле 1901 года, не успев этого сделать.

II.

Поскольку я всегда был готов и стремился выслушать обвиняемого в каждом деле, я с большим удовольствием привожу здесь письмо, недавно полученное от г-на Уильяма Э. Морриса, адвоката, который также является членом городского совета Большого Нью-Йорка. В этом письме содержится энергичная защита майора Рено с интересными подробностями его борьбы. Хотя г-н Моррис не согласен со многими из моих выводов и радикально расходится с опубликованными отчетами полковника Годфри и других, я рад представить моим читателям другую точку зрения. Я только сожалею, что это письмо было получено слишком поздно, чтобы включить его в текст книги.

Хейвен, штат Мэн,

21 сентября 1904 г.

Уважаемый сэр!

Я прочитал вашу статью под названием «Война с сиу» и, как выживший участник батальона Рено, желаю выразить серьезный протест против многих неверных утверждений о предполагаемых фактах.

Полковник Рено был жестоко оклеветан при жизни, но он мужественно принял это, зная, что заслужил уважение всех офицеров и солдат, служивших под его командованием 25 и 26 июня 1876 года.

В 7-м кавалерийском полку не было места трусам, и если бы Рено проявил трусость, его бы проклинали все члены его подразделения.

На самом деле, мы чтим его память как память о храбром и доблестном офицере, который в силу обстоятельств, не зависящих от него, был осужден общественностью, не имевшей личного знания о фактах, приведших к результату битвы при Литл-Хорн.

Мне совершенно очевидно, что вы никогда не брали интервью ни у одного члена батальона Рено, а именно: войск «А», «G» и «М», потому что если бы вы это сделали, вы бы не исказили факты, поскольку я полагаю, что вы стремитесь быть объективными и не стали бы намеренно вводить общественность в заблуждение.^{[1361](#)}

Я был членом отряда «М» капитана Томаса Х. Френча, 7-й кавалерии США, и представляю следующее краткое изложение фактов:

Мы потеряли из виду Кастера, чье командование находилось справа от нас, по крайней мере за тридцать минут до того, как мы пересекли реку Литл-Хорн.

Перед тем как достичь реки, мы увидели группу из примерно ста индейцев; мы преследовали их через Литл-Хорн и вниз по долине. Как только мы переправились, Рено отдал приказ: «Влево в линию, галопом — вперед, проводник, центр», и мы помчались быстрее, чем я когда-либо ездил. Индейцы ехали так быстро, как могли, а батальон в боевом порядке следовал за ними. Группа из не менее двух тысяч человек поднялась по долине, чтобы встретить сотню или более, которых мы преследовали. Они немедленно совершили фланговое движение влево от нас и остановились, открыв обстрел, в результате чего некоторые из наших лошадей стали неуправляемыми. Лошадь Джона Р. Мейера понесла его вниз по долине через индейцев, некоторые из которых преследовали его две или три мили по холмам и обратно к броду. Он спасся с огнестрельным ранением в шею. Лошадь Руттена также убежала, но ему удалось сделать круг, прежде чем он догнал индейцев, и он получил только огнестрельное ранение в плечо. Мы были тогда на одном уровне с лесом; продолжение атаки вниз по долине означало (по мнению всех) немедленное уничтожение батальона, который состоял из примерно ста двадцати человек (старая гвардия, по десять человек из каждого отряда, была с вьючными животными).

Рено, совершенно правильно, отдал приказ: «Батальон, стой! Приготовьтесь к бою пешком! Ссадитесь с лошадей!» Он приказал Френчу отправить десять человек с правого фланга его отряда для разведки в лесу, прежде чем «четверка» продвинулась туда с лошадьми. Мы немедленно развернулись в засаду и открыли огонь. Превосходство противника составляло не менее тридцати к одному, так как наша линия с четверками насчитывала не более семи офицеров и девяноста человек. Однако у нас было несколько индейских разведчиков и гражданских лиц. Мы полностью доверяли нашим офицерам и самим себе и приступили к делу с улыбкой и таким же спокойствием, как если бы мы были на стрельбах. Меньше, чем за время, необходимое для того, чтобы рассказать об этом, индейцы окружили нас с трех сторон. Нам приказали лечь, и все, кого я мог видеть, кроме Рено и Френча, сражались лежа. Рено шел вдоль линии, давая указания солдатам, а Френч привлекал внимание своих людей к своей меткости, стреляя из пехотного длинноствольного ружья, которое он нес с собой.

Находясь в этом положении, человек справа от меня, сержант О'Хара, был убит. Дым заслонял линию, но пули попадали по всей ее длине. Мы были совершенно спокойны, решительны, хорошо выполняли приказы и ждали, когда Кастер пойдет в атаку. Мы сражались, лежа, около пятнадцати минут, когда один из наших солдат вышел из леса и сообщил, что они убивают наших лошадей в тылу. К этому моменту все отряды понесли потери, и враг приближался, несмотря на наш устойчивый и смертоносный огонь. Тогда Рено совершил свою единственную ошибку: он отдал приказ: «Отступайте к своим лошадям, солдаты!». Френч немедленно исправил эту ошибку командой: «Стойко, ребята, отступайте медленно, смотрите на врага и продолжайте огонь». Отряд «М» отступал медленно и в идеальном порядке, сдерживая индейцев, пока

отряды «А» и «Г» не сели на лошадей. Несколько их лошадей были застрелены, и в результате всадники были очень встревожены.

Отряд «М» оставил сержанта О'Хару и рядового Смита на передовой линии. Исая, цветной переводчик из форта Райс, Кровавый Нож, вождь разведчиков Рисов, и один гражданский также остались. Лоуренс был ранен в живот, когда собирался сесть на лошадь. Я пошел ему на помощь, из-за чего оказался последним, кто покинул лес вместе с отрядом, за исключением лейтенанта Хэра, который обогнал меня внизу. Сержант Чарльз Уайт был ранен в руку, а его лошадь убита. Он был оставлен в лесу, как и «Большой Фриц», норвежец, чью фамилию я не помню, но чья лошадь была убита. В отрядах «А» и «G» также остались люди в лесу, и все они достигли отряда на холме ночью вместе с Де Рудио или примерно в то же время.

Я даю больше подробностей о «М», чем о других отрядах, потому что лично знаком с каждым из его членов. Капрал Сколлен и рядовой Коммерс пали в атаке из леса на брод. Это была атака, а не отступление, и ее возглавил Рено. Каждый человек, которого я видел, использовал свой револьвер с близкого расстояния. Я находился по крайней мере в двадцати ярдах позади тыла отряда. Индейцы приближались, поэтому я был вынужден прыгнуть с лошади с берега, по крайней мере в пятидесяти ярдах ниже брода, и, находясь в реке, имел отличный обзор сражения. Это была рукопашная, и Макинтош, безусловно, был там, у брода, и продал свою жизнь так дорого, как только мог. Когда я добрался до прорези в берегу, я обнаружил, что Терли и Рай были в седлах, а лейтенант Ходжсон был ранен и спешился. Он стоял по пояс в воде. Он схватился обеими руками за мою стремянную ремню. Рай пропустил Терли вперед через прорезь, и тот был убит, когда достиг вершины; Рай последовал за ним, не получив ни одной царапины. Лейтенант держался за мою стремя в течение двух-трех секунд, а затем был вытащен из воды. Он был снова ранен и отпустил стремя, когда моя лошадь вскочила на выемку. Сержант Криссуэлл, возможно, помог ему выбраться из воды, но если он это сделал, то снова вернулся в воду. Сказать, что кто-либо мог или действительно проехал обратно по этой выемке, — это, на мой взгляд, а предположить, что это, — невозможно. Достигнув уровня выше ущелья, я спешился и поспешил вести лошадь как можно быстрее вверх по обрыву и догнал Тинкера, Билла Мейера и Гордона примерно на полпути. Мы остановились на мгновение, чтобы отдохнуть. Тела павших солдат были хорошо видны. Они обозначали линию перестрелки и линию атаки от леса до брода и находились в реке и на вершине ущелья. В этот момент град свинца отправил Мейера и Гордона на счастливые охотничьи угодья, а пуля калибра 50 прошла через левую грудь вашего покорного слуги. Наши лошади тоже были ранены. Я продолжил подниматься на холм в одиночку и присоединился к отряду; затем меня доставили в импровизированный госпиталь.

К этому моменту Рено потерял более 30 процентов своего батальона (в лесу осталось более десяти человек), включая убитых, раненых и оставшихся без лошадей. Лейтенант Хэр особенно выделялся и проявил себя своим хладнокровием и решительностью, когда приказал солдатам выстроиться на вершине холма, и всякая деморализация была немедленно развеяна этим мужественным молодым техасцем. Бентен, прибывший примерно через час, шел так медленно, как будто шел на похороны. Этим утверждением я ни в коем случае не хочу его осуждать; он просто не торопился; и Мюллер из его отряда, который занимал соседнюю койку с моей в госпитале в форте Авраам Линкольн, рассказал мне, что они шли пешком всю дорогу и слышали интенсивную стрельбу, когда поили своих лошадей.

Бентен был, без сомнения, самым храбрым человеком, которого я когда-либо встречал. Он испытывал абсолютное презрение к индейцам и был ходячей мишенью с момента начала боя до его окончания на закате 26-го числа. Он полностью взял на себя ответственность за одну сторону холма, и можете быть уверены, что он не беспокоил Рено, прося какого-либо разрешения. Он был верховным командующим этой стороной холма и, казалось, наслаждался прогулкой по линии, где пули летели чаще всего. Его отряд «Н» не рыл окопы в ночь на 25-е, как это делали другие отряды, и утром их потери из-за этого увеличились. Он приказал «М» выйти из окопов, чтобы усилить его отряд. Этот приказ вызвал некоторое недовольство, поскольку солдаты считали, что необходимость в этом была вызвана исключительно небрежностью «Н» в рытье окопов. Однако они подчинились и помогли Бентену в его знаменитой атаке.

Впоследствии ходили слухи, что Френч рекомендовал своего старшего сержанта Джона Райана, снайпера, и некоторых других солдат к награждению медалями, а Бентен отказался поддержать рекомендацию в отношении Райана, потому что тот не выполнил немедленно приказ Бентена вывести солдат из окопов на своем конце линии. Утверждалось, что Френч после этого отозвал свой список. Райан командовал десятью солдатами, которых Рено послал в лес для перестрелки.

Мне было очень забавно узнать из вашей статьи, что Виндольф получил медаль. Я помню его как портного из отряда «Н» и отчетливо помню, как он пришел в полевой госпиталь, согнувшись почти вдвое, и попросил лечить рану, которая, судя по его внешнему виду, была смертельной, но которая, как обнаружил хирург, сняв его брюки, оказалась всего лишь ожогом. Хирург приказал ему вернуться на линию под хохот раненых. Майк Мэдден из роты «К» потерял ногу, а Таннер из роты «М» — жизнь, когда бросились за водой для раненых. Надеюсь, Мэдден получил медаль.

Учитывая противоречие между вышесказанным и утверждениями, содержащимися в вашей статье, я прошу вас дополнительно расследовать этот вопрос, чтобы исправить ложное впечатление, которое, должно быть, сложилось у ваших читателей о Рено и его командовании. В заключение я спрашиваю вас: «Как, во имя Бога, вы могли ожидать, что Рено со ста двадцатью людьми прорвется через три тысячи вооруженных сиу и затем окажет помощь Кастеру или кому-либо еще? Я говорю, что нас послали в эту долину, где мы попали в засаду, как крысы в ловушку. Что если бы мы остались там еще на десять минут, ни один из нас не остался бы в живых, чтобы рассказать об этом. Что столь злословенный Рено действительно вышел из леса, и что мы, выжившие, обязаны жизнью именно этой атаке, которую он возглавил. Мы, по крайней мере, отдаем ему должное за то, что он спас то, что смог из своего командования. С уважением,

С глубоким уважением,

У. Э. Моррис,

бывший рядовой роты «М» 7-го кавалерийского полка США.

[136](#) Я общался с рядом лиц, которые принадлежали к этому батальону. — С. Т. В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МакКлюр Пресс». НЬЮ-ЙОРК

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

1. Изменил «Gillore» на «Greene» на стр. [413](#) в соответствии с текстом.
2. Типографские ошибки исправлены без указания.
3. Сохранены анахроничные и нестандартные написания, как в печатном тексте.